

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РАН

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы XI Всероссийской конференции молодых историков
г. Самара 2-3 декабря 2005 г.*

Самара
Издательство «Универс-групп»
2005

УДК 94
ББК 63.3
П 37

Редакционная коллегия: д.и.н., профессор Кабытов П.С. (ответственный редактор), д.и.н., профессор Смирнов Ю.Н., д.и.н., профессор Дубман Э.Л. (зам. ответственного редактора), д.и.н., профессор Храмков Л.В., д.и.н., профессор Кабытова Н.Н., д.и.н., профессор Леонов М.И., д.и.н., профессор Артамонова Л.М.

Платоновский чтения : материалы XI Всероссийской конференции молодых историков г. Самара 2-3 декабря 2005 г. / отв. редактор П.С. Кабытов. – Самара : Издательство «Универс-групп», 2005. – 280 с.
ISBN 5-467-00073-X

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка, макет В.И. Никонов

Подписано в печать 01.12.05
Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл.-печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 16,6. Тираж 100 экз. Заказ № 366
Издательство «Универс-групп», 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1

Отпечатано ООО «Универс-групп»

ISBN 5-467-00073-X

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ХІ Всероссийские Платоновские чтения - 2005	8
СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНО – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ»	13
Фогель А.С. Крестоносцы и православное пространство: идеологи- ческое обоснование экспансии (первая половина XVIII века)	13
Гибадуллина Э.М. К вопросу об основных этапах колонизации Самарского Поволжья мусульманами (вторая половина XVI – середина XIX вв.)	16
Асташкин Р.А. Проблема восточной торговли в англо-русских отношениях середины – второй половины XVII века	18
Кистенев В.В. Промышленная политика правительства в понизо- вом Поволжье в конце XVII – начале XVIII вв.	21
Тельных Е.О. Русско-австрийские отношения в первой четверти XIX века: постановка задачи	23
Выборнова М.А. Бактериологическая служба Самарской губернии во второй половине XIX века	26
Бабина С.А. Экономическое развитие дворянских усадеб Самар- ского края	28
Кисмина Е.В. Первые опыты ипотечного кредитования в России в XVIII – первой половине XIX века	31
Сквозников А.Н. Российская дипломатия о путях решения маке- донского вопроса в конце XIX – начале XX вв.	34
Петрушина Е.А. Экономическое развитие и социальные процессы в Симбирской губернии в период Первой русской революции	36
Чурина Ю.В. Экономическая и общественная деятельность Самар- ского купечества (обзор исторической литературы)	39
Клычкова Л.М. Начальный этап становления кинельского желез- нодорожного узла (1877-1888 гг.)	45
Скорынин С.Л. Самаро-златоустовская железная дорога в начале 1920-х гг.	48
Сюков А.В. Развитие научных учреждений в Самарской области (конец 20-х – 30-е гг. XX в.)	53
Панга Е.В. Внешнеэкономическая деятельность в период НЭПа: коммерческие банки и концессии (на материалах Саратовского Поволжья)	55
Егорова М.В. Противодействие немецких крестьян коллективиза- ционным мероприятиям на рубеже 1920-х – 1930-х гг.	60
Долгушев А.В. Американская интервенция на Дальнем Востоке в годы гражданской войны в России 1918-1920 гг.	62

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Климочкина А.Ю. повседневная жизнь населенного советского города в 20-30-е гг. XX в. (На материалах Среднего Поволжья).....	65
Жарехин В.Н. Структура военно-промышленного комплекса Куйбышевской области в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.	70
Белкин А.В. Конструирование и изготовление спутников в г. Куйбышеве 1961-1974 гг.	74
Аксёнова Е.Э. Коммерциализация банковской сферы в СССР: путь к рынку.....	77
Назаров А.М., Власенко И.А. Четвертый крестовый поход и Русь.....	79
Власенко И.А. Роль органов местного самоуправления России в сфере жилищно-коммунального хозяйства (1992-2005 гг.).....	82
Гало Е. Проблемы развития общего среднего образования в 1964-1982 гг.	84
Уколов В.Г. Основные факторы, обусловившие зарождение и развитие вертолетных частей и подразделений отечественных Вооруженных Сил.....	88
Смирнов Я.Ю. Посреднические усилия России по конституционному решению Приднестровской проблемы в начале XXI века.....	92
Нюренберг В.В. Большие города и их место в системе расселения Средневолжского региона в 1960-1980-х годах.....	97
Кузнецова Ю.А. Американско-российские торговые отношения на современном этапе (1996-2005 гг.).....	99
СЕКЦИЯ «ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ».....	104
Прудовский П.И. Подготовка и информационное обеспечение российского посольства XVII века: на примере миссии Д.Е. Мышецкого в Пруссию в 1656 г.	104
Павлова Е.В. Петр III и русское общество.....	106
Куцева Е.А. Российский придворный церемониал в XVIII веке: влияние европейских традиций.....	109
Еремин Е.М. Русские в составе литовского войска в конце XVIII-XIV вв. (по материалам немецких орденовых хроник).....	111
Наумлюк А.А. Государственная религиозная политика и иргизские старообрядческие монастыри.....	116
Лопухова А.В. Националисты и правительство В.Н. Коковцова.....	119
Гончарова Е.А. Изменение функций губернских жандармских управлений в России в начале XX века (на материалах Саратовской губернии).....	124
Филатова Я.И. Государственно-конфессиональные отношения в России (конец XIX –начало XX вв.).....	127

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Старков Д.А. Институт земских участковых начальников в Самарской губернии в 1889-1905 гг.	131
Петайкина М.В. Учащаяся молодежь Самары в революционных событиях 1905 г.	133
Дунаева Н.А. Опыт принудительной трезвости в среде средне-волжского крестьянства в годы первой мировой войны	136
Валиахметов А.Н. История формирования русско-чешских полков в 1918 г.	138
Радков А.В. Образование русского обще-воинского союза (РОВС) в эмиграции	141
Ягодкина Е.О. Бюджет студентов середины 1940-х – начала 1950-х гг. ...	143
Куропаткин А.П. На подступах к перестройке (центральная печать 1953 – 1956 гг. о В.И.Сталине)	145
Ракшина И.В. Особенности государственной социальной политики в условиях перестройки (1985 – 1991 гг.)	150
Бороданко М.В. Народ и власть: проблемы установления социального партнерства на местном уровне.....	153
Ракшина И.В. Государственная социальная политика в интересах граждан пожилого возраста в Российской Федерации	155
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ» ...	163
Столяров А.М. Взгляды Н.Г. Устрялова на историю польско-литовской Кревской унии 1385 г. в контексте теории «официальной народности» С.С. Уварова	163
Русяев П.С. Н.М.Карамзин в кругу членов императорской фамилии ..	165
Репинецкий С.А. Социальная структура России во взглядах либеральных корреспондентов вольной русской типографии	171
Калдымова О.А. История рабочего класса конца XIX – начала XX вв. в трудах современных историков	176
Буранок С.О. Современная отечественная историография о причинах поражения в Цусимском сражении.....	182
Буранок А.О. Книга И.П.Табурно «Правда о войне» как исторический источник.....	186
Воеводина А.А. Русская революция глазами З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского	189
Стёпочкина Е.В. Русско-японская война на страницах агитационно-пропагандистских листовок (по материалам Самарской и Казанской губерний).....	191
Трифонова В.В. М.Т. Елизаров как один из организаторов Всероссийской железнодорожной стачки в октябре 1905 года	195

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Черкасова М.В. Формирование самарского губернского архивного фонда в 1918-1922 гг.	198
Валеев М.А. Кризис революционного подполья в Уфе в 1907 г. и переход от массовых выступлений к террористической деятельности.....	203
Федякина Е.В. Воззрения А. Тойнби и П.А. Сорокина на исторический процесс	206
Соловьева Ю.В. Идея воспитания гражданственности в трудах советских и российских педагогов: исторический аспект.....	210
Бушуева О.Ю. Проблема безвозвратных потерь России в годы Великой Отечественной войны в современной историографии.....	213
СЕКЦИЯ «РУССКАЯ КУЛЬТУРА»	216
Дрובה И.В. Трансформация свадебного обряда русских Самарской области под воздействием государственного устройства страны. Конец XIX века – настоящее время.....	216
Рогач Ю.А. Повседневная жизнь городской семьи в конце XIX – начале XX века (по материалам Самарской и Саратовской губерний)	218
Горшкова Н.А. Антикварная торговля в России во второй половине XIX – начале XX вв. как социокультурное явление	222
Шаманская И.М. Быт и традиционная культура самарских немцев ..	224
Кутлакова М.В. Значение деятельности епархиальных архиереев в развитии церковно-школьного просвещения Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв.	226
Тимофеев Е.А., Хайруллина А.И. Историческое образование в системе педагогических вузов России 1920-х гг. (по архивным материалам Восточно-педагогического института).....	229
Штанько Ж.А. Литературные объединения г. Самары в конце 1920-х – начале 1930-х гг.	232
Федотова А.Н. Первые шаги по преодолению Саратовским университетом кризиса высшей школы (1932-1934 гг.)	235
Гайнутдинова Л., Шамгунова А. Социальный портрет студента 20-х годов (на основе архивных материалов Казанского государственного педагогического университета).....	239
Аполосова Н.Ю. Вневузовская работа и организация досуга самарских студентов в 1920-е гг.	245
Изюмова Ю.А. Футурологические проекты советской научной интеллигенции 1920-х годов.....	248
Чеканова Э.В. Взгляды дворянства на развитие образования и воспитания в России (1940-1850-е гг.)	254

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Пономарёва Е.Ю. Деятельность музыкальных учреждений Среднего Поволжья в послевоенное десятилетие	258
Федорова Г.Н. Несколько старниц из истории второго рождения Куйбышевского государственного университета	260
Деканова М.К. Концепция революционного праздника у большевиков	262
Бикметова Н.В. Музыкально-песенная традиция в драматургии свадебного обряда Самарского Заволжья	265
Сорокин А.В. Исторические основы и традиции праздника иконы Казанской Богоматери	269
Анциборова Л.С. Творческий потенциал Самарского театра драмы им. М.Горького на рубеже XX – XXI вв.	273
Гизатулин Ш.Т. Азартные игры в местах лишения свободы (вторая половина XIX – начало XX вв.)	276
ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕЗИСОВ	280

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ - 2005

Ситуация сложившаяся в российской высшей школе и академической среде требует концентрации максимума усилий в деле подготовки новой генерации молодых ученых, призванных преодолеть отставание отечественной науки не только в естественнонаучных, но и в гуманитарных отраслях знания. Ежегодная конференция-конкурс «Платоновские чтения» с 1996 г. регулярно проводящаяся Самарским государственным университетом и Санкт-Петербургским институтом истории РАН направлена для решения именно этих задач.

Платоновские чтения являются межвузовским форумом научной молодежи России. По положению о конференции в них могут участвовать аспиранты, научные сотрудники, преподаватели и студенты в возрасте не старше 30 лет, не имеющие ученой степени или звания. Чтения имеют конкурсный характер. Она собирает молодых исследователей из ряда регионов европейской России, Урала и Западной Сибири.

Цель проекта состоит в содействии развитию научного творчества вузовской молодежи и пропаганде российского исторического наследия, путем подготовка и проведения конференции-конкурса молодых ученых в области гуманитарных наук.

В декабре 2005 г. конференция собирается в одиннадцатый раз. В течение всего времени своего существования, начиная с 1996 г., она показала высокую эффективность. Ежегодно в работе конференции принимают участие от 150 до 200 студентов и молодых ученых, выступают с докладами на секциях 60–70 человек. Все представленные на Чтения и прошедшие конкурсный отбор тезисы публикуются.

В текущем 2005 году конференция-конкурс проводилась на средства Министерства образования и науки Самарской области. Исполнителем являлся Самарский государственный университет, для которого осуществление данного проекта стало неотъемлемой частью всей системы научной и учебной работы, ежегодных научных конференций молодых ученых и студентов. Платоновские чтения объединяют эту сферу научно-исследовательской деятельности в области исторических наук в единое целое не только в рамках Самары и других городов Поволжья, но также по территории всей Российской Федерации. Научно-методическую помощь в проведении конференции-конкурса оказывает Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Подготовительный этап ХІ Платоновских Чтений начался в сентябре 2005 года на базе Самарского государственного университета. Был создан Оргкомитет под руководством первого проректора, заведующего кафедрой российской истории, профессора П.С. Кабытова, который осуществлял общее руководство подготовкой конференции, информационное оповеще-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ние, обеспечение сбора заявок и тезисов, формирование программы, материально-техническое обеспечение Платоновских чтений и их проведение, подготовка и издание сборника тезисов. В состав Оргкомитета вошли преподаватели и сотрудники кафедр исторического факультета, а также студенты специальностей «история» и «документоведение». Весомое содействие в организации конференции оказало СНО исторического факультета.

Оргкомитетом были сформированы тематика и президиумы всех 4-х секций Платоновских чтений, создана коллегия профессоров, а также технический комитет по обеспечению работы конференции. В состав президиумов секций были включены ведущие профессора и преподаватели самарских вузов.

Весь цикл подготовительных работ по проекту был выполнен Оргкомитетом и техническим комитетом в течение сентября - ноября 2005 г. На начальной его стадии главным явилось информационное оповещение учебных и научных учреждений, а также отдельных лиц о сроках и условиях проведения конференции. Во второй декаде ноября был проведен конкурс заявок, осуществлены мероприятия по организационному и материально-техническому обеспечению конференции. Всего в Оргкомитет поступило 90 заявок и тезисов докладов из 10 городов Российской Федерации.

Отбор докладов для включения в программу осуществлялся на конкурсной основе, специальной комиссией состоящей из профессоров Самарского государственного университета. Для включения в программу было рекомендовано 59 докладов, которые представили 16 студентов, 43 аспиранта и молодых преподавателя. Среди них представители самарских вузов составили 43 человека (СамГУ – 18, СГПУ – 8, СГАКИ – 6, СГЭА – 5, СФ МГУС – 3, СФ МГПУ – 2, СГАУ – 1); Саратова – 4 (СГУ – 4), Москвы – 4 (МГУ – 2, РГГУ – 1, МГПУ – 1), Казани – 3 (ТГПУ – 3), Ульяновска – 3 (УлГУ – 3), Тольятти – 2 (ТГУ – 2), Уфы – 1 (ИИЯЛ УНУ РАН – 1). К 20 ноября 2005 г. программа конференции по всем секциям была сформирована и издана, а после того, как пришли письменные (или по электронной почте) подтверждения приглашенных с указанием даты их прибытия, началась непосредственная подготовка самой конференции.

По заказу Оргкомитета была изготовлена памятная медаль с изображением портрета С.Ф. Платонова. Для приема иногородних участников ХІ Платоновских чтений был решен вопрос об их размещении в гостиницах города, достигнута договоренность с руководством местных краеведческого и областного музеев о проведении экскурсий.

Работа конференции – конкурса «Платоновские чтения» проходила в 2 этапа:

- 1). 2 декабря 2005 года - работа секций.
- 2). 3 декабря 2005 года – пленарное заседание.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В работе конференции приняли участие студенты и аспиранты 15 высших учебных заведений из городов европейской России; в том числе 10 классических и педагогических университетов, 2 академий и т.д. Всего на секциях присутствовало более 140 студентов и аспирантов.

На всех 4-х секциях прозвучало 59 докладов студентов и аспирантов. Докладчики представляли классические университеты: Московский им. М.В. Ломоносова, Саратовский, Казанский, Самарский и другие; Московский, Казанский, Самарский, Саратовский педагогические университеты; Самарскую государственную академию культуры и искусств, Самарскую государственную экономическую академию и другие высшие учебные заведения.

На первой секции «Социально-экономическая история и международные отношения» было прочитано 14 докладов. Диплом первой степени был присужден аспиранту СГПУ Сквозникову А.Н. за доклад «Российская дипломатия о путях решения Македонского вопроса в конце XIX – начале XX вв.»; диплом второй степени – аспирантке СГУ (Саратов) за доклад «Международные аспекты деятельности Нижне-Волжского Немецкого банка»; диплом третьей степени – студенту исторического факультета СамГУ Кистиневу В.В. за доклад «Промышленная политика в Поволжье конца XVII – начала XVIII вв.».

В секции «История общественной и исторической мысли, политических партий и движений России» прозвучали доклады 12 студентов и аспирантов. Диплом первой степени был присужден аспирантке СГЭУ (Самара) Степочкиной Е.В. за доклад «Русско-японская война на страницах агитационно-пропагандистских листовок (по материалам Самарской и Казанской губерний)»; диплом второй степени – студенту СГПУ (Самара) Буранку А.О. за доклад «Книга И.П. Табурно «Правда о войне» как исторический источник»; диплом III степени – студентке СамГУ (Самара) Воеводиной А.А. за доклад «Русская революция глазами З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского».

На заседании третьей секции «Власть и общество в истории России» выступили с докладами 16 докладчиков студентов и аспирантов. Диплом первой степени решением президиума присужден преподавателю СГАКИ (Самара) Еремину Е.М. «Русские в составе литовского войска в конце XIII – XIV вв. (по материалам немецких орденских хроник)», диплом второй степени – студентке СГУ (Саратов) Гончаровой Е.А. за доклад «Изменение функций губернских жандармских управлений в России начала XX века»; диплом III степени – студенту СГУ (Саратов) Наумлюк А.Н. за доклад «Государственная религиозная политика и Иргизские старообрядческие монастыри»..

Секция «Русская культура» была представлена 18 докладчиками. Дипломом первой степени награждена аспирантка СамГУ (Самара) Рогач

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ю.А. за доклад «Семейный быт горожан в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Самарской и Саратовской губерний)»; дипломом II степени – студенты ТГГПУ (Казань) Хайруллина А.И. и Тимофеева Е.А. за доклад «Историческое образование в системе педагогических вузов России 1920-х гг. (по архивным материалам Восточно-педагогического института)»; дипломом III степени – студент СГАКИ (Самара) Сорокин А.В. за доклад «Исторические основы и традиции праздника иконы Казанской Богоматери».

3 декабря 2005 г. состоялось пленарное заседание XI Всероссийских чтений. На его мемориальном этапе с докладом «Властные альтернативы в российской революции 1917 г.» выступила профессор кафедры российской истории СамГУ Н.Н. Кабытовой.

Для присуждения звания Лауреата Платоновских чтений была создана коллегия профессоров. На конкурсном этапе пленарного заседания выступили с докладами победители секций. Звание Лауреата Платоновских чтений было присуждено аспирантке СамГУ (Самара) Рогач Ю.А. за доклад «Семейный быт горожан в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Самарской и Саратовской губерний)».

В завершение пленарного заседания состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, значимости всероссийских форумов научной молодежи. Все участники Чтений высказались в поддержку продолжения работы конференции, призвали не прерывать сложившуюся традицию.

Важным итогом XI Платоновских чтений является издание сборника тезисов участников конференции. По Положению о конференции все прошедшие экспертизу тезисы докладов должны быть опубликованы. К изданию были рекомендованы тезисы всех участников конференции - конкурса «Платоновские чтения» – 59 студентов, аспирантов и молодых ученых. Оргкомитетом конференции было проведено их научное и литературное редактирование, подготовлена вводная статья, произведена верстка всех текстов, изготовлен оригинал-макет.

Информация о конференции для сети Интернет была размещена на сервере Самарского государственного университета и передана для публикации в газете «Самарский университет».

Можно с уверенностью отметить, что основные цели и задачи конференции-конкурса достигнуты. XI Всероссийские Платоновские чтения завершились успешно. Конференция стала традиционным форумом молодых ученых, объединяющим вузовскую молодежь многих университетских городов России. Она создает благоприятные условия для складывания нового научного сообщества молодых ученых, формирования современного типа интеллектуального общения, среды для возникновения новых научных школ и направлений. Важнейшими показателями эффективности осуществляемого проекта являются: регулярность проведения конференции,

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

представительство крупных академических научных и учебных центров России, количественный состав докладчиков (от 60 до 80 человек), высокий научный уровень представленных на конкурс работ, определяемый высококвалифицированным жюри, а также публикация результатов в виде сборника статей и через Internet.

Конференция собрала столь же значительный, чем в предшествующие годы состав участников, представленный не только молодыми преподавателями, студентами и аспирантами самарских вузов, но и других крупных вузовских центров Российской Федерации.

Научные результаты конференции будут использованы для подготовки новых курсов по истории России, в научной работе студентов и аспирантов, для пропаганды исторических знаний.

Участники и Оргкомитет Платоновских чтений считают, что существует настоятельная необходимость расширить географию вузовских центров, представленных своими сотрудниками и студентами на конференции-конкурсе, а также количество секций.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
**СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНО – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И
МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ»**

**КРЕСТОНОСЦЫ И ПРАВОСЛАВНОЕ ПРОСТРАНСТВО:
ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЭКСПАНСИИ (ПЕРВАЯ
ПОЛОВИНА ХVІІІ ВЕКА)**

Фогель А.С.

Самарский государственный экономический университет

Крестовые походы, начавшиеся в конце XI века как движение против мусульманских правителей, захвативших исконные христианские земли и святыни, к XIII веку перерождаются фактически в свою противоположность. Затяжная война в Святой земле все продолжалась, но основными противниками «матери католической церкви» становятся уже другие племена и народы. Папство в это время обретает реальную политическую силу в Европе, в добавление к огромному духовному авторитету, с ним вынуждены считаться короли и императоры «Священной Римской империи». Папа выступает арбитром в межгосударственных спорах, именно церковь в это время обладает правом определять «справедливость» войн, их «законность» перед лицом Бога. И пользуясь этим правом оно на самом высоком уровне – на уровне римского понтифика постепенно формирует комплекс идеологических руководств к действию для своих адептов.

У папского престола к началу XIII в. на первый план выдвигаются интересы не в Палестине, а на окраинах Европы – в Прибалтике, Финляндии, землях западных славян, в Половецких степях. Католичество стремится освоить и присоединить к себе последние «близкие» языческие окраины. Но эта миссия католичества, в общем, также была традиционна еще со времен Карла Великого. Новым стало другое – главными врагами оказываются теперь не язычники и даже не сарацины, а христиане – пространство католическое начинает крестовые походы за подчинение пространства православного. Византия, Болгария, русские земли – вот цели новых крестовых походов.

Подобный поворот необходимо было подготовить и оправдать не только с военной, но и с идеологической точки зрения. «Спор о вере» и раскол церквей, формально произошедший еще в 1054 году, перешел из во многом теоретического диспута в политическую сферу и церкви оказалось необходимо объяснить простым «воинам Господним» саму возможность «войны за веру» против единоверцев.

Данная задача решалась идеологами католицизма в нескольких направлениях:

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1. Православная церковь традиционно обвиняется в том, что она не выполняет своих прямых обязанностей – не приобщает к христианской вере языческие народы, а лишь наживается на них, получая с них дань

2. Православное пространство отграничивается от «истинного христианства», т. е. Западного мира. Папство говорит о «заблуждениях» греков и русских, мешающих единству всех христиан в борьбе с «неверными». То есть христианами православные еще признаются, но с большой натяжкой. Фактически они ставятся на один уровень с еретиками (в 1209 г. папство санкционирует поход против других еретиков – альбигойцев), так что столкновения с православными в данном случае могут считаться войной за чистоту веры. При этом само папство постоянно подчеркивает, что оно начинает войны далеко не сразу, а после долгих уговоров и увещаний и не со всеми, а лишь с «упорствующими в заблуждении».

3. Другим постоянным обвинением греков-византийцев и русских является сотрудничество с «неверными» и язычниками в войнах против «христиан». Это обвинение уже не просто в устранении от обязанностей христианской взаимопомощи, но, раз уж они (православные) выступают в союзе с язычниками, то кем же тогда являются они сами. В это время появляются формулы: «неверные русские», «сарацины, русские и другие враги католической веры», «те, кто устами чтут крест, сердцем же далеки от него», «лицемеры, якобы исповедующие христианство», «погибшие приверженцы Сатаны» Лучше всех эту позицию выразил папа Иннокентий III: «Христиане, отказывающиеся повиноваться власти св. Петра и препятствовавшие освобождению Святой Земли для Иннокентия Третьего – хуже сарацин».

4. Идет подчеркивание негативных качеств православных народов. Так, неизменным эпитетом греков становится «вероломные» и «предатели», русские – «коварные», «надменные» и «заносчивые»; болгары – «варвары» и «узурпаторы». Они действуют и живут не так, как положено «христианам». На них не распространяются Божественные устои и законы. Те же русские во всех описаниях всегда оказываются ужасными грабителями сравнимые только с язычниками. Рыцари так никогда не поступают.

5. Но при этом папство всегда оговаривается, что готово принять в свое лоно «раскаявшихся» с распростертыми объятиями – раскаявшийся «схизматик» в лице князя, деспота или императора, согласившийся на унию для своей страны и готовый следовать католическим установлениям, то есть вернувшийся к «христианству», наделялся всеми регалиями западного монарха вступал в общеевропейскую семью как равный.

Все это в совокупности дает папскому престолу достаточно серьезные идеологические и политические выгоды и обоснования для вооруженной экспансии. Православные народы во всех случаях оказывались врагами – как неспособные «нести крест», как «заблудшие», как «пособники невер-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ных», как «язычники» и «неверные». Война против них становилась не просто «справедливой войной», но войной «угодной Богу» – отправляясь в поход против Константинополя крестоносцы получали такое же благословение и отпущение грехов, как и при войне против мусульман.

Кроме того, все православное пространство в XIII веке показало свою полную несостоятельность в деле противостояния завоевателям и отстаивания своей независимости – к 40-м годам все православные государства были так или иначе несамостоятельны – Византия подчинена Западу и даже ее осколки признавали супрематию папы, Болгария согласилась на унию. Русские земли, Грузия и Армения подпали под власть язычников и «нелюдей» монголов. Запад же не только устоял, но и усилился. Это также давало папе и Западу много преимуществ в политическом смысле. Теперь Запад «спасал» Восток от подчинения «неверным», возвращал их земли в орбиту истинного христианства.

На основании этого апологеты католичества могли не только вести проповедь католичества равно в языческих и православных землях, не только захватывать языческие окраины и не только склонять православных государей к унии исходя из неоспоримых преимуществ западной веры, но и присоединять земли христианских православных государей к землям государей-католиков (как земли «язычников» или «неверных»).

1. Жаворонков П.И. Никейская империя и княжества Древней Руси // ВВ М., 1982 т.4.
2. Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
3. История Византии. Т. 2 М., 1967.
4. Матузова В.И. Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. М., 2002.
5. Пашуто В.О. О политике папской курии на Руси // ВИ М., 1949. №5.
6. Пашуто В.О. Внешняя политика Древней Руси М.. 1968
7. Тальберг Н. История христианской церкви. М., 1991
8. Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира. СПб., 2004.
9. Хроника Эрика. М., 1999

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
**К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ КОЛОНИЗАЦИИ
САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ МУСУЛЬМАНАМИ (ВТОРАЯ
ПОЛОВИНА XVI – СЕРЕДИНА XIX ВВ.)**

Гибадуллина Э.М.

Институт Истории АН РТ (г. Казань)

Некоторые аспекты формирования мусульманского, в том числе татарского населения Самарского Поволжья рассматривались в этнографических этюдах XVIII- начала XX вв., в изданиях Самарского губернского статистического комитета и миссионеров, советских историков и этнографов. В данной статье предпринята попытка определить основные тенденции и этапы формирования мусульманского населения Самарского Поволжья в рамках единого процесса колонизации региона во второй половине XVI- середине XIX вв.

В X- первой трети XIII вв. северная часть территории будущей Самарской губернии являлась южной границей Волжской Булгарии. На Самарской Луке располагались поселения болгар¹. В период Золотой Орды через обширные владения проходили важные водные и караванные торговые пути².

Подвластные Казанскому ханству земли на левом берегу Волги доходили до Большого Черемшана, то есть включали крайние северо- западные районы Самарского Поволжья³.

Присоединение в середине XVI в. Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Приуралья к России еще не означало интеграцию данной территории в систему традиционных и экономических отношений Московского государства. Наиболее активно эти процессы происходили в Казанском Поволжье. Остальное огромное пространство, располагавшееся между Волгой и Яиком- восточная часть Дикого поля- оставалась зоной кочевий Ногайской (а затем Большой Ногайской) орды, редких казачьих стоянок.

В формировании мусульманского населения Самарского Поволжья выделяются два периода. Первый период охватывает хронологические рамки с середины XVI до конца XVIII вв. и делится на три этапа. Первый этап (вторая половина XVI- середина XVII вв.) стал следствием расширения политического влияния Московского государства на юго- восточные окраины, проявившееся в учреждении нескольких военных крепостей: Мензелинска, Уфы, Самары и др. Для него также характерны промысловое использование природных богатств края, выделение правительством земельных угодий служилым татарам Казанского уезда, формирование башкирского вотчинного землевладения и постоянного населения в районе

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Самарской Луки, участие в колонизации волжского казачества, среди которого были и мусульмане.

Второй этап (середина XVII- первая треть XVIII вв.) был знаменован военно-фортификационными мероприятиями правительства- строительством Симбирско- Корсунской (1640-1650 гг.) и Закамской (1651-1656 гг.) оборонительных линий. Строительство Закамской черты сопровождалось заселением администрацией территории будущих Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского уездов татарами и мишарами с правобережья Волги, обязанных нести военную службу⁴. Происходило также вольное переселение, резко усилившееся в первые десятилетия XVIII в. вследствие ужесточения фискального гнета в петровскую эпоху. Наличие свободных земель на левобережье Волги и слабость административного контроля привлекали переселенцев.

Начало третьего этапа (1735-1800 гг.) было ознаменовано установлением протектората над Младшим и Средним казахскими жузами, учреждением Оренбургской экспедиции, спровоцировавшей башкирское восстание 1735-1736 гг., и строительством новых засечных черт. Административный ресурс выступал эффективной мерой воздействия, главным образом, при устройстве поселений военно-служилого сословия. В рамках строительства укрепленных линий в регионе были расселены мусульмане из числа казаков и служилых татар. Введенная в 1798 г. кантонная система призвана была создать дееспособное управление башкирами и мишарами, оренбургским и уральским казачеством.

Закон от 11 февраля 1736 г., разрешивший продажу вотчинных земель башкир, открыл дорогу широкому переселенческому движению⁵. Вольные переселения татар из Среднего Поволжья происходило в общем миграционном потоке полиэтнического населения. Для мусульман своеобразным «катализатором» стала массовая христианизация, осуществлявшаяся православной церковью в Среднем Поволжье в 1740-1764 гг.

Специфические условия многоплановой колонизации и хозяйственного освоения региона проявились в формировании различных социальных групп мусульманского населения: казаки, служилые, ясачные и чемадан-ные татары, башкиры, тептяре, мещеряки, «лапотные» мурзы, лашманы, часть которых не вписывалась в традиционную социальную градацию сельского населения России.

В XVIII в. оформилась умма (мусульманская община), представленная несколькими этническими группами: татары, мишари, башкиры, чувашаи, казахи, туркмены и другие.

В первом периоде ключевое значение играли геополитическая ситуация, телодвижения правительства по укреплению русского военного присутствия на юго-восточной окраине, благодаря чему со второй трети XVIII в. Самарское Поволжье выступало «внутренней окраиной», социально-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

экономические и общественно-политические катаклизмы в России, от которых население бежало в поисках лучшей доли. Поэтому этот период мы обозначаем как «военно-феодалная колонизация», в рамках которого формирование оседлого исламского анклава в регионе происходило, прежде всего, как пассивная форма протеста татар на внутривластный курс правительства.

Мотивация второго периода (первая половина XIX в.) колонизации сводится к экономическим причинам и объясняется относительной перенаселенностью центральных губерний, обезземеливанием крестьян и правительственной протекцией, изменивших вектор переселенческого движения. Этому способствовала и либерализация российского законодательства в отношении казенного сельского податного населения, проявившаяся в формировании исламского анклава в городах. Благодаря стабильному социально-экономическому положению татарских крестьян крайне слабо проявилась миграция из Среднего Поволжья, динамика колонизации определялась переселенческими потоками из центральных губерний и хозяйственным освоением постоянным населением округи.

1. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000. С.5,7.

2. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI -первая половина XIX вв. М., 2000. С.10.

3. Там же. С.14.

4. Ведерникова Т.И. Расселение татар в Степном Заволжье (Самарской губернии) в XVIII-XIX вв. // Проблемы истории СССР. Москва, 1982. Вып.12. С.88-89.

5. Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX- первая четверть XX вв. Москва, 1984. С.35.

ПРОБЛЕМА ВОСТОЧНОЙ ТОРГОВЛИ В АНГЛО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЯХ СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Асташкин Р.А.

Самарский государственный университет

В XVI-XVII вв. европейское купечество проявляло интерес к путям, соединявшим Россию с восточными странами. Внимание западных купцов привлекал волжский речной путь в Персию, а также «Северо-Восточный проход» – морской путь вдоль побережья Сибири, якобы позволявший проникнуть в Китай¹. Активные попытки использовать русские земли для установления связей с Востоком предпринимало купече-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ство Англии. В 60-х–80-х гг. XVI в. англичане имели право ездить по Волге в Персию. После смерти Ивана IV английские купцы утратили эту привилегию. С середины XVII в. англо-русские отношения претерпевали изменения, вызванные Английской буржуазной революцией и сменой экономической политики русских властей. Попытки английских купцов проникнуть на Восток транзитом через Россию в середине-второй половине XVII в. изучены крайне неполно. Цель моего доклада – выяснить, интересовались ли английские купцы в середине-второй половине XVII в. путями на Восток, проходившими через территорию России. Поставленная цель достигается путем решения следующих задач: охарактеризовать общие условия развития англо-русских отношений в указанный период и рассмотреть конкретные факты, связанные с попытками англичан проникнуть на Восток через Россию.

Интерес англичан к транзиту на Восток в XVII в. был менее значительным, нежели в предшествовавшем столетии. Причиной тому было динамичное развитие английской экономики и флота, благодаря которому Англии предстояло «встать на тот же путь, на который уже вступила с блистательным успехом Голландия, – на путь открытой экономической и политической борьбы с целью овладения португальскими и испанскими колониями»². Все большую популярность в английском обществе приобретали идеи меркантилизма, в основе которых лежало представление о внешней торговле как главном источнике благосостояния³. Теперь англичане могли бросить открытый вызов конкурентам, используя для своей торговой экспансии хорошо изученную морскую дорогу, вышедшую из-под единоличного контроля португальцев. Новые перспективы избавляли английских торговцев от необходимости использовать обходные и малодоступные пути в Индию, в т.ч. пути, пролежавшие через территорию России. В 40-х гг. XVII в. португальцы были окончательно удалены из Персидского залива⁴, и «морской путь в Персию и Индию для английских и голландских купцов окончательно освободился»⁵.

Условия, в которых действовали английские купцы, стремившиеся проникнуть на Восток через Россию, нельзя назвать благоприятными. Нужно учитывать политические катаклизмы, сотрясавшие Англию с 40-х гг. XVII в. Внутривнутриполитическая нестабильность неизбежно приводила к снижению активности Англии на внешней арене, в т.ч. в отношениях с Россией. Частая смена правящих режимов влекла за собой изменения во внешней политике страны, а также грозила расстройством дипломатической службы. Большое значение имели тенденции, связанные с англо-русской торговлей. Во второй половине XVII в. торговые отношения России и Англии «постепенно, но верно, шли уже на убыль»⁶. Англичане окончательно проиграли борьбу за русский рынок своим голландским конкурентам⁷. С другой стороны, в это время экономическая политика русских

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

властей приобрела черты протекционизма⁸. Главным фактором этой политики являлись интересы русского купечества, испытывавшего конкуренцию со стороны европейцев⁹.

Доказательство того, что англичане сохранили интерес к проникновению через Россию на Восток, – книга «Московия», написанная в 1650 г. поэтом Дж. Мильтоном. Автор сообщает о проникновении русских на восток до Енисея, приводит сведения о бассейне этой реки от устья до истоков, останавливается на торговых отношениях России с Бухарой и Китаем¹⁰. Возможно, внимание Мильтона к русско-азиатским связям являлось отражением интересов английских торговых кругов. Но Россия предпочитала не иметь отношений с республиканской Англией, и планы англичан были обречены на неудачу. В 1654 г. посол О. Кромвеля в Москве У. Придо сообщал о недавнем русско-персидском конфликте¹¹: шах, разгневанный притеснением персидских купцов в России, арестовал русских торговцев, приехавших в его владения¹². Внимание Придо к этому эпизоду можно объяснить только интересом английских коммерсантов к волжскому пути в Персию. Тот факт, что английские послы не поднимали этот вопрос на московских переговорах, скорее всего, связан с напряженностью русско-английских отношений и враждебным отношением русских властей к притязаниям английских торговцев. В 1667 г. английский врач С. Коллинс (автор воспоминаний о жизни в России) отмечал, что канцлер А.Л. Ордин-Нащокин «оживил торговлю шелком в России, и думают, что вся индийская торговля обратится сюда»¹³. Коллинс опасался, что, если Россия подчинит себе вывоз восточного шелка, «царь не захочет возвратить англичанам права свободной торговли в своем государстве»¹⁴.

Итак, существуют факты, позволяющие предполагать, что английское купечество сохраняло интерес к путям на Восток, проходившим через территорию России, по крайней мере до 70-х гг. XVII в. Нет оснований утверждать, что вопрос о проезде англичан в Азию через русские земли в середине-второй половине XVII в. обсуждался на дипломатическом уровне. Активности английской стороны в этом вопросе мешали протекционистская политика русского государства и нестабильность англо-русских отношений. Кроме того, интерес английских купцов к обходным путям на Восток был менее значительным, нежели в предшествующий период.

1. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. 2. М., 1983. С. 213.

2. Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств. М.-Л., 1965. С. 115.

3. Плотников И.С. Меркантилизм и его разложение // Меркантилизм. Л., 1933. С. 18.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

4. Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе в 16-19 вв. М., 1982. С. 50.
5. Хеллер К. Стремления западных купцов восстановить торговлю через Волгу на Восток в XVI-XVIII вв. // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», Казань-Астрахань-Казань, 6-16 августа 2001 г. Ч. II. Казань, 2002. С. 329.
6. Любименко И.И. Проекты англо-русского союза в XVI и XVII веках // Исторические известия. 1916. № 3-4. С. 48.
7. Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI-XVII веках // Платонов С.Ф. Москва и Запад в XVI-XVII веках. Борис Годунов. М., 1999. С. 32.
8. Бочкарев В.Н. Экономический быт России XVII века // Три века. Т. 2. М., 1991. С. 253.
9. Базилевич К.В. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок // Известия АН СССР. 7 серия. 1932. № 2. С. 108.
10. Мильтон Дж. Московия // ЧОИДР. 1874. Кн. 3. С. 13-16.
11. Архангельский С.И. Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой // Исторические записки АН СССР. Вып. 5. М., 1939. С. 124.
12. Там же. С. 124.
13. Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Утверждение династии. М., 1997. С. 220.
14. Там же. С. 225.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПОНИЗОВОМ ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВВ.

Кистенев В.В.

Самарский государственный университет

Наиболее крупными предприятиями, организованными по типу мануфактурного производства, на территории Понизового Поволжья в к. XVII – н. XVIII вв. являлись селитренные заводы под Астраханью.

Одним из важнейших химических реагентов, применявшихся в далёком прошлом, была селитра. В то время её называли «ямчугой» или «емчугой». Слово «ямчуга» произошло от слова «яма», в которых обычно заготавливали «селитренную землю». История производства этого промышленного ресурса тесно связана с пороходелием, которое потребляло около 75% селитры от веса пороха.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Политика правительства в первые годы XVIII в. определялась начавшейся в 1700 г. тяжелой войной, сразу потребовавшей создания новой армии и флота, большого количества вооружения, разнообразных припасов и обмундирования для армии¹. Тогда же возникла и быстро приобрела важнейшее значение для страны потребность в сырье, обеспечивающим производство пороха: калийной селитре, древесном угле и сере.

Для обеспечения армии серой Пётр I организует заводы на р. Сок. Что же касается второго компонента: селитры, то взгляды царя и правительства обратились на богатые и плодородные земли Понизового Поволжья. И уже в 1703 г. вышло распоряжение строить первый завод под Астраханью, на правом берегу р. Волги, в урочище Жареный Бугор (на месте бывшего золотоордынского города Хаджи-Тархан). Главным управителем завода был специальный эмиссар Петра I – стольник Г. А. Мансуров². Что же представлял из себя селитренный завод н. XVIII века? Это был небольшой городок, окруженный деревянной стеной, обнесенный высоким валом, по углам сделаны пушечные реданы, там находились производственные помещения (длинные амбары с множеством котлов и печей), склады для сырья и селитры, дом управителя, контора, избы для работников, баня, караульня. Завод обслуживали наёмные работные люди. Однако труд здесь был очень тяжёлым и вредным, вследствие чего случались массовые заболевания и побегии. Выход из положения нашли, используя труд солдат, а позднее труд колодников и каторжников.

Существует примечательный факт: из направленных в Казань 1704 г. 459 пленных шведов, 226 отослали в Астрахань на завод. Нам известно также, что в это время и на серных сокских заводах работали шведы³.

К началу 1715 г. запасы селитры иссякли, и завод перевели в Красный Яр, располагавшийся в 30 верстах от Астрахани. С 1719 по 1726 на заводе выварили 28589 пудов селитры⁴. В 1714 г. по примеру первого был построен второй селитренный завод на берегу р. Ахтубы (на месте бывшей золотоордынской столицы Сарай-Бату), принадлежавший Молостову. Вокруг завода постепенно вырос посёлок, в котором даже имелась каменная церковь.

Важно заметить, что стоимость химикалий при Петре I была довольно высокой. Так, например, в подписанном в 1710 г. царём списке припасов, нужных артиллерии селитру покупали за 1р. 50 к. пуд⁵.

Итак, в изучаемый период такой промышленный ресурс как селитра приобретает огромное значение. Царь сам проявляет неподдельный интерес и участие к делу производства химического компонента пороха. Следствием этого, по-видимому, стало возникновение в Понизовом Поволжье первых селитренных заводов. Хотя данные предприятия испытывали серьёзные трудности: плохо обстояло дело с подвозкой в Москву готовой селитры, ещё хуже – с рабочими, которых катастрофически не хватало. Од-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

нако, оценивая роль Астраханских заводов в масштабе всего Российского государства, следует отметить, что они при Петре I давали более половины всей селитры. Кроме того, начинается более интенсивная колонизация Астраханского края, с постройкой крепостей, охраняющих производство, снизилась опасность набега степных кочевников.

1. Заозерская Е.И. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII-XVIII вв. // Петр Великий. М-Л., 1947. С.215.
2. Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982. С. 21.
3. Марков А.С. Петр I и Астрахань. Астрахань, 1994. С. 19.
4. Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 29.
5. Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России. В 4 т. Т.1. М-Л., 1948. С.77.

РУССКО-АВСТРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА: ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Тельных Е.О.

Самарский государственный педагогический университет

Начало XIX века оказалось насыщено событиями, затронувшими все европейские страны. Это была эпоха Наполеоновских войн. Русско-австрийские контакты оказались тесно вплетены в общеевропейские взаимоотношения. Расположение Австрийской империи на Европейском континенте отводило ей одну из главных ролей среди великих держав того времени. Как и Россия, она была активной участницей всех континентальных конфликтов. В зависимости от её участия европейские дипломаты определяли успешность создания и действия антинаполеоновской коалиции, решение польского и германского вопросов.

В целом, в русско-австрийских отношениях первой четверти XIX века можно выделить следующие проблемы, проходящие красной нитью в течение всего обозначенного периода:

- участие России и Австрии в антинаполеоновских коалициях;
- участие России в решение германского вопроса;
- отношения России и Австрии в польском вопросе;
- участие России и Австрии на Венском конгрессе;
- столкновение интересов России и Австрии в Средиземноморье и на Балканском полуострове;

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

– участие России в создании Священного союза и обеспечение его дееспособности.

В отечественной историографии русско-австрийские отношения изучались в основном в контексте общеевропейской и внешней политики Российской Империи¹. Исключением здесь могут стать статьи А.Л. Нарочницкого и О.В. Орлика, посвященные участию Австрии в 1811-1814 гг. в Наполеоновских войнах². Но конкретно проблема русско-австрийских отношений ими поставлена не была. Взаимоотношения России и Австрии затрагивались также в исследованиях, посвященных знаменитому австрийскому дипломату XIX века графу К.Меттерниху³ или в изучении деятельности Венского конгресса⁴.

Лишь в последние годы русско-австрийские отношения оказались в поле зрения историков. Так Н.Б. Крылова написала диссертацию на тему «Русско-австрийские отношения накануне и в начале Отечественной войны 1812 года (1810-июль 1812 гг.)»⁵.

Однако русско-австрийские отношения остаются неизученными в полном объёме, хотя опубликовано уже достаточное количество документов для их исследования. Прежде всего, стоит отметить многотомную публикацию документов по истории внешней политики России⁶. Здесь приведены многочисленные рескрипты и инструкции министра иностранных дел русским дипломатам, находящимся при дворе австрийского императора; опубликованы наиболее важные договоры и соглашения, трактаты и секретные конвенции, заключенные между Россией и Австрией. В сборнике можно также найти ссылки на ранее опубликованные документы, аннотации к ним, а в отдельных случаях и их цитирование. Среди таких изданий следует отметить мемуары и документы из личного архива министра иностранных дел Австрии Меттерниха (1809-1848), публикации документов А. Беером, В. Онкеном и многими другими иностранными авторами.

Особое место занимают публикации профессора Петербургского университета, специалиста по международному праву, Ф. Мартенса. Как раз в его сборнике документов, вышедшего с 1874 по 1909 год наиболее полно были освещены русско-австрийские отношения⁷.

Публикации документов, иллюстрирующих русско-австрийские отношения, были размещены и на страницах сборников, касающихся войны 1812 года и заграничных походов русской армии⁸. Известны и отдельные публикации документов в журнале «Исторический архив»⁹.

Таким образом, несмотря на достаточно большое количество опубликованных документов, русско-австрийские отношения первой четверти XIX века остаются практически неизученными. Лишь косвенно и поверхностно были затронуты проблемы взаимоотношения России и Австрии в антинаполеоновских войнах, на Венском конгрессе и в организации Свя-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ценного союза. Неизученным являются и столкновения интересов России и Австрии в Средиземноморье и на Балканском полуострове. Белым пятном в отечественной историографии остаются проблемы русско-австрийских отношений в германском и польском вопросах. Это даёт хорошую базу для дальнейших исторических исследований.

1. См., например: Нарочницкий А.Л. Народы и правительства в войне 1813 г. за освобождение Германии // Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. Сб. статей. М., 1965; Бескровный Л.Г. Из истории внешней политики России с конца XVIII века до Венского конгресса // Вопросы истории внешней политики СССР и международные отношения. М., 1976; Нарочницкий А.Л. Внешняя политика России первой половины XIX века // Вопросы истории. 1979. № 4; Ионов А.В. Борьба русской дипломатии за создание шестой антинаполеоновской коалиции // Проблемы истории СССР. Вып. 12. М., 1982.

2. Нарочницкий А.Л. Австрия между Францией и Россией в 1811-1813 гг. и русская дипломатия // Бессмертная эпопея. М.: Наука, 1998; Орлик О. В. Россия и вступление Австрии в шестую антинаполеоновскую коалицию // Там же.

3. Оберман К. О роли Меттерниха в европейской дипломатии 1813 года // Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. Сборник статей. М., 1965; Звавич И.С. Меттерних и Отечественная война // Исторические записки. 1945. т. 16.

4. Зак Л.А. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М., 1966.

5. Крылова Н.Б. Русско-австрийские отношения накануне и в начале Отечественной войны 1812 года (1810- июль 1812 гг.) Авт. дис... канд. ист. наук. Волгоград: Государственный педагогический университет, 2002.

6. Внешняя политика России XIX – начало XX века. Серия 1. 1801-1815. С., 1960-1972.

7. Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963. С. 11.

8. Поход русской армии против Наполеона в 1813г. и освобождение Германии. М., 1964; Кутузов Л.И. Сборник документов. Т. 4-5. М., 1955, 1956.

9. Австро-русские отношения накануне и в период Отечественной войны 1812 года // Исторический архив. 1962. № 4.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКАЯ СЛУЖБА САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Выборнова М.А.

Самарский государственный педагогический университет

В конце XIX века в Самарской губернии в области здравоохранения начался новый этап, связанный с появлением бактериологических станций. Задача вновь возникших организаций заключалась в предотвращении заболеваний путем привития и введения сывороток. Благодаря этим организациям врачам удалось противостоять двум смертельно опасным болезням – дифтериту и бешенству.

Укусы бешенных животных унесли в те годы немало человеческих жизней. Известие об изобретении чудо-вакцины получило большой резонанс в Самарском обществе врачей. Особую остроту обсуждаемой проблеме придало нападение 9 марта 1886 года бешеной собаки на трехлетнего мальчика. Врачи решили спасти его жизнь. Для организации Пастеровской станции (это специальное медицинское учреждение для проведения прививок против бешенства) два самарских врача ездили в Париж и изучали методику лечения на месте, в клинике самого Луи Пастера. XXII Очередное Губернское Земское Собрание в заседании от 13 июня 1887 года согласно докладу ревизионной комиссии утвердило смету на приспособление больничного барака № 6 для бактериологической станции. В 47 номере «Самарских губернских ведомостей» Самарская Губернская Земская Управа дала объявление, что со 2 июля 1887 года с 12.00 назначены торги на сдачу каменных, плотничных и штукатурных работ. 6 июля 1887 года между Самарской Губернской Земской Управой и крестьянином Симбирской Губернии Сенгилеевского уезда Анкутдиновской волости села Загоскино Ф.К. Борисовым и Самарским мещанином И.В. Поярковым был заключен контракт¹. Согласно этому контракту окончательные работы должны были завершиться весной 1888 года. Однако, выполнены они были не качественно и многое приходилось переделывать. Поэтому только в ноябре 1888 года председатель Самарской Губернской Земской Управы счел удовлетворительным уровень выполненных работ и принял у подрядчиков объект. Устройство Пастеровской станции обошлось Управе в 3352 рублей 21 копейку.

Заведывание станцией осуществлял ординатор Губернской больницы врач Б.В. Вертель². Это была первая в России подобная станция – она обслуживала не только население нашей губернии, но чуть ли не все Поволжье, а также приезжающих с Урала, из Средней Азии и Сибири. Порой в бараке не хватало мест для всех желающих. Услуги станции пользовались

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

большим спросом еще и потому, что Уездная Управа давала пострадавшим от укусов бешеными животными средства на проезд до Самары, а Губернские власти выделяли деньги на проживание.

Буквально через пять лет после постройки Пастеровской станции в Самаре была запланирована организация новой бактериологической станции для выработки антидифтерийной сыворотки Ру - Беринга. Для этого 20 октября 1894 года Санитарное бюро Самарской Губернской Земской Управы обратилось к директору Института Экспериментальной Медицины в Санкт-Петербурге с просьбой оказать помощь в изучении новых достижений науки в области бактериологии. В частности Санитарное бюро волновал вопрос профилактики и лечения дифтерита, так как в Самарской губернии была высокая смертность среди подростков и почти поголовная детей раннего возраста от этой болезни.

Проблеме борьбы с обрушившимся на губернию дифтеритом было посвящено Совещание Губернской управы с врачами Губернской больницы 30 ноября 1894 года. В период с июня по ноябрь эпидемия не только не утихала, а напротив завоевывала новые территории. Наибольшее количество заболеваний было зафиксировано в Самарском и Ставропольском уездах. В связи с этим на Совещании обсуждались вопросы об эффективности мер, направленных против дифтерита. На обсуждение Самарской Губернской Земской Управе был представлен аппарат, придуманный фельдшером Архиповым для окуривания зараженных вещей хлором. По мнению большинства присутствующих у этого аппарата было больше недостатков, чем достоинств. И хотя его использование не запретили, но и для повсеместного применения не рекомендовали. Для дезинфекции помещений использовали серную кислоту и хлористую известь, что и на сегодняшний день не потеряло своей актуальности.

При всей передовой деятельности остается загадкой почему столь очевидные вещи долгое время оставались без внимания. Лишь в середине 90-х годов XIX века в центральном медицинском учреждении – Губернской больнице ставится вопрос о выделении специального медицинского и обслуживающего персонала для дифтеритного барака, дабы избежать передачи инфекции в другие отделения больницы.

Напряженная эпидемиологическая ситуация, отсутствие эффективных мер по борьбе с болезнью вызвало ажиотаж вокруг создаваемой в Самарской губернии станции по привитию против дифтерита. В итоге после долгих формальных процедур в феврале 1895 года Губернская Управа выделяет на устройство станции 17480 рублей. Заведующим станцией был назначен сверхштатный ординатор губернской земской больницы врач Владислав Викентьевич Родзевич, который ездил на стажировку в Санкт-Петербургский Императорский Институт Экспериментальной Медицины, где под руководством профессора М.В. Ненцкого ознакомился с методом

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

добывания дифтерийного токсина и иммунизации лошадей для получения антидифтерийной сыворотки Ру-Беринга³. Лечение от дифтерита было бесплатным. Во многом благодаря работе станции рост эпидемии дифтерита удавалось сдерживать, а порой и предотвращать.

Таким образом, со стороны местных властей делалось все возможное, чтобы оказать населению профессиональную медицинскую помощь и спасти человеческие жизни.

1. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф.5. Оп.4. Д.4. Л.16.
2. Там же. Л.71.
3. ГАСО. Ф.5. Оп.4. Д.11. Л.13.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ САМАРСКОГО КРАЯ

Бабина С.А.

Самарская государственная академия культуры и искусств

Русская усадьба с конца XVII до начала XX вв. являлась важнейшим элементом культуры России. Изучение истории хозяйственного развития усадьбы неизбежно сопряжено с обращением к трудам ученых-экономистов, которые анализировали изменения, происходившие в имениях пореформенного времени. Наиболее известна книга русского агрохимика и публициста А.Н. Энгельгардта (II. 17), в которой он размышлял о судьбах помещного дворянства пореформенной России. Другой ученый-аграрник А.А. Кауфман, в отличие от многих русских экономистов, считавших, что помещичьи экономии изжили себя, думал, что и после 1917 г. ликвидировать их «значило бы существенным образом сократить производительные силы страны» (II. 9. С. 265 - 368). С 1950-х годов к этому направлению можно отнести А.М. Анфимова (II. 3), И.Д. Ковальченко (II. 10), которые анализировали историю и особенности развития помещного хозяйства в рыночной экономике пореформенного периода. Заметной вехой в отечественной историографии конца XX века является коллективная монография о русской усадьбе «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI - XX вв.» (II. 6). В монографии в контексте политической, экономической и культурной жизни государства раскрываются важнейшие аспекты многообразной усадебной жизни.

В последнее время наметился интерес в изучении самарских усадеб. В работе П.С. Кабытова (II. 8) параллельно с изучением крестьянства анализируется помещичье землевладение и землепользование в период импе-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

риализма. Экономическому положению самарского дворянства были посвящены исследования П.И. Савельева (II. 12), Ю.Н. Смирнова (II. 15), Е.П. Бариновой (II. 4), Н.М. Селиверстова (II. 14), Н.Б. Кремер (II. 11). В контексте нашей темы заслуживают внимания ряд публикаций ведущих самарских историков: «Самарская летопись» (II. 13), «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» (II. 7), «Самарская Лука в XVI – XIX вв.» (II. 16).

Источниковую базу исследования составляют: архивные материалы Российского государственного архива древних актов (I. 6), Государственного Архива Самарской области (далее ГАСО) (I. 2, 3); опубликованные статистические материалы (I. 4, 5, 7); сведения информаторов-старожилов, собранные в селах Самарской области (I. 1) в ходе этнографических экспедиций.

Экономическая ситуация в усадьбе в большой степени зависела от территории и географической среды, в которых располагалось имение. Самарская губерния в к. XIX в. получила статус «зерновой житницы России».

В исследуемых нами имениях Бугурусланского и Бузулукского уездов из-за особых условий, способствующих развитию зернового хозяйства, занимались преимущественно земледелием и полеводством, почти при каждом имении работали мельницы. Основными зерновыми культурами оставались рожь и овес, заметно увеличились посевы под ячменем и пшеницей, ставшей во второй половине XIX в. основным предметом экспорта. Объясняется это тем, что почвы в Самарском крае были преимущественно черноземными. Зерно продавали как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Немаловажную роль в дворянских хозяйствах играло и скотоводство, как было в имении Боянус, где выращивалась особая порода лошадей, которых вывозили на продажу за границу. Во владениях М.С. Неплюевой в начале XX века занимались свиноводством. Разведением особой породы овец славились заволжские имения Самариных (II. 5. С. 3 – 7).

Дополнительный доход владельцам приносили земли, сданные в аренду и продажа строевого леса, осуществляющаяся, в частности, в Тимашевском имении Бугурусланского уезда.

Процесс капитализации деревни в начале XX в. начинался с прогрессивных дворянских хозяйств, о чем свидетельствует внедрение новой сельскохозяйственной техники и открытие при имениях: Орловых-Давыдовых – соляного промысла, мыловаренного, свечного и полотняного заводов (II. 1), Толстых – кирпичного, Тимашевых – сахаро-рафинадного, М.С. Боянус – сыроваренного производств.

Облик господского двора, перечень жилых и хозяйственных построек, запасы зерна, поголовье скота и другие данные позволяют представить хозяйственное состояние той или иной усадьбы.

На сегодняшний день эти усадьбы находятся в запустении.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1. Архив кафедры культурологии Самарской академии культуры и искусств. Материалы этнографических экспедиций: 2001, 2002 гг. – Кинель-Черкасский, 2004 г. – Клявлинский районы Самарской области.
2. Государственный архив Самарской области (далее ГАСО). Ф. 5. «Самарская Губернская земская управа».
3. ГАСО. Ф. 322. «Самарское отделение Государственного дворянского земельного банка».
4. Имена приняты в залог Государственным дворянским земельным банком 1886 – 1891 гг. Вып. 1. – СПб., 1896.
5. Переходы земельных имуществ по сведениям нотариального архива с 1870 по 1911 гг. Самарский уезд. – Самара, 1912.
6. Российский Государственный архив древних актов. Ф. 1355. «Экономические примечания к генеральному межеванию». Оп. 1. Ед. хр. 1806. Бугурусланский уезд.
7. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. I – VII. – Самара, 1885 – 1887.
8. Алексушина Т. Усолье – имение «екатерининских орлов» на Волге / Т. Алексушина // <http://www.zodhciy.ru>
9. Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII в. / Е.В. Анисимов. – М., 1986.
10. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России / А.М. Анфимов. – М., 1969.
11. Баринаева Е.П. Дворянские усадьбы в начале XX века / Е.П. Баринаева // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры / Науч. ред. П.С. Кабытов. – Самара, 2004. С. 170 – 174; Она же. Корпоративные права и экономические интересы дворянства в начале XX века. // Самарский край в контексте Российской истории... - Самара, 2002. С. 80 – 87; Она же. Экономическое положение Самарского дворянства в начале XX века. // Самарский край в контексте Российской истории. - Самара, 2001. С. 78 – 83.
12. Валентинова В. Тимашево прежде / В. Валентинова // Трудовая жизнь. – 1967. 26 дек., 28 дек.
13. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVII – XX вв. – М., 2001.
14. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. В 7 т. – М., 2000.
15. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма / П.С. Кабытов. – Саратов, 1982.
16. Кауфман А.А. Аграрный вопрос / А.А. Кауфман. – М., 1918.
17. Ковальченко И.Д. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма / И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунская, Б.М. Литваков. – М., 1982.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

18. Кремер Н.Б. Социальные отношения и организация управления в крепостной Усольской вотчине Орловых, Орловых-Давыдовых (1768 – 1861 гг.) / Авт. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Самара, 2004.

19. Савельев П.И. Поместное дворянство Самарской губернии накануне первой русской революции 1905 - 1907 годов / П.И. Савельев // Крестьянство в трех русских революциях: Межвузовский сборник статей. – Куйбышев, 1982. С. 14 – 29.

20. Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. / Под. ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. В 3 – х кн. Кн. 1, 2. – Самара, 1992, 1993.

21. Селиверстова Н.М. Дворянство Среднего Поволжья накануне проведения Великих реформ / Н.М. Селиверстова / Авт. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Самара, 1995.

22. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30 – 40 – е годы XVIII века / Ю.Н. Смирнов. - Самара, 1997; Он же. Самарское «графство» Орловых. // Самарский краевед: историко-краеведческий сборник. Сост. Завальный А.Н. – Самара, 1995. С. 17 – 54.

23. Смирнов Ю.Н. Самарская Лука в XVI – XIX в. / Ю.Н. Смирнов, Э.Л. Дубман, В.Ф. Барашков, Л.М. Артамонова. – Самара, 1996.

24. Энгельгардт А.Н. Из деревни 12 писем 1872 – 1887 г. / А.Н. Энгельгардт. – М., 1960.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РОССИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Кисмина Е.В.

Самарская государственная экономическая академия

Ипотека представляет собой кредит под залог недвижимости (земли, городских строений) и является одним из первых и наиболее существенных видов кредита. В современных условиях ипотека приобретает все большее значение, что определяет необходимость изучения исторического опыта ее развития.

История возникновения ипотечного кредитования восходит к Средним векам. Заклад земельного имущества появился одновременно с правом частной собственности на землю¹. Дальнейшему развитию поземельного кредита способствовало образование централизованного Российского государства, установление единой денежной системы, рост товарного произ-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

водства, формирование единого национального рынка, развитие товарно-денежных отношений.

Востребованность поземельного кредита была обусловлена, во-первых, доминированием сельскохозяйственного сектора в структуре экономики и, соответственно, вовлечением в сферу земельных отношений подавляющей части населения, во-вторых, возникновением свободного ростовщического капитала, ищущего сферу своего приложения, в-третьих, наличием спроса на эти капиталы со стороны крупных землевладельцев, испытывавших нехватку денежных средств².

Первоначально поземельный кредит существовал в неорганизованной форме, в виде разрозненных ссуд под залог земли, и являлся скорее не ипотекой в полном смысле этого слова, а «протоипотекой» (или «ростовщической ипотекой»).

Заклад земель осуществлялся двумя путями: с переходом права владения и пользования объектом залога (землей) к кредитору на период действия залога, и с сохранением права пользования за заемщиком с условием уплаты им «денежного роста».

Основными носителями ростовщического капитала в России первоначально выступали отечественные купцы, крупные землевладельцы и монастыри.

Ограниченность свободных денежных средств, недостаточная правовая обеспеченность кредита, высокая степень риска кредитных операций, отсутствие форм организованного кредита и его дороговизна явились факторами разорения помещиков, предъявлявших устойчивый спрос на кредитные ресурсы.

В целях упорядочения кредитного дела, оказания финансовой поддержки дворянам, предотвращения отчуждения дворянских имений государство встало на путь создания кредитных учреждений, кредит начал приобретать свою организованную форму. Первым учреждением государственного кредитования дворян стал созданный в 1754 г. «Банк для дворянства», который выдавал ссуды из 6% годовых преимущественно под залог «крепостных душ». Объем ссуды определялся исходя из примерной оценки принадлежащих помещику крестьян. Максимальный срок ссуды составлял 8 лет. Таким образом, «Банк для дворянства» не являлся в полном смысле слова ипотечным банком, ввиду краткосрочности ссуд и специфичности формы залога³.

На смену Дворянскому заемному банку пришла система ипотечного кредитования, состоящая из Заемного банка, сохранных казен и приказов общественного призрения.

Государственный заемный банк был учрежден в 1786 г. и представлял собой первое чисто ипотечное учреждение долгосрочного кредита⁴. Первоначальный срок по ссудам под населенные имения был установлен в 20

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

лет, под залог домов и заводов – 22 года. Ссудный процент составлял 5% годовых. Однако срок неоднократно пересматривался в сторону увеличения. Так, в 1824 г. максимальный срок ссуды составил 24 года, а в 1830 г. – 37 лет. Размер ссуд по-прежнему определялся количеством заложенных душ, однако в 40-е гг. XIX в. впервые в практике кредитования дворянства при определении размеров ссуд стало приниматься во внимание количество земли.

В первой половине XIX в. доминирующее положение среди органов, кредитовавших дворянское землевладение, заняли сохранные казны и приказы общественного призрения. Максимальный срок ссуд в сохранных казнах составлял 12 лет, а в приказах – 26 лет.

Итак, особенностью становления ипотечного кредита в России является то, что оно происходило в условиях феодально-крепостнической системы и являлось исключительно прерогативой государства. Казенная монополия на банковский поземельный кредит сделала его доступным и надежным для дворян и способствовала тем самым консервации крепостнического строя. Однако, несмотря на феодальную оболочку, в деятельности первых ипотечных банков совершенствовались основные механизмы залога: был определен его объект, удлинялись сроки ссуд, уменьшалась величина процента, конкретизировались условия погашения ссуд, предпринимались санкции против неисправных заемщиков и пр. Еще одной особенностью поземельного кредита в дореформенной России являлось его осуществление за счет вкладных операций банков, что в конечном итоге, ввиду возникновения несбалансированности по срокам активов и пассивов и последовавшего отлива вкладов, привело к гибели существовавшей системы кредитования. Кроме того, назревавшая реформа 1861 г. исключала возможность существования ипотечного кредита на прежней основе, когда основным критерием оценки объекта залога (имения) было число крепостных душ, и требовала пересмотра всей существующей системы ипотечного кредитования. С отменой крепостного права наступает новый этап становления российской ипотеки.

1. Ходский Л.В. Поземельный кредит в России и отношение его к крестьянскому землевладению. М., 1882. С. 45.

2. Боровой С.Я. Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). М. Госфиниздат, 1958. С. 15.

3. Проскуракова Н.А. Земельные банки Российской империи. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2002. С.32-36.

4. Ходский Л.В. Поземельный кредит в России и отношение его к крестьянскому землевладению. М., 1882. С. 67.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ О ПУТЯХ РЕШЕНИЯ
МАКЕДОНСКОГО ВОПРОСА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Сквозников А.Н.

Самарский государственный педагогический университет

На рубеже XIX - XX столетий внимание российской дипломатии было приковано к Македонии – исторической области на юге Балканского полуострова, населенной в основном славянами православного вероисповедания (болгарами и сербами) и являвшейся частью Османской империи.

Возникновение македонского вопроса – как составной части Восточного вопроса - обычно датируют 1878 г. Тогда по Сан - Стефанскому миру македонские земли были включены в состав автономного Болгарского княжества. Однако из-за жесткого противодействия западных держав. Сан - Стефанский договор был заменен Берлинским трактатом, в соответствии с которым Македония была возвращена под турецкое управление.

Россия в реализации своей балканской политики принимала активное участие в решении македонского вопроса со времени его возникновения в европейской политике.

В данном сообщении рассматриваются различные варианты попыток решения македонской проблемы российской дипломатией в конце XIX - начале XX вв., т. е. как официальная позиция руководства МИД России, так и точка зрения российских консулов в Македонии, которые зачастую не совпадали.

Официальная позиция российского внешнеполитического ведомства в отношении македонского вопроса на рубеже XIX - XX вв. состояла в том, чтобы всеми средствами постараться избежать его радикального решения (раздела македонских земель между балканскими государствами или достижения автономии Македонии в рамках Османской империи), которое могло привести к серьезному военно-политическому конфликту на Балканах, которого Россия, обремененная другими внешнеполитическими проблемами, не желала. В частности, отложить решение македонского вопроса на более поздний период, помимо прочего, требовала начавшаяся активизация внешней политики Российской империи на Дальнем Востоке в конце XIX века.

В связи с этим, основное внимание российского руководства в ближайшие годы было решено сосредоточить на том, чтобы активно добиваться от Порты проведения реформ в интересах христианского населения Османской империи, в том числе Македонии.

Вместе с тем, в определенных дипломатических кругах в конце XIX - начале XX вв. существовали свои варианты решения македонского вопро-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

са, которые зачастую не совпадали с позицией руководства российского МИД. Так, например, российский посол в Вене Д.А. Капнист, исходивший из мысли, что простое поддержание статус-кво «не может быть окончательной целью какой-либо политики», предлагал руководству МИД, воспользовавшись очередным выступлением турецких христиан в Македонии, направить туда войска России и Австро-Венгрии и произвести заранее оговоренный раздел македонских земель между балканскими государствами (Болгарией, Сербией, Грецией, Румынией). Министр иностранных дел России В.Н. Ламздорф отверг предложение Капниста как «крайне рискованное и вредное для России»¹.

С идеей раздела македонских земель между соседними балканскими государствами выступал также в 1900 г. генконсул России в Салониках.

В.Ф. Машков. Суть его предложений заключалась в том, что «если Турция не проведет столь необходимые реформы в пользу христиан, то необходимо, отделив Македонию от Турции, разделить ее между Болгарией и Сербией, а, может быть, и Черногорией»².

Российский посол во Франции А.И. Нелидов, в свою очередь, видел перспективу мирного решения македонского вопроса в начале XX в. путем предания Македонии статуса автономии «во главе с христианским губернатором, назначенным Великими державами, но с сохранением номинальной власти султана. Раздел Македонии между «заинтересованными народами», – по мнению Нелидова, – приведет к «прениям и пререканиям». Чтобы этого не допустить, необходимо было «сохранить целокупность Македонии»³.

Российский консул в Призрене (Косово и Метохия) С.В. Тухолка также писал «о недопустимости раздела Македонии, поскольку это вызовет кровавые распри между балканскими государствами»⁴. Следует отметить, что слова консула оказались пророческими.

Разнообразные проекты российских консулов по решению македонского вопроса в конце XIX - начале XX вв. остались, в основном, невостребованными центральным аппаратом российского МИД. Взаимоотношения руководства МИД с представительствами за границей строились в духе беспрекословного подчинения послов и посланников столичному начальству. В связи с этим, российский внешнеполитический курс в конце XIX - начале XX вв. как на Балканах в целом, так и в Македонии в частности оставался неизменным - поддержание статус-кво. Задача российской дипломатии на тот период, по словам В.Н. Ламздорфа, состояла в том, чтобы «умиротворить до крайности возбужденные на Балканском полуострове страсти и создать настолько определенное положение, при котором Россию не могли бы втянуть в войну ни видимо стремящиеся к этому Западные Державы, ни рассчитывающие посредством восстания вынудить ее поддержку славянские народности»⁵.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Подводя итоги, необходимо отметить, что в сложившейся на рубеже XIX - XX вв. международной обстановке сохранение статус - кво на Балканах было, на наш взгляд, наиболее оптимальным вариантом внешнеполитического курса России.

1. Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 292 - 293.
2. Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3608. Л.104 об.- 105.
3. АВПРИ. Ф. Политархив. Оп 482. Д. 2648. Л. 28 - 29.
4. АВПРИ. Ф. Миссия в Софии. Оп. 527/1. Д. 10. Л. 304.
5. АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2633. Л. 280.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Петрушина Е.А.

Ульяновский государственный университет

Начало XX века без сомнения можно назвать одним из сложнейших периодов в развитии России. Населению пришлось пережить экономический кризис 1900 – 1903 гг., переросший в затяжную депрессию. Затем последовали русско-японская война, революция, а на фоне этих событий прошли выборы в Государственную думу, начали свою активную деятельность политические партии. Современные исследования показывают, что происходившие на протяжении истории революционные перевороты имеют в своей основе экономические причины¹. Например, И.В. Стародубровская и В.А. Мау в книге «Великие революции. От Кромвеля до Путина», рассматривая взаимосвязь экономических и социальных процессов, отмечают, что «в период, непосредственно предшествующий революции, бурное развитие обычно сменяется острым кризисом и хозяйственным упадком, наступающим либо из-за сильных неурожаев, либо из-за неблагоприятной конъюнктуры международной торговли, либо... из-за неудач политического и военного характера». Эти фазы проходит российская экономика перед революцией 1905 – 1907 гг.²

Симбирская губерния относилась к среднечерноземному типу губерний, который отличался низкими размерами наделов, наиболее высокими ценами на землю и арендной платой за нее. Широкое развитие получило земледелие. Общий уровень продуктивного животноводства был самым низким в Европейской России. Кроме того, данный регион характеризо-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

вался высокой долей беднейших и низкой долей зажиточных крестьянских хозяйств³. Согласно данным Центрального статистического комитета, на 1905 г. земельная площадь, принадлежащая дворянам, составила 632 714 дес. Далее следовали крестьяне – 145 414 дес., купцы и почетные граждане – 134 774 дес., мещане – 30 555, иностранные подданные – 18 364, духовенство – 1 407 дес. Все прочие сословия имели в собственности 1 734 дес. Земли⁴. Произошло перераспределение земельной площади практически у всех категорий населения – у дворян площадь частных владений уменьшилась, у остальных слоев - возросла. Тем не менее, дворянам принадлежало 65,5% площади личных владений, в то время как крестьянам – 15,1%⁵.

Что касается крестьянских хозяйств, то величина их наделов колебалась от показателя «менее 1 дес.» на двор до нескольких десятков десятин земли. В группу хозяйств, имеющих до 5 дес., входило 25,1% дворов, от 5 до 10 дес. имели 63,9%, а в наиболее обеспеченную группу, имеющую более 10 дес. земли на двор, входили 11% хозяйств⁶. Кроме наделной земли, крестьяне арендовали дополнительные площади, что повышало средний размер владений, но не уменьшало их дифференциацию. Недостаточное количество скота лишало крестьянские хозяйства возможности полноценно удобрять землю. Малоземелье, неблагоприятные погодноклиматические условия, неразвитая агротехника – вот основные причины низкого уровня благосостояния основной массы крестьянского населения, живущего за счет сельского хозяйства.

Кустарное производство, которое могло дать дополнительный заработок, также зависело от уровня развития сельского хозяйства. На протяжении нескольких лет проблемы кустарного производства привлекали внимание Симбирского земства. Губернское собрание ходатайствовало о приглашении в губернию специалистов⁷. Но принятые меры оказались недостаточными, так как кустарно-ремесленные промыслы были еще не в полной мере исследованы. В 1905 г. губернское земское собрание постановило продолжить работы по изучению кустарной промышленности Симбирской губернии⁸.

Сельское хозяйство являлось основой промышленного производства губернии, главным источником сырья. Преобладание в регионе промышленных предприятий, занимающихся обработкой сельскохозяйственной продукции, обусловило специфику местной промышленности. Основное количество предприятий – суконные фабрики, винокуренные заводы, мельницы – было сосредоточено в сельской местности. Крупных заводов и фабрик практически не было. Кризис начала века, затронувший в России в первую очередь отрасли тяжелой промышленности, меньше всего коснулся легкой и пищевой промышленности Симбирской губернии. С 1903 г. суконные фабрики губернии увеличили объемы производства. Война с Японией обеспечила им казенные заказы со сравнительно высокими цена-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ми. Благодаря военным заказам последствия промышленного кризиса и депрессии были не столь тяжелыми, как в других отраслях производства. С 1903 г. по 1907 г. увеличилось число рабочих (с 7418 до 11 127 чел.) и выросла стоимость продукции с 6 648,9 тыс. руб. до 8 344,1 тыс. руб.⁹

Проблемы для фабрикантов начались с 1905 года, когда по стране прокатилась волна забастовочного движения. Бастовали рабочие Измайловской суконной фабрики, фабрики Акчурина в селе Старое Тимошкино, бастовали железнодорожники на линии Инза – Сызрань, которых поддерживали рабочие Базарносызганской и Румянцевской суконных фабрик¹⁰.

Таким образом, экономическая динамика и связанное с ней ухудшение положения основной массы населения – крестьян и рабочих – стали причинами социального недовольства и включения Симбирской губернии в число регионов, захваченных Первой русской революцией.

1. Например: От старого порядка к революции. Л., ЛГУ, 1988; Мау В. Экономика и революция: уроки истории // Вопросы экономики. 2001. №1; Красильщиков В.А. Зависимость и отсталость в развитии России // Мир России. 1996. №4.

2. Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М., 2004. С.39.

3. Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX – XX веков. (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. 1979. №1. С.78.

4. Статистика землевладения 1905 г. Вып. XII. Симбирская губерния. СПб., 1906. С.9.

5. Там же. С.33.

6. Там же. С.44.

7. Кустарные промыслы Симбирской губернии. Книга I. Симбирск, 1904. С.3.

8. Кустарные промыслы Симбирской губернии. Книга III. Симбирск, 1905. С. I.

9. Ефимов Ю.Д. Очерки истории суконной промышленности Симбирской губернии конца XIX – начала XX вв. Ульяновск, 1993. С. 7, 21.

10. Край Ильича: Памятные места [Ульяновска и обл.]. Саратов, 1985. С.143, 148, 161.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
САМАРСКОГО КУПЕЧЕСТВА (ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ)**

Чурина Ю.В.

Самарский государственный университет

На современном этапе развития российской историографии значительно возрос интерес к изучению сословий, сыгравших видную роль в развитии экономики и культуры страны. В этом плане особая роль в модернизации российской экономики, во второй половине XIX – начале XX вв. принадлежит купечеству, которое именно в это время выработало этику деловых взаимоотношений, семейных ценностей, ставших фундаментом культурно-исторических традиций. Особо следует выделить широкое участие купечества в деятельности земств и городских дум, создании культурно-просветительных обществ. Многие купцы и предприниматели вошли в число видных российских меценатов и благотворителей.

Деятельность купечества XIX – начала XX века практически не исследовалась в советский период, так как противоречила идеологическим установкам отечественной историографии. С конца 1980-х гг., как в центре, так и на региональном уровне началась интенсивная научная разработка истории купеческого сословия. Следует сказать о том, что к настоящему времени демографические и экономические аспекты были рассмотрены современными исследователями достаточно подробно. В меньшей степени изучалась общественная деятельность купечества.

В связи с этим, очевидна необходимость детального изучения общественной деятельности российского купечества через призму благотворительности и меценатства, а также его участия в деятельности городских дум и земств, на примере Самарской губернии, чтобы объяснить, как из обычного торгового сословия появился целый слой, который сыграл огромную роль в развитии экономики и культуры Самарской губернии и России в целом.

В историографии проблемы условно можно выделить три периода: дореволюционный, с 1917 г. по начало 30-х гг. и новейший, с середины 50-х гг. по настоящее время.

В пореформенный период в России наблюдался интенсивный экономический и общественный рост. Это было связано с утверждением капитализма в экономике страны. В начале XX века вспыхнула дискуссия по вопросу о его исторической перспективе в России. В нее включились как представители политических течений, так и деятели отечественной науки и культуры. Дискуссия стимулировала научную разработку очерков по исто-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

рии торговли¹, отдельных торгово-промышленных заведений², купеческих родов³. Появились работы, посвященные деятельности купеческих организаций⁴. Были подвергнуты анализу торговля и кредитные учреждения Российской империи, а также основные законодательные акты, регулирующие их деятельность⁵. Рассматривались отдельные стороны общественной и сословной деятельности купечества, участие его в городском самоуправлении и органах местной власти⁶.

Безусловно, незавершенность исторического процесса не могла не отразиться на видении этих проблем дореволюционными авторами. И все же, несмотря на ограниченность документальной базы, в это время появились работы, в которых были предприняты попытки рассмотреть историю российского предпринимательства в целом⁷.

Большое влияние на изучение этой проблемы оказали труды В.И. Ленина, в частности, его работа «Развитие капитализма в России», где показано влияние крупного капитала на процесс разложения крестьянства, рассмотрен процесс складывания торгового капитала и постепенного перерастания его в капитал промышленный⁸.

Первой обобщающей работой по истории русской буржуазии была книга П.А. Берлина «Русская буржуазия в старое и новое время»⁹, в которой рассмотрены общественно-политические взгляды буржуазии в конце XIX века. Автор проанализировал большой материал по данной проблематике, но архивные источники оказались вне поля зрения историка.

В 20-е годы появились работы, в которых впервые была предпринята попытка показать повседневную жизнь купечества XVIII–XX вв. К их числу можно отнести монографию М.Д. Приселкова «Купеческий бытовой портрет XVIII–XX вв.»¹⁰ (1925) и статью Е. Корша, «Быт купечества и мещанства»¹¹ (1926), в которых исследуется семейный уклад, быт и идеология представителей купеческого сословия.

До середины 50-х годов в отечественной историографии основное внимание уделялось социально-экономическим процессам в российской деревне, истории пролетариата и классовой борьбы. Это было связано с негативным отношением советской власти к «классовым противникам», к которым и относились буржуазия и купечество.

Исключение составляла работа Дружинина Н.М., в которой был сформулирован вывод о заинтересованности купечества в развитии товарно-денежных отношений в процессе ликвидации натурального хозяйства¹².

В связи с тем, что советские ученые огромное внимание уделяли классовой борьбе, исследуемая проблематика получила развитие лишь в конце 70-х гг. XX в., когда возрос интерес историков к изучению проблемы формирования и развития буржуазии. Тогда же появились труды, в которых исследовались такие проблемы, как история развития рынка и торгово-промышленного комплекса¹³.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В литературе получили отражение и социальные аспекты жизни русской буржуазии: происхождение, источники формирования, состав сословия, их общественная деятельность. Эти аспекты получили освещение в работе Н.Б. Голиковой «К вопросу о составе русского купечества во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв.», в которой она проанализировала состав русского купечества второй половины XVII – первой четверти XVIII вв.¹⁴ С.И. Сметанин в монографии «Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800 – 1861 гг.» изучал процесс формирования классовой структуры городского населения в первой половине XIX в.¹⁵ М.Л. Гавлин в статье «Роль центра и окраин Российской империи в формировании крупной московской буржуазии в пореформенный период», подверг анализу национальный состав гильдейского купечества¹⁶. Значительный вклад в изучение буржуазии и ее месте в структуре пореформенного общества внес В.Я. Лаверычев¹⁷.

Разработка изучаемой проблемы шла не только в академических и вузовских центрах столиц, но и в провинции, где, в частности, была опубликована монография о предпринимательской деятельности Сибирской буржуазии¹⁸.

В конце 80-х - начале 90-х гг. XX века в отечественной историографии происходил пересмотр позиций и обозначились новые подходы к изучению проблем российской буржуазии в целом и купечества в частности.

В 90-е годы существенно расширилась проблематика исследований. С новой позицией освещалась история предпринимательства дореволюционной России. Первостепенное внимание уделялось изучению вопросов взаимоотношения власти и предпринимательства. Наряду с этим историки приступили к анализу вложений купеческих капиталов в экономику России; показу роли купечества в создании кредитных учреждений; участию купечества в органах городского самоуправления; предпринималась попытка показать купеческую генеалогию, культурный облик, благотворительную и меценатскую деятельность.

В ходе изучения этих и других проблем историки были вынуждены признать, что в отечественной историографии отсутствует целостный взгляд на торгово-предпринимательскую сферу в Российской империи. Смена парадигмы привела к отказу от использования в исследованиях только марксистско-ленинской методологии. Была осознана необходимость применения другого методологического инструментария, в том числе методов социальной истории.

Все это не могло не сказаться на эволюции проблематики исследований. Из новейших исследований следует выделить А.Н. Боханова, который в монографиях «Русское купечество в конце XIX - начале XX века»¹⁹ и «Крупная буржуазия России конца XIX века – 1914г.»²⁰ на материалах московского, петербургского и южнорусского гильдейского купечества пока-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

зал основные тенденции развития торгово-промышленного сословия в России. Во второй книге А.Н. Боханов, опираясь на материалы исключительно Москвы, Петербурга и Одессы, исследовал численность и состав высшего слоя предпринимателей России, выявил источники его формирования, здесь же дана социальная характеристика предпринимателей указанных выше городов.

Большой вклад в изучение вопросов развития внутреннего рынка России, демографического, социального и экономического развития российских городов дореформенного периода был сделан Б.Н. Мироновым²¹. Его работы отличаются большим количеством статистических данных, подробным анализом этих сведений, тщательно проверенными, четкими и полными выводами по всем изученным вопросам.

В 90-х годах XX века научные центры приступили к организации научных конференций, которые были посвящены истории купечества и предпринимательства²². Так, в 1993 году была проведена в Москве научная конференция «Российское купечество от средних веков к новому времени»²³.

На современном этапе активно изучается общественная деятельность купечества: участие предпринимателей в работе земств, органах городского самоуправления, общественных организациях, благотворительность²⁴.

К числу новых явлений следует также отнести изучение религиозного компонента самосознания русского купечества. Так, эта проблема раскрывается в статье Семеновой А.В. «Национально-правовые традиции в менталитете купечества в период становления российского предпринимательства»²⁵, и о его чувстве ответственности перед обществом. А историк Гавлин М.Л. в работе «Российское предпринимательство и его ответственность перед обществом» попытался поставить вопрос об ответственности русских предпринимателей перед обществом²⁶.

Появляются первые справочные издания – энциклопедии российского предпринимательства. В них опубликованы краткие экскурсы по истории основания, жизни и деятельности некоторых известных купеческих фамилий²⁷. Есть также разделы, в которых анализируются социально-экономические проблемы²⁸.

Серьезная заслуга в исследовании истории династий известных купеческих родов принадлежит М.Н. Барышникову. Автор рассмотрел их становление и деятельность. Особый акцент сделан на благотворительность купцов и их участие в общественной и культурной жизни России²⁹.

В конце XX – начале XXI вв. различные аспекты развития региональной буржуазии и купечества стали объектом диссертационных исследований. Особенно активно эти проблемы изучаются на региональном уровне. В них анализируется общественно-политическая, культурно-просветительская и деятельность купцов³⁰.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Историками Поволжья также была проведена большая работа по изучению экономического развития региона в эпоху капитализма. Это такие работы, как «Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до XX века» в 3-х книгах; «История самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» в 6-ти тт.; книга Клейн Н.Л. «Предпринимательство и предприниматели в России. Исторические очерки» Самара, 1994; монография Тагировой Н.Ф. «Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.); в 2005 году была защищена диссертация Макитриным К.М. «Самарское купечество в конце XIX – начале XX веков: социально-демографическая характеристика»³¹. Однако, вопросы формирования буржуазии в Самарской губернии, ее культуры, быта, благотворительной и меценатской деятельности, ее роли в общественной и политической жизни региона остаются еще недостаточно освещенными.

1. История торговли и промышленности в России / Под ред. П.Х. Спаского, СПб., 1912.
2. Торговое и промышленное дело Рябушкиных. М., 1913; Иоксимович Ч.М. Мануфактурная промышленность накануне мировой войны. Вып.1., М., 1915.
3. Крестовников Н.К. Семейные хроники Крестовниковых. Кн. 1-3. М., 1903 – 1904.
4. Московская биржа. 1839-1889. М., 1889, История Санкт-Петербургской биржи. СПб, 1903.
5. Варадинов Н. Гильдии. Историко-юридический очерк. СПб., 1861; Вольтке Г. Право торговли и промышленности в России в историческом развитии. СПб., 1905.
6. Дитягин И. Городское самоуправление в России до 1870 г. Ярославль, 1877; Щепкин М.П. Сословное хозяйство московского купечества. Историко-статистический очерк. М., 1872.
7. Пажитнов К.А. Очерк развития буржуазии в России // Образование. 1907. № 2-3; Общественное движение в России в начале XX века. Т.1-4 / под редакцией Л.Н. Мартова, П. Маслова, А. Потресова / СПб., 1909-1912. и т.д.
8. Ленин В.И. Развитие капитализм в России // Полное собрание сочинений. 1899. Изд. 5-е, М., Т.3. С.366-367.
9. Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922.
10. Приселков М.Д. Купеческий бытовой портрет XVIII – XX вв., Л., 1925.
11. Корш Е. Быт купечества и мещанства // Государственный исторический музей. Из эпохи крепостного хозяйства XVIII и XIX вв. М., 1926.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

12. Дружинин Н. Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Ч.1., М.-Л., 1940. С. 354.

13. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1962., Т.2., Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // история СССР. 1963. № 2.3, Бовыкин В.И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967.

14. Голикова Н.Б. К вопросу о составе русского купечества во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. // Русский город. Вып.3. М., 1980, С. 37-65.

15. Сметанин С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800 – 1861 гг. // Исторические записки. Т.102. М., 1978.

16. Гавлин М.Л. Роль центра и окраин Российской империи в формировании крупной московской буржуазии в пореформенный период // исторические записки. Т.92. М., 1973.

17. Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенный России 1861 – 1900гг. М., 1974.

18. Гущина Л.И. Формирование и предпринимательская деятельность крупной буржуазии Кубанской области и Черноморской губернии. /1860-е – 1913 гг. / Дисс...канд. истор. наук. Р.-н.-Д., 1985; Рабинович Х.В. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начале XX века. Томск, 1975.

19. Боханов А.Н. Русское купечество в конце XIX – начале XX веков // История СССР. 1985. № 4. С. 106-118.

20. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX – 1914 г.). М., 1992

21. Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начала XX века). СПб., 1999.

22. Предпринимательство в Сибири: Материалы науч. конф. (Барнаул. 7-9 сентября 1993 г.) Барнаул, 1994; К истории предпринимательства в Сибири (материалы всероссийской научн. конф. Новосибирск, 1995). Новосибирск, 1996.

23. Российское купечество от средних веков к новому времени: Материалы науч. конф. Москва, 2-4 ноября 1993г. М., 1993.

24. Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998; Аронов А.А. Золотой век русского меценатства. М., 1995.

25. Семенова А.В. Национально-правовые традиции в менталитете купечества в период становления российского предпринимательства // Купечество России XV – первой половины XIX века. М., 1997.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

26. Гавлин М.Л. Российское предпринимательство и его ответственность перед обществом // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX – начале XX века. Иваново, 1994.

27. 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов. М., 1995; История предпринимательства в России. В 2-х кн. М., 2000; Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997.

28. Российское предпринимательство XVI – начала XX века. В 2-х кн. М., 1999.

29. Барышников М.Н. История делового мира. М., 1994; Он же. Политика и предпринимательство в России/ из истории взаимодействия в начале XX века / Он же. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998.

30. Обнорская Н.В. Купечество Ярославской губернии в конце XVIII – начале XX вв.: Дисс... канд. ист. наук. Ярославль, 2000; Баяндина И. Пермь купеческая. Пермь, 1997.

31. Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до XX века. В 3-х книгах. Самара, 1993; История самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. В 6-ти тт. М., 2000; Клейн Н.Л. Предпринимательство и предприниматели в России. Исторические очерки. Самара, 1994; Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999; ; Макитрин К.М. Самарское купечество в конце XIX – начале XX веков: социально-демографическая характеристика. Самара, 1995.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ КИНЕЛЬСКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО УЗЛА (1877-1888 ГГ.)

Клычкова Л.М.

Самарский государственный педагогический университет

Активное железнодорожное строительство начинается с подписания Александром II указа от 26 января 1857 года о создании сети железных дорог России¹. Указ положил начало периоду бурного развития железнодорожного строительства во второй половине XIX века. Экономические, социальные и стратегические причины, требовали соединить центр России с богатыми губерниями Поволжья. С 1870 года начинают проводиться изыскательные работы по направлению к Оренбургскому краю. А с 23 апреля 1870 года Самаро-Оренбургская железная дорога была включена в сеть дорог, предложенных к сооружению, строительство которой было начато в апреле 1875 года. Осенью 1876 года строительные работы были заверше-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ны, и Оренбургская линия, протяжённостью 507,3 версты, была принята в эксплуатацию². Официальное открытие этой линии состоялось 1 января 1877 года. Эта железная дорога прошла рядом с маленьким селцом – Новые Студенцы, с населением 174 человека, которое возникло как населённый пункт в 1837 году, и располагалось на левом рукаве реки Большой Кинель³. Недалеко от этого селения на железной дороге была построена станция Чарыковская, получившая название, от участка земли землевладельца В.И. Чарыкова. Именно с этого дня небольшой посёлок Новые Студенцы стал расстраиваться, продвигаясь в сторону станции. Заселение его шло более интенсивно, а многие крестьяне с этих пор становятся железнодорожными рабочими. На тот момент Чарыковская была маленькой промежуточной станцией, находившейся в ведении частной компании оренбургских купцов. По значимости железнодорожных перевозок станции делились на V классов, Чарыковской сразу был присвоен III класс. Она имела 4 пути, несколько тупиков, простое пассажирское здание и низкую платформу в две сажени длиной, кладовые и служебные постройки, мастерские, станционную площадку длиной 400 сажень, несколько водоёмных зданий, как правило с одним баком ёмкостью 8 кубических сажений. В районе станции были установлены сторожевые будки с круглосуточным дежурством. В 1884 году, после смерти В.И. Чарыкова, станция стала называться Кинель⁴.

В начале 1880-х годов зашла речь о необходимости строительства Великой Сибирской магистрали, и встал вопрос, как центр России будет связан с Сибирью. Существовало два варианта направления дороги: «северное» через Нижний Новгород – Казань – Екатеринбург и «южное» через Самару – Кинель – Уфу⁵. С 1882 года начинают производиться изыскания по линии от Самары на Уфу и Челябинск – через Кинель, к 1885 году работы были окончательно сделаны, и правительство санкционировало строительство данной железной дороги.

24 октября 1885 года начались работы по сооружению полотна Самаро-Уфимской железной дороги через станцию Кинель. Начальником работ по сооружению дороги был назначен инженер путей сообщения, строитель Оренбургской железной дороги К.Я. Михайловский⁶.

Возникает вопрос, почему начальным пунктом Самаро– Уфимской железной дороги был выбран Кинель? На наш взгляд, можно выделить несколько причин.

Обратимся к географическому положению станции Кинель. Можно заметить наиболее выгодное её положение для основания здесь узловой станции, так как междуречье реки Б. Кинель и реки Самары представляет собой переходный пояс области от лесостепи к степи⁷. Это позволяет нам сделать вывод о наиболее близком расположении топливных ресурсов от станции, что помогало значительно сократить затраты на их транспорти-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ровку. Так как заготовка и хранение топливных ресурсов было одной из главных задач узловой станции. Сказалась и близость водных ресурсов, которые являлись не менее важными для работы железнодорожного узла.

Если рассмотреть рельеф между реками Б. Кинель и Самара, то можно заметить, что местность в данном районе сильно волнистая, что позволяет нам сделать вывод о наличии здесь природных горок, которые являются необходимыми для маневровых работ на узловой станции. Это значительно уменьшало затраты правительства на их искусственное сооружение на какой-либо другой станции.

Ещё не менее важной причиной было то, что данная местность была густо заселена, что позволяло сформировать довольно большой класс рабочих, как квалифицированных – мастеров депо, машинистов и др., так и чернорабочих – людей для ремонта железнодорожного полотна, расчистки его от снега и т.д.

Строительство Самаро-Уфимской линии продолжалось три года и 8 сентября 1888 года в присутствии министра Путей Сообщения, генерал-адъютанта К.П. Посьета было открыто движение по Самаро –Уфимской железной дороге от станции Кинель до станции Уфа, протяженностью в 452 версты. Вместе со строительством дороги росла и развивалась станция Кинель. К этому времени ей был присвоен II класс. И с 1888 года она стала узловой, работающей на направлениях Кинель – Самара, Кинель – Похвистнево, Кинель – Бузулук⁸.

Сортировочные станции должны иметь самые большие паровозные и вагонные депо, поэтому в это время начальник работ по сооружению Самаро-Уфимской дороги инженер К.Я. Михайловский заключил договор с подрядчиком о строительстве паровозного здания на станции Кинель. Оно, как и было указано в договоре, вступило в строй 10 июля 1888 года⁹. В депо в то время было три канавы или шесть стоил для паровозов, это было маленькое, плохо оснащённое предприятие. Все работы по ремонту паровозов выполнялись вручную, поэтому здесь условия труда были невыносимо тяжёлыми. Паровозное депо станции Кинель являлось оборотным для бузулукских, похвистневских и самарских паровозов¹⁰. Приписной парк депо состоял из 8 паровозов, которые использовались только на маневровой работе, но кроме такого планомерного ремонта, в депо производился и так называемый «случайный ремонт», т.е. транзитный ремонт поездов.

Главная же роль станции заключалась в принятии и сортировке грузовых вагонов на разные направления, эта работа выполнялась на сортировочной горке. Именно здесь по вагону разбирали и вновь собирали товарные поезда. Каждый путь сортировочного парка имел определённое назначение: на одном пути накапливались вагоны идущие до Оренбурга, на другом – до Самары и на третьем – до Уфы, маневровый паровоз формировал состав, который отправлялся по назначенному направлению.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В центре станции, недалеко от сортировочной горки, в небольшом деревянном здании, находилось помещение начальника станции, осуществлявшего непосредственный контроль за деятельностью станции, и контора инженеров¹¹. Вторым лицом после начальника станции являлся письмоводитель, который ведал всеми делами на станции касающимися бухгалтерии, а также вопросами приёма на работу и увольнения. Штат рабочих в это время составлял 160 человек¹². Размещались они в пяти казармах, которые специально были построены вдоль железной дороги.

Так происходило становление станции Кинель, ныне одного из крупнейших в стране железнодорожных узлов, мощной сортировочной станции.

1. Лошкарёв С. С. Железные дороги // Экономический указатель. 1857. №5. -С. 97.
2. Богданов П. От полустанка – к крупнейшей сортировочной станции // Путь к коммунизму. 1976. 28. декабря.
3. ГАСО. Ф.150. Оп. 6.Д.3.Л.1-10.
4. История Кинельского района. Междуречье. 1998. –С. 52.
5. ГАСО. Ф. 3. Оп. 204.Д.168.Л.2.
6. Бескровный Б. Годы становления // Волжская коммуна.1974. 10 октября.
7. Александрова Т.А. Куйбышевская область. 1953. –С. 40.
8. История Кинельского района. Междуречье. 1998. –С. 52.
9. Шорунов К. Наш паровоз, вперёд лети // Путь к коммунизму. 1978. 7 июля.
- 10.Шорунов К. У истоков //Путь к коммунизму.1975. 29 августа.
- 11.Августынюк А. Стальные магистрали. Л. 1951. –С. 20.
- 12.Ларин В. Экскурсия в прошлое // Путь к коммунизму. 1963. 27 октября.

САМАРО-ЗЛАТОУСТОВСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.

Скорынин С.Л.

Самарский государственный педагогический университет

В данной статье мы рассмотрим состояние дороги в период 1920-1922 годов. Тогда, при введении НЭПа, потребовалась серьёзная реорганизация всей советской экономики, в которой железные дороги вообще, и Самаро-Златоустовская в частности, занимали особое место. Они, оставаясь в системе довольно жёсткого централизованно-административного

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

управления, вынуждены были адаптироваться к происходившим в хозяйственной жизни переменам. Осуществление изменений происходило на нашей железной дороге несколько медленнее, чем в других отраслях хозяйства, в силу ряда общероссийских и региональных причин. И в 1922 г. оно только начиналось.

Самаро-Златоустовская железная дорога к концу Гражданской войны столкнулась в своей работе с огромными трудностями, ведь она неоднократно была ареной ожесточённой борьбы (1918-1919 гг.). Усугубляли ситуацию и сопутствовавшие войне голод, эпидемии, массовые перемещения населения и т.д. Итогом этих событий стал большой ущерб, нанесённый инфраструктуре: разрушение десятков мостов и других дорожных сооружений; разбор части вторых путей; плачевное состояние паровозного, вагонного парка и большинства станций; фактическое прекращение постоянной работы телеграфной и телефонной связи. Ощущалась острая нехватка квалифицированных кадров (рабочих и служащих) всех уровней из-за их высокой смертности и настоящего бегства с дороги¹. Сказывался и серьёзный топливный кризис. Начавшееся было в 1919 году восстановление дорожного хозяйства и обеспечение его кадрами сильно затормозилось недородом 1920 г., настоящим неурожаем 1921 г. и последовавшими за ними голодом и эпидемиями. Они едва не довели дорогу до полного краха. Здесь нужно отметить и губительное воздействие политики «военного коммунизма». Дело в том, что все перевозки грузов и пассажиров производились на бесплатной основе до зимы 1921-22 гг. Да и перевозились в основном военные и малоодоходные продовольственные грузы. Следовательно, дорога не имела почти никаких доходов. Её финансирование производилось в т.н. сметно-казначейском порядке. На определённый период времени составлялся объём кредита на все затраты. И потом он выдавался на местах под конкретные работы. Но гиперинфляция быстро обесценивала кредиты, и поэтому старались осуществлять прямое снабжение товарами по месячным и годовым заданиям, в том числе и при выдаче заработной платы пайками. Во взаимоотношениях с другими учреждениями предполагался переход к прямому обмену товарами и услугами: дорога исполняла их заказы на перевозку грузов и людей, а взамен должна была получать необходимые ей строительные материалы, оборудование, топливо, врачебные услуги и т.д.² Но такая система обмена и распределения, возможно, могла бы действительно функционировать только при нормальной экономической конъюнктуре: хороших урожаях в сельском хозяйстве, развитии промышленном производстве, отсутствии серьёзных нарушений в работе всех видов транспорта и связи, отсутствии ещё продолжавшихся военных действий и волнений среди населения. А в ситуации прогрессирующей разрухи во всех сферах производства попытки организовать их равноправное взаимодействие проваливались. Несоот-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ветствие одного звена требованиям другого (например, запросы дороги в материалах удовлетворялись лишь на несколько %) приводило к эффекту «снежного кома», когда несогласованность и разрушение становились всеобщими. Особенно это было важно для транспорта, являвшегося одним из центральных связующих звеньев системы. Тогда чётко понимали главную причину «транспортной разрухи» как следствия экономического упадка района пролегания той или иной дороги (да и по всей стране) на фоне крайней потребности её именно в производимой им продукции. «Почему здесь нет нормального движения поездов? Потому, что нет хлеба, топлива и материалов. А почему их нет? Потому, что нет нормального движения поездов»³. Такой примерный диалог того времени очень упрощённо, но точно передаёт ситуацию прочного «замкнутого круга», в который попала железная дорога к началу НЭПа. Не получая необходимого, она работала на износ, ограничиваясь пока «косметическим латанием дыр». Иногда запросы дороги ставились в подчинённое положение по отношению к другим ведомствам, например, в распределении дензнаков, хотя и признавалось её «критическое, безвыходное состояние»⁴.

Поначалу с разрухой пытались справиться жёсткими директивными мерами. Переброской рабочей силы и подвижного состава с менее важных направлений, присоединением совсем разрушенных участков пути к более благополучным (линия Полетаево – Кустанай в 1919 г.). Приказами о принятии чрезвычайных мер по борьбе с дефицитностью, взяточничеством, бесхозяйственностью и т.д., введением, по-сути, военизировано-комиссарского руководства дорогой. Созданием специальных комиссий и совещаний различных хозорганов, учётом и экономией. Почти никакой самостоятельностью в своих действиях дорога не обладала. Всё регулировалось многочисленными уставами, положениями, личными распоряжениями-телеграммами из НКПС⁵. Однако, без реального улучшения общей ситуации это мало что давало. По некоторым показателям работы, 1921 год стал даже менее удачным, чем 1920-й. Так, процент неисправных («больных») паровозов увеличился за этот период с 48,9% до 63,9% от их общего числа. Примерно то же происходило и с ухудшением качества вагонного парка. Здесь сказалось присоединение с 1 октября 1921 г. бывшей Волго-Бугульминской дороги (542 версты), находившейся в крайне тяжёлом состоянии. К примеру, движение составов по ней осуществлялось со средней скоростью не более 10 вёрст в час, она могла принимать не более 1 состава в сутки, а некоторые участки пути вообще присутствовали только на картах. В общем-то обоснованное, такое присоединение создало Самаро-Златоустовской железной дороге новые проблемы⁶. Хотя объём перевозок вырос, но это происходило по неблагоприятным причинам. Станции были забиты голодобеженцами и эвакуируемыми, смертность на дороге увеличивалась, движение поездов составлялось спонтанно, часть приказов

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

и отчётности не достигала вовремя адресата из-за нарушений связи, своих ресурсов у дороги почти не оставалось, а их своевременная доставка и рациональное применение затруднялись вышеперечисленными проблемами.

Перемена курса советского руководства коснулась дороги далеко не сразу. НЭП в 1921 г. не затронул её из-за ряда причин. Во-первых, руководство НКПС было настроено на продолжение «чрезвычайщины» и не хотело ослабления роли Центра в управлении железнодорожным транспортом, тем более что сами эти полувоенные условия ещё не ушли к тому времени в прошлое. Во-вторых, повторимся, сыграли свою неблагоприятную роль голодные для Поволжья и Урала 1921-22 годы, а также плохая работа соседних с Самаро-Златоустовской железных дорог. В-третьих, переход дороги на принципы хозрасчёта, платности перевозок, относительной свободы коммерческой деятельности требовал соответствия им учреждений, взаимодействовавших с дорогой. Перестройка хозяйственной жизни просто не могла начаться с транспорта, т.к. он сам ничего не производит, а основывается на предоставлении услуг по хранению, погрузке-выгрузке и доставке чужой продукции. В-четвёртых, переход к новым механизмам взаимодействия в экономике должен быть обеспечен некоторой стабильностью, закреплённостью новыми дензнаками, снижением темпов инфляции, благоприятной внутри- и внешнеполитической ситуацией.

Но лозунги «Всё для транспорта!», «Лицом к транспорту!» начали постепенно воплощаться. В конце декабря 1921 г. НКПС разрешил дороге на время самостоятельно увеличить (в указанных рамках) выплаты рабочим, занятым на заготовке топлива при помощи местных органов власти. Декрет НКПС от 16 января 1922 г. ввёл с 1 февраля платность перевозок грузов и пассажиров. Но бесплатными оставались перевозки правительственных учреждений и предприятий по планам Госперевозок; грузов, поступавших по продналогу и закупкам за границей; воинских грузов (доля последних к тому времени, правда, была уже невелика). За наличные деньги перевозились теперь почти все пассажиры и их багаж. Но эти тарифы были дефицитными, т.е. не покрывали расходов. Их повысили уже с 1 мая 1922 г.⁷ Причём вскоре ввели принцип оплаты наличными сразу. Кроме того, дорога получила разрешение взимать дополнительные сборы и штрафы с отправителей и получателей грузов за дополнительные услуги (хранение сверх положенного срока, разгрузку своими силами и т.д.). Однако, немало учреждений по-прежнему пользовалось различными льготами (вплоть до весны 1923 г.). И полный переход к хозрасчётному доходно-расходному сальдо-бюджету на дороге сильно затянулся⁸. Большая дефицитность её работы сохранялась. И, конечно, тарифная политика, графики движения, планирование различных работ находились под чётким руководством и контролем Центра⁹.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Менялась и система управления дорогой. Внутри неё началась реорганизация служб и частей. Подразделениям служб, отделениям, участкам, станциям дали указание не подчиняться никаким действиям местных властей, если они не подтверждались Управлением. Символично, что приказом от 28 апреля 1922 г. институт комиссаров на дороге был упразднён. Главный комиссар стал называться Уполнаркомпути (уполномоченным наркома путей сообщения), а районные комиссары – его представителями по районам дороги. Вернулись наименования: Начальник дороги, Управление дороги¹⁰. Появлялись новые межотраслевые учреждения по предоставлению услуг. Так, в Самаре открылась контора Государственного Транспортного треста («Транспорттреста»), занимавшегося подвозом, приёмом, хранением и страхованием грузов. Она взаимодействовала с дорогой¹¹.

Несмотря на такие необходимые меры, спас дорогу хороший урожай 1922 г. До осени этого года реального улучшения в её работе не было. Только начало подъёма сельского хозяйства и промышленности обеспечило дорогу столь необходимым увеличением платного грузопассажирского движения и ослабило систему прямого снабжения. Принципы НЭПа начали воплощать на Самаро-Златоустовской железной дороге свободнее.

1. Вестник Самаро-Златоустовской железной дороги, посвящённый столетнему юбилею существования железнодорожного транспорта. Самара, 1926. С. 15.

2. 50 лет в пути / Под Ред. Д.С. Сугака. Куйбышев, 1967. С. 65-66.

3. ГАСО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 411. Л. 59-60.; Шепелев К. Самаро-Златоустовская железная дорога при Советской власти. Самара, 1927. С. 8-9.

4. ГАСО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 28. Л. 57 об., 58 об., 60, 75.

5. Куйбышевской железной дороге – 125 лет. 1874-1999. Из века XIX в век XXI. Самара, 1999. С. 21-22.; Примеры таких мер: ГАСО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д.19. Л. 1.; Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 1377.

6. 50 лет в пути... С. 89, 105.

7. ГАСО. Ф. Р-179. Оп. 1. Д. 1289. Л. 47-48.

8. Шепелев К. Самаро-Златоустовская... С. 55.; ГАСО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 455. Л. 147, 192.

9. 50 лет в пути. С. 67.

10. ГАСО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 19. Л. 6.

11. ГАСО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 455. Л. 130.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
(КОНЕЦ 20-Х – 30-Е ГГ. XX В.)

Сюков А.В.

Самарский государственный университет

Конец 20-х – 30-е гг. XX века были временем быстрого развития советской науки, возрастания её роли в жизни советского общества. Именно тогда произошло крупномасштабное развертывание системы научных учреждений, перед наукой были поставлены принципиально новые задачи. При этом можно с уверенностью говорить об исключительной значимости этого процесса в отдельных краях и областях страны. Особенно этот период был значим для развития науки на территории Самарской области. Именно тогда происходит переход науки в регионе на качественно иной уровень.

В конце 1920-х годов на территории Самарской области имелся лишь один вуз – Самарский сельскохозяйственный институт. А в 1929-1931 годах в Самаре были организованы сразу 9 новых вузов: механический, энергетический, химико-технологический, строительный, планово-экономический, медицинский, педагогический, лесопромышленный институт и филиал Московского транспортного института. К концу первой пятилетки в 1932 году в Самаре действовало уже 10 вузов.

Одновременно с открытием новых вузов на территории Самарской области с конца 1920-х годов шел процесс создания большого количества научно-исследовательских учреждений. Если в конце 1920-х годов здесь существовало лишь одно научно-исследовательское учреждение, то уже к 1932 году действовал уже более 20 научно-исследовательских институтов самого различного профиля. Так, среди них было 9 промышленных научно-исследовательских учреждений, большая часть которых была филиалами крупных центральных научных институтов, организация которых определялась конкретными задачами развития той или иной отрасли промышленности региона. Коллективизация сельского хозяйства требовала масштабной научно-исследовательской работы в этой сфере, в результате чего в конце 1920-х – начале 1930-х годов были организованы новые опытные станции и научно-исследовательские институты.

Однако развитие научных учреждений шло по экстенсивному пути. Было создано очень большое количество вузов и научно-исследовательских учреждений, которые не были в полной мере обеспечены ни материальными средствами, ни научными кадрами. В результате серьезно понизился уровень научной работы.

В 1933-1934 годах начинается новый этап науки как в СССР в целом, так и в Самарской области. Прекращается резкий, «взрывной» рост чис-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ленности научных учреждений. Напротив, их число даже уменьшилось. В годы второй пятилетки произошла стабилизация и упорядочение системы научных учреждений. Началось качественное развитие данных учреждений. В эти годы развернулось широкое строительство помещений, укреплялась материальная база научных учреждений.

Наиболее сложной проблемой вузов и научно-исследовательских институтов в конце 1920-х-1930-е годы являлось обеспечение их достаточным количеством высококвалифицированных научных кадров. В связи с отсутствием достаточного количества квалифицированных преподавателей на первых курсах институтов занятия по общеобразовательным дисциплинам вели учителя школ. Для преподавания общетехнических дисциплин привлекались инженеры с производства, совмещая работу в учебных заведениях и на предприятиях. Все это значительно понизило уровень учебной работы, а научно-исследовательскую деятельность такие преподаватели в основе своей совершенно не вели.

Это вынуждало местные государственные и партийные органы принимать решительные меры к пополнению рядов научно-исследовательских кадров, причем большое внимание необходимо было уделить научной квалификации новых специалистов. Крайком партии и крайисполком предпринимали все усилия чтобы привлечь в самарские научные учреждения необходимое количество научных работников. Они вели активную работу с Наркомпросом и другими центральными органами по привлечению в Самару ученых из других регионов, молодых специалистов только окончивших специальные учреждения по подготовке научных кадров.

Но все эти меры не могли ликвидировать большого дефицита научных кадров. Необходимо было организовать подготовку научных кадров на местном уровне в результате организации института аспирантуры.

Особенностью организации аспирантуры в самарских высших учебных заведениях было то, что она организовывалась параллельно с данными учреждениями. Новые высшие учебные заведения не обладали достаточной материально-технической базой и необходимым количеством высококвалифицированных научных кадров, которые могли бы профессионально вести подготовку аспирантов. В связи с этим аспирантура была организована лишь при трех высших учебных заведениях: сельскохозяйственном, медицинском и педагогическом. Это было вызвано объективными возможностями данных учреждений, так как они были наиболее обеспечены профессиональными научными кадрами. Лишь в 1939 году аспирантура была организована при индустриальном институте. Кроме высших учебных заведений аспирантура была организована и при нескольких научно-исследовательских учреждениях, но численность аспирантов при каждом из них не превышала 10 человек.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
**ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРИОД НЭПА:
КОММЕРЧЕСКИЕ БАНКИ И КОНЦЕССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ
САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ)**

Панга Е.В.

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

Периоду нэпа посвящен большой массив литературы, который касается его отдельных сторон и в частности политики в сфере сельского хозяйства. Однако, аспектам связанных с торгово-предпринимательской деятельностью, с работой коммерческих банков и концессий, литературы не так много. Наименее исследованным сюжетом является внешнеэкономическая деятельность периода новой экономической политики. Интерес в этой сфере представляет деятельность Немецко-Волжского банка сельскохозяйственного кредита (сокращенное название банка Немволбанк, НВБ), и его концессионная работа.

Немецко-Волжский банк был создан по постановлению ВЦИК Российской Федерации от 21 декабря 1922 года на территории немецкой автономии на Волге в г. Покровске, ныне г. Энгельс¹. Немволбанк был коммерческой организацией со смешанным капиталом, который составлял 300 тыс. золотых рублей². Первоначальным основным капиталом стали валютные средства, полученные в результате успешных торговых операций с германскими фирмами. В дальнейшем банк увеличивал свой капитал за счет государственных средств, местных вкладов, а также, что особенно важно, привлечением средств из-за границы. Ему удалось, в отличие от других организаций такого рода работавших только на внутренний рынок, выйти на международную арену. Еще в 1922 году ЦК РКП(б) признал возможным и целесообразным допустить развертывание финансово-экономической деятельности Области немцев Поволжья за границей (в Германии и на Американском континенте)³. Отмеченные страны в качестве объектов заграничной деятельности были выбраны не случайно. Причины были следующими: Немреспублика использовалась в качестве позитивного примера «витрины социализма». Не менее важными являлись экономические причины – необходимость привлечения валютных средств в хозяйство края, так как вливание этих денег, поступавших из-за рубежа, способно было сыграть заметную роль в восстановление социально-экономической обстановки после политических катаклизмов начала 20-х гг. Далее, Советское правительство дало разрешение на работу за границей этой финансово-кредитной организации, рассчитывая на влиятельную диаспору поволжско-немецкой эмиграции. Вместе с тем не будем скрывать и

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

того, что в числе сотрудников НВБ имелись и агенты Коминтерна, которые должны были вести свою работу используя легальные формы.

Деятельность Немволбанка за границей велась в следующих направлениях: работа по распространению облигационного займа для привлечения средств в хозяйственный оборот Немреспублики; проведение переводных операций; сдачу земель Немволбанка в субконцессию.

По заграничному займу предполагалось получить 1 млн. долларов, или 2 млн. золотых рублей сроком на 15 лет и решено было разместить его в Германии, Северной и Южной Америке. Заем выпускался в разных купюрах: 20 тысяч облигаций по 10 долларов, 15 тысяч облигаций по 20 долларов, 6 тысяч облигаций по 50 долларов и 2 тысячи облигаций по 100 долларов⁴. Облигации печатались на русском, немецком и английском языках. Погашение займа и уплата процентов по нему обеспечивались всем имуществом Немволбанка.

В обеспечение этого займа Немволбанк получил от Советского правительства в концессию 100 тыс. десятин государственных земель на территории АССР НП. Их он намеревался сдавать в концессию иностранным предпринимателям и фирмам, чтобы доходами от последней погашать проценты по займу. В частности был заключен договор с Немецко-русским аграрным обществом («ДРУАГ»), возглавлявшемуся германским предпринимателем фон Рейнбабеном, о сдаче последнему в субконцессию 25 тысяч десятин земли. На сданных в субконцессию землях было организовано зерно-животноводческое хозяйство, в котором работали местные крестьяне и куда было инвестировано около полутора миллионов марок⁵.

Для более успешного и быстрого размещения облигационного займа, а также с целью создания своих представительств, в Германию, Северную и Южную Америку были отправлены уполномоченные банка. Им приходилось использовать разные методы для привлечения иностранного капитала. И на этом пути встречалось немало трудностей. Так Поволжские эмигранты были настроены недоверчиво и даже враждебно к большевистской власти, особенно ко всяким видам «выкачивания» денег с ее стороны. И все же Немецко-Волжскому банку удалось открыть свои филиалы в Берлине и Чикаго⁶. Успешная деятельность Чикагского агентства позволила преобразовать его 7 августа 1925 года в смешанное акционерное общество с капиталом в 25 тыс. долларов, в которое наряду с представителями Немецко-Волжского банка на паях вошли и некоторые эмигранты. Немволбанк стал собственником дела с капиталом в 25 тыс. долларов и учредительными акциями в его портфеле, обеспечивавшими ему 51 % влияния, хотя дело и после этого продолжало оставаться в американской юрисдикции. Была предпринята попытка создать филиал и в Буэнос-Айресе, столице Аргентины, однако она успехом не увенчалась. А также и условия для размещения займа в Южной Америке оказались неблагоприятными, как

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

впрочем в Германии и Северной Америке. Все эти неудачи были вызваны не только и не столько неуспешной работой НВБ, сколько общим отрицательным отношением иностранцев к СССР, вытекавшее из аннулирования заграничных долгов царского правительства... и займов Временного правительства. Поэтому в мае 1926 года Совнарком АССР НП вынужден был принять решение о замораживании облигационного займа на неопределенное время⁷.

Но, несмотря на неудачи с займом, Немволбанк решал проблему поступления и накопления в АССР НП валютных средств. Полученная валюта использовалась для безлицензионных импортных операций. Завозилась в АССР НП, прежде всего, первоклассная американская сельхозтехника. Одним из основных источников поступления валюты стали денежные переводы эмигрантов своим родственникам, проживавшим в Поволжье. Для того чтобы занять эту нишу, банку пришлось столкнуться с жесткой конкуренцией, в частности с германским Колонистенбанком. Последний был организован в Германии немцами-эмигрантами в 1920 году с целью превращения его в экономическую базу, объединяющую вокруг себя всех немцев-эмигрантов из СССР в Германии⁸. Колонистенбанк оставался на непримиримых антибольшевистских позициях и фактически финансировал всю заграничную агитацию и пропаганду, направленную против Немреспублики. И все же Немволбанку, несмотря на жесткую конкуренцию Колонистенбанка, в результате активной рекламы, удалось привлечь часть денежных средств в виде вкладов и переводов. В Аргентине прием и пересылку долларовых переводов осуществлял местный банк Banco Aleman⁹. Соглашение о взаимоотношениях с ним было подписано 29 марта 1924 г. Banco Aleman принимал переводы на имя НВБ от 10 до 5000 долларов одним переводом. Соглашение приближало Немецко-Волжский банк к крупным международным финансовым организациям, и что особенно важно, в Поволжье пошли денежные переводы, ежегодный доход от которых составлял 25-40 тысяч рублей.

Осуществляя свою посредническую деятельность, Немволбанк заработал определенное доверие и даже популярность у эмигрантов тем, что смог обеспечить быструю по тем временам технику перевода средств (перевод по телеграфу из Америки, например, осуществлялся в течение 10 дней). Подобные успехи можно отметить и в работе Чикагского агентства, что позволило преобразовать его в августе 1925 г. в акционерное общество с капиталом в 25 тыс. Долларов¹⁰. Акционерами этого агентства стали и несколько местных предпринимателей из числа эмигрантов – бывших немцев Поволжья. Проведенная мера дала возможность получить дополнительные валютные средства. Благодаря деятельности нового акционерного общества, кроме десятков тракторов, удалось также приобрести 25

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

фордовских автомобилей, пишущие машинки с немецким шрифтом, медикаменты, оборудование для лабораторий и многие другие товары.

По мере развертывания своей международной деятельности, популярность Немволбанка возросла. Ему удалось завоевать доверие среди широких масс поволжских эмигрантов и не только их, но и вообще иностранцев. Однако такая свобода действий за рубежом вызывала недовольство Наркомата внешней торговли СССР, Торгпредства в Германии и Отдела торговли с Америкой (Амторг). Мероприятия, осуществлявшиеся НВБ, подрывали их монопольную деятельность в Германии и Соединенных Штатах. Немецко-Волжский банк стал их своеобразным конкурентом. Многие фирмы в Германии и Америке предпочитали устанавливать отношения с Немволбанком, игнорируя структуры Наркомвнешторга. Эти органы контролировали деятельность Немволбанка, вмешиваясь в его дела и давая ему соответствующие директивы, по которым он должен был проводить работу за границей. Не имея возможности открыто противодействовать Немволбанку, они начали скрытую борьбу с ним, сделав главную ставку на дискредитацию его зарубежной деятельности. Это вылилось в поиск компромата на деятельность Немецко-Волжского банка за границей и его использование в давлении на центральные органы партии и государства, с целью подталкивания их к решению о ликвидации всех зарубежных привилегий АССР НП.

Объективности ради следует отметить, что операции Немволбанка за границей действительно проходили не всегда гладко, порой совершались ошибки. На это существовали как объективные, так и субъективные причины. Ведь НВБ проводил коммерческие сделки, которые никто и никогда не мог застраховать на сто процентов от неудач. В операциях такого рода нужен был большой опыт, а его еще банку не доставало. Времени на адаптацию к работе в условиях западной экономики у банка фактически не было.

Постепенно усилиями все тех же органов работа Немецко-Волжского Банка начала сворачиваться, как в АССР НП, так и за рубежом. Так было ликвидировано его агентство в Чикаго¹¹, свелась на нет работа в Берлине. Все достижения и успехи в области установления торгового сотрудничества с иностранцами и полученные от этого доходы, поступившие в АССР НП, были объявлены несущественными. В силу политических причин, НВБ вынужден был свое деловое партнерство за рубежом свернуть и вся его международная деятельность фактически прекратилась в 1929 году и в дальнейшем больше уже не возобновлялась. В это же время прекратила свою деятельность в Поволжье и кампания «ДРУАГ»¹².

Установление нормальных отношений со своими партнерами за рубежом стоило Немволбанку огромных усилий, поскольку на Западе существовало сильное предубеждение против большевистской власти, недоверие

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

к экономической политике СССР. Следует отметить, что это недоверие всячески усиливали бюрократические рогатки и политические ограничения, накладывавшиеся советским руководством на полномочия представителей АССР НП за рубежом. Крупным успехом НВБ стало создание своих представительств в Берлине и Чикаго, их нормальное функционирование в течение ряда лет. Важнейшей задачей представительств стало получение валюты, на которую можно было покупать необходимые для развития народного хозяйства АССР НП машины, механизмы, другие товары массового спроса.

Таким образом, подводя итоги международной деятельности Немецко-Волжского Банка необходимо отметить следующее, что все его мероприятия проходили в рамках нэпа и были ознаменованы целым рядом успешных операций в различных странах мира. Но в силу объективных и субъективных причин его деятельность была свернута. С одной стороны, это свертывание шло в рамках проводимой политики, а с другой стороны отсутствовали нормальные дипломатические и торговые отношения между СССР и зарубежными странами, особенно с США; общее недоверие к советской власти, которая уже однажды показала, что для нее переступать нормы международного права – сущий пустяк.

1. См.: Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее – ЦДНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 655. Л. 18.
2. См.: Энгельский филиал Государственного архива Саратовской области (далее – ЭФГАСО). Ф. 987. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.
3. См.: ЭФГАСО. Ф. 987. Оп. 1. Д. 327. Л. 15.
4. См.: ЭФГАСО. Ф. 987. Оп. 1. Д. 27. Л. 3 об.
5. См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Часть 1... С. 24.
6. См.: ЭФГАСО. Ф. 849. Оп. 1. Д. 142. Л. 131.
7. См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 2... С. 84.
8. См.: ЭФГАСО. Ф. 987. Оп. 1. Д. 327. Л. 15.
9. См.: ЭФГАСО. Ф. 987. Оп. 1. Д. 90. Л. 121.
10. См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 919. Л. 303 об.
11. См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге... Ч. 2... С. 90.
12. См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 919. Л. 122.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕМЕЦКИХ КРЕСТЬЯН
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИОННЫМ МЕРОПРИЯТИЯМ НА РУБЕЖЕ
1920-Х – 1930-Х ГГ.

Егорова М.В.

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

Коллективизация была призвана коренным образом изменить социально-экономическое положение крестьянства, лишив его земли и собственности. Поэтому она вызвала всеобщее сопротивление крестьян, не желавших ломать традиционный уклад жизни. Сопротивление немецких крестьян Поволжья было особенно отчаянным, что вызывалось спецификой их менталитета (высокая религиозность, протестантская этика¹, связанная с уважением частной собственности, развитым индивидуализмом и приверженностью традиционным устоям жизни).

Открытая конфронтация немецких крестьян мероприятиям власти началась с конца 1927 г., когда значительно усилился административный нажим на деревню. Ей предшествовал период скрытого сопротивления, являвшегося реакцией на непоследовательность нэповских мероприятий по отношению к деревне, а также на «классовый подход» навязывавшейся крестьянам в ходе реализации нэпа. Основной формой скрытого крестьянского протеста стал саботаж мероприятий власти, основанный на антибольшевистской солидарности и взаимопомощи различных групп немецкого населения: отказ от уплаты налогов, сокрытие хлебных «излишков», а также привлечение на свою сторону, как представителей местной администрации, так и беднейшей части крестьянства.

Введение новых «нерыночных» экономических рычагов управление деревней заставляли немецких крестьян препятствовать этому процессу, постепенно переходя от пассивного сопротивления к открытому социальному протесту. Спец. сводки ОГПУ свидетельствуют о взлете с 1928 г. антисоветских настроений в деревне: угрозы покушения, покушения, приводившие к убийству активистов и представителей власти, поджоги, привлечение на свою сторону членов местной администрации, массовая антизаготовительная агитация и распространение листовок антисоветского содержания, открытый саботаж повинностей, возбуждение эмигрантских настроений. Сопротивление рождало репрессии. На насилие власти крестьянство отвечало своим насилием.

С началом коллективизации, все отмеченные формы протеста усилились и к концу года почти повсеместно переросли в стихийные антисоветские крестьянские восстания (декабрь 1929-январь 1930 гг.). Некоторые из них приобрели форму открытой, ожесточенной, вооруженной борьбы,

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

свержением официальных органов власти и разгоном партийных организаций (восстание в Мариенфельде). К концу января эти восстания были в основном подавлены, однако успокоения крестьян не наступило.

После начала претворения в жизнь в АССР немцев Поволжья постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» начались новые крестьянские выступления, которые на этот раз были направлены на открытое противодействие раскулачиванию односельчан. В немецких деревнях в защиту раскулачиваемых выступало все население без каких-либо социальных различий. Крестьяне открыто физически противодействовали аресту и вывозу «кулаков». Их борьба продолжалась несколько дней. Лишь применение военной силы и массовые репрессии позволяли осуществить раскулачивание и вывоз кулаков. Имущество кулаков не присваивалось, а сохранялось с целью последующего возвращения хозяевам.

После опубликования в «Правде» статьи И.В.Сталина «Головокружение от успехов» и принятием постановления ЦК ВКП(б) от 10 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», начался быстрый и массовый развал принудительно созданных немецких колхозов. Если в начале марта в колхозы было загнано свыше 70 % крестьян, то к 1 июля в колхозах осталось менее 30 % крестьян. Этот процесс наверняка бы продолжался и дальше, если бы не новые силовые, административно-экономические методы воздействия на крестьян-единоличников (принудительное разорение непосильными заданиями по сдаче продовольствия, продолжение раскулачивания и высылки самых авторитетных крестьян, постоянные репрессии), которыми к концу 1930 – началу 1931 гг. сопротивление немецких крестьян было сломлено.

Прекращение сопротивления и проявление в дальнейшем покорности власти стало достаточно одномоментным актом, очевидно здесь также сыграла свою роль ментальность: раз власть крепка – ей надо подчиниться. В результате летом 1931 г. Официально было объявлено, что «Немреспублика первая по всему Советскому Союзу закончила сплошную коллективизацию и достигла к настоящему времени наивысшего процента коллективизации»². В последующие годы протест против политики властей выражался, главным образом, проявлением недовольства в разговорах крестьян между собой, а также в отдельных «голодных бунтах» 1932-1933 гг.

1. Свыше 85 % поволжских немцев были лютеранами, меннонитами и представителями некоторых других протестантских конфессий.

2. Цит. По: Герман А. А. Большевистская власть и Немецкая автономия на Волге (1918-1941). Саратов, 2004. С. 224-225.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
АМЕРИКАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В
ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ 1918-1920 ГГ.

Долгушев А.В.

Самарский государственный университет

В отечественной историографии долгое время господствовал однобокий взгляд на гражданскую войну, вызванный идеологическими цепями, сковывавшими историческую науку. В новейший период многие проблемы того времени видятся исследователями совсем иначе. В данной статье хотелось бы рассмотреть роль иностранного фактора в ходе гражданской войны, в частности американскую интервенцию на Дальнем Востоке в 1918-1920 гг.

Различными советскими авторами доказывалось, что интервенция была вызвана стремлением американского империализма задушить молодую советскую республику, для чего оказывалась активная помощь белогвардейцам и прямое вмешательство в русские дела. Однако если сопоставить мнения деятелей белого движения об интервенции США на Дальнем Востоке и события 1918-1920 гг., картина отнюдь не будет настолько простой.

Адмирал Колчак считал: «СШСА заняли положение, сочувствующее большевистскому развалу и разложению России... Мне были ясны, особенно после недельного личного пребывания в СШСА полное непонимание их представителями положения вещей в России и представление их о происходящем государственном разложении как о выражении демократической идеологии. Поэтому рассчитывать на помощь Соединённых Штатов в деле вооружённой борьбы с большевизмом мне не представляется возможным»¹.

Когда в 1933 г. колчаковский генерал-лейтенант Константин Сахаров прочитал мемуары командующего американскими войсками Гревса, он вызвал его на дуэль, считая, что тот сделал всё, что было в его силах, чтобы сорвать планы белогвардейцев, а теперь «насмехается над ними из-за их неудачи»².

Атаман Семёнов писал: «Я затрудняюсь сказать, какие именно цели преследовали державы, посылая свои войска в Сибирь. Несомненно, какая-то общая, хотя бы и неглубокая, договорённость должна была существовать, хотя в отношениях представителей различных держав к русским националистам и красным, с одной стороны, и между собой, с другой, в течение всего периода интервенции приходилось наблюдать полный разнобой»³.

Решение о вооружённой интервенции на Дальний Восток было принято высшими кругами США нелегко. Отрицательно относясь к большевист-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ской доктрине и морально поддерживая её противников в России, они долго колебались, вступить ли им в зарождающийся конфликт. С одной стороны, американская армия сражалась на Западном фронте против Германии, и новая военная кампания требовала больших ресурсов. С другой стороны, специфические воззрения президента Вильсона были большим препятствием на пути к интервенции. Однако открытое стремление извечного конкурента США Японии к овладению Сибирью побудило американских политиков всё же пойти на совместную интервенцию, чтобы помешать утверждению влияния Японии в этом регионе. При этом официально было заявлено, что американские войска прибывают на территорию России не для вмешательства во внутренние дела, а для эвакуации чехословацкого корпуса и охраны железнодорожных коммуникаций.

Американские войска высадились во Владивостоке 2 сентября 1918 г. Их численность составила всего 9 тысяч по сравнению с 70-тысячной японской армией. Однако они заняли своими войсками в тылах японских войск ряд железнодорожных участков, перехватив японские коммуникации в Приморье, Забайкалье и на путях в Сибирь⁴.

Белогвардейцы не получили от интервенции тех выгод, на которые могли бы рассчитывать, Семёнов говорил: «американцы своим безобразным поведением всегда вводили беспорядок, вызывая глубокое недовольство населения... большинство американцев... открыто поддерживали большевиков, включительно до посылки одиночных людей и группами с информацией и разного рода поручениями к красным. Их незнакомство с существовавшим в России положением было настолько разительно, что они совершенно искренне изумлялись, почему русские так упорно сопротивляются власти «самой передовой и прогрессивной партии», предпочитая ужасы царской деспотии просвещённому правлению коммунистического интернационала. Я полагаю, что причиной этому был весьма низкий моральный уровень американских солдат, посланных в Сибирь, и недостаточная дисциплина в американской армии»⁵.

Приведём выдержки из донесения Гревса «Положение в Сибири» от 1 октября 1918 года: «Вопрос относительно того, что может быть сделано в плане оказания помощи русскому народу по восстановлению государственной власти является очень сложным. Мне не удалось обнаружить всеявляющий доверие объект приложения сил и средств для оказания какой-либо военной помощи»⁶.

Таким образом, Гревс не проявил инициативы в деле поддержки белого движения. Семёнов даже обвиняет его в организации прямых поставок вооружения красным партизанам⁷. Трудно сказать, насколько это является правдой, во всяком случае, Гревс издал следующий приказ: «Соединённые Штаты не находятся в состоянии войны с большевиками или с какой-либо другой российской группой. Вы не должны арестовывать большевиков или

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

кого-нибудь другого, пока они не нарушат порядка в общине, не нападут на союзных солдат. Армия США находится здесь не для борьбы против России. Если человек является большевиком, это не является основанием для его ареста. Вы можете арестовывать только тех, кто нападёт на вас»⁸.

Свою позицию генерал объясняет следующим образом: «Слово «большевик», как его понимали в Сибири, относилось к большей части русского народа, следовательно, использовать против большевиков войска или вооружать, снаряжать, кормить, одевать или снабжать деньгами бело-гвардейцев, чтобы те с ними воевали, – политика, абсолютно не совместимая с «невмешательством, во внутренние дела России»⁹.

Иначе пишет о его действиях Семёнов: «Несомненно, одно, что та неприязнь, которая осталась у нас, русских, в отношении американцев, должна быть отнесена нами не за счёт американского народа, но за личный счёт генерал-майора Гревса, преступный образ действий которого восстановил против американцев весь национально-мыслящий элемент Сибири»¹⁰.

В ключевой момент гражданской войны на Дальнем Востоке американские войска сыграли немаловажную роль в поражении белогвардейцев. Когда в Иркутске произошло антиколчаковское восстание, и была установлена власть «Политцентра» (24 декабря 1919 г. – 5 января 1920 г.), японские и семёновские силы двинулись на выручку к «верховному правителю России», однако путь им преградили чехи и американцы, которые разоружили 4500 семёновцев. Таким образом, попытка спасти Колчака провалилась.

Эвакуация американских войск с Дальнего Востока произошла весной 1920 г. когда стало ясно, что дальнейшее пребывание их на территории России не оправдано. Каковы же были итоги интервенции? С американской точки зрения интервенция являлась средством помешать Японии осуществить свои планы на Дальнем Востоке. Последовавшее в связи с этим вмешательство в события гражданской войны в России было весьма неуклюжим, поскольку американцы были чужеродной силой, не понимавшими сложных противоречий и истоков противостояния. Интервенция обернулась плачевными результатами для белого движения, но в целом не принесла России того вреда, который описывается в работах советских авторов, поскольку американцы не были решающей военной силой.

1. Цит. по: Мальков В.Л. Вудро Вильсон и новая Россия (февраль 1917 – март 1918 г.) // Новая и новейшая история, 2000, № 1 (окончание). С. 130.

2. Obituaries of Gen. William Sidney Graves // <http://secretwar.hhsweb.com/obituaries.htm>

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

3. Атаман Семёнов. О себе. Воспоминания, мысли, выводы. М., 1999. С. 174.
4. Гиршфельд А. О роли США в организации антисоветской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке // Вопросы истории, 1948, № 8. С. 17.
5. Атаман Семёнов. Указ. соч. С. 175.
6. Цит. по: Мальков В.Л. Американские солдаты в Сибири // История СССР, 1991, № 1. С. 166.
7. Атаман Семёнов. Указ. соч. С. 189.
8. Цит. по: Якушевский А.С. Голдхерст Р. Полуночная война: Американская интервенция в России, 1918-1920 // Иностранная интервенция против страны Советов (зарубежная историография). Реферативный сборник. М., 1989. С. 36.
9. Цит. по: Сейерс М., Канн А. Тайная война против Советской России. М. 1947 // <http://stalinism.newmail.ru/sayers/sayers04.htm>
10. Атаман Семёнов. Указ. соч. С. 176.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕННОГО СОВЕТСКОГО ГОРОДА В 20-30-Е ГГ. XX В. (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Климочкина А.Ю.

Самарский государственный университет

Период первых пятилеток стал для советского обывателя временем тяжелых испытаний. Поэтому представляется важным исследовать пути приспособления людей к нелегким обстоятельствам жизни и проанализировать их стратегии выживания как законные и поощряемые властями так нелегальные и преследуемые.

В результате форсированной индустриализации и коллективизации страну в начале 30-х гг. охватил продовольственный кризис, сфера товарного снабжения и потребительского рынка была практически разрушена, резко упал жизненный уровень. В 1929 г. были введены карточки на хлеб и заборные книжки, скоро жесткое нормирование распространилось и на другие товары, даже на картофель. Но в условиях продовольственного кризиса и установленные нормы снабжения не выполнялись. Так, например снабжение рабочих Гипсового завода на Красной Глинке было таким, что люди вынуждены были съесть заводских лошадей и заболели на почве недоедания¹. В требованиях избирателей в Горсовет в 1932 г. говорилось: «Надо констатировать головоотяпное снабжение по Самаре. По сравнению с Москвой и Ленинградом это кошмарный сон. Вопросами

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

снабжения заняты все умы работающих, чувствуют это наши животы»². Катастрофично обстояло дело с получением одежды и обуви Их выдавали по ордерам, но в ничтожном количестве и часто плохого качества. В одном донесении в Самарский Горсовет за 1932 г. говорилось, что люди дошли до того, что разрывают могилы на кладбищах, вынимают гробы и снимают одежду и обувь с покойников. По городу тянулись километровые очереди за продовольствием. По воспоминаниям жителя Самары тех лет, людям иногда приходилось стоять сутками, сменяя поочередно членов семьи³. Документы показывают, что очереди в 1000 человек устанавливались даже за недефицитными товарами, такими как керосин. В материалах Самарской Контрольной Комиссии за 1931 г. говорится: «Керосин тащили ведрами, бочками. Ванны наливали, хотя он есть и будет. Но каждый считает нужно постоять, вдруг сегодня будет, а завтра нет»⁴.

К середине 30-х гг. снабжение и потребление улучшились, были отменены карточки. Но уровень жизни и в предвоенные годы не был высоким, на смену очередям за хлебом пришли очереди за промтоварами.

В этих условиях модели поведения советских граждан были разнообразны: от попытки занять высокий партийный пост для приобщения к привилегиям и до перехода в уголовный мир. Мы же рассмотрим обыденные стратегии выживания людей, характерные для основной массы горожан.

Среди легальных путей приспособления можно назвать переход на режим строжайшей экономии и рационального использования продуктов, а также продажу личного имущества.

По городу велась массово-разъяснительная работа по изучению лучших способов изготовления пищи из мороженого картофеля. Люди добывали жир из рыбьих кишок, крахмал из картофельных отходов, пекли кулебяки из свеклы вместо пирогов с вареньем⁵. Продажа личного имущества или обмен его на продукты на рынке являлись порой единственным выходом для лишенцев и людей, потерявших заборные книжки, ведь тогда они лишались продуктов на целый год. Но даже среди имеющих карточки трудящихся продажа вещей составляла от 1,5 до 12 % доходов семейного бюджета ежемесячно (1932г.).

В арсенале методов выживания присутствовали и стратегии, связанные с дополнительным производством товаров.

Горожане Самары, Чапаевска, Сызрани живо откликнулись на разрешение правительства заключать предприятиям шефские договоры с колхозами, когда в обмен на рабочую силу колхозы выделяли горожанам продовольствие. Люди сдавали деньги на развития пригородного хозяйства, жены рабочих, а иногда и целые цеха трудились на колхозных полях во время уборки урожая. Но часто урожай не успевали вывозить с полей или же его негде было хранить. На собраниях работников предприятий и учреждений города в 1934 г. люди возмущались: «На пригородном хозяйстве работали,

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

а капусты нет и картошка осталась на поле» ...»Все рабочие и служащие отдали последнюю копейку на пригородное хозяйство и ничего от него не получили. Свиной водили и кормили, но где же свиное мясо, мы даже запаха его не чуем»⁶.

В этих условиях люди обращались к личным подсобным хозяйствам. По воспоминаниям жителя Сызрани тех лет каждая городская семья имела свой огородик⁷. Земля могла выдаваться государством, но в отдельных случаях самовольно захватывалась. Каждый подходящий участок раскапывался. Так в протоколе собраний одного самарского жакта специальным пунктом стоял отчет о выполнении домохозяйками задачи по разведке мест для устройства городского огорода⁸. На огородах выращивали в основном картофель ведь при отсутствии времени, засеивалось в первую очередь то, что не требовало больших хлопот.

Еще один способ накормить трудящихся был найден в разведении кроликов. В 1932 г. кролиководство на полном серьезе рассматривалось и властью и простыми гражданами как едва ли не панацея для решения мясной проблемы плюс источник получения ценного меха. «При посредстве кролиководства может быть в самый короткий срок изжиты трудности в снабжении рабочих»⁹ провозглашалось в постановлении Самарского Горсовета. Газета Волжская коммуна за 1932 г. пестрела фотографиями кроликов, в листовках пропагандировалось индивидуальное кролиководство по месту жительства под лозунгом «Ни одного члена Профсоюза, ни одного члена жакта без кролика!»¹⁰. Крольчатники появились в подвалах домов, в сараях, даже на балконах. Но кролиководство требовало специальных знаний и кормов, животные во множестве гибли, поэтому уже в 1933 г. горожане отказались от их разведения.

Конечно, активно поощряемые пригородное и личное подсобное хозяйства давали определенные результаты: кроме дополнительных продуктов на семейный стол, они способствовали адаптации вчерашних деревенских жителей к городским условиям. Но, тем не менее, такие легальные способы самообеспечения требовали огромных сил и не всегда были эффективны, поэтому население прибегало и к нелегальным стратегиям выживания в сложных условиях 1930-х гг.

Среди множества путей самоснабжения следует назвать махинации с карточками, в частности распространенную практику «мертвых душ».

Отчеты органов ОГПУ по Средне-Волжскому Краю свидетельствуют, что администрация предприятий или люди, выдающие карточки и пайки, часто оставляли в списках на получение пайка тех, кто уволился с предприятия или вносили в эти списки вымышленные имена, чтобы далее распорядиться лишними продуктами¹¹. Так же карточки продавались и подделывались, что облегчалось халатностью их хранения, несмотря на постановления местных властей о приравнивании хлебных карточек к денеж-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ным и ценным документам и о привлечении к строжайшей ответственности за их разбазаривание.

Мелкое воровство, принявшее в начале 30-х гг. гигантские масштабы также представляло способ самовыживания и самоснабжения в условиях хронического дефицита товаров. Размеры хищений были огромны. При пустых полках магазинов всякая мелочь имела ценность, а «несуны» становились бичом социалистической экономики¹². Так информационные сводки НКВД засвидетельствовали высказывание одного шофера с автобазы «Заготзерно»: «работаем как крепостные, а получать ничего не приходится. Если не украдешь – будешь голодным»¹³. Несли либо то, что производили на работе, либо то, что лежало без присмотра. Например, настоящим бедствием стало расхищение рабочими и служащими инвентаря из общественных столовых. На фабрике-кухне завода им. Масленникова за два квартала 1932 г. украдено 8 000 ложек¹⁴. В столовой Карбюрат строя вообще уносили по 200 ложек в день¹⁵. Волжская коммуна сообщала, что в некоторых крупных столовых Чапаевска за неимением приборов рабочие пьют щи из блюдец¹⁶. Секретная переписка контрольной комиссии засвидетельствовала высказывание одного самарца: «Рабочие ложки и стаканы воруют из-за чего, да потому, что в магазинах и на базаре нет. Теперь купили ложки деревянные - заразу среди рабочих разводить»¹⁷. С нормализацией экономической обстановки в стране во второй половине 30-х число мелких краж и хищений снизилось.

Проверенным способом выживания являлось мешочничество, когда люди ехали в столичные города за товаром. В Москву везли семечки, а оттуда – мануфактуру. По воспоминаниям одной жительницы Самары ее соседка занималась мешочничеством, привозила из Москвы валенки в узелке. Однако на нее скоро «доказали» и посадили на 5 лет¹⁸. Это быстро настигшее наказание показывает, что мешочничество иногда трудно было отличить от спекуляции – незаконной частной торговли. Под понятие спекуляции в 1930-е гг. попадала перепродажа купленного и даже продажа собственно произведенного товара, если он продавался по ценам превышавшим государственно-кооперативные. Так в материалах Самарской Городской контрольной комиссии обвинялся в спекуляции один столяр, притворявшийся душевно больным и в свободное время принимавший заказы на изготовление столярных изделия¹⁹. Спекулятивный рынок менялся в зависимости от экономической ситуации в стране. В первой половине 30-х гг. его основной ассортимент составляли подержанные вещи, мясо, кроме того, излишки пайка, в основном продаваемые военными. Во второй половине 30-х спекулировали дефицитными товарами промышленного производства. Менялись и методы спекуляции. На совещании при Куйбышевской облпрокуратуре в 1937 г. говорилось: «Спекулянт изменился. В большинстве случаев на базаре теперь показывают только образчик прода-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ваемого материала, товар же покупателям разносится по домам. Еще новый вид спекуляции – продажа одежды с себя. Кроме того, переключаются на продажу старых вещей. Вещи, взятые по блату в магазинах, сдают в скупочные. А старые перекупают. Потому что за старые вещи задержать нельзя»²⁰. Из всех продающих на рынке людей лишь малая часть регистрировалась у администрации рынка. В основном все продавали на ходу, из-под полы. Отличить трудящегося от спекулянта было очень трудно. Причем источники показывают, что разницы часто и не было: среди спекулянтов 1930-х гг. преобладали простые трудящиеся. Как утверждал народный судья Шедяев в 1937 г., «спекуляцией занимаются все и старые и молодые. Старики, беременные женщины, несовершеннолетние, инвалиды, домохозяйки а так же рабочие, комсомольцы – 90% контингент арестованных спекулянтов... Я же считаю, это не нарушение, когда старуха продает валенки за 60 р., когда они стоят 40 р... Настоящие профессиональные спекулянты под суд не попадают»²¹. Необходимо отметить, что по мнению таких ученых как С.Коткин и Е.Осокина, спекуляция являлась необходимым механизмом перераспределения товаров для людей, иначе неспособных ничего достать, она смягчала изъяны государственной системы распределения²².

Таким образом, обыватель 30-х гг. как умел, решал свои проблемы, часто вопреки рекомендациям опекавшего его государства. Многие из технологий его самовывживания и самообеспечения были запрещены, но другие стимулировались или допускались. Эти стратегии, нередко полные уловок, изобретательности и риска, затрагивали жизнь почти каждого городского жителя, образуя широкую арену деятельности и взаимоотношений.

1. ГАСО.Ф.Р-3499.Оп.1. Д.736. Л.1а.
2. ГАСО.Ф.Р-56. Оп.1. Д.554.Л.129.
3. Интервью А.Ю. Климочкиной с Черкесовым Н.А. от 15.12.2004. Личный архив автора.
4. ГАСО.Ф.Р-3499. Оп.1. Д.145. Л.93.
5. ГАСО. Ф.Р-3499.Оп.1. Д.736. Л.1.
6. ГАСО.Ф.Р-56. Оп.1. Д.554. Л.47, 218
7. Интервью А.Ю. Климочкиной с Трубниковым Л.В. от 6.12.2004. Личный архив автора.
8. ГАСО.Ф.Р-1089. Оп.1. Д.7. Л.192.
9. ГАСО.Ф.Р-1089. Оп.1 Д.8. Л.87.
10. Там же.
11. ГАСО. Ф.Р-1061. Оп.1. Д.31. Л.1-9.
12. См.: Ульянова С. «Несуны» в законе: кражи на предприятиях в 1920-е гг. // Родина. 2001., №10. С.75-76.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

13. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1 Д. 401. Л. 25.
  14. ГАСО. Ф. Р-3499. Оп. 1. Д. 349. Л. 63.
  15. ГАСО. Ф. Р-3499. Оп. 1. Д. 144. Л. 84.
  16. Волжская коммуна. 1931. 11 сентября.
  17. СОГАСПИ. Ф. 1314. Оп. 1. Д. 2665. Л. 98.
  18. Интервью А.Ю. Климочкиной с Семеновой Н.Т. от 20.10.2005.
- Личный архив автора
19. ГАСО. Ф. Р-3499. Оп. 1. Д. 132. Л. 540.
  20. ГАСО. Ф. Р-2972. Оп. 4. Д. 1а. Л. 4.
  21. Там же. Л. 6.
  22. Kotkin S. Magnetic mountain. Stalinism as civilization. Berkley, 1995. P. 240; Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия (1928-1941 гг.). М., 1998. С. 145.

СТРУКТУРА ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.

Жарехин В.Н.

Самарский государственный университет

Военное производство всегда занимало особое место в истории России. Многочисленные войны и мощный военный аппарат оказывали постоянное влияние на состояние всего российского общества и его экономику. Армия представляла одну из главных опор государства, и военное производство соответственно считалось трудоемким и дорогим в финансовом отношении делом, опиравшимся на ресурсы общества.

В годы войны в Советском Союзе 65-68% всей промышленной продукции по своей натуральной форме представляли собой предметы военного потребления¹. По характеру использования они подразделялись на предметы потребления личного состава Армии и Флота, предметы материально-технического снабжения соответствующих родов войск и, наконец, предметы вооружения, боевой техники и боеприпасов².

Основными производителями «военной» продукции являлись наркоматы военной промышленности: авиационной, вооружения, боеприпасов, минометного вооружения, судостроительной и танковой промышленности.

Военно-промышленный комплекс СССР периода Великой Отечественной Войны состоял из пяти относительно самостоятельных производственно-технологических комплексов, входивших в систему военно-промышленных наркоматов. Это авиационная промышленность, промыш-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ленность вооружений, бронетанковая промышленность, судостроительная и промышленность боеприпасов.

Куйбышевская область являлась одним из самых видных и значимых регионов по изготовлению военной продукции, т.к. на ее территории помимо своих коренных предприятий в годы войны располагались в большом количестве эвакуированные военные предприятия всей страны. Отметим, что вышеуказанная структура не может соответствовать каждому региону страны по ряду причин. Так, в нашем регионе в силу географического положения отсутствовала судостроительная промышленность. Зато как отдельный пункт структуры Куйбышевской области можно выделить «производство взрывчатых веществ», который представлен Чапаевским заводом взрывчатых веществ, обеспечивающий значительную часть фронта своей продукцией.

Значимую отрасль региона в годы войны составляла авиационная промышленность. В последние три года войны советская авиационная промышленность давала фронту в среднем по 40 тыс. самолетов в год. Если с самого начала войны советская авиация в целом не уступала немецкой по своим техническим данным, то в ходе войны достигла значительного количественного перевеса. Из 80 тыс. немецких самолетов, произведенных за последние 3 года войны, 75 тыс. было истреблено на советско-германском фронте³. В Самаре появился Безымянский узел авиационных заводов, ныне Самарский авиационный завод, куда вошли Воронежский завод №18 им. Ворошилова и Московский завод №1 им. Сталина. Завод №18 стал выпускать самолеты на 14-е сутки после прибытия. Киевский завод им. Артема через 12 дней после своего прибытия в Куйбышев начал выпускать продукцию для авиационной промышленности⁴. В марте 1942 года были приняты решения о создании в Куйбышеве авиационного института на базе существующего индустриального института, сохранив при этом факультет боеприпасов, а также закреплении за авиационным институтом всего наличного педагогического персонала индустриального института и учебного оборудования и открытия вечернего отделения без отрыва от производства⁵ и было принято постановление бюро обкома ВКП(б) об организации авиационного техникума на базе авиатехникума, эвакуированного из г. Воронежа⁶. В январе 1942 года секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б) Канунников представил доклад в ГКО о создании в г. Куйбышеве авиационной базы, в которую входили 18 объектов. Это непосредственно вышеуказанные самолето-строительные заводы, предприятия, изготовляющие вооружение и оснащение для самолетов, такие как моторо-строительный завод №337, эвакуированный из Москвы, завод №454, которым всвязи с увеличением программы, связанной с задачами военного времени, были разработаны и проведены конструктивные и технологические изменения по упрощению деталей изделий⁷ и завод №145, производящие вооружение

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

для самолетов, завод №305, изготавливающий нормали и перебазированный из г. Москвы на площадке складов завода №1, №35, производящий пропеллерные винты и представлявший из себя винтовое производство Комбината №150, находившегося ранее под Москвой, завод №1 Оргавиапрома, выпускающий пневматическое оснащение самолетов, перебазированный из г. Москвы в ноябре месяце 1941г. на площадке гаражей заводов №1 и №24, оборудован механический завод №207 по изготовлению бронекорпусов для самолетов Ил и танков, представлявший из себя часть Подольского завода⁸, а также рабочий поселок на 160 тыс. кв.метров жилой площади и несколько объектов, обслуживающих работу предприятий⁹. Авиационные заводы теснее других предприятий были связаны с фронтом. Летчики-фронтовики прямо на заводе получали боевые машины и на них улетали на фронт¹⁰.

Накануне Великой Отечественной Войны промышленность вооружений в СССР представляли 14 артиллерийских заводов, 9 заводов по производству стрелкового оружия, 8 патронных заводов и 12 оптико-механических заводов. Все они входили в систему Наркомата вооружения СССР¹¹.

Кроме вышеупомянутых предприятий по производству вооружения г.Куйбышева следует выделить работу двух подшипниковых заводов - 4 и 9 ГПЗ, завода им. Масленникова, завода «КАТЭК», судоремонтного завода.

Стоит отметить, что все перечисленные предприятия до войны занимались непосредственно выпуском гражданской продукции. Во время войны начинается тенденция сращивания гражданских предприятий с военными. Так, осваивая выпуск подшипников, рабочие 9 ГПЗ одновременно выпускали минометы, снаряды, гильзы, гранаты и литье. На счету заводского коллектива-70 тыс. минометов, 500 тыс. снарядов и гильз к ним, 2,5 миллиона гранат¹². 26 июля 1941года в г.Куйбышев прибыл эвакуированный из Москвы Первый государственный подшипниковый завод(4 ГПЗ)¹³.

Завод им. Масленникова, до войны известный как трубочный завод, за короткие сроки освоил выпуск реактивных снарядов для «катюш». Для них было приспособлено инструментальное производство, нашлись специальное оборудование и квалифицированные специалисты. Таким образом, на заводе появился новый цех. Несмотря на это, завод продолжал наращивать производство боеприпасов для всех родов войск - своей прямой продукции.

На заводе «катэк» было организовано производство специальных станков для оборонной промышленности, боеприпасов и оружия. Тем же отмечен судоремонтный завод.

Особняком стоит производство взрывчатых веществ на территории нашего региона.Завод №309, расположенный в г. Чапаевске, в связи с военной обстановкой становится основной базой производства: а) капсулей-воспламенителей и капсулей-детонаторов для снаряжения взрывателей,

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

выпускаемых заводами НКБ изаводами других Наркоматов, б) капсулей для патронных заводов НКВооружения, в) снаряжения капсульных втулок и трубок для арт. выстрела и ряда других оборонных изделий¹⁴.

Итак, основную ветвь структуры военно-промышленного комплекса Куйбышевской области во время Великой Отечественной Войны 1941-1945гг., составляют авиационная промышленность и промышленность вооружений и боеприпасов. Структуру военно-промышленного комплекса г.Куйбышева составляют в большинстве своем гражданские предприятия, переведенные на военное производство, за исключением завода им. Масленникова. Тенденция частичной перестройки гражданских предприятий на выпуск военной продукции играет важную роль в формировании структуры военно-промышленного комплекса г. Куйбышева как и эвакуация огромного числа предприятий из других регионов страны в наш город.

1. Советская экономика в период ВОВ 1941-1945гг. М., 1970. С. 35
2. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы. М., 1996. С. 152
3. РГАЭ Ф. 4372. Оп. 82. Д. 1875. Л. 118.
4. Цит. по: Храмков Л.В., Храмкова Н.П. Самарская земля в годы военного лихолетья 1941-1945гг. Самара, 2003. С. 12
5. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 6. Д. 21. Л.19.
6. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 6. Д. 28. Д. 143.
7. ГАСО. Ф. р-2254. Оп. 5. Д. 6. Л. 47-48.
8. ГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 900. Л. 29-31.
9. СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 20. Д. 43. Л. 1-3.
- 10.Храмков Л.В., Храмкова Н.П. Самарская земля в годы военного лихолетья 1941-1945гг. Самара, 2003. С. 27
- 11.Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950гг. М., 1996. С. 158
- 12.Храмков Л.В., Храмкова Н.П. Самарская земля в годы военного лихолетья 1941-1945гг. Самара, 2003. С. 28
- 13.ГАСО. Ф. 2558. Оп. 6. Д. 55. Л. 4-6.
- 14.ГАСПИ. Ф. 656. Оп. 19. Д. 6. Л. 168.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
КОНСТРУИРОВАНИЕ И ИЗГОТОВЛЕНИЕ СПУТНИКОВ В
Г. КУЙБЫШЕВЕ 1961-1974 ГГ.

Белкин А.В.

Самарский государственный университет

Одним из наиболее важных и известных направлений работы ЦСКБ-«Прогресс» является производство и конструирование спутников различного назначения. В данном случае производство ставится на первое место из-за того, что изначально филиал № 3 ОКБ-1 выполнял конструкторское сопровождение и подготовку технической документации, а полностью самостоятельной разработкой стало конструирование спутника дистанционного зондирования Земли типа «Янтарь» в 1967г., в то время как работы по изготовлению первого спутника «Зенит-2» начались во второй половине 1961г.¹

Первые испытатели понимали, что спутники фото- и радиоразведки, зашифрованные в средствах массовой информации наименованием «Космос», гораздо нужнее для страны, чем широко рекламируемые пропагандой пилотируемые полеты. Это объяснялось ещё и тем, что все ракеты и космодромы находились в ведении министерства обороны, а практической пользы от пилотируемых полетов в то время не было².

С начала 60-х гг. XX в. начинает складываться два важнейших направления работы ЦСКБ – «Прогресс» в области спутников: во-первых, это спутники-шпионы (серии «Зенит», «Янтарь»); во-вторых, спутники для проведения научных исследований как широкомасштабных (с использованием КА «Наука»), так и по отдельным отраслям: по медицине, биологии (КА типа «Бион») и для изучения явлений высокоэнергетической ядерной физике («Энергия»).

Первым и самым главным направлением работы был выпуск спутников-шпионов. Темпы разработки и изготовления спутников были космические. В мае 1959 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, где отмечалось, что создание спутника для фоторазведки ставилось неотложной оборонной задачей. 10 декабря 1959 года было выпущено еще одно постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, предусматривающее отдельную разработку спутников для решения задач фото- и радиоразведки, навигации и метеорологии. В июне 1960г. вышло постановление, обязывающее провести летную отработку аппаратуры фото- и радиоразведки. Прошло только два года, а уже состоялось три пуска изделия 11Ф61³.

На первых спутниках фоторазведки предусматривался вариант оперативной фоторазведки – возможность получать информацию в процессе полета, не ожидая возвращения на Землю спускаемого аппарата, его поисков,

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

извлечения, доставки и проявления пленки. Для этих целей использовался специальный фоторазведывательный комплекс «Байкал». Фотопленка непосредственно после съемки тут же на «борту» поступала в проявочное устройство. После проявки, проявления и сушки кадр за кадром протягивались перед видеокамерой и по телевизионному каналу «Калина» передавались на Землю. Фототелевизионной аппаратурой «Байкал» был оснащен первый пилотируемый корабль «Восток»⁴.

Первые спутники куйбышевского производства имели задачу не только фоторазведки, но и радиоразведки. Для радиоразведки – обнаружения мест расположения радиолокаторов и исследования возможности подслушивания радиопереговоров на борту располагалась сложная радиоаппаратура «Куст». Собранный «Кустом» информация записывалась специальным запоминающим устройством, которое доставлялось на Землю в спускаемом аппарате⁵.

С.П. Королев начал привлекать куйбышевских специалистов к работе над спутником с его четвертого запуска. В сентябре 1962 г. на полигоне «Байконур» испытывался четвертый по счету космический аппарат «Зенит-2» производства ОКБ-1, на котором присутствовала большая группа куйбышевских специалистов, конструкторы филиала №3 ОКБ-1: Солдатенков А.М., Бубнов Е.А., Шумный Л.Ф., Чечин А.В., Харченко А.А., Тархов К.В., Семенной А.Ю., Гофин В.Я., Павлов Ю.В., Хованский Г.М.; специалисты завода: Демичев А.Г., Шураков Н.С., Бондарев И.С., Сошнин Г.П., Никифоров Е.А., Фролов М.К., Можнов П.Г., и представители приемки заказчика: Кореев Б.А., Истомин В., Раздвогин Л.И.⁶. С этого времени испытания космических аппаратов проводились при активном участии молодых специалистов куйбышевского филиала ОКБ-1, возглавляемые Д.И.Козловым и инженерами КИСа, а начиная с седьмого пуска, это была третья модификация спутника, все работы по «Зениту» велись куйбышевскими специалистами⁷.

Спутники данной серии выполняли в первую очередь оборонную функцию, затем, благодаря Дмитрию Ильичу Козлову, на базе этих военных спутников по просьбе ученых сделали ряд объектов, которые служили народному хозяйству. В те времена никто даже и не догадывался, что будет такое слово «конверсия», а в ЦСКБ-«Прогресс» реально ею занимались. Действительно, ряд космических аппаратов разработки ЦСКБ имеют возможности для установки дополнительной полезной нагрузки, не связанной с целевым назначением КА. Дополнительная нагрузка может быть установлена внутри и снаружи КА, может быть отделяемой и неотделяемой. Такая возможность позволяет оказывать услуги по выведению на орбиту малых спутников, функционирующих автономно. Первыми в этой серии были автономные спутники «Наука», на которых осуществлена большая программа исследований и экспериментов.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Результаты научных исследований опубликованы более чем в 110 научных статьях, сборниках, монографиях, представлены на международных конференциях и симпозиумах⁸. Если спутник «Наука» использовался для проведения широкого спектра исследований, то космические аппараты для медико-биологических исследований «Бион» можно отнести к спутникам специализированного назначения.

Исследование частиц высоких энергий относятся к разряду фундаментальных и связаны с изучением зарядового состава, энергии первичных частиц и характеристик их взаимодействия с веществом. Для решения указанных задач были разработаны и запущены космические аппараты «Энергия».

Таким образом, за период с 1963 до 1974 гг. г. Куйбышев становится самым крупным в стране поставщиком спутников как для обороны, так и для научных исследований в стране. Именно космические аппараты ЦСКБ становятся главным гарантом международных договоров и средством сдерживания вероятного противника, а если учитывать и факт производства на заводе межконтинентальных баллистических ракет, то можно говорить о том, что безопасность страны во многом зависела от эффективной и качественной работы куйбышевских конструкторского бюро и завода.

Кроме того, необходимо отметить, что предприятие справлялось, не только с оборонными задачами, но и одним из первых в стране стало участвовать в конверсионных программах, притом реализация этих программ давала немалый экономический эффект. Вывод на орбиту двух аппаратов, решавших разные задачи, говорит и о диапазоне возможностей производимой техники, и об уверенности в качестве ракеты-носителя.

1. Этапы большого пути // Поиск. 1994. 28 сентября. С.3.
2. Космическая разведка. Начало пути. Записки доктора технических наук Л.Д. Евсеева // Заводская жизнь. 2003. 27 августа. С.10.
3. Евсеев Л.Д. Космическая разведка. Начало пути // Заводская жизнь. 2003. 22 октября. С. 6.
4. Космическая разведка. Начало пути. Записки доктора технических наук Л.Д. Евсеева // Заводская жизнь. 2003. 27 августа. С.10.
5. Агапов В. Космические аппараты «ЗЕНИТ-2» // Новости космонавтики, № 10, 1996. С.10.
6. Евсеев Л.Д. Космическая разведка. Начало пути // Заводская жизнь. 2003. 22 октября. С. 7.
7. Этапы большого пути // Поиск. 1994. 28 сентября. С.3.
8. Интервью с А.В. Чечиным, одним из конструкторов спутников ЦСКБ с 1963-2003 гг. Интервьюер – А.В. Белкин. 27 марта 2003 г.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
**КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ В СССР: ПУТЬ К
РЫНКУ**

Аксёнова Е.Э.

Тольяттинский государственный университет

Пример реформирования банковской системы начавшийся в СССР в 1988 г. рельефно отражает характер коммерциализации и перехода к рынку в финансовом секторе государства. В рассматриваемый период в Советском Союзе происходило формирование банковской системы принципиально нового типа, опиравшейся на международный опыт практики банковского обслуживания в странах с развитым рыночным хозяйством прежде всего Финляндии, Китая, Италии, Югославии, ФРГ и др. Первый уровень банковской системы был представлен Государственным банком, выполнявшим эмиссионные и контрольные функции, второй уровень коммерческими банками. Безусловно, становление банковской системы должно было происходить под контролем со стороны государства и банковского сообщества. Но так как на момент реформ в СССР действенного банковского сообщества не существовало, то государство сосредоточило неограниченную власть над зарождавшимися коммерческими финансовыми институтами. Одним из основных экономических принципов, характеризующих формирование полноценной банковской системы, является принцип адекватности, заключающийся в том, что банковская система должна отвечать потребностям реального сектора экономики. Но в условиях экономического кризиса банки направляли капиталы лишь в отдельные сегменты денежного рынка. Таким образом, банковская система в СССР была недостаточно адекватна отраслевой структуре экономики и структуре ее отдельных сфер. Это касалось, прежде всего, финансово-банковского обслуживания предприятий торговли и промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг. Следующим принципом, необходимым для функционирования двухуровневой банковской системы являлся принцип адекватности правового обеспечения. На практике законодательная основа для функционирования коммерческих банков была чрезвычайно слаба и несовершенна. В рассматриваемый период и до конца XX в. наблюдается хроническое отставание законодательной базы от практики банковской деятельности¹. Еще один основополагающий критерий для оценки системы банков государства является наличие принципа управляемости, некоторые аспекты которого, такие как наличие разработанной концепции развития банковской системы отсутствуют и на современном этапе ее функционирования. Формально, зарождающуюся в 1988 г. в стране банковскую организацию формально можно считать соответствовавшей признакам финан-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

сово-кредитной системы, она содержала основные элементы, между которыми осуществлялось необходимое взаимодействие. Второй уровень банковской системы был представлен широким спектром различных банковских организаций, учреждаемых государственными структурами. Коммерческие банки, создаваемые предприятиями особенно интенсивно учреждались в 1988 – 1989 гг. и были самыми крупными среди коммерческих банков². По целям, масштабам, характеру выполняемых операций, связи с клиентами среди коммерческих банков можно выделить региональные банки и банки общественных организаций. Среди коммерческих банков существовали инновационные банки (24.11.1988 г. Узбекский акционерный инновационный банк «УЗИНБАНК» г. Ташкент)³. Особым звеном являлись кооперативные банки, которые создавались по отраслевому или территориальному принципу. Исторически российские коммерческие банки в зависимости от базы, на которой они были созданы, делятся на три группы: банки, организованные на основе учреждений бывших государственных специализированных банков; вновь создаваемые коммерческие банки; отраслевые банки, созданные, главным образом, на базе министерств и ведомств. К 1988 г. были зарегистрированы уставы более сорока коммерческих банков, к первому июля 1989 г. их стало 125, а к первому января 1990 – 144. К концу сентября 1991 г. в России зарегистрировано уже 1215 коммерческих банков с 2293 филиалами⁴. Такое количество и разнообразие видов, форм коммерческих банковских структур не могло способствовать организации эффективного управления данным сектором экономики. Министр финансов России Б. Г. Федоров писал: никто в правительстве не представляет, какие финансовые потоки существуют в государстве. Миллиарды льготных кредитов, астрономические суммы раздаются направо и налево. Центральный банк знает одну сторону дела, правительство – другую, свой «уголок» – у парламента⁵. Именно в рассматриваемый Б.Г. Федоровым период, формируется и притворяется в жизнь идея «уполномоченных банков». Этот мощный механизм обогащения частных структур за счет бюджетных доходов был задействован самим правительством. Коммерческие банки обогащались не в результате удачно избранной политики кредитования инвестиционных проектов, а исключительно в зависимости от степени «близости» к правительственным чиновникам. Таким образом, создавались условия, способствующие расцвету коррупции, организованной преступности⁶. В результате в процессе коммерциализации банковского сектора СССР были во многом сознательно допущены крупные недостатки. Можно найти этому объяснение в особенностях условий реформирования советской модели экономики, но фактическое игнорирование основ экономической теории свидетельствует лишь о степени эффективности избранных приоритетов государственного управления и

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

соответствии стратегии преобразований экономики советского государства реальным потребностям развития мирового хозяйства.

1. Богданова О.М. Коммерческие банки России: формирование условий устойчивого развития. М., 1998. С. 12.

2. Жебак Б.А. Коммерческие банки РФ в условиях рыночной экономики (вопросы формирования и функционирования). Научно-аналитический обзор. М. 1993. С. 5-6.

3. Инструктивное письмо-перечень № 275 всех коммерческих и кооперативных банков зарегистрированных по состоянию на 1 февраля 1990 г. Текущий архив музея КБ АВТОВАЗБАНК.

4. Мехряков В.Д. История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России. М., 1995. С. 223

5. Столица. 1993. № 17 (127). С. 22.

6. Петраков Н.Я. Русская рулетка экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 270 – 271.

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И РУСЬ

Назаров А.М., Власенко И.А.

Тольяттинский государственный университет

Тема «Крестоносцы и Русь» обычно рассматривается в контексте столкновения Тевтонского и Ливонского военно-монашеских орденов и русских княжеств. Но влияние крестоносного движения на Русь можно проследить и раньше. Так как Византия была для Руси тем центром, откуда были получены социально-культурные основы жизнеустройства, то падение Константинополя при Четвёртом крестовом походе (1199 – 1204 гг.) не могло не отразиться на ней. Взгляд русских современников тех событий помогает понять сущность, как Четвёртого крестового похода, так и политики папства в отношении православного Востока, (в частности, Руси), которая сохраняется и в начале XXI века. На сегодняшний день существуют противоречия между Римско-католической курией и Московской патриархией, которые вызваны проведением папством политики прозелитизма на канонической территории Русской Православной Церкви. До сих пор папство видит в населении России свою возможную паству. Так, в марте 2002 г. «Ватикан, т. е. римский папа Иоанн-Павел Второй, принял решение об учреждении на территории России четырёх епархий, отныне в официальных документах страна будет именоваться «Церковной провинцией» возглавляемой католическим митрополитом»¹.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Культурные русско-византийские связи помогают чётко представить картину кульминации Четвёртого крестового похода – падение Константинополя 12 – 13 апреля 1204 г. и основание латинских княжеств в областях Византийской империи. Это имело непосредственное отношение к Руси, так как завоевание православной Византии послужило для папства аргументом в пользу необходимости принятия русскими князьями католичества. Дореволюционный исследователь Осокин Н.А. отмечает, что «падение Византии стало одним из предлогов для таких шагов. Извещая русское духовенство о взятии Царьграда, Иннокентий отправил на Русь кардинала для проповеди и убеждения князей. В булле (помечена 7 октября 1207 г. – авт.), написанной очень сдержанно, указывалось на падение Византии, папа советовал русским не сопротивляться и не отпадать от единой паствы Христовой»². В своих работах Ф.И. Успенский утверждал, что: «Сохранилось письмо папы Иннокентия III к русскому духовенству, написанное по завоевании Константинополя, в котором ставилось на вид, что подчинение Риму Византийской империи должно сопровождаться обращением в католичество и всей России»³. Этот факт стоит в начале логического ряда политики прозелитизма (т. е. религиозной экспансии) на востоке (как арабском, так и славянском) Римско-католической курии.

Нам представляется интересным тот факт, что «у Романа (Мстиславича, галицкого князя с 1199 по 1205 годы – авт.) искал приюта византийский император Алексей III Ангел, изгнанный из Царьграда в 1204 году рыцарями – крестоносцами...»⁴. Русско-византийское культурное проникновение привело к тому, что «русских рыцари недолюбливали, как и любой европеец недолюбливал византийцев. Эта враждебность основывалась большей частью на иной конфессиональной принадлежности русских и на расхожих среди европейцев стереотипах об православных. Даже характерными чертами русских признавались черты тождественные византийским: жадность, коварство и хитрость»⁵.

Четвёртый крестовый поход, сыгравший столь трагическую роль в судьбах Византии, оставил значительный след и в русских источниках того времени. Большой научный интерес, наряду с работами дореволюционного византиста Ф.И. Успенского, представляет анализ советских учёных М.А. Заборова и Н.А. Мещерского древнерусской повести о взятии Царьграда фрягами, проливающей новый свет на драматические события 1204 г.

«Повесть о взятии Царьграда фрягами», включённая в Новгородскую летопись, принадлежит русскому очевидцу захвата византийской столицы крестоносцами и относится к таким сочинениям, которые как источник сведений представляют собой поистине ценный материал, вносящий принципиальные поправки, уточнения и дополнения к сообщениям латинско-католических историков, а подчас даже меняющих всю картину событий.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Латинские историки, будучи апологетами рыцарского воинства, обходили молчанием или стремились смягчить его недостойные «подвиги» в Константинополе. Они воспевали захват города как величайшее историческое событие. «Папа Иннокентий III усматривал в завоевании Византии католиками истинное “чудо божье”»⁶. Не в пример латинским повествователям, «в Новгородской летописи «подвиг» крестоносцев сведён с пьедестала и представлен как возмутительное злодеяние. Русская точка зрения выдвигает нравственные мотивы и клеймит эту авантюру, называемую крестовым походом, как позорное дело»⁷: «внидоша во святую Софию и одраша двери и рассекоша амвон...; иных же церквей не может человек перечислить, яко без числа...; и монастыри в граде и вне града пограбиша все, им же не может числа ни красоты их сказати»⁸. Нельзя не заметить что, повествуя о бесчинствах крестоносцев, новгородец переносит центр тяжести на описание их преступного поведения в константинопольских церквях. Если византийский вельможа Никита Хониат, также являвшейся очевидцем событий, изложенных в его «Истории», подробно перечисляет, что было разрушено из художественных ценностей, то его единоведец, русский летописец, пишет лишь о разграблении драгоценных предметов церковного обихода. Он рассказывает о том, что фряги надругались над монахами, монахинями и священниками, избивали их, о чём нет ни слова в латинских хрониках.

Почерпнутый в Новгородской летописи урок гуманности, терпимости и любви к человеку нельзя не рекомендовать как национальное воззрение, которое тем больше имеет цены, что оказывается в полном противоречии с хвалебными латинскими и французскими описаниями четвёртого похода.

1. Миллион плюс. 12 апреля 2002. С. 6.
2. Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 36.
3. Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов / Сост. И.В. Ушаков. – М.: Мысль, 2001. С. 387.
4. Рыбаков Б.А. Мир истории. Начальные века русской истории / Худож. К. Сошинская. – 2-е изд. – М.: Мол. Гвардия, 1987. С. 263.
5. Еремин Е.М. Русские глазами немецких крестоносцев XIII – XIV вв. // Платоновские чтения: Сборник научных трудов / Под ред. Кабытова П.С. Вып. IV. Самара, Изд-во «универс-групп», 2004. С. 144.
6. Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. М., «Высш. Школа», 1977. С. 44.
7. Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов / Сост. И.В. Ушаков. – М.: Мысль, 2001. С. 415.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

8. Известие Новгородской летописи о взятии Константинополя крестоносцами // Хрестоматия по истории средних веков. Пособие для преподавателей средних школ. Под ред. Н.П. Грацианского, С.Д. Сказкина. Т. I. – М., 1939. С. 277.

РОЛЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИИ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА (1992-2005 ГГ.)

Власенко И.А.

Тольяттинский государственный университет

От степени развития муниципальных органов власти зависит как будут осуществляться все преобразования в современной России, в частности, и жилищно-коммунальная реформа. Это предполагает укреплять муниципальные органы власти в экономическом, правовом и кадровом отношении. Без решения этих вопросов в начале XXI века реформирование ЖКХ не достигнет желаемых результатов. «С каждым годом становится всё очевиднее острота положения в жилищно-коммунальной сфере. Быстрота реакции органов власти на эти проблемы залог здорового политического и социального климата территорий»¹.

В 1994 г. отрасль коммунального хозяйства, например г. Тольятти (как и многих городов РФ), испытывала недостаток в финансировании, что заметно отразилось на её развитии. «В результате чего не были выполнены программы текущего ремонта дорог, где выполнение составило 58,5% от планируемого объёма. Из выделенного лимита финансовых средств для улучшения работы предприятий жилищно-коммунального хозяйства по водоснабжению и водоотведению, по теплоснабжению и надёжности электроснабжения фактически профинансировано 19%»².

Значительная часть объектов социально-культурного и коммунально-бытового назначения в начале 90-х годов находилась на балансе крупных государственных предприятий (например, в г. Тольятти по большей части на балансе ВАЗа). В связи с процессом приватизации государственных предприятий в ведение муниципальных образований перешли объекты жилищно-коммунального хозяйства: жилищно-эксплуатационные и ремонтно-строительные предприятия, обслуживающие объекты социальной инфраструктуры. Тем не менее, в 1995 г. по России только «38% промышленных предприятий освободились от детских дошкольных учреждений, 31% – от объектов жилищно-коммунального хозяйства, 18% – от учреждений культуры, 9% – от объектов здравоохранения и 6% – образования»³.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Качество жизни людей на четыре пятых зависит от эффективного управления территорией муниципальным образованием. Поэтому уровень компетенции органов местного самоуправления должен позволять на своей территории создавать такой механизм управления ЖКХ, который даст реальную возможность формирования качественной среды жизни людей. В современной России это отчётливо понимают многие. Так «если в 1992 году самостоятельность местных властей в области коммунального обслуживания населения отмечали 43% опрошенных, то в 1995 уже 62%, а в 1999 – 66%»⁴. И органы местного самоуправления подтверждают свою самостоятельность. Например, оценка населением г. Тольятти в 1999 г. результатов деятельности городских властей в работе ЖКХ (в % от 600 опрошенных) была следующей⁵:

За последние годы положение дел:	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
улучшилось	4,7	5,1	12,2	12,0	15,6
не изменилось	18,6	50,0	46,7	49,2	47,5
ухудшилось	37,8	29,9	17,9	14,1	9,0

В соответствии с проектом нового закона о местном самоуправлении (2003 г.) обеспечение ЖКХ становится одной из основных функций местной власти. Кроме того, предусмотрено, что органы местного самоуправления выступают заказчиком на выполнение работ по благоустройству территории муниципального образования, коммунальному обслуживанию населения, строительству и ремонту объектов социальной инфраструктуры.

К 2003 г. «численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, по данным официальной статистики, составляет 30,7 млн. человек. По подсчётам независимых учёных и общественных организаций, социально-экономическое положение в стране ещё хуже: за чертой бедности существуют более 50 млн. человек. При этом наблюдается гипертрофированная неравномерность распределения населения по уровню дохода, что способствует усилению социально-политической напряжённости в стране и является одним из конфликтогенных факторов. На долю 10% наиболее обеспеченного населения приходится 32% денежных доходов, тогда как на долю 10% наименее обеспеченного населения – всего 2,4%, то есть в 13 раз меньше»⁶. Как говорится, цифры говорят сами за себя, а значит, уповать на гарантированность финансирования жителями функционирования системы ЖКХ не приходится. Поэтому львиную долю доходов местного бюджета поглощают потребности жилищно-коммунального хозяйства. «Так, в Костроме они требуют треть расходов. Несмотря на то, что население оплачивает лишь треть реальных расходов на содержание жилья и имеет многочисленные льготы, треть населения в той же

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Костроме квартплату не вносит.... Поэтому и их содержание вынуждены взять на себя муниципальные органы»⁷.

Таким образом, вплоть до конца 2005 г. органы местного самоуправления несли на себе весь груз ответственности за содержание и функционирование комплекса отраслей ЖКХ, поэтому от деятельности муниципальных органов зачастую зависело элементарное выживание граждан. С введением в действие Жилищного кодекса РФ с 1 марта 2005 г. и 100% оплаты жилищно-коммунальных услуг для населения с начала 2006 г. ответственность за сохранение жизни в экстремальных климатических условиях России полностью возлагается на самих граждан.

1. Экономика жилищно-коммунального хозяйства. Под ред. доктора экон. наук, проф. Ю.Ф. Симионова. – Москва: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2004. С. 129.

2. Ежегодный доклад мэра. Город Тольятти в 1994 г.: проблемы, пути решения. 15 марта 1995 года // Управление по делам архивов мэрии г. Тольятти. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 177а. Л. 71.

3. Социальные реформы в странах с переходной экономикой. Проблемы и опыт. – М.: ИКЦ «ДИС», 1997. С. 88.

4. Тощенко Ж.Т., Цыбиков Т.Г. Развитие демократии и становление местного самоуправления в России // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 33.

5. Городская власть глазами тольяттинцев // Информационно-аналитическое издание Центра социальных технологий. 1999. Октябрь. № 7. С. 8.

6. Киселев В.В. Экономическая основа информационного управления районным звеном ЖКХ Москвы // Местное самоуправление в России: Сборник статей / Под ред. д.э.н., проф. В.Б. Зотова. – М.: «Ось – 89», 2003. С. 299.

7. Мартынов М.Ю. Местное сообщество и социально-экономическая основа местного самоуправления // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 52.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1964-1982 ГГ.

Гало Е.

Самарский государственный университет

Проблема определения роли и места школы является чрезвычайно актуальной в сегодняшней ситуации, когда в значительной степени разрушена система духовного самовоспроизводства общества, деформированы

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

традиционные институты социализации и культурной преемственности, растут асоциальные и противоправные формы молодёжной активности, девальвированы ценности творческого труда как способа самореализации личности и важнейшего условия процветания общества. Во многом издержками образовательной системы объясняется негативное отношение молодёжи к отечественной истории, культуре, традициям России советского периода¹.

История образования – это часть истории общества, истории цивилизации, поэтому её необходимо изучать в широком общественно-политическом контексте. «Очевидно, что в ряду исследователей образовательных проблем – психолого-педагогических, дидактических, социологических, акмеологических и других – историк должен идти впереди»².

Проблема изучения истории образования относится к числу междисциплинарных, стыковых проблем. Историографический анализ проблемы строится на совокупности данных не одной, а группы наук: истории, педагогики, социологии, философии, экономики.

Отечественными исследователями проделана большая работа по изучению истории развития образования в СССР, в частности социально-экономических предпосылок проведения реформ, вопросов функционирования школ, принципов подготовки педагогических кадров, состояние педагогической теории и практики. Профессор А.В. Овчинников утверждает, что в изучении истории образования замечено участие учёных различных специальностей: педагогов, философов, экономистов, культурологов – историки здесь в меньшинстве, что создаёт определённый вакуум знаний. Говоря об отсутствии «научно выверенных определений предмета истории педагогики, философии образования»³, А.В. Овчинников предлагает отнести к предмету истории образования систему взаимодействия духовно-нравственных, социально-политических, правовых отношений в сфере просвещения. «В задачи этого предмета входят разбор роли образовательных систем, исследование их влияния на социальные отношения в строго определённое историческое время»⁴.

Анализ работ, появившихся в 1960 – 1980 гг. позволяет сделать вывод, что историки, отражая сложившиеся в советской исторической науке взгляды, не ставили перед собой задачу исследования реального механизма партийно-государственного руководства сферой образования, тем более его критики. Поэтому многие проблемы народного образования рассматривались либо с конъюнктурных позиций, либо замалчивались вообще.

Вопросы истории образования всегда рассматривались в тесной связи с процессом социально-экономического, политического и культурного развития общества. Профессор Г.Е. Козловская считает, что не стоит рассматривать труды по истории отечественного образования, изданные в советский период. «Современный этап отечественной историографии отли-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

чается иным методологическим подходом к процессам и событиям истории. Он строится на пропаганде традиций гуманистической и демократической педагогики, российской и зарубежной педагогической мысли, которые сегодня представляются наиболее передовыми, прогрессивными, на образцах воспитательной практики, преемственности и достижениях советской школы. Практически на всех концепциях советского периода так или иначе лежала печать идеологизированного, классового подхода, который в случаях его гипертрофии приводил к крайностям как в оценке собственных достижений (чаще всего завышенной), так и в определении степени идеологической опасности со стороны того, кто считался классовым политическим противником (которая тоже утрировалась)»⁵.

Со второй половины 80-х годов появляются исследования, посвященные проблемам общеобразовательной школы. Важно, что с начала 1985 года существенно расширилась источниковая база исследований. Впервые в исторической практике появилась возможность критической оценке событий нетрадиционного рассмотрения прошлого и настоящего.

Философский взгляд на проблемы развития образования в «брежневскую» эпоху продемонстрирован в работе А.В. Коопа «Образование при социализме как социальная система». Автор считает, что для развития образования существенное значение имеет раскрытие динамики проявления законов функционирования и развития. По его мнению, законы функционирования могут не только создавать условия для развития, но и длительное время консервировать старое, замедлять развитие, препятствовать переходу в новое качество⁶.

Наибольший интерес в контексте исследуемой проблемы представляет монография З.Г. Дайча⁷. Автор осветил опыт разработки и реализации школьной политики в СССР. На основе критического анализа документов, используя фактический материал, автор показывает историю советской школы, ее успехи и негативное влияние партийно-государственного диктата.

Проблемы массового школьного образования исследовали специалисты различных наук. В философских трудах Б.С. Гершунского, А.Ж. Кузжановой⁸ были исследованы вопросы взаимодействия школы с другими общественными организациями, факторы, влияющие на эффективность работы общеобразовательной школы как социального института.

В.А. Жамин, С.Л. Костанян, К.И. Субботина изучали планирование, финансирование, материальное обеспечение учебных заведений и др.⁹. Историков в этих работах привлекает в основном методика анализа экономического состояния общеобразовательной школы, ее взаимосвязи с социально-экономическими изменениями в обществе.

Вопросы эволюции советской общеобразовательной школы нашли отражение и в зарубежной историографии. Появление ряда работ зарубеж-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ных исследователей по истории советской образовательной системы было обусловлено успехами советской науки, достижениями в отдельных отраслях производства. Они стремились выявить в советском общеобразовательном опыте общее с западными педагогическими традициями, те свойства, которые обеспечивают успешное развитие общеобразовательной школы¹⁰.

Однако, история развития образования в период с 1964 по 1982гг. в Среднем Поволжье не получила должного освещения в краеведческой литературе. Вопросы народного образования рассматривались в работах различных периодов времени, но в контексте культурного строительства.

Новейшие исследования истории Самарского региона уделяют большое внимание сложным и противоречивым процессам, протекавшим на территории края в различные периоды¹¹.

Анализ соответствующей литературы показывает, что на сегодняшний день в исторических трудах не в полной мере преодолены бытовавшие ранее штампы и стереотипы в оценке явлений отечественной истории образования в период «брежневизма».

1. Запесоцкий А.С. Образование: философия, культурология, политика. – М., 2002. – С.333

2. Козловская Г.Е. Российское образование на рубеже веков. – М., 2001 – С.11

3. Педагогика. – 2001 - №2. – С.69.

4. Там же.

5. Козловская Г.Е. Российское образование на рубеже веков. – М., 2001. – С.16

6. Кооп А.В. Образование при социализме как социальная система. – М., 1985. – С. 33.

7. Дайч З. Г. Школьная политика в СССР: уроки партийно-государственного руководства, перспективы развития. – М., 1991.

8. Гершунский Б.С. Россия: образование и будущее.// Кризис образования в России на пороге XXI века. Челябинск, 1993; Кузжанова А.Ж. Взаимодействие общества, личности и государства в сфере образования. Диссертация доктора философских наук. М., 1996г.

9. Актуальные вопросы экономики общеобразовательной школы. Сборник. М., 1990.

10.Криптон К. История советского образования и его изучение в США. Lakwood, 1978.

11.История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918 – 1998)/ Под ред. П.С. Кабытова. М., 2000; Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней/ Под ред. П.С. Кабытова и Л.В. Храмова. Самара, 1998.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
**ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВИВШИЕ ЗАРОЖДЕНИЕ И
РАЗВИТИЕ ВЕРТОЛЕТНЫХ ЧАСТЕЙ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ**

Уколов В.Г.

**Сызранское высшее военно-авиационное училище летчиков
(военный институт)**

Интерес к истории военных вертолетных частей и подразделений в настоящее время велик. Он обусловлен не только вниманием современного российского общества к героическим усилиям военных вертолетчиков, воюющих с бандформированиями террористов в регионе Северного Кавказа. Известно более 30 локальных войн и вооружённых конфликтов, в которых принимали участие в боевых действиях вертолетные подразделения и части.

Попытки исследования истории развития военных вертолетных частей и подразделений предпринимались неоднократно. Так, в 1968 году вышла в свет книга «Авиация и космонавтика СССР»¹, подготовленная большим коллективом авторов с участием представителей Главного штаба ВВС. В ней дается исторический обзор 50-летнего развития отечественной авиации, однако вопросы становления и развития вертолетных частей и подразделений в этой книге рассматриваются в самом общем виде. В 1988 году Военным издательством выпущена книга «Воздушная мощь Родины»², подготовленная коллективом авторов под руководством В.П. Макеева. В ней достаточно подробно раскрывается история создания и развития ВВС с октября 1917 по 1988 год. Вопросы же развития вертолетной составляющей в структуре боевой мощи страны изложены в книге также достаточно фрагментарно.

Определенный интерес для исследователя истории вертолетных воинских частей представляет фундаментальный труд «Советские Военно-воздушные силы, их оперативное искусство и тактика после Великой Отечественной войны»³, разработанный В.М. Зарецким и А.Г. Первовым. На фоне исследования эволюции системы управления, обеспечения ВВС, анализа теории боевого применения ВВС показаны основные проблемы строительства военной авиации в послевоенный период. Но вопросам, касающимся истории военных вертолетных частей, в работе посвящено лишь около восьми страниц... К тому же в упомянутых трудах анализируются вопросы развития вертолетных частей и подразделений, организационно входивших в состав ВВС страны. Тогда как военные вертолетные части на протяжении всей их истории (начало 50-х годов XX века – настоящее вре-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

мя) входили не только в состав ВВС, но и СВ, ВМФ, РВСН, ВДВ, а так же в состав таких «силовых» ведомств как КГБ СССР, МВД, МЧС⁴ и др.

Значительное число журнальных публикаций последних 20 лет посвящено отдельным вопросам истории вертолестроения, мужества и героизма военных вертолестчиков, опыту боевого применения⁵.

Таким образом, на сегодняшний день не разработано и не издано ни одного комплексного труда, где богатый и ценный опыт становления и строительства военных вертолестных частей и подразделений был бы проанализирован, обобщен, систематизирован и изложен в рамках одного исторического исследования.

Выполненное исследование показало, что на зарождение, становление и развитие военных вертолестных частей и подразделений в период с начала 50-х годов XX века по настоящее время оказывала влияние целая система взаимосвязанных факторов экономического, социального, политического, научного и военного характера. Все факторы этой системы в рамках настоящей работы проанализировать не представляется возможным. В ней будет дана оценка лишь основным факторам, оказавшим наиболее существенное влияние на эти процессы.

К числу таких факторов следует отнести, прежде всего: развитие вертолестного парка; совершенствование организационной структуры подразделений, частей и соединений, вооружённых вертолестами; изменение условий боевых действий вертолестов; опыт боевого применения вертолестов в локальных войнах и вооружённых конфликтах.

В ходе анализа и обобщения архивных документов и опубликованных источников автором установлено, что под влиянием перечисленных факторов, наиболее крупные изменения в истории военных вертолестных частей и подразделений, происходили в течение трёх периодов.

Первый период продолжался с начала 50-х до середины 70-х гг. XX века. В ходе него появились и укрепились первые организационные формирования военных вертолестов. Они находились в составе военно-транспортной авиации (ВТА) и вспомогательной авиации ВВС, а так же в авиации ВМФ, пограничных войсках КГБ СССР. Развитие военной вертолестной авиации СССР обуславливалось противостоянием с Западом («холодная война»). Мощным толчком к насыщению армии вертолестами послужило первое, достаточно массовое и весьма успешное применение армией США вертолестов в Корейской войне (1950 – 1953 гг.) Скепсис специалистов по отношению к первым винтокрылым машинам сменился желанием оснастить войска современными средствами, повышающими мобильность и боевую мощь пехоты на поле боя. К середине 1970-х годов в определенной мере сложилась организационная структура вертолестных частей и подразделений.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Второй период начался в середине 1970-х и закончился в начале 1990-х годов. В это время военная вертолетная составляющая в оборонной мощи страны получила дальнейшее развитие. Большая часть организационных формирований, оснащённых вертолётами, находилась в эти годы в составе самостоятельного рода ВВС – армейской авиации (АА). На вооружение в войска поступила весьма совершенная авиационная техника, в том числе и та, что и сегодня составляет основу ВС РФ – вертолеты Ми-8, Ми-24, Ми-26 различных модификаций. С 1979 по 1988 годы вертолетные подразделения, тактика их применения прошли проверку боевыми действиями в Афганистане. На территории ДРА (РА) базировались 4 вертолетных полка⁶, несколько отдельных вертолетных эскадрилий, по сути дела составлявших основу боевой мощи ВВС 40 Армии. Вертолетчиками выполнено более полутора миллионов боевых вылетов, спасены десятки тысяч раненых советских солдат и офицеров. Безусловно, ни одна война без потерь не обходится: за годы боевых действий в Афганистане мы потеряли 333 вертолета. Потребности Вооруженных Сил СССР в военных вертолетчиках-пилотах удовлетворяли 3 военных вуза, еще несколько других учебных заведений МО готовили других специалистов вертолетного профиля. Только в Сызранском высшем военном авиационном училище летчиков за эти годы было выпущено около 10 тысяч пилотов-вертолетчиков⁷. Следует учесть, что не только для кадрового обеспечения афганской войны готовились военные вертолетчики. К концу 80-х годов XX века только в составе СВ, ВВС и пограничных войсках КГБ СССР существовало более 50 вертолетных полков, сотни отдельных вертолетных эскадрилий и отрядов. Такое внимание военного руководства страны к вертолетам объяснялось высокими боевыми возможностями вертолетов, прежде всего как эффективного средства борьбы с танками противника.

Третий период длится с начала 1990-х годов по настоящее время. Период сложный и противоречивый. Его необходимо разбить на 2 этапа. Первый – с начала 90-х до конца 90-х годов, второй – 2000-е годы. Первый этап третьего периода истории военных вертолетных частей России характеризуется сокращением и старением вертолетного парка, массовым оттоком кадров, резким падением боевой выучки личного состава, сокращением сети военно-учебных заведений, готовивших вертолетчиков. Так, число вертолетных полков за эти несколько лет было сокращено в несколько раз, расформированы практически все отдельные эскадрильи. Причины происшедшего: общее сокращение Вооруженных Сил, отсутствие должного финансирования авиации (топливо, ресурс авиатехники, ремонт и обслуживание). Наиболее боеспособные вертолетные части были сконцентрированы в Северо-Кавказском военном округе для участия в решении задач «по наведению конституционного порядка в Чеченской Республике». Так называемые первая и вторая чеченские кампании – это

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

не только сотни тысяч часов налета вертолетов, это спасенные жизни российских воинов, это сохранение целостности России. Если бы не героизм и высокое профессиональное мастерство вертолетчиков, то вторжение банд террористов в Дагестан в августе 1999 года могло бы иметь весьма серьезные последствия.

Второй этап третьего периода истории военной вертолетной авиации отмечен модернизацией стоящих на вооружении образцов авиационной техники, возобновлением финансирования боевой подготовки. Так, средний налет выпускников Сызранского ВВАУЛ 2005 года вырос, по сравнению с соответствующим показателем у выпускников 2000 года почти в 3 раза⁸.

В современном, полном противоречий мире Россия должна иметь Вооруженные Силы, которые смогут дать адекватный ответ на возможные вызовы. Военные вертолеты – неотъемлемая часть боевой мощи Родины. Дальнейшее изучение более чем полувековой истории военных вертолетных подразделений и частей объективно необходимо.

1. Авиация и космонавтика СССР. М.: Воениздат, 1968.
2. Воздушная мощь родины. М.: Воениздат, 1988.
3. Зарецкий В.М., Первов А.Г. Советские Военно-воздушные силы, их оперативное искусство и тактика после Великой Отечественной войны: Историко-теоретический труд. – М.: Воениздат, 1992.
4. ВДВ – Воздушно-десантные войска, РВСН – Ракетные войска стратегического назначения, СВ – Сухопутные войска...
5. Радин А. Короли приземного неба // Крылья Родины. – 1987. – № 12. – с.15-17; Шипачев К. Вспомним Афганистан... // Военно-исторический журнал. – 2005. №3,4; Русьянов А. Вертолёты огневой поддержки // Техника и вооружение. – 1992. – № 3-4. – с.31-33; Ружецкий Е.И. Вертолётостроение за 50 лет // Авиация и космонавтика. – 1998. – № 2. – С.1-26; Михеев В. Вертолёт Ми-24. История создания и развития // Авиация и космонавтика. 1998. –№3. –с.1-16 и др.
6. В состав вертолетного полка входило, как правило, 3 вертолетных эскадрильи по 20 вертолетов в каждой.
7. Подсчеты по данным текущего архива СВВАУЛ (ви) Ф.1. Д.77.
8. Текущий архив СВВАУЛ (ви) Ф.1. Д.114.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПОСРЕДНИЧЕСКИЕ УСИЛИЯ РОССИИ ПО
КОНСТИТУЦИОННОМУ РЕШЕНИЮ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ
ПРОБЛЕМЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Смирнов Я.Ю.

Самарский государственный университет

Одной из «горячих точек» на территории бывшего СССР остается левобережье Днестра. Приднестровская проблема, конечно, имеет многие составляющие факторы политического, международного, этнического звучания, но в данной статье рассматриваются только те, что лежат в конституционно-правовом поле. Речь идет, прежде всего, об усилиях России привести в это поле решение данной проблемы, предпринятых в начале нынешнего столетия.

Самопровозглашенное государство на рассматриваемой территории названо Приднестровской Молдавской Республикой (ПМР). Хотя в самом названии подразумевается тесная связь с Молдавией, однако, согласно своей собственной Конституции, ПМР провозгласила независимость. В свою очередь, Конституция Молдовы 1994 года фактически определяет государственное устройство как унитарное. Таким образом, нет пока правового механизма конституционного разрешения кризиса путем предоставления левобережью Днестра той степени автономии, которая устроила бы проживающее там население.

Как известно, в мире существуют два типа автономии: государственная и административная. Государственная автономия шире, чем административная. Предоставление Молдовой государственной автономии Приднестровью было бы оптимальным разрешением конфликта, не выходящим из конституционного поля. ПМР добилась заметных успехов в различных сферах государственного строительства, что и учитывала Россия в своих посреднических усилиях по налаживанию связей между распавшимися частями бывшей советской Молдавии.

Позитивным шагом можно считать то, что в Конституцию Молдовы были внесены изменения в виде ст. 111, в которой говорится, что населенным пунктам левобережья Днестра могут быть предоставлены особые формы автономии¹. Это послужило толчком для поисков выхода из сложившейся ситуации, итогом которых в 2003 году стал российский план объединения Молдовы и Приднестровья, так называемый «меморандум Козака», в котором уделялось большое значение вопросам федеративного устройства нового государства.

Меморандум об основных принципах государственного устройства объединенного государства 2003 года подразумевал следующие шаги². В

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ст. 1 говорилось, что Республика Молдова и Приднестровье в целях объединения страны, обеспечения гражданского мира и демократического развития, договариваются об окончательном урегулировании приднестровской проблемы путем преобразования государственного устройства Республики Молдова на федеративных принципах в границах территории бывшей Молдавской ССР.

Реализация практических механизмов урегулирования приднестровской проблемы признавалась возможной на основе совместной разработки, предварительного всенародного обсуждения и принятия Конституции объединенного государства, которое должно было получить название Федеративная Республика Молдова. В Конституции объединенного государства подлежали закреплению основные принципы государственного устройства. Прежде всего, Федеративная Республика Молдова (далее – Федерация) провозглашалась демократическим правовым суверенным федеративным государством, основанным на принципе единства территории, единых принципах построения государственной власти, единого оборонного (на переходный период), таможенного, валютно-денежного пространства. Федерация должна являться нейтральным демилитаризованным государством, а до полной демилитаризации ее Вооруженные Силы формироваться и действовать на основе территориального принципа комплектования воинских частей и не использоваться для обеспечения правопорядка на территории Федерации.

Приднестровская Молдавская Республика должна была стать субъектом Федерации (государственным образованием в составе Федерации), формировать собственные государственные органы законодательной (Верховный Совет), исполнительной (Президент и Правительство) и судебной власти, иметь собственные Конституцию и законодательство, государственную собственность, самостоятельный бюджет и налоговую систему, а также собственную государственную символику и иные атрибуты государственного статуса.

Строительство нового федеративного государства неизбежно увязывало приднестровскую проблему с гагаузским вопросом. В настоящее время статус южных районов страны определяется Законом Республики Молдова «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» от 23 декабря 1994 г. Гагаузия представляет собой территориальное автономное образование с особым статусом и является формой самоопределения гагаузов. Гагаузия в пределах своей компетенции самостоятельно решает вопросы политического, экономического и культурного развития. Для нее предусмотрено «право на внешнее самоопределение», которое следует понимать как сепессию, но только «в случае изменения статуса Республики Молдова как независимого государства».

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ст. 3.8 Меморандума предлагала закрепить статус Гагаузии под названием «Автономно-территориальное образование Гагаузия», которое также признавалось субъектом Федерации с правом формировать собственные органы законодательной, исполнительной и судебной власти, иметь собственный Основной закон и законодательство, государственную собственность, самостоятельный бюджет и налоговую систему, а также собственную символику и иные атрибуты автономного статуса.

По ст. 3.9. Меморандума, собственно на территории Молдовы вне пределов территорий двух субъектов Федерации (Приднестровья и Гагаузии) все полномочия законодательной, исполнительной и судебной власти по предметам, отнесенных к ведению субъектов Федерации должны осуществляться федеральным Президентом, федеральным Парламентом, федеральным Правительством и федеральными судами непосредственно или органами местного самоуправления. Причем (ст. 3.10) конституционно-правовой статус и границы территорий субъектов Федерации нельзя изменять без их согласия.

Меморандум в ст. 4 относил к предметам ведения Федерации следующие: федеральная государственная собственность и управление ею; валютное регулирование и денежную эмиссию; воздушный, железнодорожный, водный транспорт; внешнюю политику, внешнюю торговлю, международные договоры Федерации, вопросы войны и мира; гражданство Федерации, вопросы эмиграции и иммиграции; порядок производства оружия, боеприпасов, ядовитых веществ, наркотических средств и их использования; определение статуса и защита государственной границы, воздушного пространства Федерации, режим пограничных зон; коллизийное право; метеорологию, геодезию, картографию, стандарты, эталоны, метрическую систему и исчисление времени; федеральный статистический и бухгалтерский учет; федеральные государственные награды и почетные звания.

В ст. 5 закреплялись предполагаемые предметы совместного ведения Федерации и ее субъектов: регулирование прав и свобод человека, прав национальных меньшинств; таможенное регулирование, деятельность Федерального Центрального Банка; энергетические системы, трубопроводный транспорт, связь; судостроительство, организация и деятельность правоохранительных органов, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, амнистия и помилование, законодательство об административных правонарушениях; гражданское, трудовое, гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство, правовое регулирование интеллектуальной собственности, общие принципы организации и деятельности нотариата; владение, пользование и распоряжение землей, недрами, водными и другими природными ресурсами; разграничение публичной собственности на федеральную собственность и собственность

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

субъектов Федерации; федеральный бюджет, федеральные налоги, сборы и иные обязательные платежи, государственное регулирование цен на товары и услуги, антимонопольное регулирование; охрана окружающей природной среды и обеспечение экологической безопасности, охрана уникальных природных территорий, памятников истории и культуры федерального значения; общие принципы образования и социальной защиты; вопросы борьбы с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидации их последствий; общие принципы внешнеэкономической деятельности граждан и юридических лиц; избирательное право.

В ст. 6 Меморандума предпринималась попытка закрепить предметы исключительного ведения субъектов Федерации. Это было особенно важно в условиях, когда конфликтующие стороны, даже становясь партнерами, не доверяли друг другу. К этим предметам отнесены регулирование внешнеэкономической деятельности, осуществляемой органами государственной власти субъектов Федерации за счет собственных средств, а также внешнеэкономической деятельности граждан и организаций; установление системы органов государственной власти субъектов Федерации; административное законодательство в части регулирования деятельности органов государственной власти субъектов Федерации; вопросы местного самоуправления; семейное и жилищное законодательство; вопросы здравоохранения; организация и деятельность адвокатуры; государственная собственность субъектов Федерации; утверждение и исполнение бюджетов субъектов Федерации; культура и искусство, охрана памятников истории и культуры регионального значения, физическая культура и спорт; вопросы градостроительства и архитектуры; награды и почетные звания субъектов Федерации; дополнительные меры социальной защиты. Этот список не являлся исчерпывающим. В п. 6.14 Меморандума устанавливалось, что к ведению субъектов Федерации могут быть отнесены «иные вопросы, не отнесенные к предметам ведения Федерации и предметам совместного ведения».

В ст. 9 предполагалось, что Федеральным законодательным органом государственной власти является федеральный Парламент, который состоит из двух палат – Сената и Палаты Представителей. Интересна структура Сената: из 26 сенаторов четверо избираются Народным Собранием Автономно-территориального образования Гагаузия, девять – Верховным Советом Приднестровской Молдавской Республики, тринадцать – Палатой Представителей федерального Парламента. Сама Палата Представителей состоит из 71 депутата, избираемых по единому избирательному округу в соответствии с пропорциональной избирательной системой.

Должности руководителей федеральных органов исполнительной власти и их заместителей предлагалось замещать с соблюдением принципа пропорционального представительства субъектов Федерации. Порядок

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

обеспечения такого представительства устанавливался бы соответствующими законами.

Федеральный Конституционный Суд должен был состоять из 11 судей, 6 из которых назначаются Палатой Представителей, 1 – Народным Собранием Автономно-территориального образования Гагаузия, 4 – Верховным Советом Приднестровской Молдавской Республики. Состав федерального Конституционного Суда предлагалось утверждать Сенатом.

Безусловно, можно оценить Меморандум как документ, направленный на стабилизацию ситуации в Молдавской Республике и как пример современного федералистского мышления, уделяющего большое внимание проблеме вертикального разделения властей. Однако, как это часто бывает, политические амбиции лидеров вновь пересилили, и на постсоветском пространстве одной «горячей точкой» не стало меньше, а одной федерацией больше³.

Несмотря на то, что данный план не был реализован по обстоятельствам политического характера, ему пока нет реальной альтернативы и возможности его принятия далеко не исчерпаны, о чем 14 июля 2005 г. заявил на «дне открытых дверей» своего ведомства глава российского МИДа⁴. Его по-прежнему можно рассматривать как модельный закон, учитывающий не только реалии двух берегов Днестра, но и пригодный в некоторых позициях для решения схожих конфликтов в других «горячих точках» на пространстве СНГ. Федерализация (или, в качестве варианта, регионализация по испанскому образцу) Молдавии, как и, например, Грузии или Украины, с построением развитой системы вертикального разделения властей при существующих политических режимах в этих государствах выглядят маловероятным исходом. Все же и безусловный отказ от развития по такому сценарию еще не наблюдается.

1. Ссылки на Конституцию и законы республики Молдовы приводятся по: Новые конституции стран СНГ и Балтии: Сб. документов. М., 1997.

2. Использован текст в электронной публикации: Новости России - ИА REGNUM, © 1999-2005 ИА REGNUM: Свидетельство о регистрации СМИ Эл №77-6430 от 6 августа 2002 г.

3. Российская газета. 2003. 27 ноября.

4. Российская газета. 2005. 18 июля.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
БОЛЬШИЕ ГОРОДА И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ
СРЕДНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В 1960-1980-Х ГОДАХ

Нюренберг В.В.

Тольяттинский государственный университет

На сегодняшний день в отечественной исторической науке достаточно прочно утвердился модернизационный подход, определяющий переход от традиционного сельского к индустриальному обществу как магистральный процесс новой и новейшей российской истории. При этом в качестве центрального звена модернизации рассматривается урбанизация, понимаемая как «комплексный модернизационный процесс», ведущий к «радикальному преобразованию всех сторон общественной жизни на «городских» началах»¹, превращению всего общества в урбанизированную среду. Решающую роль здесь играет формирование урбанизированных ареалов, локальных систем расселения и размещения производства. Однако исторически этому предшествует этап формирования сети городов.

1960-1980-е годы в СССР стали временем перехода от экстенсивной к интенсивной стадии урбанизации. Именно в этот период на основе агломерирования крупных территорий и включения городов, относительно мало взаимосвязанных друг с другом, в интеграционные процессы происходит формирование региональных систем расселения. За период 1959-1989 гг. в СССР основные показатели развития агломераций (общее число агломераций, численность городских поселений и населения в них) увеличились в 2 раза². Однако если малые и средние городские поселения включались в указанные процессы в зависимости от своего социально-экономического и социокультурного потенциала, то большие города, выполняя функцию экономически и социокультурно организующих центров, определяли основные тенденции развития этих локальных систем. Следовательно, для выявления урбанизационного потенциала региона необходимо определить, какое место в системе расселения занимали большие города.

Увеличение роли интенсивных факторов урбанизации в Среднем Поволжье в 1960-1980-х гг. проявилось в переносе акцента с образования новых городов на развитие уже существующих³. На протяжении всего периода большие, крупные и крупнейшие города занимали ведущее место в концентрации городского населения. Так, в 1959 г. в них концентрировалось 68% населения городов Среднего Поволжья, а в 1989 г. – 85%. В то же время численность населения городов увеличилась в 2 раза. При этом группа «больших – крупнейших» городов, представленная в 1959 г. 4 поселениями (Куйбышев, Пенза, Ульяновск, Сызрань), к 1989 г. пополнилась ещё 3 городами. Таким образом, к концу 1980-х гг. ведущее место в систе-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ме расселения заняли 3 города, относящихся к рангу больших (Димитровград, Новокуйбышевск, Сызрань), 3 «крупнейших» города (Пенза, Ульяновск, Тольятти) и 1 городом-«миллионером» (Куйбышев). На долю больших городов в 1989 г. приходилось всего лишь 10%, а на долю Куйбышева и группы крупнейших городов – примерно по 30% от общей численности населения городов⁴. Высокий уровень концентрации населения в них был связан, прежде всего, с динамичным социально-экономическим развитием и связанным с ним развитием социальной инфраструктуры.

В силу этого в 1960-1970-х гг. областные центры Среднего Поволжья постепенно превращаются в центры крупных городских агломераций (Куйбышевско-Тольяттинской, Пензенской и Ульяновской). По сути это означало вступление системы городского расселения региона в третью стадию, характеризующуюся развитием агломерированных форм расселения при ускоренном росте их ядер и депопуляции межагломерационных пространств⁵. Действительно, в этот период во всех трёх областях наблюдается бурный рост населения как в самих городах-«ядрах» агломераций, так и в зонах их влияния, а вне этих зон наблюдается противоположная тенденция. Однако следует отметить, что снижение показателя численности населения вне зон притяжения крупнейших городов, как и непосредственно в них, происходило за счёт сельских поселений. Одновременно с этим шёл рост городского населения вне агломераций, хотя его темпы были значительно ниже, чем внутри агломерационных пространств⁶.

В 1970-1980-х гг. опережающими темпами шло развитие Ульяновской агломерации (ежегодный прирост её населения составлял в 1970-1979 гг. 3,1%, а в 1979-1989 гг. – 2,5%). Пензенская агломерация, устойчивое развитие которой началось лишь в конце 1970-х гг., занимала третье место по основным показателям развития. Не смотря на то, что более чем в 4 раза сократился прирост населения Куйбышевско-Тольяттинской агломерации, она на протяжении всего периода находилась на первом месте⁷.

События 1990-х гг. внесли свои коррективы в процессы развития агломераций Среднего Поволжья, однако на сегодняшний день именно они концентрируют в себе социально-экономический потенциал региона, определяют основные тенденции интеграционных процессов, в которые включаются все города Среднего Поволжья в зависимости от своего социально-экономического и социокультурного потенциала. Его формирование особенно интенсивно шло в 1960-1980-х гг. В связи с этим весьма важным представляется воссоздание картины развития отдельных регионов и городских центров страны. Это требует комплексного их изучения, поскольку развитие городов отражает не только общие закономерности становления социалистической индустриализации и урбанизации и глубокие социальные сдвиги в российском обществе, но и региональные особенности развития этих процессов.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 36.
2. Лаппо Г.М., Полян П.М. Новые тенденции в изменении геоурбанистической ситуации в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 1996. №6. С. 17.
3. За указанный период статус города в Среднем Поволжье получили лишь 2 города: Новоульяновск (в 1967 г.) и Нефтегорск (в 1989 г.).
4. Рассчитано по: Численность населения российских городов (1897-1992 гг.): Справочник. Ярославль, 1995. С. 37-38, 40; Городские поселения РСФСР: По данным переписи 1989 г. М., 1991. С. 202-204.
5. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 171-172.
6. Большие города РСФСР. Научно-информационный сборник. М.: ЦНИЭИ Госплана РСФСР, 1976. С. 83.
7. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 552-553.

АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (1996-2005 ГГ.)

Кузнецова Ю.А.

Самарский государственный университет

С распадом Советского Союза исчезли идеологические противоречия, разделявшие США и Россию на протяжении большей части XX века. Начавшиеся в нашей стране реформы увеличили значение для России торговых отношений с США. Но уровень развития двусторонней торговли на сегодняшний день не отвечает потенциалу сторон. Данная статья является попыткой проанализировать развитие американо-российских торговых отношений в последние годы XX – начале XXI вв. и выяснить факторы, влияющие на их развитие.

1996 год можно рассматривать как начало нового этапа в развитии американо-российских отношений по нескольким причинам. Выборы президента России, состоявшиеся 3 июля 1996 года, показали, что страна окончательно встала на путь демократии и экономических реформ. Во внешней политике России был вновь признан приоритет национальных интересов. Разочарование в результатах «стратегического партнерства» позволило и той и другой стороне трезво оценить результаты, достигнутые в двусторонних отношениях и перспективы их развития в дальнейшем.

Источниками для исследования послужили официальные акты (документы в сборниках «Внешняя политика России», «Public Papers of the

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Presidents of the United States» («Бумаги президентов США»), данные Census Bureau (статистической службы при Департаменте торговли США). Использовались материалы периодических изданий («The Washington Post», «Российская газета» и пр.), доклады рабочих групп: Фонда Карнеги за международный мир (Вашингтон) и Совета по внешней и оборонной политике (Москва).

При рассмотрении данной темы, необходимо остановиться на состоянии торговых отношений между двумя странами к 1996 году. Как отмечал в 1993 году в ходе пресс-конференции в Ванкувере президент США Б. Клинтон «Нигде в мире процесс демократизации и перехода к рыночной экономике не является для Америки более важным, чем в России...»¹. Поэтому демократическая администрация приняла ряд мер для интенсификации торгового и инвестиционного взаимодействия с Россией. В результате устранение некоторых ограничений (было пересмотрено более 70 законодательных актов дискриминационного характера, принято решение о роспуске КОКОМ, приостановлено в отношении России с 1994 г. действие поправки Джексона-Вэника, блокирующей предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле с США), товарооборот между двумя странами достиг к 1996 году суммы в 6853,5 млн. долл.²

Несмотря на то, что к середине 90-х годов осложнились политические отношения между двумя странами, администрация Клинтона продолжала поддерживать интеграцию России в мировую хозяйственную системы и международные экономические организации. В частности, при поддержке США с 1996 года Россия присутствовала на заседаниях «Большой восьмерки»³, а в 1997 стала полноправным ее членом, хотя репортер «Вашингтон пост» Питер Бейкер отмечал, что «Россия по своим экономическим показателям не соответствует уровню остальных стран-участниц саммита»⁴. Одновременно в политике демократической администрации появилась и противоположная тенденция: симптомом недоверия к нашей стране явилось, по мнению Ю.М.Мельникова, распоряжение президента США от 30 июня 1997 года об ужесточении экспортного контроля в отношении продажи американских товаров двойного назначения, касающееся России и сохранение в американском законодательстве поправки Джексона-Вэника⁵.

Кроме политических, существовали экономические факторы, влиявшие на развитие американо-российских торговых связей, прежде всего, взаимная заинтересованность сторон. Как отмечается в докладе рабочей группы Фонд Карнеги за международный мир, американский бизнес, прежде всего, привлекали «перспективы освоения ёмкого внутреннего рынка России»⁶. Тогда как заинтересованность России в установлении прочных экономических отношений с США определялась «ролью США на мировом рынке высоких технологий, их научно-техническим потенциалом, а также

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

влиянием США в международных экономических финансовых организациях»⁷. Учитывая, что наша страна была гораздо больше заинтересована в развитии двусторонней торговли, следует, видимо, согласиться с мнением, высказанным в докладе рабочей группы Совета по внешней и оборонной политике, о навязывании Америкой России своей внешнеторговой стратегии⁸. Поэтому, несмотря на рост товарооборота (к 2001 году он составил 8 980, 6 млн. долл. США)⁹, в двусторонней торговле наблюдается явная товарная асимметрия. В конце 90-х в экспорте России в США преобладали металлы, уран, нефть, то есть сырьевая составляющая, при низкой доле готовой продукции¹⁰. В российском импорте из США преобладали различного вида машины и оборудование, а также зерно и мясопродукты, то есть «технологии и продовольствие»¹¹. Более того, попытки российских производителей расширить свое присутствие на американском рынке нередко встречало сопротивление. Например, использование российских носителей при запуске коммерческих спутников в США ограничивалось квотами¹². А с 1998 года в США периодически возбуждались антидемпинговые расследования против российских производителей стали¹³.

Политическое сближение двух стран на основе общей борьбы с терроризмом после событий 11 сентября 2001 года позволяло надеяться на устранение политических ограничений в торговле. Но ни поправка Джексона-Вэника, ни ограничения на поставки в Россию товаров двойного назначения не были устранены. Изменилась и позиция США по вопросу о вступлении России в ВТО. Если на встрече президентов Клинтона и Ельцина в 1997 году президент США заявлял о поддержке вступления России в ВТО на коммерческих или льготных условиях¹⁴, то в Совместном заявлении президентов России В. Путина и США Дж. Буша о новых российско-американских отношениях в экономической сфере (ноябрь 2001 г), заявлялось о поддержке Америкой вступления России на стандартных условиях¹⁵. Без льготных условий переходного периода российские производители не выдержат конкуренции в рамках этой организации, поэтому на сегодняшний день переговоры еще продолжаются.

Американо-российские торговые отношения в последние годы затрудняли и столкновения экономических интересов двух стран. В 2002 году, в ответ на ограничение импорта российской стали в США, Россия ответила временным прекращением ввоза американского мяса птицы¹⁶. Однако этот конфликт, по мнению Ричарда Саквы, может служить доказательством не хрупкости, а напротив «просто нормальности» американо-российских отношений. Он отмечает, что торговые войны периодически возникают у США с его торговыми партнерами, тогда как с СССР у Америки не было подобных конфликтов¹⁷. Тем не менее, меры США по ограничению своего рынка ухудшают не только торговые, но и политические отношения между двумя странами. Как отмечал Марк Уайтхаус в статье,

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

озаглавленной симптоматично («Как не следует обращаться с Москвой»), «... Россия не станет безопасной и стабильной страной, если только у нее не будет здоровой экономики. Что ей действительно требуется от Америки и от Запада, так это открытые рынки и приглашение в мировую экономическую систему. А именно этого то она и не получает»¹⁸.

Тем не менее, можно оптимистично оценивать перспективы дальнейшего развития двусторонней торговли, поскольку кроме негативных, сохраняют свое значение факторы, позитивно влияющие на развитие американо-российских торговых отношений: заинтересованность сторон друг в друге, стабилизация экономической ситуации в России и не враждебные отношения с США

1. Remarks and an Exchange With Reporters in Vancouver, Canada April 3, 1993 // Public Papers of the Presidents of the United States, 1993, U.S. Government Printing Office. Washington., 1994., В I, P. 390.

2. Census Bureau, Trade With Russia // www.census.gov/foreign-trade/balance/c4621.html.

3. Сообщение о встрече глав государств и правительств ведущих индустриальных стран // Дипломатический вестник. 1996. №7. С. 5-6.

4. Baker P. Clinton Convenes 7 Plus 1 // The Washington Post. June 21.1997.

5. Мельников Ю.М. Российско-американские отношения // Внешняя политика современной России. М. 2000. С 116.

6. U.S. – Russian Relations at the Turn of the Century. Reports of the Working Groups Organized by the Carnegie Endowment for International Peace, Washington, D.C. and the Council on Foreign and Defense Policy, Moscow. Brooking Institution Press, Washington, D.C., 2000, P.66.

7. Ibid.

8. Ibid. P. 72.

9. Census Bureau, Trade With Russia // www.census.gov/foreign-trade/balance/c4621.html

10. U.S. – Russia Trade Highlights // www.bisnis.doc.gov/bisnis/bulletin.cfm.

11. Ibidem

12. Соглашение между правительством РФ и правительством США по внесению в Соглашение между правительством РФ и правительством США относительно международной торговли в области коммерческих услуг по космическим запускам изменений и дополнений // Внешняя политика России. М. 2001. С. 51.

13. См. Сегодня 13 февраля. 1999.; Российская газета 14 июля. 2000. С. 6.; Российская газета 10 августа. 2000. С. 15.; Российская газета. 6 марта 2001. С.7.; Российская газета. 25 октября 2001. С.2.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

14. Сообщение о встрече Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина и Президента США Б. Клинтона от 21 марта 1997 г.// Внешняя политика России. М. 2001. С. 87.

15. Public Papers of the Presidents of the United States: George W. Bush, 2001. US G.P.O., Washington. 2003. В II. P.1400.

16. Российская газета. 16 мая. 2002.; Российская газета. 25 мая. 2002.

17. Sakwa Richard. Putin. Russia's choice. Routledge. London and New York. 2004. P. 210.

18. The Wall Street Journal. May 23. 2002.

**ПОДГОТОВКА И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА XVII ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ
МИССИИ Д.Е.МЫШЕЦКОГО В ПРУССИЮ В 1656 Г.**

Прудовский П.И.

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

В ходе шведско-польской войны 1655 – 1660 гг. шведский король Карл Густав в декабре 1655 г. вторгся в Пруссию (принадлежавшую бранденбургскому курфюрсту Фридриху Вильгельму), а 17 января 1656 г. по Кенигсбергскому договору принудил курфюрста к союзу и признанию шведского сюзеренитета¹.

В России, недовольной успехами Швеции, в первые месяцы 1656 г. назревал курс на войну с ней. Для поиска союзников в марте было снаряжено посольство кн. Д.Е. Мышецкого². Среди прочих и Фридриху Вильгельму было сделано предложение о союзе, которое неочевидным образом основывалось на информации о шведско-прусском конфликте и договоре, полученной Посольским приказом. В данной работе делается попытка разобрать, какие преломления этой информации в ходе подготовки и проведения посольства Мышецкого вызвали подобное обращение к курфюрсту и к каким результатам это привело.

Российские сведения о столкновении Швеции и Пруссии и о завершившем его соглашении исходили от дипломатов К.А. Иевлева и Г.К. Богданова, проезжавших в это время с миссиями по Европе, и от друйского воеводы А.Л. Ордина-Нащокина. Их информация была практически идентичной и заключалась в том, что шведы не добились успеха в военных действиях и, заключив мир, не смогли ни подчинить себе Пруссию, ни сделать ее своим союзником, а ее государь, возможно (но не точно), готов возобновить борьбу со Швецией³.

Таким образом, без искажения в информации российских дипломатов передан только сам факт заключения мира между Пруссией и Швецией. (Причины искажений не могут быть здесь подробно разобраны, но в качестве наиболее очевидной из них следует назвать то, что российские дипломаты не имели доступа к официальной информации и вынуждены были довольствоваться слухами.)

Выяснить вопрос о том, действительно ли эти сведения были положены в основу миссии Мышецкого, ввиду отсутствия наказа, можно только на основе его статейного списка. В его составе имеются два однотипных текста; это речи посланника от имени царя, обращенные к курфюрсту

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

бранденбургскому и герцогу курляндскому (еще одному кандидату в союзники против Швеции). В них позиция курфюрста представлена следующим образом: после того как шведский король разорил землю курфюрста, тот готов вместе с царем воевать против Швеции⁴. Т.о., известия о военных действиях в Пруссии превратились в убеждение, что она подверглась опустошению (к чему, возможно, подталкивал характер войн того времени, но что совсем не следовало из донесения Иевлева, бывшего свидетелем шведского похода), а неопределенная возможность возобновления прусско-шведского конфликта была воспринята в Посольском приказе как готовность курфюрста к войне со Швецией. Мы видим рост погрешности по сравнению с первоначальными данными (не говоря уже о действительном положении дел).

Задачи миссии, судя по переговорам Мышецкого с курфюрстом, где последнему было предложено совместно с царем вести военные действия против Швеции и отомстить таким образом за разорение Пруссии, были сформулированы на основании этих оценок⁵.

Во время своего дальнейшего пребывания в Пруссии Мышецкий получил новые сведения о Кенигсбергском договоре. «Пристав» Ф.И. фон Гётцен (в статейном списке Фредрик Эц) в неофициальной беседе сообщил условия соглашения: признание шведского сюзеренитета, обещание курфюрста помогать против Польши и, самое главное, присылка 1500 человек подкреплений Карлу Густаву. Все это соответствовало действительности⁶.

Новая информация заставила Мышецкого модифицировать свою позицию. Теперь он настаивал на соблюдении курфюрстом дружественного нейтралитета, причем конкретные условия явным образом основаны на информации, сообщенной Гётценом. Посланник потребовал не позволять подданным курфюрста наниматься в шведскую армию, не представлять шведскому королю войск, возвратит из его войска уже отправленные туда подразделения⁷.

Бранденбургская сторона фактически оказалась выполнить эти требования, а те гарантии нейтралитета, которые она готова была дать, не удовлетворили Мышецкого. Вследствие этого посольство, с точки зрения задач, поставленных перед ним в Москве, закончилось безуспешно.

На примере посольства Мышецкого мы видим, что даже если миссия готовилась на основе неточных сведений, то при получении более адекватной информации посланник мог проявлять инициативу, используя эту информацию и модифицируя свои задачи в соответствии с ней. Насколько такая практика была распространена в российской дипломатии, могут показать только дальнейшие исследования.

1. Moerner T. Kurbrandenburgs Staatsverträge von 1601 bis 1700. Berlin, 1867. S. 195 - 200. Nr. 105 - 107.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2. О миссии Мышецкого см.: Форстен Г.В. К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского // ЖМНП. 1900. № 6. С. 319; Forstreuter K. Preußen und Rußland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Großen. Göttingen, 1955. S. 161.

3. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1655. № 6. Л. 128 – 129, 138, 142; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1854. Т. 3. Стб. 569, 575 – 576, 584 – 585.

4. РГАДА. Ф. 74. 1656. № 2. Л. 19, 63.

5. Там же. Л. 66.

6. Там же. Л. 79 - 81.

7. Там же. Л. 90 – 91.

ПЕТР III И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Павлова Е.В.

Самарский государственный университет

Одним из ярких эпизодов XVIII века стал переворот 28 июня 1762 года и правление Екатерины II. Этим событиям уделено значительное внимание в историографии. Царствованию же Петра III отводится незначительное место. Его правление обозначено такими событиями как окончание Семилетней войны, попыткой секуляризации монастырских земель, дарование дворянству вольности и рядом преобразований, касающихся развития промышленности, торговли и градостроительства. Легитимный император Петр III правил полгода, не был коронован, и был свергнут с престола при одобрении всех господствующих групп.

Причины переворота 1762 года заключались не только в недовольстве политикой Петра III, но и тем, что он не был российским императором в настоящем смысле этого слова. Его поведение не соответствовало представлениям об императорской особе русского общества. С другой стороны, Петр Федорович изначально воспринимался как внук Петра Великого.

Вышеуказанная ситуация определяет особый подход к изучению источников, в которых за основную информацию принимается информация, несущая психо-эмоциональную нагрузку. Она характеризует настроения в высшем обществе до переворота и на момент переворота, причины неприятия Петра III обществом, такие как знаковое и поведенческое несоответствие некоронованного императора образу православного государя.

Поэтому выявление сущностных черт Петра III как личности, его деятельности, его образа в представлении высших слоев русского петербургского общества и гвардии является важным для раскрытия данной темы.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Важнейшими мероприятиями первых месяцев его царствования стали: роспуск Тайной канцелярии 21 февраля 1762 года, 18 февраля был опубликован манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», и начало реформ церковного землевладения. Эти реформы уже разрабатывались при Елизавете Петровне. Проводимые Петром III, они не были достаточно подготовлены, проводились поспешно и встретили отпор высших господствующих сословий. После публикации указа о секуляризации церковных и монастырских земель, духовенство обратилось к императору с посланием, в котором обозначило правительство императора как басурманское. Петру III в упрек ставили и неподобающее поведение на службах: кривляния, подшучивание над священниками, переговоры с дамами.

Неодобрение вызвал и манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», поскольку содержал множество оговорок. Дворянство видело в императоре деспота, который игнорировал интересы государства. Экономические преобразования Петра III проводились под флагом протекционизма. Экономические реформы носили прогрессивный характер, однако не получили повсеместного распространения.

Петр Федорович расформировал Конференцию при дворе и создал особый Совет, лишив возможности принимать участие в принятии политических решений елизаветинский кабинет. Сенату он предложил ввести кодекс Фридриха II, чем вызвал негодование высшего петербургского общества. Поведением, манерой принимать решения и отдавать указы, он демонстрировал стремление к подражанию манере правления Фридриха II и Петра I.

Особые отношения сложились у императора с гвардией. По восшествии на престол он заменил лейб-компанию, созданную Елизаветой, гвардией из голштинцев. Причины недовольства коренились и в изменении внешней политики России. Союзом с Фридрихом II Петр III свел к нулю все успехи русского оружия в Семилетней войне. Этот мирный договор оскорбил имперское чувство русского общества. Ропот вызвало намерение императора начать военные действия против Дании. Недовольны были Австрия и Франция, в коалиции с которыми Россия начинала Семилетнюю войну.

Попытка Петра III изменить принципы комплектования армии (ломка штатов, создание новых гвардейских полков, укомплектованных балтийскими немцами и голштинцами) не имела успеха в силу традиционного представления о государственной и военной службе.

Император демонстрировал свои дружественные отношения с королем Прусским, публично проявляя к нему уважение, чаще похожее на идолопоклонство. Он окружил себя людьми Фридриха, наделяя их полномочиями своих советников и ближайшего окружения. Он предпочитал рус-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ским орденам орден черного орла, некогда врученный ему от имени Фридриха. Русский император щеголял в прусском мундире и наградах на приемах, экзерцициях, обедах, многословно рассказывая о своих планах относительно войны с Данией и желании содействовать кумиру.

Правительства Австрии и Франции искали возможности свергнуть с престола Петра III, и потому оказывали поддержку Екатерине. Екатерина II учла эти обстоятельства и умело их использовала, стараясь противопоставить себя супругу набожностью, почитанием русских православных традиций, кротостью. На ее сторону переходили члены кабинета Елизаветы и сторонники императора. Уже к середине июня 1762 года не было серьезных сил, готовых поддержать императора. Прибыв 28 июня в Петербург, Екатерина просила у гвардии защиты от тирана – мужа. На ее сторону встали Сенат и Синод. Екатерина была провозглашена императрицей-матушкой, гвардия без колебаний принесла присягу, духовенство осветило ее на царствование.

Мнение о том, что у Петра III был шанс предотвратить переворот, явившись в Петербург и заявив свои права на престол, едва ли основательно. Петр III не решился появиться в Петербурге, его окружение, понимая безвыходность ситуации и не авторитетность императора, покинуло его. Многие присягнули Екатерине II.

Петр Федорович не проявил должного уважения традициям страны. Будучи крещен по православному обычаю, он не стал православным государем. Как император он оказался несостоятелен. В вопросах национальных приоритетов он проявил неуважение к победам русского оружия, оскорбив имперское чувство русского общества. Вместе с тем, следует сказать, что распространенное мнение о нем как необразованном тупице - не основательно. Проведенный в данном исследовании комплексный анализ внутренней политики Петра III, показал, что намечаемые и проводимые им мероприятия, в принципе, не противоречили государственным интересам России. Однако его поведение, в силу воспитания, и форма реализации политических решений были неадекватными сложившимся стереотипам мышления и поведения общества. В представлении высших слоев петербургского общества и гвардии он ассоциировался со слугой врага, солдатом, басурманином, тираном, глупым пруссаком. К моменту переворота не нашлось никого, кто бы поддержал его как законного императора, внука Петра I.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
РОССИЙСКИЙ ПРИДВОРНЫЙ ЦЕРЕМОНИАЛ В XVIII ВЕКЕ:
ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ТРАДИЦИЙ

Куцева Е.А.

Самарский государственный педагогический университет

Русский Императорский Двор сложился в XVIII в. и ориентировался на западные образцы, главным образом на королевские Дворы Франции, Пруссии, и австрийский Императорский Двор¹.

Состав, структура и обычаи российского императорского двора складывались более века и окончательно сформировались лишь в царствование Николая I. Основной идеей российского дворцового церемониала была демонстрация политического престижа империи и царствующей фамилии. При этом естественным было усвоение уже существовавших на Западе общих принципов организации двора, номенклатуры придворных чинов и звании, некоторых церемоний. В первом случае за образец был взят французский двор; во втором – двор прусских королей и австрийский императорский двор. Однако не стоит забывать, что в обычаях российского двора присутствовали специфический православный и национальный элементы².

Учреждение придворных чинов по западным образцам было не только делом личного желания Петра, а естественным последствием развития русской жизни. Придворные чины по преимуществу имели немецкие названия, но на их учреждение оказывал влияние церемониал французского двора, который Петр Великий мог наблюдать во время своего посещения Франции в 1717 г.³

К тому же для разработки церемоний русского двора Петр использовал свидетельства русских послов при французском дворе. Так Андрей Матвеев по возвращению из Франции составил подробный рапорт о пребывании при дворе Людовика XIV. Он детально описывает придворные службы, должности и церемонии⁴. Хотя придворные должности при русском дворе по своему названию немецкие, но функции полностью повторяют французские должности. К тому же французский двор Людовика XIV был эталоном для всей Европы.

Двор супруги Петра I, по свидетельству современников, не уступал в блеске и величии германским дворам той эпохи, двор же самого Петра отличался необыкновенной простотой.

В 1730 году, императрица Анна Иоанновна положила основание регламентации придворных чинов⁵. Они были подчинены обер-гофмейстеру. Ему, обер-гофмаршалу и гофмаршалу даны были подробные инструкции. Инструкция обер-гофмейстеру: «Донеже, се императорское величество, по примеру других благоучрежденных дворов всемилостивейше заблагоизоб-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

рела и при своем императорском дворе обер-гофмейстера учредить»⁶... Пример западных дворов, желание подражать им, желание иметь штаты придворных как учреждение — вот причина начатой императрицею регламентации придворного штата. В ее же царствование был установлен порядок старшинства придворных чинов между собой. Причем первым чинам двора присвоен по табели о рангах второй класс, при равенстве с военными и гражданскими чинами, брали место по старшинству пожалования каждого в чин. Вторым чинам двора или имеющим придворное звание присвоен третий класс, они уступали место военным, но были выше гражданских чиновников, независимо от старшинства.

Императрица Елизавета продолжала начатое Анной упорядочение придворных штатов. Если ранее придворные назначались на основании расписаний, утвержденных императрицею, то с 1742 года начинается пожалование в придворные чины указами. Придворная служба возвышалась все больше. Чин камер-юнкера переводился в бригадный чин, а обер-церемониймейстер в ранг генерал-майора, церемониймейстер в ранг бригадира⁷. Императрица Екатерина II, при которой придворный блеск достиг своего апогея, при вступлении на престол 15 августа 1762 года, определила чины, жалованье и обязанности камергеров и камер-юнкеров. Камергеры Екатерины II имеют чин генерал-майора, золотой ключ, жалуемый ее императорским величеством. Они дежурили при государыне «по сколько указано будет». Во время коронации и в других церемониях несли шлейф императорской мантии и в церемониальных столах, когда ее величество «кушать изволят на троне», кавалеры стояли внизу у трона до тех пор, пока «ее величество изволит пить», а дежурные кавалеры служили за столом: старший разрезал, а младший стоял за креслом ее величества. Когда же был публичный выход, то придворные кавалеры ехали верхом. Камер-юнкеры имели при Екатерине II чин бригадира (V класса), дежурили при ее величестве «сколько указано будет». Императрица Екатерина требовала от камергеров и камер-юнкеров неотлучного пребывания при своем дворе.

Эти церемонии так же имеют французский прообраз. Так в королевских трапезах придворные чины прислуживают королю стоя, причем каждое действие строго регламентировано⁸.

Таким образом, русский придворный церемониал развивался под большим влиянием европейских дворов, особенно французского, это касается особой пышности и блеска, придворных служб, регламентации, но не следует забывать национальных особенностей, которые привнесли свою специфику в европейский ритуал русского двора.

1. Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII-XX в. М.: ЗАО Центрополиграф, 2003. С. 30.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2. Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России. XVIII - начало XX вв. Спб.: Искусство-Спб, 2001. С. 394-395.
3. Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем: В 4-х ч. М.: Гос. Публ. Ист. Б-ка России, 2003. С. 16.
4. Матвеев А.А. Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева) / Под ред. А. Д. Люблинской. М.: Наука, 1972.
5. Определение придворных должностей см.: Соловьев Б.И. Русское дворянство. М.: Полигон, 2003. С. 286-298.
6. Волков Н.Е. Указ. соч. С. 23-24.
7. Яблочков М. История дворянского сословия в России. Спб. Типография А. М. Котомина, 1876. С. 490.
8. Элиас Н. Придворное общество: исследование по социологии короля и придворной аристократии, с Введением. М.: Языки славянской культуры, 2002. С.128.

РУССКИЕ В СОСТАВЕ ЛИТОВСКОГО ВОЙСКА В КОНЦЕ XVIII-XIV ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕМЕЦКИХ ОРДЕНСКИХ ХРОНИК)

Еремин Е.М.

Самарская государственная академия культуры и искусств

Как известно, начиная с конца XIII века, княжества западной и юго-западной Руси попадают под влияние набирающего силу Великого княжества литовского. К середине XIV века под властью литовских князей оказались Полоцкое, Витебское, Турово-Пинское, Смоленское княжества¹. Таким образом, в XIV веке формируется уникальное политическое образование – Великое княжество литовское. Государства состоящего из двух частей: русских православных земель и литовских языческих. Эта уникальность задает много вопросов, одним из которых будет проблема восприятия этого государственного объединения другими народами. Ощущали ли они её уникальность? Как оценивали? Эти вопросы напрямую связаны и с международным обликом Литовского княжества, с её местом в политической системе Восточной Европы. Эта двойственная сущность не могла не отразиться в источниках соседних с Литвой народов. Одним из ближайших государств Литовского княжества было государство Тевтонского ордена в Пруссии и Ливонии.

Между Орденским государством и Литвой шла постоянная и принципиальная война. Орден хотел подчинить себе Литву, под предлогом её христианизации. После покорения Пруссии, обращение в христианство Литвы и борьба с литовским язычеством стало главной идеологической причиной Ордена для своего нахождения в Балтийском регионе. Для Лит-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

вы война с Орденом была борьбой за свое существование, как этнического, так и государственного объединения. Эта борьба отнимала много сил у обеих сторон, т.к. в силу обстоятельств не позволяла победить чисто военными методами ни одной из сторон². С.М. Соловьев считал, что именно борьба с Орденом не дала Литве целиком подчинить себе всю Русь³. Таким образом, в орденских хрониках главное место в отражении взаимоотношений между государством Тевтонского ордена и Литвой отдано войне и сражениям.

Однако даже при подобном отражении двуязычное и двух конфессиональное государство дает о себе знать. В орденских хрониках, начиная с конца XIII века, появляются упоминание о русских в составе войска литовцев. Через выявление роли и места русских в литовском войске, отношение к ним и их образа в хрониках, можно будет понять как соседи литовского княжества, в данном случае рыцари Тевтонского ордена, воспринимали само литовское государство с его специфической сущностью. Особо интересным представляется выявить позицию авторов хроник по отношению к участию христиан, которыми были русские, в совместных походах с язычниками.

Первое упоминание о русских на землях Литовского княжества и о вооруженном столкновении с ними братьев-рыцарей мы находим у прусского хрониста Петра из Дусбурга⁴, которое приходится примерно на 1296 год. В 1305 году хронист уже прямо говорит об их присутствии в войске литовского короля⁵. Однако русские или рутены (Ruthenus), как их называют в латиноязычных источниках, встречаются с братьями только на территории Литовского княжества во время набегов самих братьев-рыцарей. У последующих хронистов сообщения о присутствии русских в литовском войске возникают всё чаще.

Под 1311 годом Виганд Марбургский сообщает впервые о русских в составе войска литовского короля Витеня, вторгшегося на территорию Пруссии⁶. То есть теперь от оборонительных функций воины из русских земель перешли к активным наступательным действиям в составе войск литовских князей, принимая участие в нападениях на земли самого Ордена. В 1330 году «многочисленная масса русских и язычников» вторглась в Курляндию⁷.

Принимали участие русские и в крупнейших битвах, таких как на реке Стребене и при Рудае. Виганд Марбургский пишет, что литовские короли в 1348 году создали большое войско, куда по призыву пришли русские из Владимира Волынского (Lademer), Бреста (Brisik), Витебска (Wytenberge), Смоленска (Smalantz) и люди из Полоцка (Plosczkow)⁸. Ливонский хронист Герман Вартберг подтверждает эти сведения⁹. Виганд Марбургский сообщает так же, что язычники были вооружены копьями (дротиками), которые стали метать в христиан, а русские луками, одним из неизменных своих

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

воинских атрибутов. В ходе сражения язычники не выдержали и побежали. Река преградила дорогу отступавшим и из-за этого они понесли большие потери. Виганд Марбургский сообщает, что было убито «русских и прочих» числом в 18 тысяч, оценки Германа Вартберга скромнее – 10 тысяч.

В 1370 году состоялся крупный поход литовских князей Ольгерда и Кейстута на Пруссию. Князья неожиданно с двух сторон проникли в центр прусских земель Самбию и объединились у поселения Рудава. Здесь же и произошла битва между силами Ордена и литовскими войсками. О присутствии в сражении русских не говорит только Виганд Марбургский¹⁰. Остальные же отмечают их наличие. Причем из сообщения об этом прусским хронистом Иоганном фон Посильге можно сделать вывод, что русские были только в составе войска Ольгерда: «прибыл Кейстут со своими и Ольгерд с русскими»¹¹. Битва была очень ожесточенна и окончилась отступлением литовских войск. Цифру потерь сообщает только Герман Вартберг – пять с половиной тысяч погибших, отмечая, что большая часть из них русские¹². Остальные хронисты точных данных о потерях не дают, обозначая только их большой характер. При этом все хронисты говорят о том, что много людей погибло при отступлении: либо замерзли от холода¹³, либо утонули в Двине¹⁴. Герман Вартберг даже сообщает имя одного из замерзших русских бояр – Везевильте (Всеволод – возможно)¹⁵.

Это упоминание имени русского, пожалуй, одно из единственных. Хронисты весьма скупы на сообщения об именах русских. Более того, большинство правителей русских городов в литовском княжестве как таковыми русским не считаются. Например, король русских Наримант, брат Ольгерда и Кейстута, погибший в битве при Стребне¹⁶. В русских источниках его знают под христианским именем Глеб, князь Турово-Пинский¹⁷. Или кастелян (староста) Гродно (в немецком варианте – Гарты) Давид. Будучи сыном Довмонта Псковского, он пришел в Литву из Пскова, но русским ни где не называется¹⁸. Виганд Марбургский сообщает о знатном боярине Иване, племяннике Кейстута и Ольгерда¹⁹, так же, не называя его русским. Этим же хронистом упоминается некий король Патеркий (rex Paterky) из Гродно, происхождение которого не ясно²⁰. То есть почти все приведенные персонажи, которые должны считаться русским, таковыми не называются. Это было бы объяснимо, если учесть, что правящая династия в Великом княжестве литовском была из литовцев. Но под понятием "русский" немецкие хронисты обозначали вовсе не этническую принадлежность, а конфессиональную. Никакой четкой этнической границы между Литвой и Русью не проводится²¹. Потому, скорее всего термином "русский" обозначаются лица православной конфессии²². Однако тот же Давид не мог не быть православным, как и прочие князья в русских землях. Имеются косвенные данные и о крещении в православии Ольгерда. Но хронисты это игнорируют. Скорее всего, причина в следующем, Орден призна-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

вал право крещения Литвы только за собой, потому другие отдельные эпизоды с принятием литовцами христианства не признавал, особенно если оно осуществлялось по православному обряду. Однако на коренных жителях русских земель этот принцип не распространялся.

Вызывает первоначально удивление и то, что хронисты не высказывают возмущение по поводу участия христиан, хотя и не католиков, в военных мероприятиях литовцев-язычников. Однако и это объясняется, если вспомнить феодальный принцип организации государства в XIII – XIV вв. Русские являлись вассалами Гедиминовичей и не могли не подчиниться призыву сюзерена собираться в поход. Хронисты четко проводят линию между русскими землями под властью Литвы и независимыми русскими княжествами Москвы, Новгорода или Пскова. Называя жителей и тех и других земель «русским», авторы распространяют термин *Russia* только последние земли. Однако постоянное присутствие в войске литовских князей накладывает отпечаток на отношение хронистов к русским. В 1341 году, как сообщает Виганд Марбургский, магистр Ордена призывает наемников и знать Германии к походу против и литовцев, и русских²³. А Иоганн фон Посильге рассказывая о штурме замка Мариенвердер в 1384 году литовскими королями, пишет, что они пришли «со всеми своими силами, литовцами и русскими, и другими злыми христианами»²⁴. Что понимается под «другими злыми христианами», не ясно (может наемники из Европы или поляки), но понятно, что русские относятся к «злым христианам».

Однако образ врага в лице русских к концу XIV века еще не сложился. Потому мир с русскими возможен. В 1378 году сказано о заключении мира с «некоторыми русскими землями» на 10 лет²⁵. Причем, Виганд Марбургский уточняет, что это был город Plockow, но понять Полоцк это или Псков – сложно. Скорее всего, Полоцк, потому что в 1381 году литовский князь Скиргайло совершил поход на Псков через Ливонию и осаждал его 14 недель²⁶. Однако позднее князь Кейстут захватив Вильно выгнал от туда Ягайло с матерью и велел отпустить с миром 10 знакомых ему русских²⁷. Эти русские как раз могли быть захвачены Скиргайлом, братом Ягайло, во время похода. К тому же у Виганда Марбургского в эпизоде с заключением мира указан некий Андрей. Он может быть князем Полоцким Андреем, упомянутый Германом Вартбергом. С 1373 по 1375 года этот Андрей Полоцкий воевал с Орденом²⁸ и в 1378/1379 мог запросить мира.

Таким образом, рыцари Тевтонского ордена не считали двуязычное и двуверное Великое княжество Литовское чем-то выходящим из рамок обыденного. Официальной целью войны рыцарей ордена были подчинение и христианизация языческой Литвы и её князей, а не их вассалов русских православных князей. Существующее положение Литвы вполне укладывалось в феодальные представления той эпохи. Одновременно рыцарями не признавалось факта крещения литовских князей в православие, как впро-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

чем, не признавалось оно и в самой Литве. Участие русских же в войнах против Ордена воспринималось как часть их вассальной присяги, потому в этот период еще и не возникает жесткого принципиального конфликта с русскими, в которых не видели ещё врагов веры и всех немцев.

1. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 416 – 422.
2. Бокман Х. Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории / Пер. В.И.Матузовой. М., 2004. С. 138.
3. Соловьев С.М.Сочинения. В 18 кн. Кн. 2. Т. 3 – 4. История России с древнейших времен. М., 1988. С. 245.
4. Петр Дусбургский. Хроника земли Прусской. М., 1997. С. 119.
5. Там же. С. 173.
6. Die Chronik Wigand von Marburg. Cronica Nova Prutenica // Scriptores rerum Prussicarum (SRP) / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke. Leipzig, 1863. Bd. 2. S. 454 – 455.
7. Ibid. S. 475.
8. Ibid. S. 511 – 512.
9. Германа Вартберг. Ливонская хроника. // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. т.2. С. 107.
10. Die Chronik Wigand von Marburg. S. 565 – 567.
11. Johannis von Posilge, officials von Pomesanien, Chronik des Landes Prussen // SRP / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke. Leipzig, 1866. Bd. 3. S. 89 – 91.
12. Германа Вартберг. Ливонская хроника. С. 119.
13. Die Chronik Wigand von Marburg. S. 567; Германа Вартберг. Ливонская хроника. С. 119.
14. Johannis von Posilge... S. 90.
15. Германа Вартберг. Ливонская хроника. С. 119.
16. Там же. С. 107.
17. Соловьев С.М. История России... Ч.2. С. 229, 237.
18. Петр Дусбургский. Хроника земли Прусской. С. 187.
19. Die Chronik Wigand von Marburg. S. 552.
20. Ibid. S. 522, 545.
21. Саганович Г. Н. Русь в прусских хрониках XIV – XV вв. // Славяне и их соседи. М., 1999. Вып. 9. с. 102.
22. Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII – 1270 г. Тексты, перевод и комментарии. М., 2002. С. 158.
23. Die Chronik Wigand von Marburg. S. 497.
24. Johannis von Posilge. Chronik des Landes Prussen. s. 135.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

25. Die Chronik Wigand von Marburg... S. 591; Johannis von Posilge. Chronik des Landes Prussen... S. 113. Примечание: Посильге указывает другую дату – 1379 г.

26. Johannis von Posilge. Chronik des Landes Prussen... S. 116; Die Chronik Wigand von Marburg... S. 607.

27. Johannis von Posilge. Chronik des Landes Prussen... S. 117; Die Chronik Wigand von Marburg... S. 611.

28. Die Chronik Wigand von Marburg... S. 591; Германа Вартберг. Ливонская хроника. С. 124 – 131.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА И ИРГИЗСКИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ МОНАСТЫРИ

Наумлюк А.А.

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

Отношения между Российским государством и старообрядчеством в синодальный период развивались весьма не однозначно. Несмотря на существование официальной линии внутренней религиозной политики правительства касательно раскола личная позиция государя почти всегда играла определяющую роль. Немаловажный интерес при этом представляет региональная специфика исполнения такой политики. Особенно ярко это проявилось в существовании Иргизских старообрядческих монастырей Саратовской губернии. Здесь в поле зрения попадает государственная политика по отношению к расколу, начиная с Екатерины II и заканчивая Николаем I, хотя начать анализ следует с религиозной практики Петра III.

С восшествием на престол Петра III началось некоторое послабление политики по отношению к старообрядцам.

Автором проекта поселения беглых староверов на Иргизе был крестьянин села Малыковки (ныне г. Вольск) Иван Серебряков¹. На проект обратил внимание император, отправивший указ на рассмотрение в Сенат. Ответа не пришло из-за случившегося государственного переворота. Однако император успел приготовить проект, по которому отменялось всякое притеснение староверам, им разрешалось вернуться на постоянное поселение в Отечестве, носить бороды и отправлять свои службы по дониконовским книгам².

Во время царствования Екатерины II 14 декабря 1762 г. вышел сенатский указ «О позволении раскольникам выходить и селиться в России», по которому бежавшим староверам разрешалось возвращаться на Родину³. Среди мест, отведенных под поселение, возле Саратова вернувшимся старообрядцам передавалось более 70 тысяч десятин плодороднейшей земли с

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

различными угодьями Иргиза. Впрочем, в этом же манифесте вновь подтверждалось взимание двойного оклада с раскольников, отмененного лишь 8 ноября 1782 г.

Император Павел сочувственно относился ко всем замыслам представителей архиерейской власти. Также и к старообрядцам, но без понимания. Его поддержка сыграла огромную роль в развитии раскола на Иргизе. Монастыри содержались богато, на что неоднократно обращали внимание церковные власти, безуспешно пытавшихся добиться принятия мер у гражданского начальства⁴. Однако каких-либо серьезных законопроектов в отношении староверов при Павле издано не было.

В это время Иргиз прославился как основной поставщик беглых попов для всей раскольничьей России. 31 августа 1797 г. вышел указ, по которому все три мужских монастыря освобождались от рекрутской повинности, чем прямо санкционировалась самобытность Иргиза⁵.

Однако уже правительство Александра Павловича, начало принимать ряд мер ограничивающих бурный рост раскола. 27 мая 1820 г. вышел важный указ «О запрещении старообрядцам занимать государственные должности», не позволяющий раскольникам любых толков занимать чиновничьи должности⁶. Расчет правительства основывался на нежелании прямой конфронтации с влиятельным расколом и ожидании его естественного затухания от времени.

Коренные изменения произошли в царствование Николая I. Началась кампания закрытия старообрядческих скитов.

В это время реальные цифры староверов в России приближались к 10 миллионам⁷. Такие цифры складывались не только из явственных раскольников, но и из беглых, тайных староверов, записывающихся в православные, что показала перепись 1811 г.⁸

19 июня 1839 г.⁹ в Саратовской губернии возник Особый секретный комитет по делам раскольников, который боролся с распространением раскола, главным образом увещательными мерами в виде диспутов и организации миссионерской службы. В 1836 г. новый саратовский губернатор Александр Петрович Степанов, бывший адъютант Суворова, по военному закончил существование Иргиза с помощью казачьих войск и пожарных труб с высочайшего позволения¹⁰.

Государственная политика по отношению к расколу на протяжении царствования от Петра III до Николая I развивалась в тенденции ужесточения вплоть до задач полного уничтожения староверия. Причина такому развитию политики видится в прямой зависимости от развития взаимоотношений самих институтов государства и православной церкви.

Петр III еще встречал жесткое сопротивление православных иерархов, а потому не оставил после себя сколько-нибудь важных изменений.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Екатерина, занявшаяся управлением государства с жестких петровских позиций, смогла переломить косность епископов и митрополитов с помощью секуляризации, поставив церковь на службу государству не только в идеологическом плане, но и экономическом. Такие же точно цели преследовала императрица и в отношении староверия. Разрешение переселяться в Россию в обозначенные «резстром» места было продиктовано, прежде всего, нуждами колонизации пустующих земель. Также во время ее царствования старообрядцам легче всего было записаться в купеческое сословие.

Император Павел позволил церкви развиваться практически самостоятельно, отдав руководство лишь избранным из числа верховных иерархов. Такая расслабленность церковной жизни как ничто другое благотворно отразилась на существовании раскола.

Планомерная борьба с расколом началась при Александре Павловиче, который предпринял попытку пресечь развитие раскола, изолировав его от общественной жизни государства и дождавшись, со временем, его угасания. Однако староверие, накопившее к тому времени огромный экономический потенциал, вполне смогло просуществовать и без связи с государством. Запрет строить новые церкви и занимать чиновничьи должности обходился с помощью купеческого капитала.

Наконец к силовым методам борьбы с расколом, как и к ужесточению контроля над православной церковью, перешло правительство Николая I. Итогом стало закрытие множества старообрядческих общин, в том числе и на Иргизе, однако, это также привело к массовому переходу раскольников в тайное положение, то есть цели своей не достигло.

1. Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гавриила Романовича Державина. СПб., 1859. С. 415.

2. Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. Саратов-М. 1923. С. 366.

3. Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XVI: С 28 июня 1762 по 1765. Сс. 129-132.

4. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136.

5. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 1-1 об.

6. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147; см. также Наумлюк А. А. Об осуществлении правил 27 мая 1820 года О запрещении старообрядцам занимать государственные должности в Саратовской губернии // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2005.

7. Мельников П. И. Счисление // Полное собрание сочинений. СПб., 1909. Т. 7. С. 392.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

8. Шахназаров О. Л. Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории, 2002. №4.

9. С. 56.

10. Скворцов Г. А. Саратовский Высочайше утвержденный Секретный Совещательный Комитет по делам о раскольниках, сектантах и отступниках от православия // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1915. №32. С. 2.

11. Степанов Л. А. Взятие у старообрядцев Иргизского монастыря в 1836г. // Русская старина, 1879. Т. XXIV.

НАЦИОНАЛИСТЫ И ПРАВИТЕЛЬСТВО В.Н.КОКОВЦОВА

Лопухова А.В.

Самарский государственный университет

Своим появлением на политическом небосклоне националисты во многом были обязаны П.А. Столыпину. Для них он был тем политиком, с которым они связывали надежды на преобразование России, вокруг которого они объединились и которого полностью поддержали. Это была единственная партия ни разу не вставшая к нему в оппозицию.

Со смертью П.А. Столыпина националисты потеряли главного политического союзника и покровителя. Но закатилась ли звезда националистов после его гибели или они смогли остаться заметной силой в политической жизни России?

Совместная работа с правительством являлась генеральной тактической линией Всероссийского Национального Союза (ВНС) и рассматривалась им прежде всего в контексте участия русских националистов в работе Государственной Думы. Фракция националистов, традиционно ориентированная на союз с правительством, после назначения на пост премьер-министра В.Н. Коковцова, не торопилась демонстрировать свою лояльность по отношению к новому главе кабинета. Особенное беспокойство националистов вызывала позиция премьера в национальном вопросе. Лидер националистов П.Н. Балашов прямо заявил В.Н. Коковцову, что националисты поддержат его лишь при условии продолжения столыпинского курса в национальных отношениях¹.

Националисты, на первом собрании фракции при обсуждении вопроса об отношении к правительству, решили занять выжидательную позицию. И лишь когда В.Н. Коковцов по поводу финляндских законопроектов заявил о «безусловной преемственности его программы с деятельностью П.А. Столыпина», националисты решили поддержать его².

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Коковцов с самого начала не предполагал вступать в тесный политический альянс с думскими партиями. И хотя новый премьер-министр не только не отрекся от заложенных его предшественником общих либерально-националистических основ правительственного курса и отчасти пытался следовать им в своей практической деятельности, с первых же дней премьерства В.Н. Коковцова стало ясно, что прежнего уровня доверительности в отношениях между премьер-министром и партиями думского центра, в том числе и ВНС, не сформируется. Кроме того, довольно быстро выяснилось, что приверженность Коковцова «стольпинским традициям» носит во многом декларативный характер и что новый глава кабинета не в состоянии решить многие из тех задач, которые казались представителям умеренных кругов российского общества совершенно неотложными.

Это стало очевидно к концу деятельности III Думы и в период подготовки к выборам в IV Думу. К этому времени думские лидеры ВНС окончательно расстались с надеждами на воскрешение той модели отношений с В.Н. Коковцовым, которая существовала при П.А. Столыпине. Кроме того, существует ряд косвенных доказательств того, что правительство непосредственно субсидировало националистов³. Окажись П.А. Столыпин у власти, националисты могли бы рассчитывать на финансовую поддержку на выборах. В планы В.Н. Коковцова это явно не входило, что никак не добавляло ему популярности среди националистов, а скорее способствовало появлению ностальгии по «стольпинским временам».

С началом работы IV Государственной Думы критика деятельности российского правительства все чаще стала звучать в выступлениях думских ораторов от фракции националистов и умеренно-правых. «Мы не та партия, – заявлял В.А. Бобринский, – которая ныне угодничает перед правительством»⁴.

Уже при обсуждении правительственной декларации ведущие ораторы националистов А.И. Савенко и В.В. Шульгин, предъявили серьезные претензии и к правительству, и к самому премьеру. Савенко упрекнул Коковцова в том, что «ни в декларации..., ни в действиях правительства нет определенности, нет никакого движения ни вперед, ни назад, есть топтание на месте». Сравнив Коковцова с его предшественником, оратор заявил, что если Столыпин выигрывал время для России у революции, то Коковцов «выигрывает время для революции у России»⁵. Шульгин в своем выступлении обратил внимание на недовольство правительством со стороны различных фракций и заключил: «Русская земля не желает поддержать Председателя Совета министров»⁶. О настроениях националистов свидетельствуют донесения Л.К. Куманина, сообщавшего 29 января 1913 г., что их лидеры и лидеры правых пришли к выводу: «...раз глава правительства не сними, то он против них, и они против него»⁷.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В критике правительства националисты часто использовали тезис о его недостаточной приверженности «стольпинским заветам». Хотя, надо заметить, что этот прием использовали и октябристы, так что националисты здесь не были оригинальны. Как и во время III государственной Думы, в начальный период работы IV Думы русские националисты в своих выступлениях обращали внимание на недостаточную «национальность» правительственной политики, особенно по отношению к тому курсу, который проводил Столыпин. «Это курс, – говорил Савенко, – презрение к обществу, презрение к общественности, презрение к русскому народу, ко всему, чем живет этот русский народ. Господа, пропасть, которая разделяет общество и русское правительство, эта пропасть, разумеется, создалась не сегодня и не вчера, но столь глубокой, как теперь, она, вероятно, никогда еще не была. Мы должны голосами всех лояльных элементов Государственной Думы решительно сказать правительству, что нет той силы, которая могла бы подавить живой дух русского народа»⁸.

Помимо комплексной критики деятельности Совета министров по существу, риторику русских националистов характеризовало также стремление указать на его главный формальный изъян: отсутствие внутреннего единства. «Давно уже общеизвестно, – говорил А.И. Савенко 12 декабря 1912 г., выступая от имени фракции националистов и умеренно-правых по поводу только что прозвучавшей декларации председателя Совета министров В.Н. Коковцова, – что из всех политических курсов самым плохим, более того, самым опасным является отсутствие всякого политического курса. Именно это мы и имеем». «Я должен обратить ваше внимание, – обращался в свою очередь в те же дни к членам Государственной Думы В.В. Шульгин, – на то странное обстоятельство, что совершенно с разных скамей мы совершенно одинаково нападаем на правительство. Казалось бы... правительство, если бы оно угодило одним, не угодило другим и наоборот. Но объяснение этому очень простое... Правительство у нас сейчас не одно. У нас два или три правительства или во всяком случае правительство наше многогранное. И вот каждый из нас выбирает ту грань, которая ему не нравится, и на нее нападает»⁹.

Впрочем, из дальнейших рассуждений выяснилось, что отсутствие у Совета министров политического единодушия волновало русских националистов не само по себе, но постольку, поскольку оно препятствовало осуществлению того курса, который они связывали с именем П.А. Столыпина и который принимался как дальнейшее развитие прогрессивных (умеренно-либеральных) преобразований, осуществляемых под «русско-национальным» знаменем. В этой связи особо жесткой критике подвергалась политически аморфная позиция премьер-министра В.Н. Коковцова: «Я совершенно точно скажу, кто моя мишень, – говорил, выступая с думской кафедры 12 декабря 1912 г., В.В. Шульгин, – ... я буду брюзжать не

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

по адресу правительства вообще, а по адресу главы правительства... поскольку проводимый им курс ведет к тому, что становится «плохо с русским народом». «Нужны героические усилия, чтобы вывести русское племя на путь. И вот этих героических усилий... у нас нет. Вот что мы ставим в вину главе правительства: нет широты плана, нет размаха, нет смелости, – а по условиям времени это нужно»¹⁰.

В мае 1913 г. М.О. Меньшиков отмечал: «...самые верные престолу, самые преданные государству, наиболее патриотические и национальные элементы выступили с беспощадным протестом против государственной политики В.Н. Коковцова»¹¹. Возвратившись к этой теме сразу после отставки главы правительства, публицист утверждал, что В.Н. Коковцову пришлось столкнуться не только с «революционной оппозицией», «реакционной оппозицией крайних правых» и «умеренной оппозицией октябристов», но и с «несочувственным нейтралитетом» со стороны националистов. В марте 1913 г. А.И. Савенко писал: «...Отныне я революции не боюсь, она, даже она, гораздо патриотичнее, чем наше гнусное правительство, чем вся эта паршивая бюрократия, совершенно равнодушная к России»¹².

Итак, националисты были готовы к сотрудничеству с правительством в случае выработки им определенной политической программы. Но сам В.Н. Коковцов к этому не стремился, что и обусловило негативное отношение к его кабинету. В результате исполнительная власть могла рассчитывать не более чем на условную поддержку справа.

Во время премьерства В.Н. Коковцова националисты не просто смогли сохранить свои позиции в политической сфере, но и позволить себе критиковать работу Совета министров с точки зрения ее законности и целесообразности. В Государственной Думе после убийства П.А. Столыпина взаимодействие русских националистов с октябристами, прерванное после парламентского кризиса, возобновилось. Однако прочного правительственного большинства в Думе сложиться уже не могло. Внутри ВНС и его думской фракции наметились два течения. Правое – во главе с П.Н. Балашовым – выступало за тесный союз с крайне правыми и против поддержки В.Н. Коковцова по внутриполитическим вопросам. Левое, лидерами которого были В.В. Шульгин, А.И. Савенко, В.Я. Демченко, высказывалось в пользу альянса с октябристами и прогрессистами на платформе внутренней политики В.Н. Коковцова, выступавшего за умеренный в отношении либеральной общественности курс. В то же время и правые, и левые националисты осуждали экономический курс премьер-министра и способствовали тому, что последний был отправлен в отставку.

Во многом, отношение националистов к правительству определялось личностью самого премьера. П.А. Столыпин обладал достаточным мужеством, энергией и волей, чтобы сплотить вокруг себя людей и увлечь их

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

силой своего авторитета. В.Н. Коковцов был менее значительным политиком. На протяжении его премьерства острых конфликтов не было, но было разочарование... Шульгин, спустя годы, вспоминая свои слова в Государственной Думе о том, что «надо употребить какие-то большие усилия. Необходимо размах, изобретательность, творческий талант. Нам надо изобретателя в государственном деле... нам надо «социального Эдиссона...», писал: «И колонны слышали ответ: «От меня требуют, чтобы я был каким-то государственным Эдиссоном... Очень был бы рад... Но чем я виноват, что я не Эдиссон, а только Владимир Николаевич Коковцев». Конечно, В.Н. не был виноват»¹³.

1. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. М., 1992. Кн. 1. С.413.
2. Националисты в III Государственной Думе. СПб., 1912. С.165.
3. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. М., 1992. Кн. 2. С.11.
4. Государственная Дума. IV Созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1913. Ч. III. Стб.1086.
5. Государственная Дума. IV Созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 408.
6. Государственная Дума. IV Созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 552-553.
7. Донесения Л.К.Куманина из министерского павильона Государственной Думы, декабрь 1911 - февраль 1917 // Вопросы истории. 1999. №6. С.30.
8. Государственная Дума. IV Созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 2401-2420.
9. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. М., 2001. С.448.
10. Государственная Дума. IV Созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 552-553.
11. Меньшиков М.О. Упадок доверия // Письма к ближним. 1913. № 5. С.37.
12. А.И.Савенко – Н.К.Савенко. 26 марта 1913 г. // ГАРФ. Ф.102. Оп.265. Д.922. Л.621.
13. Шульгин В.В. Дни. М., 1989. С.113.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИЙ ГУБЕРНСКИХ ЖАНДАРМСКИХ
УПРАВЛЕНИЙ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛАХ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Гончарова Е.А.

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

В рамках вопроса об изменениях внутривластной ситуации в России в начале XX века и реакции на них государственной власти важно рассмотреть сюжет о той роли местных органов политической полиции в лице губернских жандармских управлений (далее ГЖУ), которую им отводили Департамент полиции и Отдельный корпус жандармов в борьбе с антиправительственными выступлениями. Есть основания полагать, что одним из проявлений реакции власти на ухудшение внутривластной ситуации в стране стало изменение функциональных обязанностей ГЖУ.

В существующей классификации ГЖУ делятся на три вида: столичные ГЖУ; в наиболее крупных городах и ГЖУ в остальных губерниях как, например, Астраханской, Самарской, Саратовской и т.д.¹ Безусловно, ГЖУ третьего вида были самыми распространенными. В основу данной работы был положен анализ источников Государственного архива Саратовской области.

При учреждении в 1826 г. Отдельного корпуса жандармов на жандармов была возложена почти только одна наблюдательная деятельность. За 75-летний срок существования корпуса в империи произведены были коренные реформы, совершенно изменившие условия жизни в государстве, во всех слоях общества. Законом 19 мая 1871 г. следствие по политическим делам было передано от следователей жандармам, а «Положение о государственной охране» 1881 г. возложило на жандармов совершенно новые, весьма сложные обязанности. В 1900 г. Департамент полиции был вынужден циркулярно уточнить функциональные обязанности ГЖУ, что сводило функции ГЖУ к производству дознания и розыскным мероприятиям по политическим преступлениям. Единой инструкции к 1900 г. не было. Видимо, ее отсутствием, а возможно, и низким профессиональным уровнем определенной части жандармов, объясняется издание в конце 1900 г. справочной книжки о правах и обязанностях унтер-офицеров ГЖУ², составителем которой был подполковник Ваулин. Она представляла собой выписки из законоположений, инструкций и руководящих приказов шефа жандармов, командира корпуса и циркуляров штаба корпуса жандармов.

В связи с развитием революционного движения появилась необходимость в корректировке деятельности ГЖУ. Но в то же время для разработ-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ки каких либо проектов должна быть информационная база, основанная на опыте работы. Именно поэтому многие циркуляры Департамент полиции дополняет только через несколько лет. Таким образом, шел процесс детализации и углубления функций. Ярким примером служит вышедшая в 1882 г. Инструкция о негласном полицейском надзоре³, дополнения к которой появились только через 15 лет. Здесь детализировалась работа с корреспонденцией, чтобы сделать ее более эффективной и полезной в деле предотвращения политических преступлений. Немаловажную роль в появлении этих дополнений сыграло, по-видимому, признание перлюстрации в том же 1882 г. в качестве метода, который, по сути, заключался в работе с корреспонденцией и в свою очередь за эти 15 лет так же апробировал приемы просмотра писем.

Также значительную роль в повышении эффективности работы ГЖУ играла организация правильного взаимодействия с другими учреждениями, но без дублирования функций. Некоторые функциональные обязанности ГЖУ выполняли, например, совместно с органами общей полиции. Такой совместной функциональной деятельностью являлись гласный и негласный⁴ полицейский надзор⁵.

На фоне активизации революционного движения «несостоятельность» многих ГЖУ давала о себе знать⁶, в связи с чем в районах «наибольшей концентрации» революционных сил стали учреждаться розыскные отделения, переименованные в 1902 г. в охранные⁷. Соответственно, в 1902 г. выходит «Положение о начальниках розыскных отделений»⁸, в котором были разделены функциональные обязанности жандармерии и охранных отделений. Жандармы, то есть служащие ГЖУ, должны были заниматься производством дознаний по политическим преступлениям, а охранные отделения осуществлять оперативно-розыскные мероприятия. Такое разграничение компетенции двух учреждений было закреплено и финансовыми мерами. Теперь деньги на розыскные нужды Департамент полиции должен был выдавать начальникам охранных отделений, а не начальникам ГЖУ, как это было прежде⁹. Еще одной функциональной обязанностью как ГЖУ, так и охранных отделений, в случае такой необходимости, была «охрана лиц, на жизнь которых подготавливалось покушение той или иной организации»¹⁰, производимая агентами наружного наблюдения. Также они должны были информировать государственные учреждения по их запросам о благонадежности как их служащих, так и кандидатов на соискание вакансий в них (в основном на местном уровне, в общегосударственном же масштабе эта функция лежала на самом Департаменте полиции). Таким образом, несмотря на попытки сверху разграничить функции двух учреждений местной политической полиции, они очень часто не просто пересекались, а напрямую совпадали.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В 1904 г. появляется инструкция, регламентирующая обязанности ГЖУ¹¹, но ее пункты с точностью повторяют те, которые были изложены в переписке за 1900 г., без всякого дополнения или сокращения, и это не смотря на появление нового органа местного сыска – Охранного отделения. По-видимому, недооценив всю серьезность складывающейся ситуации, Департамент полиции не считал необходимым отреагировать на происходившие в стране изменения и, таким образом, оказался не вполне готовым к борьбе с массовым антиправительственным движением, о чем свидетельствовала первая российская революция 1905–1907 гг. Проблема догоняющего характера действий и мер по отношению к нарастающему революционному движению Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов, нежелание делить свои полномочия, зачастую недопонимание на местном уровне функций учреждения, приводили, в конечном результате, к снижению эффективности методов работы.

1. Перегудова З.И. Политический сыск России. 1880-1917. М., 2000. С. 109.

2. Ваулин. Справочная книжка о правах и обязанностях унтер-офицеров губернских и областных жандармских управлений с дополнительным к ним штатом уездных и жандармских управлений крепостных жандармских команд и унтер-офицерского резерва (Выписки из законоположений, инструкций и руководящих приказов шефа жандармов, командиров штаба корпуса жандармов). СПб., 1900. С. 1-108.

3. ГАСО. Ф. 53. Оп. 9. 1882-1906 гг. Д. 24. Л. 6–10.

4. ГАСО. Ф. 53. Оп. 9. 1882–1906 гг. Д. 24. Л.10.

5. ГАСО. Ф. 53. Оп. 9. 1882 г. Д. 23. Л. 1.

6. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1900 г. Д. 131. Лл. 1 а–1 об.

7. ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. 1902 г. Д. 239. Л. 17.

8. О начальниках розыскных отделений. Положение 12 августа 1902 г. // Полиция России. Документы и материалы. 1718-1917 гг. Саратов. 2002. С. 254-257.

9. Борисов А.В., Иваненко В. Е., Скрипилев А. Е. Полиция Российской империи: XIX-начало XX вв. М., 2001. С. 35.

10. ГАСО. Ф.53. Оп. 15. 1911 г. Д. 8. Л. 25.

11. Перегудова З.И. Политический сыск России. 1880–1917. С. 112–113.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В
РОССИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Филатова Я.И.

Самарская государственная академия культуры и искусств

Определённые взаимодействия религии и государства существуют в любом обществе. Они сохраняются до тех пор, пока существуют государство и религия, функционируют религиозные организации, пока остаётся необходимость в удовлетворении религиозных потребностей граждан. Как и другие общественные отношения, государственно-религиозные закрепляются или устанавливаются и регулируются правом. Право может способствовать как укреплению (сохранению) религиозности масс, так и наоборот – способствовать секуляризации религии. Актуальность темы обусловлена тем, что в современных условиях развития российского общества существует проблема статуса отдельных религиозных конфессий и правового регулирования государственно-конфессиональных отношений.

Изучение указанной проблемы привлекало внимание отечественной науки с начала XX столетия. Но дореволюционная литература весьма малочисленна, представлена работами рубежа XIX-XX веков и первого десятилетия XX века.(30,24,25). В советской литературе тема государственно-конфессиональных отношений изучена более широко. Все монографии этого периода были написаны в русле господствующей теории атеизма и характеризовались отрицательным отношением к религии. Все исследования можно разделить на два направления. Первое – это анализ трудов идеологов формирования политики КПСС по вопросам взаимоотношения религий и государства.(19,2,3). Другое направление работ - анализ существующего законодательства. (15-18, 35, 11,34,21-23). Лишь в самом конце советского периода началось переосмысление политики социалистического государства по отношению к религиозным организациям. Одним из примеров служит сборник «На пути к свободе совести»(26). Здесь уже с абсолютно иных позиций рассматривается проблема государственно-конфессиональных отношений, и в отличие от более ранних работ, дана возможность высказаться представителям различных вероисповеданий. В постсоветский период исследования указанной проблемы строились в абсолютно другом направлении, что стало возможным благодаря открытию ранее недоступных архивов. Здесь можно отметить работы таких авторов, как М.И. Одинцов (27-29), В.А. Алексеев (1), Н.А. Кривова (20) и ряд работ Д. Поспеловского (31-33). Среди авторов, которые в наши дни занимаются изучением проблемы государственно-конфессиональных отношений нужно указать В. Кантора (14), К. Каневского (12,13), С.А. Бурьянова

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(4-9), Н.В. Володину (10), но эти исследования носят фрагментарный характер и представлены в основном статьями в периодической печати.

Источниками данной работы являются законы, инструкции, постановления и циркуляры, регламентирующие религиозную жизнь в России указанного периода.

Государственно-конфессиональные отношения в России прошли длинный путь развития. В Российской империи конца XIX века ведущее место занимала Православная церковь, которая была частью государственного аппарата и ревниво следила за тем, чтобы её привилегированное положение сохранялось. Все остальные религии подразделялись на «терпимые» и «не терпимые». Государственная церковь преследовала с помощью полиции всех, кто пытался выйти из-под духовной опеки.

После большевистского переворота вся политика советского государства по отношению к религиозным организациям строилась на Декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 года и законами 1929 года, которые вводили ряд ограничений и жёстко регламентировали открытие и существование религиозных общин. Однако попытки подавления религиозной жизни породили религиозные подполье и диссидентство, в которых требования религиозной свободы выступали как выражение одного из демократических принципов - свободы совести.

Демократические изменения в 90-е г.г. XX века в нашей стране затронули и сферу государственно-конфессиональных отношений. В 1997 году был принят новый закон, благодаря которому церковные организации получили статус юридического лица и другие положительные изменения по сравнению с советским периодом. Но были и существенные недостатки, например – отказ в перерегистрации ряду религиозных организаций, которые не являются «неотъемлемой составной частью исторического наследия России». Конституционный суд, однако, не позволил придать Закону обратную силу, и в результате список зарегистрированных централизованных и «местных» объединений различных религий не только не сократился, но даже расширился.

В современном обществе государственно-конфессиональные отношения нуждаются в совершенствовании. Это потребность ощущается и на государственном, и на научном уровне. В последние годы появился ряд проектов, концепций в этой сфере, но и они, к сожалению, не дают безукоризненного плана развития вероисповедной политики. Представляется целесообразным начинать строительство новой системы государственно-конфессиональных отношений с совершенствования нормативно-правовой базы российского законодательства для реализации декларируемых прав в области свободы совести и подготовки квалифицированных специалистов. Специалисты эти должны быть не просто религиоведами, а ещё и политическими менеджерами в этой весьма своеобразной сфере социальных от-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ношений. Государственные менеджеры-религиоведы в отличие от учёных религиоведов призваны на практике повседневно обеспечивать взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления с профессиональными организациями.

Однако, для создания эффективной системы взаимодействия государства и религиозных организаций, появления компетентных государственных специалистов в этой сфере крайне недостаточно. Очевидна потребность в создании специализированной государственной структуры – не контролирующей, не опекающей, но эффективно и главное – осторожно подключающей к государству и обществу сферу религии. Опыт такого взаимодействия и в мировой практике и в нашей стране огромен и имеет положительную динамику развития. Необходимо взять из него всё самое полезное, эффективность чего доказана временем, и не допускать стихийного развития конфессиональной политики в нашей многонациональной и поликонфессиональной стране.

1. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы / В.А. Алексеев. – М., 1991.
2. Ануфриев Л.А. О вере и неверии / Л.А. Ануфриев. – Одесса, 1960.
3. Барменков А.И. Свобода совести в СССР / А.И. Барменков. – М., 1986.
4. Бурьянов С.А. Государственно-церковные отношения против свободы совести и правового государства / С.А. Бурьянов // Отечественные записки. – 2002. - №7. С.394- 404.
5. Бурьянов С.А. Государственно-конфессиональные отношения и тенденция трансформации законодательства о свободе совести / С.А.Бурьянов, С.А.Мозговой // Юридический мир. – 2001. - №12 С.4-13.
6. Бурьянов С.А.Свобода совести и светскость государства в России / С.А.Бурьянов // Юридический мир. – 2003. - №1С.14-25.
7. Бурьянов С.А. Свобода совести в Российской Федерации / С.А. Бурьянов // Конституционное и муниципальное право. – 2004. – №2. С.15.
8. Бурьянов С.А. Отношения государства с религиозными объединениями в преддверии избирательного цикла 2003-2004 гг. / С.А.Бурьянов // Юридический мир. – 2003. – №8. – С.4-16.
9. Бурьянов С.А. Проблемы совершенствования нормативно-правовой базы реализации права на свободу совести в контексте глобализации / С.А.Бурьянов // Государство и право. – 2002. – №10. – С.26-31.
10. Володина Н.В. Государственное регулирование вопросов свободы совести / Н.В.Володина // Конституционное и муниципальное право. 2003. – №2. – С.18.
11. Гольст П.Р. Религия и закон / П.Р. Гольст. – М., 1975.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

12. Каневский К. Социальная Концепция Русской Православной церкви / К.Каневский // Российская юстиция. – 2003. – №2. С.
13. Каневский К. Религиозный ренессанс в России / К.Каневский // Российская юстиция. – 2002. – №11. С.
14. Кантор В. Русская империя и православие / В.Кантор // Октябрь. – 2002. – №7. – С.41.
15. Клочков В.В. Социалистическое государство, право и религиозные организации / В.В. Клочков. – М.,1984.
16. Клочков В.В. Закон и религия / В.В. Клочков. – М.,1982.
17. Клочков В.В. Религия, государство, право / В.В. Клочков. – М.,1978.
18. Клочков В.В. Советское право и церковь / В.В. Клочков. – М.,1983.
19. Коммунистическая партия и советское правительство о религии и церкви. – М.,1961.
20. Кривова Н.А. Власть и церковь / Н.А. Кривова. – М.,1997.
21. Куроедов В.А. Советское государство и церковь / В.А.Куроедов. – М.,1976.
22. Куроедов В.А. Религия и церковь в советском государстве. – М.,1984.
23. Куроедов В.А. Из истории взаимоотношений советского государства и церкви / В.А. Куроедов // Вопросы истории. – 1973. - №9. С.15.
24. Мельгунов С.Н. Церковь и государство в России / С.Н. Мельгунов. – М.,1909 вып.1.
25. Мельгунов С.Н. Церковь и государство в России / С.Н. Мельгунов. – М.,1909 вып.2.
26. На пути к свободе совести. М.,1989.
27. Одинцов М.И. Государство и церковь / М.И. Одинцов. – М.,1991.
28. Одинцов М.И. Униаты и советская власть / М.И. Одинцов // Отечественные архивы. – 1994. - №3. С.56.
29. Одинцов М.И. Религиозные организации в СССР / М.И. Одинцов // Отечественные архивы. – 1995. - №2-3. С.37.
30. Орлов А. Церковь и государство / А.Орлов. – Спб., 1910.
31. Поспеловский Д. Православная церковь в истории Руси, России и СССР / Д.Поспеловский. – М.,1991.
32. Поспеловский Д.В. Тоталитаризм и вероисповедание / Д.В. Поспеловский. – М.,2003.
33. Поспеловский Д. Сталин и церковь / Д.Поспеловский // Континент. – 2000. - №103. С.220.
34. Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь / Ю.А. Розенбаум. – М.,1985 .
35. Эрзин Г.И. Государство и религия / Г.И. Эрзин. – М.,1974.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЗЕМСКИХ УЧАСТКОВЫХ НАЧАЛЬНИКОВ
В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1889-1905 ГГ.

Старков Д.А.

Самарский государственный экономический университет

На рубеже XIX-XX веков Россия представляла собой страну преимущественно с сельским населением. Согласно данным, содержащимся в отчете губернатора в Самарской губернии на 1900 год проживало 2,9 миллиона человек, в Самаре проживало только около 100 тысяч человек¹. Для управления населением, проживающим в сельской местности в Российской империи был создан соответствующий административный аппарат, который в 1889-1904 годах представлял из себя административную пирамиду. В основании этой пирамиды находился институт земских начальников, бывших непосредственными проводниками правительственной политики на местах. Промежуточное положение занимали уездные съезды, направляющие деятельность крестьянских учреждений в рамках уезда. Губернские присутствия являлись органами, представлявшие собой верхушку этой иерархичной организации.

Положение о земских участковых начальниках было обнародовано 12 июля 1889 года и вводилось на территории 43 губерний европейской России, в том числе и на территории Самарской губернии. Согласно положению каждый уезд делился на участки, в границах которого административной и судебной властью наделялся земский начальник². Однако, в границы участков не входили города. Всего на территории Самарской губернии насчитывалось семь уездов: Самарский, Бугульминский, Новоузенский, Николаевский, Бугурусланский, Бузулукский, Ставропольский. На территории Самарской губернии было назначено 79 участков, а средним числом участков на уезд было 10-12³.

На должность земских начальников выдвигались лица, земельные собственники из местных, потомственных дворян, обладающие должным уровнем образования и служебной подготовкой⁴. Кандидатов на должность земского участкового начальника представлял предводитель дворянства, который ходатайствовал за каждого дворянина. В 1891 году список лиц на должность земских начальников был представлен в министерство внутренних дел. Этот список утверждался самим министром.

Предметом ведения земских начальников был надзор за всеми установлениями крестьянского общественного управления⁵. Земские начальники были обязаны рассматривать все приговоры волостных и сельских сходов, им заранее предоставлялись списки дел, назначенных на рассмотрение волостным сходом⁶.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Одной из первейших обязанностей земских начальников было выполнять на местах постановления и решения губернского присутствия и уездного съезда⁷. Практически все дела губернского присутствия, относящиеся к предмету ведения земских начальников содержали в тексте формулировку «приговор препроводить к земскому начальнику». Земский начальник мог налагать арест до 3 дней и штраф до 3 рублей⁸.

Земские начальники входили в структуру административного управления министерства внутренних дел, осуществлять ревизию их дел могли губернатор, губернское присутствие, и уездное присутствие. Состояние дел может характеризовать ревизия делопроизводства земского начальника 10 участка М.А. Варпаховского, человека в преклонных годах, проведенная непременно членом губернского присутствия Д.Я. Слободчиковым и зафиксированная в рапорте от 6 ноября 1899 года.

Отчет о ревизии начинается с сведений о числе крестьянских душ на участке, расстоянием между селениями и т.п. Далее следует денежный отчет. Интересные сведения представляет часть, касающаяся делопроизводства по административным делам. Указываются такие недостатки как малое число веденных дел, из 8 дел за 1898 год 2 дела якобы были записаны по ошибке⁹. Подобный факт подвергается ревизором Слободчиковым сомнению. В 1895 году земским начальником Варпаховским было решено всего 2 дела.

В качестве положительной характеристики было отмечено, что дела своевременно поступают в уездный съезд. Были отмечены и «неправильности» в ведении дел, касающиеся арестов и штрафов. Так Варпаховский одновременно наложил на 291 человека штраф по 1 рублю, таким образом он должен был собрать 291 рубль¹⁰. Далее в рапорте следует отчет по уголовным и гражданским делам. По уголовным делам в год нерешенными оставалось 13-14 процентов дел. По гражданским делам в год нерешенными оставалось гораздо меньше дел, чем по уголовным.

В заключении рапорта подводятся общие итоги ревизии, отмечается недостаточное знакомство с законами, определяющими деятельность земского начальника, хотя и отмечается старательная работа по мере сил¹¹. В качестве мер предлагается административное взыскание за обнаруженные «неправильности» и разъяснение законодательства¹².

Таким образом, в конце XIX века в системе местного управления появился новый институт земских начальников, созданный для контроля сельского населения. В качестве кандидатов выдвигались дворяне – опора правительственного режима. Однако, не всегда эти лица были способны осуществлять свои обязанности должным образом, отчасти это объяснялось отсутствием необходимого числа подходящих кандидатов. Это не могло не вызывать у населения недовольство как самими земскими начальниками, так и правительственной властью, которую они олицетворяли.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1. ГАСО. Ф.3. Оп.233. Д.1739. Л.2.
2. Свод законов Российской империи. Т.9. Кн.3. Ст.2, 5.
3. ГАСО. Ф.3. Оп.106. Д.39. Л.4.
4. Свод законов Российской империи. Т.9. Кн.3. Ст.6.
5. Там же. Ст.23.
6. Там же. Ст.30.
7. Там же. Ст.42.
8. Там же. Ст.57.
9. ГАСО. Ф.4.Оп. 1. Д.292. Л.3об.
10. Там же. Л.4.
11. Там же. Л.8об.
12. Там же. Л.9об.

УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ САМАРЫ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1905 Г.

Петайкина М.В.

Ульяновский государственный университет

Говоря о составе участников революционного движения начала XX века в Самарской губернии, нельзя не упомянуть о такой категории населения как учащиеся гимназий и средних специальных учебных заведений. Здесь было 4 мужских и 7 женских средних учебных заведений, в которых учащихся мужского пола было 1 443 человека, женского – 2 223. Всего насчитывалось 18 «низших» учебных заведений: 15 мужских и 3 женских. В 37-ми так называемых «смешанных» школах обучалось 4 125 юношей и 2 764 девушки¹.

Женскими учебными заведениями были первая и вторая гимназии, епархиальное училище (в 1905 г. там обучалось 537 дочерей священников), Самарская фельдшерско-акушерская школа (в ней было 3 женских класса). С 15 сентября 1906 г. действовала первая женская профессионально-ремесленная школа.

Революционная волна не могла не захлестнуть учащуюся молодежь. Еще до петербургских событий 9 января 1905 г. она проявляла солидарность с бастующими, старалась быть в курсе политических событий, охотно читала прокламации радикальных партий и была согласна со всем, что в них содержалось. Зачастую с «политической» целью учащиеся устраивали так называемые вечеринки.

С наступлением революции выступления учащейся молодежи участились. Например, по воспоминаниям самарской социал-демократки Э. Быстрицкой, на одном из собраний семейно-педагогического кружка в начале

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1905 г. «кто-то из гимназистов крикнул «Долой самодержавие!»... вниз посыпались пачки прокламаций и мы толпой с пением песни «Вихри враждебные веют над нами» вышли на улицу. Не прошли и одного квартала, кто-то крикнул «Кзаки!». И мы все бросились врассыпную бежать. Несколько человек было избито казаками и арестовано»².

Но подобные акции учащихся были достаточно мирными. С нарастанием революционного движения они создают свои кружки под влиянием эсеров или социал-демократов, устраивают забастовки и формируют собственные организации внутри учебных заведений.

В течение февраля-октября 1905 г. почти все школы Самарской губернии были охвачены «петиционно-забастовочной волной». Эти петиции содержали требования «чисто школьного характера». Например, требования учащихся фельдшерской школы от 25 октября 1905 г. были следующими: назначение стипендий и пособий, отмена преподавания закона Божия, увеличение числа учебников и учебных предметов, участие выборных от учащихся в педагогическом совете, открытие столовых, вежливое обращение³.

В целом, выступления самарских учебных заведений не были разрозненными. Устраивались общие собрания учащейся молодежи. Проиллюстрировать данное утверждение может инцидент, произошедший в ноябре 1905 г. в женском епархиальном училище. 9 ноября туда явилась толпа учащихся средних учебных заведений Самары и, вызвав к себе воспитанниц старших классов, объявила им, что в здании реального училища в настоящий момент происходит собрание всех учащихся. Девушек просили избрать и прислать на это собрание нескольких делегатов. А когда начальство попыталось урезонить пришедших, те решительно заявили, что пришли говорить с воспитанницами, а не с ним.

Как сообщала газета «Самарский курьер», на общем собрании учащихся 26 октября 1905 г. в Народном доме, учащиеся 5-8-х классов первой женской гимназии «настаивали на начале занятий, ибо время пассивной забастовки прошло, и должно замениться активной деятельностью. Особенно горячо говорила одна из гимназисток, заявившая, что учащиеся разъедутся по деревням и местечкам, и не будут иметь возможности развиваться и проникаться сознанием своего долга перед народом и народным делом»⁴.

Но учащиеся не только устраивали собственные забастовки, а также поддерживали стачки рабочих. Энтузиазм молодежи описала ученица фельдшерской школы Разумова: «... наша молодежь прильнула к рабочим и с пением революционной песни двинулась из школы. Казаки оцепили нас со всех сторон! ... Смелые шли к выходу, где их ждали рабочие фабрики»⁵.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

К декабрю 1905 г. «петиционно-забастовочное» движение учащейся молодежи Самарской губернии пошло на убыль. К сожалению, его результаты оказались скорее плачевными, чем воодушевляющими. Почти ни одно из требований учащихся не было удовлетворено. Удачей для них являлось уже то, что занятия возобновлялись без наказания тех, кто участвовал в подаче петиций.

По отношению к ученикам средних профессиональных учебных заведений применялись более суровые меры наказания. «Недолго продолжалась свобода слова и печати, – вспоминала ученица самарской фельдшерской школы Разумова, – началась ловля, аресты, обыски. Школа перестала функционировать, массу учеников и учениц арестовали. Мы стали собираться нелегально, где-нибудь в подвале, решать свою судьбу»⁶.

Наличие подпольных революционных групп подтверждают воспоминания и письма учащихся Самары. «Участвую в одном кружке, – писала одна юная особа, – нужно много было читать и писать конспектов... Публика ничего себе, пропагандист сведущий... Очень трудно доставать квартиры»⁷.

Несмотря на общий спад освободительного движения, подпольные организации учащихся продолжали существовать на протяжении 1906-1907 гг. Причем влияние пропагандистов оказывалось иногда настолько велико, что воспитанники учебных заведений пополняли ряды революционных партий – РСДРП и ПСР.

1. Самарское Поволжье в XX веке. Сборник документов и материалов. Под ред. Н. Н. Кабытовой. Самара, 2000. С. 38.

2. Быстрицкая Э. Воспоминания о 1905 г. в Самаре // Самарский государственный архив социально-политической истории (СГАСПИ). Ф. 3500. Оп. 1. Д. 135. Л. 99.

3. Самарский курьер. 1905. № 409.

4. Самарский курьер. 1905. № 397.

5. Разумова. Воспоминания о событиях 1905 г. в Самаре // СГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 154. Л. 5-6.

6. Там же. Л. 8-9.

7. Государственный архив Самарской области. Ф. 468. Оп. 1. Д. 593. Л. 43.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ОПЫТ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ТРЕЗВОСТИ В СРЕДЕ
СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Дунаева Н.А.

Ульяновский государственный университет

Сведения о потреблении крестьянами алкоголя относятся к одному из важнейших показателей культуры крестьянского быта. По мнению К.Б. Литвака, среди крестьян ежедневное пьянство фактически не получило распространения, хотя это отнюдь не означало, что они соблюдали полную трезвость: «Крестины, похороны, престольные праздники сопровождаются в деревнях большим расходом вина, чем в городе. Наконец, деревенская жизнь создает немало поводов к выпивке, каких нет в городе: организация помочей... попойки на общественных сходах, магарычи при имущественных сделках, случаи отхода и возвращения промышленников...»¹

Насколько сильны были эти традиции, говорит тот факт, что число мест продажи водки в России накануне Первой мировой войны дошло до 51 036². В 1912 г. в 60 губерниях Российской империи насчитывалось 2 852 винокуренных завода с 30 000 рабочих, с оборотом в 150 млн. рублей: половина из них доход сельских хозяев. Спиртоочистительных заводов было 500 с 10 000 рабочих, пивоваренных — около 1 000 с десятками тысяч рабочих и с 250 млн. руб. вложенного капитала³. В одной только Симбирской губернии имелось 259 казенных винных лавок, 15 оптовых складов пива, 53 трактира, 18 буфетов, 16 ренсковых погребов, 20 погребов для продажи русских виноградных вин, 319 пивных лавок и 9 временных выставок алкогольной продукции (итого 709 мест продажи крепких напитков). При этом потребление водки в губернии только за 1913 составило 1 090 935 ведер⁴.

Введение сухого закона в 1914 г было вызвано желанием правящих кругов, избежать массовых беспорядков в ходе предстоящего массового призыва населения. 30 января 1914 г. правительством был издан рескрипт «Об изыскании других источников доходов казны и прекращении продажи напитков на время мобилизации войск для участия в Первой Мировой войне»⁵. Но, разумеется, введение «сухого закона» не могло в одночасье «перевоспитать» народ. Ведь по всеобщему мнению любое значительное событие в жизни необходимо было «как следует отметить». В крестьянском сознании праздник ассоциировался именно с употреблением алкоголя, и такое восприятие традиции оказалось достаточно стойким. Судя по данным земских анкет 1914—1915 гг., когда виноторговля по случаю вой-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ны была уже запрещена, по поводу праздников тональность отзывов была вполне определенной: «Праздники проходят трезво, но скучно»; «прежде похороны веселее были, чем теперь свадьбы»⁶. По словам современника этих событий врача И.Н. Введенского, предпринявшего попытку проанализировать итоги «принудительной трезвости» уже через полгода после начала войны «алкоголь играл слишком большую роль в нашей жизни, чтобы внезапный переход к трезвости прошел легко и безболезненно. С исчезновением водки образовалась в бытовом укладе народа пустота, которую жизнь стремится заполнить и это приспособление к новым условиям принимает формы болезненные и опасные»⁷. Согласно Циркуляру МВД от 22 января 1916 г. «в числе разного рода суррогатов спиртных напитков, усиленно потребляемых ныне населением, одно из первых мест принадлежит, бесспорно, одеколону, спрос на который за истекший год заметно увеличился»⁸. Крестьяне употребляли так же политуру и денатурированный спирт, но в большей мере самогон⁹.

Очень часто самогоноварение было средством поправить семейный бюджет. Автором обнаружены сведения об имущественном положении части крестьян Карсунского уезда Симбирской губернии, торговавших спиртными напитками в 1915 г. В большинстве своем подпольной торговлей занимались малоимущие крестьяне: 30% из всех арестованных в уезде за торговлю вином принадлежали к семьям, не имевшим в хозяйстве даже лошади. 45% - из торговавших были женщинами, что вполне объяснимо в отсутствии кормильца ушедшего на войну¹⁰. Стоит заметить, что эти данные являются примерными, поскольку в делах об административном наказании крестьян не всегда указывалось их имущественное и семейное положение, кроме того, аресту подвергались далеко не все (по Карсунскому уезду в 1915г. было арестовано 48 человек, проживавших в 18 селах и деревнях)¹¹. Судя по сообщению газеты «Симбирянин» от 10 марта 1916 г., вино варили практически все крестьяне: «Деревня опять запьянствовала и пьянствует теперь больше, чем при существовании казенных винных лавок. И пьет она вино собственного завода, а заводов этих в каждой деревне ровно столько, сколько в ней дворов. <...> Единственными борцами за трезвость здесь являются священники. Но их проповеди являются «гласом вопиющего в пустыне». По заявлению священника с. Зеленый Ключ отца М., эти проповеди имеют обратную силу, т.к. после их слов крестьяне начинают варить вино с еще большим остервенением!»¹².

Таким образом, попытка введения сухого закона в крестьянской среде не только не изменила культуру питья, но даже подхлестнула развитие пьянства и самогоноварения в деревне, превратив подпольную торговлю алкоголем в источник дополнительного дохода для многих крестьянских семей.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1. Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. – М., 1992. - N 4. – С. 75.
2. Савченко М.В. Пьянство как феномен повседневной жизни Российского общества и борьба с ним в годы казенной монополии (1894-1917гг.) / Очерки истории девиантного поведения в США и в России. Пенза, 2003. – С. 53
3. Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. М., 1915. – С. 18.
4. Обзор Симбирской губернии за 1914 г. Симбирск, 1915. – С. 180, 181.
5. Мак – Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914 – 1917 гг. // Россия в Первой мировой войне (материалы международного коллоквиума). - СПб., 1999. - С. 152.
6. Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отеч. история. - М., 1992. - N 4. – С. 76.
7. Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости. М., 1915. – С. 7, 19.
8. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 2011. Л. 19.
9. ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1427. Д. 172; Д. 1424. Лл. 4, 10, 28; Симбирянин, 1914, 30 декабря.
10. ГАУО. Ф.76. Оп. 7. Д. 1426. Л. 302; Д. 1427. Лл. 2- 2 об, 59-59 об, 74-74 об, 102, 106, 114, 247.
11. ГАУО. Ф.76. Оп. 7. Д. 1426. Лл. 37, 44, 69, 174, 164, 178, 187, 250, 262, 302, 310; Д. 1427. Лл. 2- 2 об, 59-59 об, 74- 74 об, 102, 106, 114, 172, 180, 189, 247, 287, 295, 307, 319.
12. Симбирянин, 1916, 10 марта.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКО-ЧЕШСКИХ ПОЛКОВ В 1918 Г.

Валиахметов А.Н.

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

В настоящее время в литературе особую актуальность приобрел вопрос о взаимоотношении правительств «демократической контрреволюции» с Чехословацким корпусом. Одним из плодов такого сотрудничества явилось образование особых русско-чешских полков. Цель данной статьи – проследить историю образования русско-чешских полков.

Русско-чешские полки представляли собой воинские формирования, которые комплектовались из русских добровольцев, находились под командованием чешских офицеров, но распоряжались которыми представи-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

тели Совета управляющих ведомствами Комуча(СУВ)¹. В различных источниках мы находим подтверждение тому, что идея формирования данных воинских подразделений принадлежит чехословакам². Данные полки формировались в Уфе, Екатеринбурге, Кунгуре. Эти добровольческие части были прикомандированы к Чехословацкому корпусу³.

По словам К. Буревого, вербовка добровольцев в русско-чешские полки началась после образования Директории⁴. По словам И.М. Майского, командный состав чехословаков был недоволен теми порядками, которые складывались в Народной Армии, настаивал на демократизации всего военного дела. Более того, чехословаки решили «показать, как надо строить «демократическую» армию»⁵. Комучевцы отмечали, что чехословацкое командование всегда охотно шло на формирование данных воинских соединений. Формирование русско-чешских полков было вызвано двумя соображениями: военно-стратегическим и политическим «в целях создания оплота демократии»⁶. В литературе существует мнение, что формирование полков было вызвано стремлением союзников помочь комучевцам в организации армии, чтобы «на примере взаимоотношений между легионерами русские научились бы, как можно соединять принципы демократии со строгой воинской дисциплиной»⁷.

Так или иначе, но данная идея пришла комучевцам по душе, и позднее уже они сами обращались за содействием к чехословакам, в частности, к могущественному генералу Я.Сырову⁸. Интересно, что чешское командование оказывало поддержку Совету управляющих ведомствами, причём даже после того, как Болдырев запретил формирование всяких добровольческих частей помимо военного министерства⁹.

Формирование русско-чешских полков наталкивалось на определённые трудности. Так, в частности, имела место некая организационная неразбериха. Особенно в вопросах, связанных с транспортировкой добровольцев до места назначения¹⁰.

Существовали трудности и другого свойства. По словам заведующего военным подотделом СУВ Нотбека, везде, за исключением Самарской группы, вербовка добровольцев «затрудняется местными властями и неосведомлённостью Воинских начальников, отказывающихся довольствоваться и препровождать добровольцев [в] Уфу»¹¹. Позднее комучевцы будут писать, что за подобной «неосведомлённостью» скрывался систематический саботаж со стороны военного ведомства¹².

Данные трудности, возможно, проистекали из того, что СУВ и военные власти в Екатеринбурге по-разному понимали концепцию формирования этих полков.

Если в приказе СУВ говорилось о том, что агитацию должны и могут вести делегаты, уполномоченные СУВ, то в приказе военных властей подчёркивалось, что агитацию могут проводить только те лица, которые име-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ют полномочия от командира I русско-чешского полка¹³. Помимо этого, давались неоднократные разъяснения о недопущении никаких новых воинских формирований без разрешения верховного главнокомандующего¹⁴.

В приказе военных властей говорилось о том, что: «[Русско-чехословацкий] Полк должен быть сформирован на строгих началах дисциплины иерархической лестницы начальников без выборного начала и без комитетов»¹⁵. Данное положение подрывало в корне ту идею, на базе которой полки образовывались.

В конечном итоге дело свелось к тому, что формирование данных полков было запрещено как Директорией¹⁶, так и местными военными властями¹⁷.

Комучевцы подчёркивали боеспособность новых формирований. По словам Н. Святицкого, прибытие на фронт сформированного Советом русско-чешского добровольческого полка привело к тому, что «красный фронт был в нескольких местах серьёзно потеснён»¹⁸. Однако именно во многом по этой причине они не были сняты с фронта и не спасли СУВ от крушения, как военного, так и политического.

В связи с этим, можно сделать вывод, что данные воинские формирования не оправдали в полной мере тех надежд, которые возлагались на них изначально.

1. Майский И.М. Демократическая контрреволюция.- М;Пг., 1923. С.161; Святицкий Н. К истории Всероссийского Учредительного собрания. Очерк событий на востоке России в сентябре-декабре 1918 г. – М.: «Народ», 1921. С. 76.

2. ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 2. Д. 9. Л. 1; Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). – Ульяновск: Издательство СВНЦ, 1998. С. 121.

3. ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 2. Д. 5. Л. 1, 5; ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 57. Л. 112-113. – Цит. по: Антибольшевистское правительство (Из истории белого движения): Сб. док. / Сост. С.П. Васильченко, О.А. Васьковский, Е.П. Сичинский, Т.И. Славко. – Тверь: ТвГУ, 1999. С. 152.

4. Буревой К. Распад.- Б.м.: «Новая Москва», 1923. С. 30.

5. Майский И.М. Указ. соч. С. 161.

6. Святицкий Н. Указ. соч.. С. 85.

7. Медведев В.Г. Указ. соч. С. 121.

8. ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 2. Д. 5. Л. 11.

9. Святицкий Н. Указ. Соч. С. 85, 86.

10. ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 2. Д. 4. Лл. 2, 3; Д. 9. Л. 8.

11. ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 2. Д. 5. Л. 11.

12. Майский И.М. Указ. соч. С. 161.

13. ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 38. Л. 1-1об.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

14. ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 2. Д. 5. Л. 8.
15. ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 2. Д. 5. Л. 1, 5.
16. Буревой К. Указ. соч. С. 30.
17. ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 3. Л. 107; Д. 62. Л. 61.- См.: Антибольшевистское правительство. С. 177, 191.
18. Святицкий Н. Указ. Соч. С. 85.

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА (РОВС) В ЭМИГРАЦИИ

Радков А.В.

Самарский государственный аэрокосмический университет

Поставив главной задачей сохранение армейской организации, генерал П.Н. Врангель, исходил из того, что статус и условия существования Русской Армии в эмиграции требуют особого подхода.

Поскольку не все союзы создали вслед за выходом «Нормального Устава» в 1921 г., то в некоторых странах (Королевстве С.Х.С., Франции и Бельгии) союзы, образовывались главным образом в целях взаимопомощи. Затем далеко не везде были благоприятными политические условия для образования офицерских обществ и союзов. Кроме того, к началу 1924 г. произошло переселение значительного числа офицеров из тех мест, где они первоначально осели, в другие страны, главным образом в целях заработка, что даже повлияло на изменение состава и даже целей обществ и союзов.

Стройная схема организации офицерских обществ, намеченная в 1921 году и имевшая целью связать разбросанных повсюду офицеров с Армией, в следствии различных условий образования военных организаций, была не только не закончена, но даже претерпела некоторые нарушения, в результате чего офицерские общества и союзы стали не вполне однородными по своему составу и отчасти целям, причём в разных странах они находились на разных степенях развития.

В виду этого чувствовалась настоятельная необходимость привести организацию офицерских обществ и союзов по возможности не ломая сложившихся объединений в более стройную систему с целью теснее спаять последние остатки бывшей Императорской Армии – офицерские организации и части Русской Армии в одно целое, скованное единством интересов и целей.

Отвечая в сентябре 1924 г. на запросы различных политических организаций политического зарубежья Врангель утверждал, что «образование РОВС подготавливает возможность на случай необходимости, под давле-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

нием общей политической обстановки, принять Русской Армией новую форму бытия, в виде общего воинского союза»¹.

В феврале 1924 г. на имя Главнокомандующего поступила записка «Об организации офицерских обществ и союзов», автором которой был известный военный деятель эмиграции А.П. Архангельский². В ней в частности говорится о том, что организация офицерских обществ и союзов была единственной возможностью в сложных условиях связать военных беженцев с Армией. «...Желания Главнокомандующего и желания офицеров оказались встречными. При таких условиях Главнокомандующим было приказано разработать Нормальный устав русских офицерских союзов, который был утверждён...и с того момента эти союзы покрыли густой сетью всю Европу, куда только, не занесла служба русского офицера»³.

Однако как уже отмечалось ранее, Архангельский говорит о том, что многие общества и союзы перестали по многим причинам выполнять те функции, которые были изначально определены для них Главнокомандующим⁴.

По этому для более полного объединения всех обществ и союзов друг с другом и около Армии «...желательно, чтобы все общества в совокупности составили бы, не теряя однако своей внутренней самостоятельности, один объединяющий их «Русский Обще-Офицерский Союз», входящий в состав Русской Армии. При таких условиях как офицерское общество явилось как бы подотделом, или секцией «Русского Обще-Офицерского Союза...»⁵.

С января 1924 г. в целях дальнейшего объединения около Русской Армии офицерских обществ и союзов, а также необходимости согласования в разных странах всех мероприятий по проведению в жизнь этого объединения и облегчения связи обществ с Армией, рассредоточенной на Балканах, Главнокомандующим было отдано распоряжение об объединении руководства работой офицерских организаций путём сведения в 3 крупные группы: 1) Офицерские общества и союзы Западной Европы, 2) Офицерские общества и союзы Балканского полуострова, кроме Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (С.Х.С.), 3) Офицерские общества и союзы в Королевстве С.Х.С.

Для новой политической обстановки (признание СССР большинством странами) требовался новый объединяющий орган русской военной эмиграции, который и был создан 1 сентября 1924 г. – Русский Общевоинский Союз – РОВС.

1. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф.5826. Оп. 1. Д.15 (2). Л.97.
2. Там же. Д. 15 (1). Л.2-14.
3. Там же. Л.2.
4. Там же. Л.3-4.
5. Там же. Л.7.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
БЮДЖЕТ СТУДЕНТОВ СЕРЕДИНЫ 1940-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГГ.

Ягодкина Е.О.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Бюджет послевоенного студенчества рассматривается на примере студентов-историков МГУ им. М.В. Ломоносова. Источниками являются как делопроизводственные документы, так и воспоминания бывших студентов, созданных при помощи интервью с автором исследования.

В 1945 году все успевающие студенты обеспечивались государственной стипендией, а с 1950 года её стали давать только успевающим на хорошо и отлично. Обычная студенческая стипендия с каждым курсом повышалась. Так, если на первом курсе стипендия составляла 210 рублей, то дипломники получали 315 рублей. Кроме того, отличники получали стипендию на 25% выше обычной, а учеба лучших студентов отмечалась именными стипендиями. В сентябре 1945 года в университете было 16 именных стипендий, а к 1950 году – 36. Самой большой из них была Сталинская – 700 рублей. Большинство других стипендий – по 400 рублей. Сталинскую стипендию получали около 110 студентов МГУ. К 1949 – 50 учебному году столько же студентов получали другие именные стипендии.

Большинство студентов, особенно живущих в общежитии, подрабатывали. На младших курсах ходили разгружать вагоны с картошкой, где чаще всего платили не деньгами, а натурой. Были другие формы подработки: в театре чернорабочими (что очень ценилось студентами, так как можно было бесплатно смотреть спектакли), обследовали счетчики на транспорте, участвовали в массовках при съемках фильмов, весной сажали деревья. Где-то к третьему – четвертому курсу большинство студентов либо находили себе более квалифицированную, постоянную работу (в школах, детдомах, на радио, в библиотеках и музеях), либо получали повышенную стипендию, на которую можно было свободно прожить.

Основной статьей расходов было питание. До конца 1947 года существовала карточная система, и в университетском общепите существовало несколько видов обслуживания. Буфеты были коммерческими, там в основном продавались пирожки. В столовых действовало абонементное обслуживание, позволяя получать 1-2-3-х разовое питание. В эти годы на оплату продуктов по карточкам в столовой требовалось 200-300 рублей в месяц. Питание в столовой для инвалидов Отечественной войны стоило 450 рублей (кроме студенческой стипендии, они получали пенсию 200 р.)¹. После отмены карточек обед в столовой стоил 3-5 рублей.

При карточной системе было 3 вида торговли продуктами питания: в государственных магазинах – по карточкам, в коммерческих магазинах –

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

там цены были в 10-30 раз выше, и на рынках, где цены не были нормированными. Если в государственном магазине хлеб стоил 50 коп., в коммерческом – до 15 руб., то на рынке буханка могла стоить и 50 руб.

Важной статьёй бюджета студентов, живущих только на стипендию, были расходы на транспорт. Эти деньги они откладывали сразу при получении стипендии, но иногда случалось и так, что не было денег доехать до университета. Живущие в общежитии обычно откладывали только на метро, а от Сокольников добирались либо пешком, либо «зайцами» на трамвае. Трамваи и автобусы в то время были «обвешаны гирляндами висящих, двери не закрывались»². До 1947 года с транспортом было легче некоторым фронтовикам, потому что орденосцы имели право ездить бесплатно. Потом эту льготу отменили.

Большой проблемой, особенно для живущих в общежитии, была одежда. Во-первых, она дорого стоила. Во-вторых, в общежитии одежду негде было стирать: «Обслуживающие общежитие уборщицы брали за небольшую цену нашу одежду, но я помню, что мы носили рубашки воротничком сначала наружу, а потом внутрь»³. Большинство фронтовиков носило военную форму без погон. Так же одевались и некоторые другие студенты, потому что это была ноская и дешёвая после войны одежда. Иногда девушки шили себе платья из флагов, парашютов и т.п., кому-то помогал профсоюз, выделяя ордера на одежды и ткани. Многие зарабатывали на одежду.

Бывшие студенты вспоминают, что никак не могли удержаться от ещё одной статьи расходов – покупки книг. Хотя живущим в общежитии их даже негде было держать, книги все равно покупали. Обязательной статьёй расходов для многих были и газеты, а в середине 1947 года даже университетская газета стала платной, стоимостью 20 копеек за экземпляр. Для некоторых фронтовиков существенной была и другая статья бюджета: их в армии приучили выпивать и курить. «Вот иногда утром встанешь и думаешь, что сделать – пойти пообедать или пачку папирос купить», – вспоминает Е.Ф. Язьков⁴.

Несмотря на то, что большинство студентов только-только сводило концы с концами, большинство из них оставляло деньги на развлечения, хотя эти расходы все пытались сократить до минимума: «Я из бедной семьи была, но я не чувствовала никакого ущемления. Как только мы получали стипендию, мы откидывали: мы шли в кафе-мороженое и собирали деньги на театр... мы ходили в театр все время, сидели на ступенечках, брали только входные билеты, по 30 копеек они были»⁵. Не всегда хватало денег и на подарки, и студенты изобретали разнообразные дешёвые подарки, которые порой оказывались намного более запоминающимися. Например, на 8 марта каждой девушке придумывали стихотворение, в котором

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«отражали деятельность каждой». Также традиционно скидывались на кино, на загородные поездки, экскурсии и т.д.

В целом, хотя бюджет послевоенных студентов был очень ограниченным, при экономном и рациональном использовании денег они могли прожить на стипендию, которой хватало не только на питание, но и на другие виды расходов.

1. ЦАОДМ. Д. 227. Л. 43.
2. Интервью Е.О. Ягодкиной с выпускником исторического факультета МГУ 1951 г. Г.Г. Литавриным от 17 декабря 2002 г. Личный архив автора. С. 3.
3. Там же. С. 8.
4. Интервью с выпускником исторического факультета МГУ 1950 г. Е.Ф. Язьковым от 12 ноября 2002 г.
5. Интервью с выпускницей исторического факультета МГУ 1952 г. Н.М. Часовниковой от 13 января 2003 г.

НА ПОДСТУПАХ К ПЕРЕСТРОЙКЕ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ 1953 – 1956 ГГ. О В.И.СТАЛИНЕ)

Куропаткин А.П.

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

5 марта 1953 года вошло в историю как день смерти И.В. Сталина. Миллионы советских людей были искренне опечалены постигшей их утратой, другие связывали с ней надежды на лучшую жизнь. Со смертью Сталина заканчивается одна из наиболее противоречивых эпох отечественной истории. Эпоха, вобравшая в себя героизм, энтузиазм, социальное творчество масс, форсированную модернизацию страны, победу в Великой Отечественной войне и утверждение крайне жестких командных методов их достижение, прорывы к демократии и насаждение культа личности Сталина, безжалостно уничтожавшего любую политическую оппозицию. Влияние личности Сталина, господствовавшего над обществом, не могло сразу же исчезнуть в общественном сознании и отойти в прошлое. Существование системы, где главной скрепляющей силой является сам Сталин, не могло оставаться неизменным без него.

С 1953 по 1956 года XX века население СССР испытало два крупных потрясения: смерть И.В. Сталина – человека, олицетворявшего собой социализм, партию, родину, и низвержение его с пьедестала.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Смерть советского лидера имела самые серьезные и глубокие последствия. Сталин не оставил приемника, что привело к борьбе за лидерство среди его приближенных Л.П. Берии, который руководил силовыми органами, Г.М. Маленковым, правительством страны, Н.С. Хрущева, партийным аппаратом. Поворот был совершен буквально в один день группой из ближайшего окружения Сталина. Изменения в расстановке сил наверху были опубликованы на следующий день после смерти «отца народов», точнее 6 марта 1953 года, где был пересмотрен состав Президиума ЦК ВКП(б), избранного на пленуме XIX съезда партии. Численность Президиума ЦК была сокращена более чем вдвое, с 25 до 10 человек. Количество кандидатов в члены Президиума ЦК уменьшилось с 11 до 4 человек. Ликвидировалось не предусмотренное Уставом партии Бюро Президиума ЦК, созданное по предложению Сталина, а также Бюро Президиума Совета министров СССР. В Президиуме Совмина остались Председатель правительства и его первые заместители¹. Это решение восстанавливало позиции «старой гвардии». Был достигнут временный компромисс среди наследников Сталина, что отнюдь не снимало остроты борьбы за власть.

Кроме этого в «сокращенном» составе Президиум ЦК получал возможность определять отношение к «культу личности» в своих интересах. Более половины избранных после XIX съезда членов Президиума ЦК не входили в сталинское окружение, и не были причастны к злоупотреблениям властью и связаны круговой порукой. Для них разоблачение культа Сталина со всеми его беззакониями не таило тех угроз, которые нависли над «соратниками».

В марте 1953 года в ЦК хлынул поток предложений по увековечиванию памяти Сталина. Ни одно предложение не было принято. Изменение хорошо иллюстрирует воспоминание В.Е. Семичастного. Речь идет о музее на одной из ближайших дач Сталина. «Что на ближайшей даче Сталина после его смерти откроется музей, и сразу после его смерти там начались работы. Мы ездили смотреть. И вдруг «раз» - и все «забыли»! И ни какого музея не открыли»².

Вечером 10 марта 1953 года, на другой день после похорон Сталина, собрался Президиум ЦК. Вел заседание Г.М. Маленков. Он высказал ряд замечаний, касающихся «субординации» расположение материалов в газете и упоминаний имен. Дело в том, что при публикации речи Маленкова на траурном митинге была отделена от остальных. При перечислении первого и последнего почетного караула опущены отдельные фамилии, сделано текстовое разделение имен. Все это Маленков расценил как определенную политическую тенденцию, отметил, «у нас были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности», и подчеркнул: «Считаем, обязательным прекратить политику культа личности»³.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Следующий, антикультовой акцией, было проведение амнистии, указ о которой, был напечатан в «Правде» за 27 марта 1953 года и реабилитация по так называемому делу врачей. По нему было арестовано 15 человек, видных представителей советской медицины, обвиненных в преступной деятельности против Сталина и других руководителей советской страны. 4 апреля 1953 года в Правде появляется сообщение МВД СССР «о необоснованности ареста врачей и их освобождение». Врачи полностью реабилитированы, что выдвинутые против них обвинения признаны, лживы, а данные, на которые опиралось следствие несостоятельными. Вина за «дело врачей» возлагалась на аппарат органов госбезопасности, а невидимый удар наносился по недавно умершему.

16 апреля 1953 года в «Правде» появилась статья Л. Слепова «Коллективность – высший принцип партийного руководства». Её автор категорически заявлял, что нарушение этого принципа «нельзя иначе рассматривать как проявление бюрократизма, сковывающий инициативу и самостоятельность партийных организаций и членов». И после этого в печати частенько появляются статьи обосновывающие коллективность и принцип коллегиальности. То есть мы можем видеть с вами начало обоснования политики коллективного управления.

Следующая, же критика ошибок Сталина прозвучала на июльском Пленуме ЦК в 1953 году. Он был посвящен Л.П. Берии и его сподвижникам. Которые, были обвинены «В преступных антипартийных и антигосударственных действиях». Разговор вышел за рамки рассмотрения и осуждения преступной деятельности Берия и его «банды», был поднят вопрос о необходимости демократизации партийной и государственной жизни. В речи М.Г. Маленкова прозвучала критика культа личности Сталина. Маленков отметил, что «культ личности Сталина в повседневной практике принял болезненные формы и размеры, методы коллективизма были отброшены, критика, и самокритика в нашем высшем звене руководства вообще отсутствовала. Мы не имеем права скрывать это от вас, что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличности решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной⁴. Вместе с тем все, о чем шла речь на Пленуме, оставалось для народа «тайной за семью печатями». Действия развивались, пока не выходя за рамки узкого круга посвященных, а для остальных Сталин оставался Сталиным.

В печати из всех решений июльского Пленума ЦК было опубликовано только то, что касалось Л.П. Берии, исключение его из партии как врага народа. Об остальном информировался лишь партийный актив. И только передовая статья в «Правде» от 10 июля 1953 года («Несокрушимое единение партии, правительства, советского народа»), призывая извлечь политические уроки и сделать необходимые выводы из дела Берии, обращала

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

внимание коммунистов на некоторые весьма существенные аспекты принятых решений. Особенно – на коллективность как высший принцип партийного руководства, который « полностью отвечает известным положениям Маркса о вреде и недопустимости культа личности».

После ухода со сцены харизматического лидера, отсутствие четкой политической линии, закулисная политическая борьба, ослабили авторитет власти. Высший авторитет, олицетворявшийся «отцом народов», исчез и «коллективное руководство» не могло заполнить этот вакуум. Смерть «отца народов» принесла коллективное чувство сиротства. Сложившиеся обстановка в стране требовала укрепления, стабилизации партийного руководства. Положение, когда ЦК ВКП(б) имела двух фактических лидеров, но не одного официального, плохо сказывалось на международных контактах, работе аппарата ЦК ВКП(б) и секретариате. Необходимо как можно скорее было покончить с этой ситуацией.

3 сентября 1953 года на пленуме ЦК был учрежден пост первого секретаря ЦК, избран на этот пост Н.С. Хрущев.

Это еще не означало его автоматического лидерства в партии и авторитета в народе. Поэтому он дальше продолжает критику «культа личности», как средство борьбы против своих прежних соратников.

В своем докладе «О мерах развития сельского хозяйства» сделанный 7 сентября 1953 года ЦК КПСС Н.С. Хрущев, обвиняет, без упоминания Сталина, предыдущие правительство в бедственном положении сельского хозяйства и нарушении ленинского принципа «материальной стимуляции на ранних этапах перехода к коммунизму»⁵.

В 1954 – 1955 годах продолжается критика «культа личности». Если сравнить газетные статьи 1952 – 1954 года, это очень ярко видно. Взять, к примеру, газетные полосы за 22 января 1952, «Ленин и Сталин еще задолго до революции говорили о диктатуре пролетариата», «после смерти Ленина нашей партией руководит верный продолжатель его дела Сталин», получается, что Сталин является либо помощником В.И. Ленина, либо его последователем, либо дальше развивает теорию ленинизма. Примером может служить доклад П.Н.Поспелова «О XVIII годовщине со дня смерти Ленина», «Ленин создал теорию о социалистическом государстве, а Сталин её дополнил и развил», ко всему добавлялась фотокарточка за 1924 год «Ленин в горах»⁶. То 1954 году в статьях о Сталине либо нет упоминаний, либо сказано вскользь. А в докладе П.Н.Поспелова « О XXX годовщине со дня смерти Ленина», говорится о «культе личности». Он пишет «В ленинском учении о партии одним из важнейших принципов является принцип коллективного партийного руководства», «В явном противоречии с этим принципом находится чуждый марксизму – ленинизму культ личности. Культ личности ведет к приращению роли партии, её руководящего центра, снижению творческой активности партийных организаций и советско-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

го народа, и не имеет ничего общего с марксистко-ленинским пониманием высокого значения направляющей деятельности руководителей политики и государственной деятельности»⁷.

Что подтверждает продолжающуюся политику критики «культы личности», которая в дальнейшем углубляется. Следующим примером служит 5 марта 1955 года на первых странице газеты «Правда» о годовщине смерти И.В Сталина ни слова. Если сравнить с 5 марта 1954 то, заметка «О годовщине смерти Сталина» напечатана на первой странице с фотокарточкой и двумя статьями, в которых присутствуют элементы возвеличивания «отца народов», что подтверждает утверждение написанное выше⁸.

Как показывает анализ приведенных материалов, вопрос о «культе личности» возник сразу после смерти И.В. Сталина. Само по себе провозглашение и обоснования коллективности в руководстве партии и страны, отказ от выдвижения из числа приемников нового всевластного вождя неизбежно вели к развенчанию культа личности. Так первоначально весь вопрос преодоления культовой традиции свелся к перестройке пропаганды. В противовес культу личности как политической категории в сфере партийной жизни активно подчеркивалось значение принципа коллективности руководства. Именно на Пленумах ЦК определялись параметры и рамки обсуждения данной темы.

Критика не трогала партию и В.И. Ленина. Что свидетельствует об ограниченном характере начатой критики. Все совершенные ошибки сводились к личным качествам И.В. Сталина, а не усматривались в порочности самой системы. А культ личности использовался как орудие борьбы между бывшими соратниками И.В. Сталина.

1. Правда. 27 октября 1989.
2. Неизвестная Россия XX век. Вып.2. М.,1992.
3. Правда. 27 октября 1989.
4. Наше Отечество. Опыт политической истории. Ч.2 Кушелев С.В., Волобуев О.В., Пивоваров Е.И. М.,1991.
5. Известия. 15 сентября 1953.
6. Правда. 21 января 1952.
7. Правда. 22 января 1954.
8. Правда. 21 марта 1954.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985 – 1991 ГГ.)

Ракшина И.В.

Тольяттинский государственный университет

Противоречия естественны и неизбежны для любого общества каждой исторической формации. При несвоевременном разрешении противоречий возникают различного рода застойные, и даже кризисные ситуации.

На рубеже 70-80-х годов в экономике и социальной жизни СССР обнаружили застойные явления. С целью предотвращения надвигающегося кризиса руководство советского государства принимает решение преобразовать все сферы жизни, иначе говоря, провозглашает курс на перестройку. Чтобы разобраться в противоречивых перестроечных процессах, обозначим основные направления развития социально-экономической, общественно-политической сферы в предшествующее десятилетие.

В 70-80-е годы XX века главными задачами государственной социальной политики советского государства являлось повышение народного благосостояния, совершенствование социальных и национальных отношений, развитие социалистического образа жизни¹.

Особенностью того времени было то, что показатели роста благосостояния советских людей соотносились только между собой. Рост вложений в общественные фонды был значителен, но их увеличение выглядит ничтожно скромно, если провести сравнение с общей суммой национального дохода, с аналогичными показателями в пятидесятые годы, с развитыми индустриальными государствами. Видимо не случайно статистика в то время не делала этого сравнительного анализа, поскольку он показал прогрессирующее ухудшение состояния дел в системе образования и здравоохранения, в сфере науки и культуры.

Решалась самая острая, жилищная проблема, но и здесь были трудности². Темпы строительства жилья в середине 80-х снижались, что было связано с естественным приростом населения. Основным средством повышения благосостояния советского народа являлись и денежные доходы населения, получаемые в результате трудовой деятельности. Современные исследователи, анализируя политику повышения заработной платы, среди главных характеристик её реализации выделяют некомплексность. По их мнению, повышение материального благосостояния народа происходило непродуманно, без строго и научного учета количества и качества труда³.

В процессе дальнейшего общественного развития не удалось снять накопившиеся противоречия и социальные проблемы. Доля государственного бюджета на социальные нужды продолжала снижаться⁴.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Нерешенность социальных проблем привела к появлению целого ряда отрицательных явлений (спекуляции, «теневой экономики», коррупции, алкоголизму, наркомании), влияющих на моральное состояние общества, ведущих к разложению общественных ценностей⁵.

Снижение темпов экономического развития неизменно сокращало возможность осуществления социальных программ, что негативно отражалось на умонастроениях людей, их отношении к труду и общественным делам⁶. Анализ многочисленных научных материалов, середины 80-х годов, решений Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда партии показывает, что в высших кругах прекрасно понимали, что СССР столкнулся с торможением роста экономики⁷.

На состоявшемся в апреле 1985 года Пленуме ЦК КПСС был сделан вывод, что страна оказалась в предкризисном состоянии. Пленум обозначил поворот к новому стратегическому курсу, к перестройке, дал основы её концепции.

Идейным источником перестройки для руководителей государства и партии были труды В.И. Ленина, его идеал социализма. Инициатором перестройки принято считать М.С. Горбачева, утверждавшего, что суть перестройки именно в том, и состоит, что она соединяет социализм и демократию, теоретически и практически полностью восстанавливает ленинскую концепцию социалистического строительства.

Политика перестройки предусматривала реализацию мер в области высшей и средней школы. В вопросах здравоохранения предполагалось добиться повсеместного и полного удовлетворения потребностей жителей города и села во всех видах высококвалифицированного обслуживания, кардинально повысить его качество⁸.

Перестройка не решила всех поставленных задач. Она не была четко разработана и структурирована. Постепенно все радикальные начинания зашли в тупик. О том, что в политике «перестройки» начались критические времена, руководители страны знали⁹.

Очевидно, что экономические показатели и постоянная дискуссия в средствах массовой информации заставили реформаторов изменить свои позиции. К началу 90-х годов практически сложился и был предложен политикам рыночно-либеральный вариант действий. Наиболее четкое выражение эти позиции нашли в подготовленной под руководством С. Шаталина и Г. Явлинского программе «500 дней» (осень 1990 года) и программе рыночных реформ Е. Гайдара и его единомышленников (осень 1991 года)¹⁰. После долгих дискуссий программа не была реализована. Оценка документа неоднозначна, но всех исследователей объединяет одно – подобные программы были жизненно необходимы государству. Программа «500 дней» – это первый опыт экономических преобразований¹¹.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Нет сомнения, что данная проблема весьма дискуссионна. Возможно, пройдет не одно десятилетие, когда исследователи, используя весь историографический и архивный материал, смогут дать более объективную оценку исследуемому периоду¹².

1. Материалы XXIII съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1966; Материалы XXIV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1972; Материалы XXV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1976; Материалы XXVI съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1981.

2. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический сборник / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1987. С. 508

3. Плеханов И.П., Шаронов П.М. В преддверии кризиса (Внутренняя и внешняя политика СССР в 70-е – первой половине 80-х годов), Тольятти 1993. С.15.

4. Аргументы и факты, 1988. № 37. С. 5

5. Кромбет Г.Г., Титаренко Г.А. Осуществление партией и Советским государством социальной политики перестройки. – М., 1989. С. 7; Очерки теории социализма. – М., 1989. С.144 -146;Осипов Г.В. Социализм и социология // Вечерняя Москва. 1988. 22 августа.

6. Известия КПСС. 1989. №2. С. 41

7. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. – М., 1988. С. 15-16

8. Основные нормативные документы по новому хозяйственному механизму здравоохранения Куйбышевской области// ТА Министерства Здравоохранения Самарской области

9. Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000. С. 69

10.Комсомольская правда. Специальный выпуск. Программа «500 дней». 1990. 1 ноября

11.Лаврененко И.М. Государственная социальная политика в Российской Федерации: опыт и проблемы трансформации (80-е – первая половина 90-х годов XX столетия). Дисс. докт. ист. наук. М., 2000. С. 137; Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1998; Комсомольская правда. Специальный выпуск. Программа «500 дней». 1990. 1 ноября.

12.Согрин В. Политическая история современной России. М, 1994. С. 107; Жуков В.И. Российские преобразования: социология, экономика, политика. – М.: Академический проект. 2003. С. 44; Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795-1995 гг.). Ч. II. М.: Русский Путь. 2001; Бондарев В. Десять лет спустя // Родина. 1995. № 2. С. 48-52.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
**НАРОД И ВЛАСТЬ: ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА НА МЕСТНОМ УРОВНЕ**

Бороданко М.В.

Тольяттинский государственный университет

Местное самоуправление, возникшее в догосударственной истории человечества, получает широкое развитие в XIX в., когда в обществе господствуют демократические идеи, когда на первый план выдвигаются понятия правового государства, приоритета прав человека.

После длительного перерыва Россия возвращается к цивилизованной системе социального управления, где местному самоуправлению отводится важнейшая роль в реализации одной из главных задач современности – соединение в единое целое интересов государства, общества и личности. Именно такая направленность местного самоуправления отвечает идеям современного демократического правового социального государства, высшая ценность которого – человек, его права и свободы¹. Таким образом, сегодня можно говорить о роли местного самоуправления как одном из ведущих в строительстве гражданского общества. Но без сознательного участия горожан, без заинтересованности в результатах работы муниципальных властей деятельность последних становится не чем иным, как реализацией государственных функций – утрачивается основная черта местного самоуправления.

Однако, учитывая то, что население испытывает социально-психологические затруднения в адаптации к новым общественно-государственным отношениям, следует обратить внимание на метод Л. Эрхарда, получивший название «душевного массажа», который учитывал возможную реакцию граждан на различные явления хозяйственной жизни государства, апеллируя «к представлению о выгоде и личному интересу хозяйствующего человека»².

Принимая во внимание этот опыт, местные органы власти могут более активно привлекать граждан к управлению городом, информируя их о положительных результатах тех, кто попробовал себя на этом поприще, а также распространяя знания о реальных возможностях населения в осуществлении местного самоуправления.

Условия современной жизни диктуют острую необходимость налаживания связей органов местного управления с общественностью, имеющих своей целью, во-первых, поддержание между ними взаимопонимания; во-вторых, расширение общественной осведомлённости о деятельности властных структур; в-третьих, достижение положительного отношения общественности к принимаемым политико-управленческим решениям; в-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

четвёртых, установление общественного доверия органам городского управления. Высокий уровень взаимопонимания и взаимодействия между властью и гражданами служит основой стабильного и эффективного политического, экономического и социального развития³.

Привлечение населения к более активному принятию решений и их реализации было и является актуальной проблемой общественной и политической жизни. Но, современная ситуация предоставляет самые различные методы усиления влияния людей на поведение властей. Среди них наиболее влиятельными является голосование, референдум, средства массовой информации, сами органы местного самоуправления. Менее эффективными, по данным различных исследований и опросов, оценены возможности общественных организаций и политических партий, профсоюзов. Низка степень влияния таких средств как митинги, публичные дискуссии. Всё большую роль, в качестве формы участия людей в решении местных проблем, приобретают СМИ.

Вместе с тем, многие представители политической и общественной власти признают, что процесс участия в управлении не должен ограничиваться только приведёнными выше формами, не должен отсекал население от решения сложных и трудных вопросов регионального развития. Однако на деле участие населения в решении местных проблем серьёзно ограничено, отводя людям лишь роль статистов или символических участников в игре под названием «местная власть»⁴. Кроме того, нежелание муниципальных властей в полной мере доверять населению проявляется в утверждении, что «участие людей в принятии решений необязательно, если они принимаются коллективом доверенных и компетентных лиц»⁵. Таким образом, теоретически власти поддерживают идею об участии населения в управлении, но значительно снижают этот уровень готовности к сотрудничеству, когда дело доходит до решения конкретных задач и планов.

Что касается настроений населения муниципальных образований, то большинство исследователей отмечают некую самоотчуждённость его от институтов власти, нежелание большинства быть идентифицированными в качестве сторонников властей, но, в то же время, выжидательное, настроенное, но в целом не агрессивное отношение к институту власти («поживём – увидим»)⁶.

В итоге, можно констатировать, что хотя большинство людей отчуждены от управления, всё же около 10% активных граждан – это, если сравнить с опытом стран, давно идущих по пути рыночных отношений, весьма высокий процент⁷. Сегодня часть горожан готова к социальному партнёрству или диалогу с властью по достаточно широкому списку проблем, однако этот потенциал остаётся пока неиспользованным. Эффективные социальные технологии «вовлечения» горожан в плодотворное социальное партнёрство с властью пока не найдены.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Создание партнёрских отношений между органами муниципальной власти и жителями есть один из основных вопросов переустройства нашего общества⁸. Но эта работа должна вестись планомерно и комплексно, что в конечном итоге будет способствовать укреплению стабильности в обществе, позволит добиться эффективного самоуправления, влияния на формирование социально-активной позиции горожан.

1. Ковешников Е.М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М., 2002. С. 64.
2. Эрхард Л. Благополучие для всех. М., 1991. С. 224.
3. Алтынбаев Р.З. Основные направления повышения эффективности местного самоуправления // Местное самоуправление в России: Сборник статей / Под ред. д.э.н., проф. Зотова В.Б. М., 2003. С. 34.
4. Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А. Местное самоуправление: проблемы становления // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 117.
5. Там же. С. 118.
6. Бородкин Ф.М. Ценности населения и возможности местного самоуправления // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 110.
7. Заборова Е.Н. Участие граждан в управлении городом // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 29.
8. Безрукавников И.А. Роль местного самоуправления в процессе строительства гражданского общества // Местное самоуправление в России: Сборник статей / Под ред. д.э.н., проф. Зотова В.Б. М., 2003. С. 91.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ИНТЕРЕСАХ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ракина И.В.

Тольяттинский государственный университет

Интерес к исследованию социального положения граждан преклонного возраста возник не случайно. Пожилые люди России выступают хранителями нравственных ценностей, народных традиций, многонациональной Российской культуры и жизненного опыта поколений, оплотом семьи, могут служить примером трудолюбия и самоотверженности¹. Увеличение численности пожилых людей и возрастание их доли во всем населении страны – это влиятельная социально-демографическая тенденция, проявляющаяся в жизнедеятельности практически всех развитых стран. В России пожилые люди по нормам законодательства – это женщины старше 55

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

лет и мужчины старше 60 лет. Они составляют особую социально-демографическую группу населения.

90-е годы XX века – период, когда процесс старения населения России закрепился. В 2000 году в России насчитывалось 30,18 млн. человек старше трудоспособного возраста, в том числе 24,4 млн. человек в возрасте 60 лет и старше². По данным Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, демографические процессы, затрагивающие жизнедеятельность граждан старшего поколения, обладают значительной устойчивостью. Постарение общества будет продолжаться в обозримом будущем. Увеличение продолжительности жизни граждан старшего поколения приводит к тому, что численность лиц старческого возраста, долгожителей становится массовой³. Именно эти весьма веские доказательства делают рассматриваемую проблему весьма значимой и актуальной для исследования.

Социально-экономические потрясения 90-х годов изменили не только политическое устройство нашего государства, но перевернули сознание теперь уже бывшего советского человека. Тяжелее всего оказалось незащищенным категориям населения (старикам, детям, женщинам и т.д.). Люди преклонного возраста, прожившие большую часть своей жизни в совершенно иной стране, в других условиях испытывали не только материальные, но и моральные трудности. В конце 80-х начале 90-х годов, начавшийся социально-экономический кризис привел к снижению жизненного уровня населения. В результате огромная часть россиян оказалась за чертой бедности. Так в 1993 году сумма доходов самых богатых превышала сумму доходов самых бедных в 6,2 раза⁴. Доходы ниже установленного прожиточного минимума в 1999 году имели 43,8 млн. человек (29,9%)⁵. В группу риска попали и старики. Пенсия – единственный источник существования этих людей. Но в начале 90-х она уже не обеспечивала необходимый прожиточный уровень. Так динамика реального размера пенсии по старости (в ценах 1987 года) составила:

в 1990 г. – 80%,	1995 г – 60%,
1992 г. – 52%,	1996 г. – 54%,
1993 г. – 62%,	1997 г. – 53%,
1994 г. – 58%,	1998 г. – 41%. ⁶

Несмотря на низкие социальные показатели, государство не предпринимало решительных действий в направлении улучшения материального положения незащищенных категорий населения. Принимаемые законодательные документы либо представляли собой старые законопроекты в новой редакции, либо меры, регламентирующие положение граждан пожилого возраста, выступали лишь составной его частью. К числу этих докумен-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

тов можно отнести Федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации» от 31 июля 1995 года №119⁷; Кодекс законов о труде РСФСР от 4 февраля 1992 года; Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 24 апреля 1996 года и т. д.⁸.

Власть ставила первоочередную цель стабилизировать экономический кризис, считая, что социальные показатели как производные, автоматически придут в норму. Реформаторы были убеждены, что социальная политика вторична по отношению к экономике. Ведь социальные программы не обеспеченные экономически остаются лишь только на бумаге. Однако вторичное положение социальной сферы по отношению к экономике вовсе не означает её второстепенности для развития материальной и духовной культуры, которые составляют жизненно важную необходимость каждого человека.

Радикальные политические и экономические преобразования первой половины 90-х годов оттеснили проблемы социальной сферы на периферию внимания высших органов Российского государства. Правительство было заинтересовано в преобразованиях, обеспечивающих изменение источников финансирования социального комплекса, и готово было допустить его сжатие. Поэтому в программных правительственных документах постоянно декларировались намерения провести серьезные преобразования и построить экономику здравоохранения, образования, культуры на новой рыночной основе с уменьшением доли государства в финансировании этих сфер и соответственно увеличением доли населения и предпринимателей. В «Программе углубления экономических реформ», принятой в 1992 году, социальной политике отводилось подчиненное место⁹. В следующем документе «Развитие реформ и стабилизация российской экономики в 1993 году» социальные проблемы рассматривались через призму их роли в стабилизации экономики, хотя и ставилась задача повышения благосостояния народа, совершенствование социального механизма¹⁰.

В последующих документах – «Об основных направлениях социальной политики Правительства Российской Федерации на 1994 год»¹¹, программе Правительства Российской Федерации «Реформы и развитие российской экономики в 1995-1997 гг.»¹² – были определены цели, основные направления, приоритеты социальной политики, функции федеральных и региональных органов власти, принципы разграничения и взаимодействия органов власти на различных уровнях управления социальным развитием. Однако у различных групп Верховного Совета Российской Федерации и Государственной Думы не было каких-то четко сформулированных позиций по отношению к социальной сфере, которые бы они четко отстаивали в законотворческой деятельности. В период проведения парламентских выборов в 1993 и 1995 года многие политические группы выдвигали лозунги о необходимости социальной переориентации политики.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Но после выборов об этом очень быстро забывали, решая другие политические задачи.

Скоро стало очевидно, что стабилизировать экономические показатели оказалось гораздо труднее, чем думалось раньше. Падение уровня жизни, рост смертности и снижение рождаемости населения, массовое распространение асоциальных явлений заставило руководство по иному взглянуть на проблему социальной политики. Новые ориентиры были заданы во втором Послании Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию в феврале 1995 года. В нем была сформулирована перспективная задача обеспечения опережающего роста социальных расходов по сравнению с другими видами бюджетных затрат. А в своем Послании Правительству в 1996 году «О бюджетной политике» Президент отметил необходимость инвестиций в социальную сферу, назвав её приоритетной. В соответствии с рекомендациями Президента Российской Федерации была разработана Программа социальных реформ на период с 1996-2000 гг., утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 1997 года № 222. Данная Программа давала широкий анализ социальных процессов, происходящих в стране, и ориентировалась на системный подход в выборе основных направлений социального развития¹³. Таким образом, период с 1995 по 1996 год можно назвать переломным для развития социальной политики. В это время начинают приниматься и реализовываться постановления, законы, указы, направленные на улучшение положения граждан пожилого возраста и других незащищенных категорий населения. К их числу можно отнести Федеральный закон «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» от 2 августа 1995 года №122-ФЗ, Постановление Правительства Российской Федерации «О федеральном перечне гарантированных государством социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам государственными и муниципальными учреждениями социального обслуживания» от 25 ноября 1995 года № 1151, а также Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке и условиях оплаты социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам государственными и муниципальными учреждениями социального обслуживания» от 15 апреля 1996 года №473¹⁴.

К гражданам пожилого возраста относят и ветеранов. Права и привилегии этой социальной категории регулировались многочисленными нормативно правовыми актами, изданными различными органами, в разное время, многие из которых противоречили друг другу. Все это вызывало нарекания со стороны ветеранов, и их обращение в Государственные органы. Попыткой государства решить возникшие противоречия стало принятие Федерального закона «О ветеранах», который был утвержден Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 16 де-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

кабря 1994 года и вступивший в силу с 12 января 1995 года – дня его официального опубликования¹⁵.

Федеральный закон «О ветеранах», принятый в канун 50-летия Победы в Великой Отечественной войне, определил правовые, экономические и нравственные аспекты государственной политики в отношении ветеранов. Однако пятилетняя практика его применения показала, что он не в полной мере соответствует изменившимся социальным и экономическим условиям и нуждается в совершенствовании. Отдельные его положения вошли в противоречие с другими вновь принятыми законами. В результате закон подвергался доработке не один раз. В рамках данного закона разрабатываются и реализуются региональные программы социальной поддержки ветеранов.

К числу достижений российского законодательства можно отнести федеральную целевую программу «Старшее поколение». Она была одобрена Постановлением Правительства Российской Федерации 20 августа 1997г. №1090. Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1999 г. №1065 срок действия программы продлен на 2000 г. Государственным заказчиком программы «Старшее поколение» выступило Министерство труда и социального развития Российской Федерации. В её разработке приняли участие министерства и ведомства Российской Федерации, в первую очередь Минтруд России, Минздрав России, Минкульт России, Госкомстат, Минспорт России и др. Были определены цели и задачи Программы, обоснованы сроки и этапы её реализации: 1997-2000 годы (по мере истечения этого периода сроки Программы продлеваются).

Главная цель Программы – формирование организационных, правовых, социально-экономических, социально-психологических условий для осуществления мер по улучшению положения граждан старшего поколения и упрочнения их социальной защищенности с учетом современной социально-демографической и социально-экономической ситуации и прогнозируемой долговременности процесса старения населения России¹⁶.

Подготовка и вступление в действие целевой Программы «Старшее поколение» послужили стимулом к разработке в большинстве субъектов Российской Федерации региональных программ социальной защиты пожилых людей, которые являются одним из значимых факторов улучшения социально-экономического положения граждан старшего возраста.

Региональные программы «Старшее поколение», «Забота», «Социальная защита пожилых людей» и другие приняты в Республике Мордовия, Республике Саха, Удмуртской Республике, Чувашской Республике, Краснодарском крае, Астраханской, Владимирской, Белгородской, Московской, Мурманской, Оренбургской, Пензенской, Ростовской, Рязанской, Свердловской, Томской, Читинской, Ярославской областях и других районах¹⁷.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Помощь гражданам пожилого возраста оказывают и общественные организации, к числу которых принадлежит Российское общество Красного Креста (РОКК). Структура общества, построенная по территориальному и производственным принципам, включает Центральный комитет Красного Креста, областные, краевые, городские и окружные комитеты, а также дорожные комитеты (3-4 человека), действующие на железных дорогах. В советский период деятельность организации финансировалась главным образом за счет сбора членских взносов, годовая сумма которых достигала 15 млн. рублей. Сегодня ситуация изменилась. По мнению А. Тюляндина, председателя Московского городского комитета Красного Креста, в период перестройки руководством организации была допущена громадная ошибка, заключающаяся в том, что на протяжении нескольких лет Красный Крест не занимался вовлечением новых членов и сбором членских взносов. В ряде областей ситуация плачевная. Например, в Красном Кресте Волгоградской области всего одна медсестра, в Карелии – две. Наиболее успешно Красный Крест действует в Москве, Ульяновской, Белгородской, Самарской, и Новосибирских областях¹⁸. В сентябре 2002 года между Министерством труда и социального развития Российской Федерации и Красным Крестом подписан государственный контракт по реализации мероприятий федеральной целевой Программы «Старшее поколение» на 2002-2004 годы. Разработана Концепция развития Службы милосердия Российского Красного Креста, утвержденная Президиумом Правления Российского Красного Креста 3 июля 2003 года. Определены задачи Службы милосердия региональных отделений Российского Красного Креста по медико-социальному обслуживанию граждан пожилого возраста и инвалидов. В реализации принимают участие Белгородское, Тамбовское, и Ульяновское областные отделения¹⁹.

Несомненно, все выше перечисленные меры являются достижением российского руководства по реализации государственной социальной политики в интересах граждан пожилого возраста. Но данные общероссийского мониторинга, проводимого в период с 1996 по 1998 гг. свидетельствуют о том, что социальное положение стариков ещё не стабилизировалось. Подавляющее большинство людей в возрасте старше трудоспособного оценивают свое материальное положение как неудовлетворительное. Большинство мужчин от 60 лет и женщин от 55, которых просили определить их материальное положение по 9-бальной шкале – от нищеты (1-я ступень) до богатства (9-я ступень) - на первые три ступени поставили себя 67% опрошенных этого возраста. Ни один человек не определил своё материальное положение как соответствующее высшей, девятой, ступени, восьмью выбрали 0,1%, к нищим отнесли себя 22% опрошенных²⁰.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на то, что 2000 году произошло изменение социальной концепции. Была выдвинута идея

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

субсидиарного государства, начала складываться либеральная концепция социальных реформ, направленная на децентрализацию социальных функций государства. Можно выразить надежду, что подобные реформаторские инициативы, будут способствовать росту благосостояния всего населения России и, прежде всего граждан пожилого возраста.

1. Пожилые люди в Российской Федерации: положение, проблемы, перспективы. – М.: Права человека, 2002. - С. 5.

2. Там же. С.10

3. Государственный доклад о положении граждан старшего поколения в Российской Федерации / Под общ. ред. Г.Н. Кареловой. М, 2001. С. 16.

4. Путь в XX век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М., 1999. С. 144 - 145.

5. Социально-экономическое положение России. 1995. М., 1996. № 12 С. 254 - 255; Российский статистический ежегодник. Статистический сборник Госкомстата России. М., 2000. С. 155; Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник Госкомстата России. М., 2000. С. 116, 122.

6. Российский статистический ежегодник: Статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 1996.

7. Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 31. ст. 2990; Российская газета. 3 августа 1995. № 149.

8. Сборник законов Российской Федерации. - М.: Омега – Л, 2005.

9. О развитии экономических реформ в Российской Федерации в 1992 году. М., 1993.

10. Основные направления социальной политики Российской Федерации на 1992 - 1993 годы. М., 1992.

11. Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. ст. 3701.

12. Собрание законодательства Российской Федерации. 1995..№ 21. ст. 1966.

13. Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 10. ст. 1173; Российская газета. 1997. 12 марта. № 49.

14. Предоставление стационарного обслуживания и социальных услуг гражданам пожилого возраста и инвалидам в учреждениях социального обслуживания (нормативно-правовые акты) // Текущие Архивы Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

15. Федеральный закон «О ветеранах». – 6-е изд. – М.: Ось-89, 2004.

16. Пожилые люди в Российской Федерации: положение, проблемы, перспективы. – М.: Права человека, 2002. С. 49 - 51.

17. Государственный доклад о положении граждан старшего поколения... С. 122.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

18. Старшее поколение в современной России. Статистика, исследования, общественные организации. М., 1999. С. 48 - 49.

19. О совместной работе Минтруда России и Российского Красного Креста по реализации мероприятий федеральной целевой программы «Старшее поколение» // Текущие архивы Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

20. Старшее поколение в современной России. Статистика, исследования, общественные организации. М., 1999. С. 17.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
**СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И
ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И
ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ»**

**ВЗГЛЯДЫ Н.Г. УСТРЯЛОВА НА ИСТОРИЮ ПОЛЬСКО-
ЛИТОВСКОЙ КРЕВСКОЙ УНИИ 1385 Г. В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ
«ОФИЦИАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ» С.С. УВАРОВА**

Столяров А.М.

**Татарский государственный гуманитарно-педагогический
университет**

История Кревской унии 1385 года была одной из главных тем в российской историографии истории Великого княжества Литовского XIX – начала XX в. Именно в сближении с Польшей в результате заключения уний значительная часть российских историков вплоть до конца XIX в. видели причину постепенного угасания и в итоге полного исчезновения Великого княжества Литовского с политической карты Восточной Европы.

Наряду с этой концептуальной идеей российских историков в польской историографии начала XIX в. существовал прямо противоположный взгляд на историю Кревской унии. Ее последствия считались исключительно благоприятными для Великого княжества Литовского, которое благодаря сближению с Польшей приобщалось к достижениям западноевропейской средневековой цивилизации. Столь полярная трактовка проблемы унии придавала дополнительный импульс разработке этого вопроса в российской исторической науке.

Начало специальному изучению истории Кревской унии в российской историографии было положено Н.Г. Устряловым. Он создавал свои учебники по русской истории в условиях после подавления польского восстания 1830-1831 гг., когда в российских правящих кругах возникла настоятельная необходимость чётко сформулировать общедоступный массовому сознанию императив политики по отношению к польским землям и растражировать его в умах современников. В это же время (1830-е гг.) оформляется теория «официальной народности», в которой, по мысли С.С. Уварова, должно было присутствовать и обоснование принадлежности польских территорий к России. Эти задачи выполнял учебник Н.Г. Устрялова, в том числе и в разделах, касающихся истории Великого княжества Литовского.

Обратившись к истории Кревской унии, Н.Г. Устрялов не увидел никаких оснований для сближения католической Польши и православного Великого княжества Литовского в конце XIV века. Сам факт унии он счи-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

тал случайным совпадением обстоятельств – отсутствием жениха для польской королевы Ядвиги и честолюбием великого князя литовского Ягайло, который желал занять ещё один престол.

Но эта случайность, по мнению Н.Г. Устрялова, предопределила всю последующую историю Великого княжества Литовского. Оно утратило самостоятельность в результате заключения унии, которая провозгласила главенство князей одной династии (Гедиминовичей) над двумя государствами. Таким образом, союз династий рассматривался Н.Г. Устряловым как реальное объединение Польши и Великого княжества Литовского в единое политическое образование. В этой идее историка нашли своё отражение монархические взгляды Н.Г. Устрялова, согласно которым исторический процесс рассматривается как результат личной деятельности монархов.

Однако во взглядах Н.Г. Устрялова есть противоречие. В другом месте своего труда историк писал, что Кривская уния была заключена, но не была в действительности реализована. Главной причиной здесь послужило нежелание православного населения Великого княжества Литовского вступать в союз с католиками. Таким образом, история отношений между Великим княжеством Литовским и Польшей рассматривалась историком как борьба православного государства с католической страной.

Начавшаяся с 1385 года религиозная борьба за сохранение своей веры со стороны православных, по мнению Н.Г. Устрялова, не имела шансов на успех. Подчёркивая агрессивность Польши в отношении своего восточного соседа, историк выставлял Великое княжество Литовское как пассивную сторону в конфликте, вынужденную подчиняться давлению извне и не заинтересованную сколько-нибудь в унии. Почти двести лет православное население сопротивлялось ей, но в итоге ничего не добилось.

Причины такой безысходности Н.Г. Устрялов усматривал в покорности православного населения своим князьям, которые променяли «истинную веру» на «латинство». В этой идее отчётливо проступает монархизм историка, в представлении которого народ всегда подчиняется воле и желаниям монарха, даже если последний переходит в другую веру. Православные восставали двести лет против католических епископов, но восстать против великого князя – католика, по мнению Н.Г. Устрялова, никогда бы не смогли, поэтому и смирились в итоге со своей участью.

Кривская уния 1385 года имела и отдалённые последствия. Она, с точки зрения Н.Г. Устрялова, вовлекла Польшу в орбиту влияния русской великокняжеской династии. Для обоснования этого тезиса историк использовал следующую аргументацию. Польский престол в 1385 году был занят великим князем литовским Ягайло из династии Гедиминовичей, бывших родственниками Рюриковичей по женской линии ещё со времён Миндовга. Н.Г. Устрялов фактически утверждал, что уже с 1385 года Рюриковичи

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

стали обладать Польшей. Единственным, что помешало закрепиться этому праву собственности, стал переход Ягайло в католицизм.

В конце XIV века Польша объединилась с Великим княжеством Литовским, т.е. Западной Русью в представлении Н.Г. Устрялова. В конце XVIII века произошло объединение Западной России с Российской империей, выросшей из земель Восточной Руси, и Польша, следовательно, навечно «прикрепилась» к России. Так распорядилась история. Всякие попытки повернуть её вспять, т.е. попытаться отделиться от России, обречены на провал, поскольку, как показывает историческое прошлое, Польша независимо от какой – либо страны существовать не может. Поэтому пребывание её под сенью российского императорского дома есть наилучший из возможных других вариантов, раз уже с конца XIV века родственники Рюриковичей управляли поляками.

Такое понимание Кревской унии, оправдывая политику российского самодержавия на польских землях, получило полное одобрение в правящих верхах. Историк получил одобрительные отклики на свой труд со стороны С.С. Уварова. Сам историк также позднее не скрывал, что выполнял по проблемам польско–литовских отношений политический заказ власти.

Н.М.КАРАМЗИН В КРУГУ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ

Русяев П.С.

Самарский государственный университет

Интерес к личности Николая Карамзина и его творческому наследию никогда не иссякнет в исторической науке. В историографии существует большое количество работ по данной проблематике. В данной статье хотелось бы обратить внимание на формирование и содержание общения Н.М. Карамзина с представителями императорской фамилии. До нашего времени дошли интересные источники, с помощью которых их можно реконструировать. Первый российский историк и историограф был знаком с императорами Александром I и Николаем I, императрицами Марией Федоровной, Елизаветой Алексеевной и Александрой Федоровной и великой княгиней Екатериной Павловной.

На мой взгляд, рассмотрение общения Карамзина с императорской фамилией необходимо начать с великой княгини Екатерины Павловны. Они познакомились в 1810 г. и между ними завязалась переписка, продолвшаяся до самой смерти княгини. После замужества, великая княгиня Екатерина стала жить в Твери. В 1811 г. Екатерина Павловна 2 раза приглашала Н.Карамзина погостить. По впечатлению историка «великая кня-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

гиня во всяком состоянии была бы одной из любезнейших женщин на свете, а принц имеет ангельскую доброту и знания, необыкновенные в некоторых частях». Супружеская чета проявила хорошее гостеприимство. «Не могу изъяснить тебе сколь великая княгиня и принц ко мне милостивы. Я узнал их несравненно более прежнего, имел случай ежедневно говорить с ними по несколько часов между наших исторических чтений» – писал Николай Карамзин Дмитриеву. Расположение княгини распространилось на всю семью Карамзиных. О нем историк свидетельствует следующим образом: «Или оно никогда не переменится, или я буду счастлив менее прежнего, будучи действительно привязан к ней душой и сердцем. Она столь мила, что бранит меня за эту меланхоличную мысль...». Екатерина Павловна в письмах удостаивается таких эпитетом как «несравненная», «тверская полубогиня». Карамзин был очень доволен «благорасположением к нему государя доброго и царской фамилии»¹.

В 1811 г. во время второй поездки в Тверь, Н. Карамзин был представлен Александру I. Император произвел на гостя любимой сестры доброе впечатление. Еще в 1810 г. император наградил Н. Карамзина орденом Св. Владимира за распространение российской словесности. В письме И.И. Дмитриеву историк писал: «Как льстит мне государева милость, так любезно и действие твоей дружбы, милостивое соизволение императора отличить меня таким знаком награды трогает мое сердце». В Твери Карамзин с удовольствием, иногда по несколько часов, зачитывал царственным слушателям отрывки из «Истории». Александр I слушал с «непритворным вниманием и удовольствием». Неотъемлемой частью были и совместные обеды. После одного из обедов состоялся самый интересный за все тверское общение разговор. Высказав свои соображения о самодержавии, Карамзин затем вручил Александру I «Записку о старой и новой России». «Я имел счастье быть согласным с некоторыми его мыслями – пишет историк – но искренне удивился его разуму и скромному красноречию. Сердце мое всегда влеклось к нему ибо угадывало и чувствовало доброту сего редкого монарха: теперь люблю уважаю Его по внутреннему удостоверению красоты его души. Дай Бог, чтобы он был счастлив счастьем России!». Император пригласил Николая Михайловича приехать в столицу, а местом жительства предложил резиденцию Екатерины Павловны, Аничков дворец, что освобождало историка от трат на жилье².

Между императором Александром I и Н.М. Карамзиным переписка продолжалась с 1822 по 1825 гг. В небольших по объему письмах, прослеживается доброе и заботливое отношение со стороны монарха. Александр I писал: «Чин, в знак моей признательности историографу, а Николаю Михайловичу извещение, что в Царском Селе сухо и чисто в Саду, а в Китайском его жилье тепло и прибрано. Всей семье искренний мой поклон». Император за неимением времени встречался с Николаем Михайловичем,

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

как правило, вечером после 6 часов. А когда встречи не получалось сожалел: «Чистосердечно сожалею, что возобновление погоревшего домашнего моего храма, лишило меня удовольствия христосоваться с уважаемым мной историографом». Император освободил от цензуры «Историю государства Российского». Он просил в письмах присылать ему тетрадные рукописи будущего сочинения, читал их и делал пометки. Затем содержание обсуждалось и корректировались вместе с Н. Карамзиным. Печать рукописей финансировалась лично Александром I и несколько экземпляров «Истории» были направлена в императорскую библиотеку. Помимо предоставления постоянного жилища Карамзиным в Царском Селе, император в 1818 г. снимал для них дом в Петергофе за 2000 руб. Часто в письмах Александр I спрашивается о здоровье супруги историка и его детей: «Прошу изъявить Катерине Андреевне мою признательность, поздравить от меня ее и всю вашу семью, и быть уверенным в искренней моей привязанности»³.

Письма Николая Михайловича императору гораздо информативнее. Из их мы можем узнать, что члены его семьи переписывали «Историю» на чистовой вариант. В некоторых письмах есть комментарии к томам, дававшихся царю на прочтение. «Примите сердечную мою благодарность за две милости, за труд чтения и за драгоценные мои строки. Что значат неблагоприятия моей истории против такого читателя и судии благосклонного? Вы, Государь, умеете тешить людей ни одними вещественными наградами» – пишет историк. Встречи императора и Карамзина были частыми, когда историк с семьей жил в Царском Селе. Николай Михайлович был посвящен во многие дела императорской фамилии. Он сочувствовал монарху и радовался вместе с ним: «Ваша горесть есть и наша: мы искренно оплакиваем кончину доброй Герцогини Вюртембергской. Между тем беспокоились и беспокоимся о Вашем здоровье». Н. Карамзин хотел видеть себя истинным подданным императора, поэтому мы можем встретить такие строки: «Повторяю сказанное мною Вам однажды в саду царско-сельском: быть Великим Монархом именно в наше время, есть завидная доля для великодушия. Будьте всегда». Николай Михайлович называет себя «верным историографом», а Александра I иногда называет «августейшим хозяином». Подписывался историк часто «с любовью верноподданный Карамзин»⁴.

Заслуживают внимания 4 прошения Н. Карамзина на имя императора. Одно из них касается одного из сыновей историка, поручика гвардии Драгунского полка, которого в апреле 1819 г. за неприличные для офицера поступки с тем же чином перевели в Уланский Оренбургский полк. Николай Михайлович просил императора изменить меру наказания. 2 прошения касались административных нарушений со стороны дворянок, а одно было прошением матери офицера, которого хотели казнить за избиение старшего по званию⁵.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

После посещения Твери общение Екатерины Павловны с Николаем Михайловичем продолжилось в столицах. Сестра императора активно продолжает помогать историку и членам его семьи. Она делала денежные подарки по случаю семейных праздников Карамзиных. И в письмах Николая Михайловича появляются слова о сердечно и бескорыстной любви и дружбе к Екатерине Павловне. Карамзин учил великую княгиню русскому языку. Он давал ей тексты, а она их переводила. Письма Екатерины Павловны историку написаны по-французски, с некоторыми русским словами, которые иногда написаны неграмотно. Николай Михайлович давал ей читать свои сочинения и исторические источники, например записки Миниха. Вот как отзывалась о Карамзине великая княгиня: «Не умею объясняться отборными словами, но верьте, что умею ценить достоинства. Ваше знакомство из рода таких, которые возвышают душу, не забываются»⁶.

Около 1814-1815 гг. Николай Михайлович был представлен вдовствующей императрице Марии Федоровне. Через Екатерину Павловну императрица пригласила Карамзина в Павловск. Историк стал навещать Марию Федоровну там достаточно часто как один так и с семьей. Он даже написал стихотворение, которое было отмечено подарком Марии Федоровны – розой, выращенной в Павловске. Желанным гостем Николай Михайлович был на балах, которые любила давать Мария Федоровна. На Пасху 1817 г. историк был удостоен фарфорового яйца. Государыня приглашала Карамзина на экзамены в свои благотворительные заведения. В 1821 г. вдовствующая государыня возвела дочь историка Софью в ранг фрейлины⁷.

О дружбе Н.М. Карамзина с императрицей Елизаветой Алексеевной князь П.А. Вяземский написал «Отношение Карамзина к императрице Елизавете Алексеевне еще достойнее внимания, чем его отношение к Марии Федоровне»⁸. Супруга Александра I была очень открыта с людьми, которым доверяла, но были у нее и свои требования к ним. Вот что пишет княгиня Мадатова: «Будучи пожалованной во фрейлины к ее особе, я представлялась ей, она встретила меня со словами: «Прошу вас об одном, будьте чистосердечны»⁹. Императрица Елизавета познакомилась с Н.М. Карамзиным в 1817 г., а через год между ними начинается оживленная переписка. К тому моменту Карамзин получил должность придворного историографа¹⁰. В 1820 г. Елизавета Алексеевна писала своей матери маркграфине А. Баденской: «Я действительно верю в дружеское с его стороны отношение, которое он высказывает при всяком случае. Прежде всего он честный и порядочный человек, а затем – Русский историограф»¹¹.

Николай Михайлович стал лектором и другом государыни. Во время встреч Николай Михайлович и Елизавета Алексеевна читали «Историю», обменивались мнениями, анализировали исторические источники: «Читаю теперь франклиновы письма. Мне пожаловала их императрица Елизавета, с тем, чтобы я замечал карандашом все достойное особенного содержа-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ния»¹². Часто для практики в русском языке императрица сама читала вслух. Карамзин много писал о Елизавете Алексеевне, как об «удивительной женщине и подарке судьбы». За последующие годы доверие императрицы к Карамзину настолько окрепло, что она начала читать ему свой дневник, который потом был утрачен¹³.

После смерти в 1825 г. Александра I, Николай I предоставил историку дом в Царском Селе. В 1826 г. здоровье Карамзина ухудшилось и Николай I издал высочайший рескрипт, в котором писал: «Прошу вас только уведомить меня как и куда решайтесь ехать, а прочее я все устрою. Повторяю, что мне больно верить и слышать, что вам надо ехать. Дай Бог, чтобы здоровье ваше скоро восстановилось и возвратило бы вас тем, кои вас искренно любят и уважают. Причтите меня к этим. Вас искренне любящий Николай».

Супруга Николая сама приглашала Николая Михайловича в Царское Село. Приглашение историк не принял, объяснив тем, что все в резиденции будет напоминать ему об умершем монархе. «Моя спальня напоминает оранжерею с таким количеством цветов, которые я должен преподнести в дар красоте Императрицы Марии – пишет Карамзин – Вы предлагаете мне дворец к моему счастью, и я за это благодарю самым явным голосом молодого Императора и благодарен за эту идею, но если он огорчится от моего отказа, я надеюсь ее еще смогу реализовать. Ваша трогательная корзинка с фруктами, Мадам, порадовала мои глаза и вкус. Попытайтесь не рассказывать императору, о моем отказе грубом, но сердечном»¹⁴.

Таким образом, реконструировать общение Николая Михайловича Карамзина с представителями императорской фамилии, позволяет хорошая источниковая база. Видно, что у историка были замечательные отношения со всеми членами императорской фамилии, с каждым персонажем отдельно они имели свою специфику. Заслуги Карамзина перед Отечеством были отмечены еще до начала знакомства с кем либо из Романовых. После знакомства с Екатериной Павловной, начинается новый этап в жизни историка. Н. Карамзин получает доступ к Александру I, имеет возможность часто с ним общаться и главное получает льготы при публикациях. Милость, как особая форма отношения между монархом и подданным распространяется на всю семью историка. Она выражается не только в материальных поощрениях, но и в приватном общении, в обоюдном доверии. Именно последние два момента были свойственны отношениям Карамзина с Екатериной Павловной и Елизаветой Алексеевной. Труд историка и историографа также был оценен молодым Николаем I. Я думаю, исследуя проблему общения и дружбы в данном обществе, следует обратить внимание на личности людей и на ситуацию, в которой развивалась историческая реальность. Во всяком случае, благодаря личным источникам, видна целостная картина не

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

только политической, но и повседневной истории царствования Александра I, которая имела свою специфику и привлекательность.

1. Карамзин Н.М. Письма И.И. Дмитриеву от 19 февраля и от 16 марта 1811 // Письма Н.М. Карамзина И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 137-140.

2. Карамзин Н.М. Письма И.И. Дмитриеву от 11 июля 1810 г., от 16 марта, от 20 марта 1811 г., от // Письма Н.М. Карамзина И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 128-142.

3. Александр I. Письма Н.М. Карамзину от 2 апреля, 3 февраля, 18 февраля, от 10 августа 1822 г., 15 февраля 1823, от 9 марта 1824 // Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина. Ч. I. СПб., 1862. С. 25-36.

4. Карамзин Н.М. Письма императору Александру I от 1 декабря, 23 февраля 1822, 10 марта, 7 апреля 1824, 5 октября 1825 // Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина. Ч. I. СПб., 1862. С. 25-36.

Карамзин Н.М. Письмо И.И. Дмитриеву от 1 ноября 1817 г. // Письма Н.М. Карамзина И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С.224, 244.

5. Карамзин Н.М. Прошения на имя императора Александра I от апреля 1819 г. и марта 1822 г. // Неизданные сочинения и переписка. С. 227-235.

6. Карамзин Н.Н. Письма И.И. Дмитриеву от 3 июня, 27 августа 1811 г. и 8 апреля 1812 г. // Письма Н.М. Карамзина И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 149-160.

Екатерина Павловна. Письма Н.М. Карамзину от 14 декабря 1810 г., от 5 января 1811 г. // Письма великой княгини Екатерины Павловны. Тверь 1888. С. 29-74.

7. Карамзин Н.М. Письма И.И. Дмитриеву от 30 марта 1814 г., от 12 июля 1814 г., от 13 февраля 1816 г., от 26 февраля 1817 г., от 26 марта 1817 г., от 30 августа 1821 г. // Письма Н.М. Карамзина И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 179-187, 208-210.

8. Вяземский П.А. О письмах Карамзина // Полное собрание сочинений. Т. 7. 1855-1877 гг. СПб. 1882. С. 140-142.

9. Мадатова С.А. Елизавета Алексеевна в воспоминаниях ее бывшей фрейлины кн. С.А. Мадатовой // Исмаил-Заде Д. Императрица Елизавета Алексеевна. М., 2001. С. 303-307.

10. Вяземский П.А. Там же. С. 144.

11. Елизавета Алексеевна. Выдержки из писем к матери, маркграфини Амалии Баденской (1797-1826) // Исмаил-Заде Д. Императрица Елизавета Алексеевна. М., 2001. С. 216-217.

12. Карамзин Н.М. Письмо И.И. Дмитриеву от 21 августа 1817 г. // Письма Н.М. Карамзина И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 220.

13. Николай Михайлович Романов, великий князь. Николай Михайлович. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. III. СПб., 1909. С. 14-18.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

14. Николай I. Письмо Н.М. Карамзину от 6 апреля 1826 г. Рескрипт на имя Н.М. Карамзина от 13 мая 1816 г. // Письма Н.М. Карамзина И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С.127-129.

Н.М. Карамзин. Письмо императрице Александре Федоровне от 29 апреля 1825 г. // Письма Н.М. Карамзина И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 442-443.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИИ ВО ВЗГЛЯДАХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ

Репинецкий С.А.

Самарский государственный педагогический университет

Из числа публикаций Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарёва современная им русская либеральная мысль смогла найти достаточно полное и адекватное выражение в сборниках «Голоса из России», издававшихся в 1856 – 1860 гг. в Лондоне. Среди наиболее популярных проблем статей сборников оказались такие животрепещущие вопросы, как предстоящая крестьянская реформа, характер и перспективы правящей элиты страны и всего русского общества, а так же ситуация в России в целом.

Целью настоящего исследования стало изучение воззрений либерально настроенных авторов статей этих сборников на социальную структуру современной им России. Объектом исследования выступают статьи либеральной направленности сборников «Голоса из России», прежде всего, это работы Н.А. Мельгунова¹, А.М. Унковского² и ряда анонимных авторов³, затрагивающие проблему структуры российского общества.

В основе деления российского общества середины XIX века, как его видели либералы, лежал сословный признак. На это обращали внимание практически все авторы статей сборников, затрагивавших данную проблему. Картина сословного деления, нарисованная либералами, фактически представляет собой схему из трёх основных сословий классического феодального общества: духовенства, дворянского (служащего или землевладельческого – в зависимости от контекста), и «низшего», распадающегося на городское (мещанское и купеческое) и земледельческое. Эта схема в основном прослеживалась в следующей вариации: духовенство практически не рассматривалось (его упоминали Н.А. Мельгунов и А.М. Унковский, причём оба оговаривались, что оно утратило своё самостоятельное значение)⁴, а крестьяне и горожане, хотя и выступали в виде низшего сословия, не связывались в единую общественную группу⁵. При-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

верженность классической феодальной схеме была столь велика, что выбивавшиеся из неё элементы, например, казачество, вовсе не нашли себе места в картине общества, нарисованной либералами. Сообразно современному делению либералы отмечали наличие «высших» (привилегированных) и «низших» (непривилегированных) сословий⁶. Такое разделение, несомненно, так же является признаком феодального общества. Следует отметить, что значение термина «сословие», использовавшегося авторами статей практически тождественное значению этого термина в нынешнем варианте. Унковский в своей схеме оставил частновладельческих крестьян вовсе вне перечня сословий, не объясняя, правда, причины такого выделения⁷. Возможно, здесь сказался популярный в то время этатистский подход, определявший сословные статусы как формы отношений государства с подданными. Таким образом, население, подчинённое государству опосредовано – через помещика, из сословной системы выпадало. Однако Унковский по своей позиции вряд ли может быть отнесён к этатистам⁸. Здесь, скорее, вновь напрашивается аналогия с классической феодальной сословной лестницей средневековой Европы. Нам не удалось найти в других статьях сборников указаний на отношение их авторов к позиции, отражённой в работе Унковского.

Классовый признак социального деления в статьях либералов следует, на наш взгляд, рассматривать в двух аспектах. Первый аспект заключается в рассмотрении изображённого авторами статей деления общества на группы, обозначенные самими авторами как «классы». Традиционно считается, что в тот период социологический термин «класс» отождествлялся с понятием «сословие»⁹, что отражено в синхронном «Голосам из России» источнике – толковом словаре В. Даля¹⁰. Однако сам термин «сословие» трактовался Далем чрезвычайно широко: «люди общего им занятия, одних прав; звание, разряд, каста»¹¹. Употребляя термин «класс», авторы рассматриваемых нами статей, по всей вероятности, имели в виду социальную группу, объединённую по общему основному занятию или главному отличительному признаку («земледельческий класс», «образованный класс»)¹². Такое понимание термина можно обозначить как «группа с общим основным социальным статусом». Данная трактовка понятия «класс» представляется шагом вперёд от трактовки В. Даля (то есть, обыденного толкования социологических понятий) в сторону того смысла, который вкладывался в это слово в XX веке (прежде всего, наукой, в том числе и марксистской)¹³.

Второй аспект заключается в рассмотрении изображённого либералами деления общества на «классы» в современном понимании этого термина. Практически все авторы статей сборников активно обсуждали положение основных классов феодального общества – помещиков и крепостных крестьян¹⁴. На рассмотрении положения и взаимоотношений нарождающихся классов будущего капиталистического общества – буржуазии и

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

пролетариата – авторы специально не останавливаются. Исходя из ряда косвенных данных (например, Мельгунов предлагает поддержать частные компании, а неизвестный автор обвиняет их в коррупции)¹⁵ можно предположить, что интересующие нас корреспонденты отводили буржуазии некоторую роль в современном им российском обществе, однако не уделяли ей внимания. Пролетариат же они вовсе не замечали (о нём пишет лишь Унковский, да и то применительно к пореформенному будущему и, в основном, в отношении сельского хозяйства¹⁶).

«Служебный» признак деления общества прослеживается в большинстве статей. Он подразумевает размежевание населения на тех, кто служит правительству, и «общество» (а именно «образованное общество» или иногда «народ» в том же значении), то есть тех, кто ему не служит. Этот признак носит скорее морально-психологический, нежели формально-юридический характер («...встречаются на службе благородные личности...»¹⁷ и среди «общества» попадаются закоснелые ретрограды). Настойчивость, с которой авторы акцентируют внимание именно на «служебном» признаке, заставляет считать его едва ли не главным в их понимании. «Служащие» – это средние и высшие чиновники, бюрократы, обладающие, по крайней мере, личным дворянством. «Не служащие» – представители дворянской же общности. Именно в качестве основных общественных классов (в современном понимании; естественно, антагонистических) выступают на страницах изучаемых нами статей «служащие» и «не служащие»¹⁸. «Служащие» и «не служащие» в построениях либералов различались по признаку хозяйственного интереса (то есть, по источнику дохода – от государства или частный) и имели различную идеологию. Последнее различие отразилось наиболее полно в литературном произведении Н.А. Мельгунова «Пряательский разговор», тоже попавшем в сборники «Голоса из России». Оно написано в форме диалога между «чиновником» и «не-чиновником», которые высказывали свои противоположные взгляды на самый широкий круг вопросов общественно-политического развития¹⁹. Получается, основные антагонистические классы в картине российского общества авторов рассматриваемых нами статей представляют собой лишь отдельные категории внутри одной социальной страты – дворянства. Главный конфликт в обществе, таким образом, представлялся либералам конфликтом разных группировок дворянства (особенно болезненно эта ситуация переживалась Унковским и одним неизвестным автором²⁰).

На разобщённость российского народонаселения по этническому и конфессиональному признаку обращают внимание Н.А. Мельгунов и один неизвестный автор (наиболее часто упоминаемые ими группы: поляки, евреи, «раскольники» и «магометане»), причём оба приводят этот вид социального деления²¹ в качестве иллюстрации последствий «бездарной» и «губительной» политики правительства²². Стоит отметить, что своей соци-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

альной группе авторы уделяли неизмеримо больше внимания, чем какой-либо другой. Иллюстраций данной тенденции можно привести множество: попытка поместить основной социальный конфликт внутри дворянской среды, рассмотрение различных категорий дворянства при изображении других сословий как однородных²³, подмена проблем (и их решений) все-российского масштаба чисто дворянскими²⁴ и даже изображение дворянства как едва ли не самой угнетённой категории населения в стране²⁵.

Итак, очевидно, что структура российского общества воспринималась авторами, прежде всего, как сословная, имеющая значительные черты сходства с социальной структурой (в её наиболее обобщённом виде) классического феодального общества. Говоря о классовом делении общества, следует отметить, что она, как и сословная, по большей части, отражают именно феодальную стадию развития общества. Главный «классовый антагонизм» либералам виделся в столкновении служащего бюрократизированного дворянства и дворянской общественности, то есть двух категории дворянства, разделённых по признаку отношения к правительству и государственной службе. Принимая во внимание принадлежность авторов рассматриваемых статей к определённой социальной группе можно экстраполировать их понимание социальной структуры предреформенного российского общества и сопряжённой с этой проблемой терминологии на данную социальную группу. Сводя воедино основные социальные статусы известных нам авторов статей сборников «Голоса из России» (Н.А. Мельгунов, А.М. Унковский, Н.И. Тургенев, Н.А. Серно-Соловьёвич, К.П. Победоносцев, В.А. Панаев и др.)²⁶, можно объединить их в условную группу «представителей дворянской общественности». Это люди образованные, но не занимающиеся наукой, участвующие в общественной деятельности, но не вовлечённые (по крайней мере, пока) в политическую, «пишущие», но (по большей части) не делающие это своим основным занятием. Наконец, все они были носителями, в той или иной степени, либеральных воззрений. Именно в изучении идеологии такой социальной группы рассматриваемые статьи, на наш взгляд, можно считать, в достаточной степени, репрезентативным источником.

1. Мельгунов Н.А. Мысли в слух об истекшем тридцатилетии в России // Голоса из России. Репринтное издание. М., 1975. Т. 1.

2. Унковский А.М. Соображения по докладам редакционных комиссий // Голоса из России. Репринтное издание. М., 1975. Т. 9.

3. Записка о письменной литературе // Голоса из России. Т. 1.; Письмо к Александру II // Голоса из России. Т. 6.; Письмо к издателю Колокола // Голоса из России. Т. 6.

4. Мельгунов Н.А. Указ. соч. С. 107; Унковский А.М. Указ. соч. С. 23–27.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

5. Письмо к Александру II // Голоса из России. Т. 6. С. 107.; Письмо к издателю Колокола // Голоса из России. Т. 6. С. 134.
6. См.: Унковский А.М. Указ. соч. С. 51; Мельгунов Н.А. Указ. соч. С. 89, 114.
7. Унковский А.М. Указ. соч. С. 27.
8. Репинецкий С.А. Русские либералы о смысле крестьянской реформы (на материале сборника «Голоса из России») // Телескоп. Научный альманах. Выпуск 8. Самара: НТЦ, 2004. С. 246 – 266.
9. Даль В. Толковый словарь. М.: Прогресс, 1994. Т. 2, Ст. 283.
10. Толковый словарь Даля издавался в 1863 – 1866 гг. Об этом см.: Миронов Г.М. Даль В.И. // БСЭ, 1977.
11. Даль В. Толковый словарь. М.: Прогресс, 1994. Т. 4. Ст. 409.
12. Мельгунов Н.А. Указ. соч. С. 124; Записка о письменной литературе // Голоса из России. Т. 1. С. 40, 48.
13. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000 // <http://www.kulichki.com/moshkow/ECONOMY/inozemcew.txt>; Левин М. Социальные аспекты гражданской войны в России // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М.: РГГУ, 1997. Т. 1. С. 39.; Глезерман. Г. Е. Классы общественные // БСЭ, 1977.
14. Мельгунов Н.А. Указ. соч.; Унковский А.М. Указ. соч.; Записка о письменной литературе // Голоса из России. Т. 1; Письмо к Александру II // Голоса из России. Т. 6; Письмо к издателю Колокола // Голоса из России. Т. 6; а так же см.: Панаев В.А. Об освобождении крестьян в России // Голоса из России. Т.5; Серно-Соловьёвич Н.А. Проект действительного освобождения крестьян // Голоса из России. Т. 8; Тургенев Н.И. Об устройстве удельных имений с целью уничтожения крепостного права // Голоса из России. Т. 6.
15. Мельгунов Н.А. Указ. соч. С. 126; Письмо к издателю Колокола // Голоса из России. Т. 6. С. 132.
16. Унковский А.М. Указ. соч. С. 117 – 129.
17. См.: Унковский А.М. Указ. соч. С. 16.
18. См.: Мельгунов Н.А. Указ. соч.; Унковский А.М. Указ. соч.; Записка о письменной литературе // Голоса из России. Т. 1; Письмо к Александру II // Голоса из России. Т. 6; Письмо к издателю Колокола // Голоса из России. Т. 6.
19. Мельгунов Н.А. Приятельский разговор // Голоса из России. Т.2. С. 5–30.
20. Унковский А.М. Указ. соч. С. 27 – 28; Письмо к издателю Колокола // Голоса из России. Т. 6. С. 131.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

21. Современная социология считает это именно видом социального деления. См.: Волков Ю.Г., Добренъков В.И., Нечипуренко В.И., Попов А.В. Социология. М.: Гардарики, 2000. С. 242.

22. Мельгунов Н.А. Указ. соч. С. 111, 115; Письмо к Александру II // Голоса из России. Т. 6. С. 110.

23. См. например: Письмо к Александру II // Голоса из России. Т. 6; Письмо к издателю Колокола // Голоса из России. Т. 6.

24. См. например: Мельгунов Н.А. Россия в войне и мире // Голоса из России. Т. 2. С. 150; Записка о письменной литературе // Голоса из России. Т. 1. С. 57 – 60.

25. Письмо к издателю Колокола // Голоса из России. Т. 6. С. 122–131.

26. См.: Комментарии // Голоса из России. Т. 10; Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1986. С. 115 – 126, 137 – 146; Йена Д. Некоторые проблемы истории русского либерализма // История СССР №4, 1990; Сидоренко Л.А. Идеи парламентаризма в российской политической мысли XX в. Саратов: 2002. С. 52.

ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Калдымова О.А.

Самарский государственный университет

В отечественной историографии XX века было много исследований, посвященных рабочему классу, но вплоть до начала 90-х гг. XX века они были строго выдержаны в духе марксистско-ленинской методологии и идеологических установок ЦК КПСС. В последние полтора десятка лет, в условиях смены социально-политических, экономических, культурных ориентиров, истории рабочего класса России на различных этапах его развития уделялось очень мало внимания. В связи с этим данная проблема нуждается в новом осмыслении, современных объективных оценках и подходах.

Появление новых материалов о рабочем классе вызвано интересом историков к проблемам социальной стратификации России начала XX века в целом к каждому социальному классу в отдельности. Тенденция описания социальных процессов прошлого позволяет нам полнее представить картину повседневной жизни предреволюционного периода, отодвинув на задний план доминирование политической составляющей истории России начала XX века.

Интересные исследования последних лет, как отечественных, так и зарубежных ученых, посвященных истории рабочего класса конца XIX –

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

начала XX века стали доступны широкому кругу интересующихся данной тематикой¹. Одним из первых новейших исследований рабочего класса в отечественной историографии была монография Н.А. Ивановой, где рассматривалась структура рабочего класса России эпохи нового революционного подъема². В начале перестроечного периода в российской исторической науке сразу же наметились сдвиги в сторону изменения комплексного подхода к изучению рабочего класса страны. Осмыслением проблем рабочего класса стали заниматься ведущие историки страны, чьи публикации в 1987-88 гг. появились в журналах «Вопросы истории» и «Вопросы истории КПСС»³.

Исследования 90-х гг. XX – начала XXI века по истории рабочего класса России конца XIX – начала XX века посвящены не только общим проблемам рабочих, но и регионально-национальным особенностям существования рабочих различных губерний. Е.А. Чугунов в своей работе, посвященной культурному уровню рабочих Верхнего Поволжья, попытался рассмотреть положение рабочих Верхневолжья в условиях модернизации России, культурных и образовательный уровень пролетария в конце XIX – начале XX века⁴. Названный автор распространил свой научный интерес на изучение духовного облика промышленного пролетариата Верхнего Поволжья конца XIX – начала XX века, тем самым попытался увидеть в каждом рабочем прежде всего индивида, а не как составляющего социальной группы, которая стала решающей силой в период революционной борьбы⁵. Проблемы культурного и образовательного уровня рабочих Центрально-промышленного района России в связи с динамикой его численности, географическим размещением, уровнем заработной платы и структурой промышленности региона были проработаны Е.А. Егоровым⁶. Заслугой этого историка явились попытки связать особенности структуры пролетариата с особенностями революционного движения начала XX века, а также взаимодействие рабочих и зарождавшейся революционной культуры.

Современные исследователи, анализируя социально-экономические процессы России начала XX века, обратили свое внимание на повышение образовательного уровня рабочих⁷. Богатый опыт целой группы исследователей во главе с Л.И. Бородкиным свидетельствует об изучении рабочего класса нашей страны на рубеже XIX – XX вв. с точки зрения проблематикосоциальной истории. Многие работы данной исследовательской группы публикуются в ежегодниках по социальной истории и научной периодике⁸. Гендерные особенности рабочего класса также не остались без внимания в современных работах историков⁹. Некоторыми вопросами данной тематики занимается гендерный центр Тамбовского государственного университета. Ряд ученых этого центра изучают российскую повседневность в эпоху войн и революций начала XX века.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Фундаментальные исследования Е.Д. Румянцева¹⁰, Т.В. Бойко¹¹, В.Ф. Карпова¹² привели к тому, что сложилось целое направление, где культурный и образовательный уровень промышленных рабочих конца XIX – начала XX века рассматривается как неотъемлемая часть повседневной жизни человека, а не всей социальной группы со множеством бесполовых лиц.

Всплеск новой волны интереса к истории российского пролетариата конца XIX – начала XX века повлек за собой ряд научных конференций: «Русский язык, культура, история» (Москва, 1997 год), «Национальная культура и защита Отечества» (Кострома, 1998 год).

Говоря об историографии рабочего класса конца XIX – начала XX века нельзя не упомянуть Ю.И. Кирьянова, чей вклад в отечественную историю изучения рабочего класса России нельзя переоценить. Его исследования, на протяжении его научной деятельности, были посвящены различным аспектам жизни рабочего человека в России конца XIX – начала XX века. Ученый анализировал работы В.И. Ленина, посвященные экономическому положению пролетариата в России, рассматривал и анализировал законодательные акты о труде в России, связи рабочих с деревней и крестьянским образом жизни, структурировал архивные источники о рабочем движении рабочих России на рубеже XIX – XX веков и описывал жизненный уклад рабочих в целом¹³.

Изменения социальной структуры в России с начала 90-х годов XX века повлекли за собой некоторые изменения в тематике изучения рабочего класса конца XIX – начала XX века. Появились интересные работы, рассматривающие предпринимательскую деятельность на рубеже XIX – XX веков, направленную на улучшение материальной, образовательной, культурной стороны жизни рабочих¹⁴. Д.О. Чураков пытается в своих работах придать новый оттенок участию рабочего класса в событиях 1917 года и развеять миф о неразрешимых противоречиях рабочих и предпринимателей на рубеже XIX – начала XX веков¹⁵.

Последнее время многие историки обращают свой исследовательский интерес к проблемам мотивации человека к совершению каких-либо действий. В связи с этим появились работы в которых по-новому рассматриваются вопросы трудовых отношений в промышленном производстве начала XX века¹⁶. Большинство исследователей по-прежнему представляют рабочего человека как главного участника производственного процесса, труд которого был невыносимо тяжелым и малооплачиваемым. Однако была и другая сторона данного процесса. XX век внес изменения в отношение рабочего к труду, а предпринимателя – к условиям труда его рабочих, заработной плате специалистов, системе вознаграждения, трудовой этике по отношению к семьям, чьи кормильцы ушли на войну. Несколько исследований последнего времени рассматривают, как вела себя власть по

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

отношению к труду рабочего до революций 1905 - 1917 гг. В частности, исследование Ю.Ю. Звягина посвящено сравнительному анализу трудового законодательства в России и странах Запада¹⁷.

Историки 1990-х гг. большое внимание уделяют облику пролетариата конца XIX – начала XX века, воссозданию психологических портретов, характеристик, как на всероссийских, так и на региональных материалах. Интерес, который появился у ученых-историков к повседневной жизни рабочих, их семейному укладу, бытовым условиям, способствовал расширению проблематики исследований по истории рабочего класса. Долгое время аспекты повседневной жизни различных социальных групп оставались вне сферы исследовательских интересов отечественных историков, этнографов и лишь недавно они обратили свое внимание на изучение вопросов повседневности. Н.С. Полищук активно занимается изучением обычаев и нравов рабочих России конца XIX – начала XX века¹⁸, считала, что они представляли собой сложный конгломерат, составляющие которого различались стадийно, генетически, и функционально. Появились также работы, в которых рассматриваются бытовые условия рабочих в начале XX века, их частная жизнь, взаимоотношения с детьми и другие вопросы повседневной жизни¹⁹.

В отечественной историографии последнего десятилетия XX века сложилось мнение, что пролетариат полностью изучен, так как его история в советское время была посвящена не одна сотня исследований. Однако, в настоящее время вполне определен круг неизученных вопросов и новых аспектов в социальном положении, поведении, условиях труда и быта рабочих России на рубеже XIX - XX веков.

1. Бутенко А.П. Правда и ложь о революциях 1917 года // Социологические исследования. № 2. 1997; Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX – начала XX веков // Отечественная история. №4. 1997; Ван дер Линдер М, Лукасен Я. Пролетаменты к глобальной рабочей истории // Социальная история. Ежегодник. М 1997; Хаймсон Л. К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX – начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революции. 1861 – февраль 1917. Спб. 1997; Кукушкин Ю. Русская государственность от общины к советам // Диалог. № 1. 1999.

2. Иванова Н.А. Структура рабочего класса России 1910-1914. М., 1997.

3. «Круглый стол»: Изучение истории Великого Октября. Итоги и перспективы // Вопросы истории №6. 1987.

4. Чугунов Е.А. Положение и культурный уровень рабочих Верхнего Поволжья. Кострома: Изд-во: Костромской государственной университет. 2001.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

5. Чугунов Е.А., Панкратова О.Б. Модернизационные процессы в России и трансформация духовно-нравственного облика промышленного пролетариата Верхнего Поволжья (конец XIX – начала XX века) // Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. Материалы международной конференции, посвященной памяти проф. Ю.И.Кирьянова / Под ред. А.Н.Белова. Кострома. 2003.

6. Егоров Е.А. Творцы революции (рабочие Центрально-промышленного района России. 1900 – февраль 1917). Динамика численности и изменение состава. Ярославль. 1900.

7. Миронов Б.Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX –XX веках // Общественные науки. №1. 1994; Проблемы социально-политического развития российского общества. Иваново. 1990.

8. Бородкин Л.И. XIII Международный Конгресс экономической истории // Экономическая история. Обзорение. Вып.8. -М., 2002. С.3-5; Бородкин Л.И. Историческая информатика начала XXI века: спрос на специальные алгоритмы и технологии // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер», №32, апрель 2004 г. С.3-7; Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Гарскова И.М. Разработка электронных ресурсов по теме «Эволюция трудовых отношений в российской промышленности: от дореволюционной индустриализации к нэпу» // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». Материалы VIII конференции Ассоциации «История и компьютер». №30, июнь 2002. С.97-99; Бородкин Л.И., Гарскова И.М. Новые направления развития комплексного тематического ресурса «Эволюция трудовых отношений в российской промышленности» // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер», №32, апрель 2004 г. С.65-58.

9. Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения России (1860-1917). Иваново. 1997; Петайкина М.В. Среднее Поволжье: женская повседневность в России XVIII – XX вв. Материалы международной научной конференции 25.09.2003г. / Отв.ред. П.П.Щербинин. Тамбов. Изд-во: ТГУ им. Г.Р.Державина. 2003; Кожевин В.Л. Российская революция 1917 года и ментальность больших социальных групп, проблема изучения // Омский университет. Вестник. № 3.1999.

10. Румянцев Е.Д. Рабочий класс Поволжья в годы I Мировой войны и Февральской революции (1914-1917). Казань. Изд-во Казанский университет. 1989.

11. Бойко Т.В. Рабочие России и культура. М., 1997.

12. Карпов В.Ф. Рабочий класс на Дону и Северном Кавказе в 1917 году. Ростов на Дону. 1987.

13. Кирьянов Ю.И. Ленинский анализ экономического положения пролетариата в России // История и историки. М., 1970; Он же. Факторы мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1835-1917 гг. / www.rustrana.ru; Он же. Рабочие в России на рубеже XIX – XX веков // Отечественная история №4, 1997; Он же. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX века). М., 1979.

14. Балдин К.Е. Я.П. Гарелин : фабрикант, историк, меценат, коллекционер // Буржуазия и рабочие во второй половине XIX – начале XX века : Материалы XIX зональной межвузовской конференции Центрального промышленного района России. Иваново. 8-10 июня 1993 года. Иваново. 1994; Гавлин М.Л. Российское предпринимательство и его ответственность перед обществом // Там же; 1000 лет российского предпринимательства. М., 1995; Воронкова С.В. Социально-ориентированная деятельность российских фабрикантов в пользу рабочих на рубеже XIX – XX веков (источники и методы их изучения) // Научно-практическая конференция «Предприниматели и рабочие : их взаимоотношения. Вторая половина XIX – начало XX веков (Вторые Мордовские чтения). Ногинск - Богородск. 1996.

15. Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление в 1917. М., 1998; Он же. Рабочий класс и рабочее государство: аномалия конфликта. М., 2000.

16. Маркевич А.М. Стимулы к труду в металлургической и металлообрабатывающей промышленности России в годы I Мировой войны/ Экономическая история. Обзорение. №6. 2001; Бычков С.Ю. Мотивация труда на тверском вагоностроительном заводе 915-1928 гг. // Экономическая история. Обзорение. № 8. 2000. и др.

17. Звягин Ю.Ю. Фабричное законодательство в конце XIX – начале XX века в России и Западной Европе: опыт сравнения // Россия и Запад. Спб. 1996.

18. Полищук Н.С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») / Советская этнография. №6. 1991; Она же. Обычаи фабрично-заводских рабочих Европейской России, связанные с производством и производственными отношениями (конец XIX – начало XX века) // Этнографическое обозрение. №1. 1994.

19. Зорин К.И. Частное пространство городского русского рабочего в конце XIX – начале XX века (на примере Москвы) // Экономическая история. Обзорение. №8. 2002; Новиков А.В. О Путиях улучшения бытовых условий рабочих России в начале XX века // История российского быта: Материалы 14 Всероссийской заочной научной конференции / Науч.ред. С.Н. Полторак. Спб.: Нестор. 1999.; Араловец Н.А. Семейные отношения городских жителей России в контексте повседневности (90-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.) // Семья в ракурсе социального знания. Сборник научных статей под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Изд-во НП «Азбука». 2001.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О
ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ В ЦУСИМСКОМ СРАЖЕНИИ

Буранок С.О.

Самарский государственный педагогический университет

Причины поражения второй Тихоокеанской эскадры в сражении 14 – 15 мая 1905 г. одна из наиболее острых и дискуссионных тем отечественной историографии. Целый век продолжается напряжённое противостояние различных версий, точек зрения и концепций, которые периодически пытаются обобщить и систематизировать¹. Наряду со всеми положительными моментами, характеризующими данные историографические обзоры, необходимо отметить и некоторые неразработанные вопросы: недостаточное внимание к современному состоянию проблемы²; не всегда анализируется методология авторов ведущих концепций и точек зрения.

Исходя из этого, целесообразным представляется историографический анализ проблемы в соответствии с теоретико-методологическими основами рассматриваемых работ. Среди ведущих концепций современных исследователей о причинах поражения в Цусимском сражении можно выделить следующие.

1. В первую группу войдут учёные, которые разделяют выводы либо Исторической комиссии при Морском Генеральном Штабе, либо Следственной комиссии³. Это, прежде всего – В.А. Злотарёв и И.А. Козлов⁴, И.М. Капитанец⁵, В.К. Шаццлло и Л.А. Шаццлло⁶ А.В. Шишов⁷. Данные исследователи строят свои работы на своеобразном синтезе позитивизма и постмодернизма, что вылилось в широкое использование цитат из источников (или из историографии) при незначительном вынимании к их анализу. Доминирует описательный подход.

2. Во вторую группу вошли исследователи, которые на базе более широкого круга источников стремятся систематизировать предыдущие версии о причинах поражения в Цусимском сражении и выработать собственный, оригинальный взгляд. Представители данного направления: В.Я. Крестьянинов⁸, В.Ю. Грибовский⁹ и В.П. Познахирев¹⁰, Б.Д. Павлов¹¹, С.В. Несолёный¹², И.М. Кокцинский¹³. Теоретико-методологической основой работ данных авторов является системный подход, принципы объективизма, историзма и компаративизма. В рамках этого же направления можно выделить особую подгруппу учёных, применяющих системный подход, исследующих материально-техническую составляющую Русско-японской войны, а именно, через всесторонний анализ тактико-технических характеристик кораблей они выходят на причины катастрофы. Это, прежде всего, Р.М. Мельников¹⁴ – крупнейшего отечественного специалиста по судо-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

строению XIX – начала XX в.¹⁵ Теми же проблемами в современной отечественной исторической науке занимаются В.Я. Крестьянинов и С.В. Молодцов¹⁶, А.В. Скворцов¹⁷, А.А. Аллилуев¹⁸, С.В. Сулига¹⁹. Особенность всего направления – многофакторный подход к причинам поражения. Вышеназванные авторы настаивают, что Цусимская катастрофа произошла в результате переплетения нескольких комплексов причин, не последним из которых было качество материально-технической базы.

3. Третью группу авторов можно условно обозначить как представители мифотворчества и антимифотворчества. Создание мифов вокруг Цусимы началось одновременно с рождением историографии сражения. В современной литературе в этом направлении работают: В.Н. Чистяков²⁰, С.Д. Климовских²¹, М.Ю. Мухин²². Опровержением подобного «аналитического мифотворчества»²³ занимаются А. Киличенков²⁴, В.Л. Кофман²⁵, Е.М. Шувалов²⁶, В.Д. Доценко²⁷. Необходимо отметить, что в рамках того же мифотворческого направлению существуют работы с некоторой долей иррационализма и мистицизма²⁸.

Итак, мы обозначили лишь наиболее характерные тенденции развития современной историографии Цусимского сражения в плане теоретико-методологических основ. Как видно, на смену единой марксистской теории познания пришёл ряд других, существующих и развивающихся параллельно методологий со своими преимуществами и недостатками.

1. Шувалов Е.М. Цусима: в защиту традиционных точек зрения от аналитического мифотворчества // Корабли и сражения. СПб., 1995. С. 21 – 35; Гладких С.А. Российский флот в русско-японской войне 1904 – 1905 гг.: Проблемы отечественной историографии // Защитники Отечества. Архангельск, 2002. С. 108 – 115; Павлов Д.Б. Российская историография и археография русско-японской войны // Отечественная История. №3, 2005. С. 144 – 158; Лихарев Д.В. Споры о причинах Цусимской катастрофы // Отечественная История. №5, 2005. С. 168 – 178.

2. Исключение представляет работа д.и.н. Д.Б. Павлова – детальное и всестороннее освещение направлений и особенностей историографии русско-японской войны.

3. Заключение Следственной комиссии по выяснению обстоятельств Цусимского боя. // Морской сборник, 1917. - № 7-9.

4. Злотарёв В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота: XIX – начало XX века. М., СПб., 2004. С. 603 – 605.

5. Капитанец И.М. Флот в Русско-японской войне и современность. М., 2004. С. 207–211. В работе так же присутствует и авторская версия о причинах поражения, но она ограничена лишь выяснением основных причин оперативно-тактических просчётов русского командования. См.: С. 216–218.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

6. Шацилло В.К., Шацилло Л.А. Русско-японская война 1904 -1905: Факты, Документы. М., 2004. С. 246. В данной работе очень сложно выделить вообще какие-либо причины поражения – идёт только констатация катастрофы на основе опубликованных в этом же издании документах.

7. Шишов А.В. Россия и Япония: История военных конфликтов. М., 2000. С. 339 – 349.

8. Крестьянинов В.Я. Цусимское сражение 14 – 15 мая 1905 г. СПб., 1998. С. 164 – 165. Помимо «обязательной» цитаты из Заключения следственной комиссии, В.Я. Крестьянинов приводит и свои, дополняющие причины: отсталость государственного и социального строя России; преступная внешняя и внутренняя политика; неудовлетворительное руководство при ведении войны; ошибки командования и отсутствия надлежащего взаимодействия между флотом и армией. Это первое научное описание Цусимского сражения. См. так же: Крестьянинов В.Я. Крейсера Российского Императорского флота 1856 – 1917. В 2 ч. Ч 2. СПб., 2000. С. 35 – 41.

9. Основные работы автора, где затрагивается интересующая нас проблема: Грибовский В.Ю. Эскадренный броненосец «Бородино». СПб., 1995. С. 40; Грибовский В.Ю. Российский флот Тихого океана // Бриз 2001. № 3. С. 1 – 11; Грибовский В.Ю. Крестный путь отряда Небогатова // Гангут. Вып. 3, 1992. С. 16 -34.

10. Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Вице-адмирал З.П. Рожественский. СПб., 1999. С. 230 – 257. Рабта переиздана в 2002 г.: Грибовский В.Ю. Вице-адмирал Рожественский // Семанов С.Н., Грибовский В.Ю. Последние адмиралы. М.; СПб., 2002. Этот труд является первой системной биографией адмирала З.П. Рожественского. В нём на основании 7 фондов РГА ВМФ раскрываются основные черты личности адмирала. Фактически монография – ответ на главные вопросы всех историков: каким был З.П. Рожественский и какова его роль в Цусимской катастрофе. Ведущий вывод, что адмирал виноват в поражении, но никак нельзя обвинять только его одного. См.: Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Вице-адмирал З.П. Рожественский. СПб., 1999. С. 254.

11. Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904 – 1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. М., 2004. С. 50 – 159. Необходимо отметить, что фундаментальное исследование Д.Б. Павлова лишь косвенно затрагивает причины поражения в Цусимском бою, но является прекрасным образцом системного подхода и всестороннего, комплексного изучения источников.

12. С.В. Несолёный посвятил ряд статей и кандидатскую диссертацию анализу действий миноносных сил Российского флота в войну 1904–1905 гг.

13. Кокцинский И.М. Морские бои и сражения русско-японской войны или причина поражения: кризис управления. М., 2002.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

14. Мельников Р.М. Броненосцы типа «Бородино». СПб., 1996; Мельников Р.М. «Император Николай I». СПб.: 1995; Мельников Р.М. Развитие класса крейсеров // Судостроение 1971. № 1, 3; Мельников Р.М. Крейсера Российского флота // Судостроение. 1990. № 3, 11; Мельников Р.М. Эскадренные броненосцы типа «Пересвет» // Гангут. Вып. 16, 1998. С. 30 – 43; Мельников Р.М. «Император Николай I» - звездные 1890-е // Гангут. Вып. 28, 2001. С. 3 – 15.

15. Однако, по мнению С.В. Сулиги, в вопросах не связанных с историей кораблестроения Р.М. Мельников допускает неточности и ошибки. Более подробно см.: Сулига С.В. Феномен Цусимы: http://tsusima.narod.ru/web/bibl_rjw_stat_suliga_melnikov.htm

16. Крестьянинов В.Я. Крейсера Российского Императорского флота 1856 – 1917. В 2 ч. Ч 2. СПб., 2000; Крестьянинов В.Я., Молодцов С.В. Броненосные крейсера типа «Баян» // Морская коллекция. 1997. №3; Крестьянинов В.Я., Молодцов С.В. Крейсер «Аскольд». СПб., 1993; Крестьянинов В.Я., Молодцов С.В. Броненосцы типа «Пересвет» // Морская коллекция. 1998. №1.

17. Скворцов А.В. Крейсер 1 ранга «Светлана» // Гангут. Вып. 29, 2001. С. 45 – 63; Скворцов А.В. Канонерские лодки Балтийского флота «Гиляк», «Кореец», «Бобр», «Сивуч» // Гангут. Вып. 34, 2003. С. 16 – 32

18. Аллилуев А.А. Крейсер «Новик» // Гангут. Вып. 3. 1992. С. 35 – 45; Аллилуев А.А. Крейсера «Жемчуг» и «Изумруд» // Гангут. Вып. 5, 6. 1993

19. Сулига С.В. Российский флот: Корабли русско-японской войны. М., 1993.

20. Чистяков В. До первого залпа // Наваль: Первый сборник Общества истории флота. М., 1991. С. 17- 22; Чистяков В. Четверть часа для русских пушек // Морской сборник. №2, 1989. В 1963 году английский историк Р. Хоу пришёл к выводу, что Рождественский устроил ловушку японскому командующему Того, лишив последнего возможности выбрать наиболее выгоднейший курс для атаки – т.н. «ловушка Рождественского». Эту версию активно и разрабатывал В.Н. Чистяков.

21. Климовский С.Д. Вице-адмирал З.П. Рождественский // Морской исторический сборник. 1991. Вып. 2. С. 9 – 64. Продолжение версии В.Н. Чистякова о выдающихся флотоводческих способностях русского адмирала.

22. Мухин М.Ю. Стратегия для Цусимы // <http://www.ipclub.ru/arsenal/officerroom/Tsushima/mukhin.htm> В работе представлено моделирование боя (альтернативный вариант действий русской эскадры) исходя из процента попадания.

23. Выражение употребляемое Д.В. Лихарёвым и Е.М. Шуваловым

24. Киличенков А.А. Ошибка Того и последний шанс адмирала Рождественского // Морской сборник №3, 1990. С. 80 – 84.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

25. Кофман В.Л. Цусима: анализ против мифов // Наваль: Первый сборник Общества истории флота. М., 1991. С. 3 – 16.

26. Шувалов Е.М. Цусима: в защиту традиционных точек зрения от аналитического мифотворчества // Корабли и сражения. СПб., 1995. С. 21–35.

27. Доценко В.Д. Мифы и легенды Российского флота. СПб., 2003. С. 104 – 115.

28. Озеров Г.В., Озеров К.Г. Правда о броненосце «Сисой Великий»: Цусима. Вильнюс, 2001. С. 142, 168. О мистическом спасении броненосца «Сисой Великий». Этим пронизана вся книга Озеровых. Мистические и сверхестественные способности японцев описал в своей работе И.Л. Бунин: Бунин И.Л. «Князь Суворов». Минск, 1995. С. 199 – 201.

КНИГА И.П. ТАБУРНО «ПРАВДА О ВОЙНЕ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Буранок А.О.

Самарский государственный педагогический университет

Иероним Павлович Табурно (инженер, Черногорский подданный) в качестве корреспондента от русской газеты «Новое время» побывал в Маньчжурии (в русской действующей армии, в период с 12 января по 14 марта 1905 г.¹) и затем издал свои корреспонденции и наблюдения отдельной книгой – «Правда о войне»². Об этой книге негативно упомянул П.С. Выходцев, отнеся ее к либерально-буржуазным и шовинистическим изданиям, не имевшим художественного интереса³. Мы не будем оценивать художественные достоинства и недостатки книги И. Табурно, а рассмотрим ее как исторический источник.

И.П. Табурно закончил книгу в апреле 1905 г., когда Русско-японская война еще продолжалась и ее исход во многом не был ясен (еще не погибла эскадра З.П. Рожественского). В предисловии Табурно обосновал свою позицию: «...представить все в истинном освещении. <...> Может быть я, как не военный, не специалист военного дела, буду грешить в некоторых выводах, но одно могу сказать: фактическую сторону я представлю так, как она есть, такую, какую я ее видел. <...> Может быть приводимые мною данные окажутся не достаточно полными: отчасти это потому, что многие сведения нельзя еще сообщать, так как они могут быть полезны японцам» (с. V–VI).

Табурно старается быть объективным и правдивым, описывая действительное положение вещей: трудности продвижения воинских эшелонов по загруженной железной дороге, отсутствие должной дисциплины, беспорядки и пьянство (с. 1–2). То, что на железной дороге солдаты, следующие

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

на Дальний Восток, производили различные противоправные и аморальные действия, мы знаем из документальных источников⁴, и книга Табурно может служить иллюстрацией к ним. Справедливы выводы автора: железная дорога оказалась не готова к войне, и только доблестный, самоотверженный труд железнодорожников позволил выполнить поставленную перед ними задачу. Корреспондент подмечает и ведомственную разобщенность и бюрократизм⁵, и явную несправедливость: не ругал железную дорогу только ленивый, а наградить людей за мученическую работу ни один из начальников не посчитал нужным. Говоря о причинах неудач в Мукденском сражении (да и во всей войне в целом), Табурно, в первую очередь, указывает, что Транссибирская магистраль была единственной ниточкой, которая связывала Маньчжурию с «большой землей» (с. 166). Для устранения негативных явлений он предлагает всевозможные инновации, к примеру: построить еще две железнодорожные ветки (с. 167); ввести солдатский медальон (с. 119) и единое цензурное разрешение для всех армий и частей (с. 154); создать специальные отряды для выноса раненых с поля сражения (с. 217). Многие из его предложений со временем были осуществлены.

Говоря о состоянии русской армии в Мукдене (в период относительного затишья), автор книги отмечает и всеобщую заботу о солдате (одет, обут, сыт, имеет крышу над головой), и негативный момент – отсутствие бодрости духа в войсках. По Табурно, причина последнего – отрицательный настрой большей части офицерства, медперсонала и «несочувствие русского общества» (с. 7).

Далее в книге раскрывается положение армии и ее отдельных структур непосредственно в боевой обстановке – в сражениях у Сандепу и Мукдена. Описание битвы при Сандепу и ее итоги Табурно дает «по вполне достоверным рассказам других»⁶ (с. 8). Битву же при Мукдене Табурно видел собственными глазами, находясь при различных частях. Достоверно и правдиво описание отступления русской армии: «Ужасна была картина оставления Мукдена» (с. 142). Одна из глав книги оформлена в форме дневниковых записей (с 13 февраля по 1 марта 1905 г.). Изучая их, мы пришли к выводу, что это не буквально *дневник*. Несомненно, что автор его дорабатывал и правил: виден масштаб события, приведены различные точные данные, которые можно было получить только спустя определенное время – в штабе или после их обнаружения. Безусловно, в основе данной главы лежали какие-то поденные записи Табурно, но при подготовке книги они были обработаны и дополнены.

Много внимания автор «Правды о войне» уделяет характеристике солдат, отмечая их выносливость, добродушие и заботливость, стойкость в отражении атак и отвагу в наступлении (с. 221–223). Но эти достоинства

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

проявляются, «пока налицо есть руководитель» (с. 222), ибо русский солдат «не привык к самостоятельности, у него ограничена инициатива, он недостаточно наблюдателен и плохо ориентируется» (с. 221), чему причиной являются неправильное военное воспитание и муштровка, притупившие природные качества. Автор видит и пропасть между офицерами и солдатами. Одна из глав книги – «Причина наших неудач» (с. 166–206) – содержит основательный и достаточно объективный анализ неудач⁷. Как положительное начало в русской армии, Табурно отмечает отсутствие внутренних межнациональных конфликтов и единодушие в солдатской среде (с. 229–230). Он делает вывод: если поднять культурный уровень солдата русской армии, дать ему надлежащее направление мысли, то «равного ему не будет в мире» (с. 231).

Мы рассмотрели либерально-буржуазную, по классификации П.С. Выходцева, книгу И.П. Табурно «Правда о войне». Но сказать, что это ничемное произведение, нельзя. Книга в полной мере соответствует своему названию, достоверна и может служить хорошей иллюстрацией к событиям в Маньчжурии в январе – марте 1905 г. Она является интересным историческим источником, ценность которого определяется тем, что о событиях Русско-японской войны пишет очевидец, а его книга выходит еще во время войны.

1. См.: Айрапетов О.Р. Пресса и военная цензура в русско-японскую войну // Русско-японская война 1904 –1905. Взгляд через столетие: Международные исторический сборник под редакцией О.Р. Айрапетова. М., 2004. С. 351.

2. Табурно И.П. Правда о войне / Издание А.С.Суворина. СПб., 1905. Страницы указываются в тексте.

3. Выходцев П.С. Русско-японская война в литературе эпохи первой русской революции // Революция 1905 г. и русская литература. М.; Л., 1956. С. 282.

4. См., например, ГАСО. Ф. 3. Оп. 51. Д. 11.

5. Дорога подчинялась трем начальникам: начальнику железнодорожного управления при наместнике; начальнику передвижения войск при командующем армией и начальнику тыла. Четкого взаимодействия между ними не было, порой они не обладали достаточной компетенцией в железнодорожном деле.

6. Анализ содержания позволил нам сделать вывод, что, прежде всего, по рассказам штабных офицеров.

7. На основе этого анализа мы выделили девять причин, называемых Табурно: 1) одна коммуникационная линия – КВЖД; 2) глубокие охваты и обходы противника; 3) большой и громоздкий обоз, сковывающий передвижения русской армии; 4) конфликт между штабными и строевыми

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

офицерами; 5) излишне раздутый нестроевой элемент наших армий; 6) плохая разведка у нас и хорошая у противника; 7) всеобщее недоверие, царящее у нас в стране, в том числе и в армии, бюрократизм 8) более низкое, чем у японцев, применение различных технических средств; 9) слабая дисциплина в войсках, следующих в действующую армию.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ З.Н. ГИППИУС И Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Воеводина А.А.

Самарский государственный университет

Анализ взглядов З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского как ярких представителей творческой интеллигенции, не чуждых общественно-политической жизни, на феномен русской революции может позволить оценить колебания мыслей и чувств интеллектуальной элиты России в период столь масштабных потрясений в жизни страны, как революционные изменения, а также изучить социально-психологический и интеллектуальный контекст революционной эпохи. Идеиная и духовная близость З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, которую осознавали они сами и их современники, позволяет рассматривать их творческие искания как единую систему взглядов, в которую входила в том числе и концепция революции.

Проблема отношения З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского к революции должна рассматриваться с учетом двух аспектов: идеальный образ русской революции, который сложился в рамках религиозно-философской концепции Гиппиус и Мережковского, а также оценка и интерпретация ими общего хода и конкретных событий революции (1905-1907 и 1917 годов). В этой связи возникает вопрос об эволюции взглядов Гиппиус и Мережковского по мере изменения общественно-политической ситуации в стране, что могло привести к той или иной степени трансформации их концепции русской революции.

Представления об истории Гиппиус и Мережковского базировались на философских идеях тройственности бытия. Исторический процесс они понимали как смену религиозных эпох, причем переход к каждому следующему этапу осуществляется посредством революции. Современное состояние общества в этой концепции - критический момент перехода к третьей ступени, вхождение в Царство «Третьего Завета», которое должно было осуществиться посредством разрыва исторической связи христианства и государства и создания новой церкви, «нового религиозного сознания» как воплощения идеи «Царства Божиего на земле»¹. Практической реализацией этой идеи стало создание в 1901 г. совместно с Д. Философовым трой-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ственного союза как средства достижения «нового религиозного сознания».

Россия, по мнению Гиппиус и Мережковского, объективно могла стать лидером грядущих перемен в мире в силу религиозности русского сознания. Для победы религиозной революции в России Мережковский и Гиппиус считали необходимым союз народа как выразителя стихийного религиозного сознания и революционной интеллигенции. Народное и интеллигентское движения в русской революции, с их точки зрения, уже объединены единой целью – стремлением к осуществлению Царства Божьего на земле. Реальное же объединение должно было обеспечить религиозное возрождение русской интеллигенции, то есть осознание ее представителями собственной скрытой религиозности². Религиозно-философские собрания 1901-1903 гг. являлись попыткой практического воплощения именно этой идеи.

Но развитие событий 1905-1907 гг. не соответствовало представлениям Гиппиус и Мережковского об истинной революции. В это время сформировалась концепция Грядущего Хама, которая, однако, не противоречила общей теории революции. Понятие хамства, рассматриваемое как единство самодержавия, православия и босячества, по мнению Мережковского, включало в себя мещанство (дух посредственности) и хулиганство (разрушительную стихию). Избежать торжества Хама можно было, считал Мережковский, благодаря осуществлению религиозной революции в России путем ее общественного и религиозного возрождения³. Гиппиус и Мережковский полагали, что революция 1905-1907 гг. не достигла своих истинных целей и потому не завершилась. При этом Гиппиус писала о единой русской революции 1905-1917 гг., считая, что в феврале-марте 1917 г. завершилась и восторжествовала революция 1905 г.⁴

Характер событий октября 1917 года Гиппиус и Мережковский никогда не оценивали как «революцию». Для них большевизм всегда представлял собой явление, противоположное идеалу свободного человечества, где реализуется все, что отрицают и уничтожают большевики (свобода, равенство, братство, мир, добро, созидание и т.д.), и в этом смысле большевизм был реакцией, контрреволюцией. Большевистскую Россию Гиппиус и Мережковский называли «хамской». Это понятие «второй» России стало дополнительным звеном в дооктябрьской схеме революции как переходе от самодержавия к новой России, от рабства к свободе, что позволило для конкретизации сущности Третьего Завета ввести новое понятие – «Третья Россия». Именно здесь должна была совершиться истинная революция в понимании Гиппиус и Мережковского. Для этого необходимо было, считали они, бороться с большевизмом и объединить христианскую общественность⁵. Таким образом, основа концепции революции Гиппиус и Мережковского по сравнению с дооктябрьским периодом не изменилась и они

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

продолжали рассматривать все проблемы и пути их решения в религиозной плоскости.

1. Гиппиус З.Н. О Бывшем// Гиппиус З.Н. Дневники. В 2 т. Т.1. М., 1999. С. 133.; Мережковский Д.С. Меч// Мережковский Д.С. Не мир, но меч. К будущей критике христианства. СПб., 1908; С. 24-27; Мережковский Д.С. Революция и религия// Мережковский Д.С. Не мир, но меч. К будущей критике христианства. СПб., 1908. С. 43-44, 83.

2. Гиппиус З.Н. Революция и насилие// Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В. Царь и революция. М., 1999. С. 116-117; Мережковский Д.С. Еще о «Великой России»// Мережковский Д.С. В тихом омуте. С. 65; Мережковский Д.С. В обезьяньих лапах// Мережковский Д.С. В тихом омуте. С. 36, 38; Мережковский Д.С. Грядущий Хам// Мережковский Д.С. «Больная Россия». Избранное. Л., 1991. С. 38, 43-44.

3. Мережковский Д.С. Цветы мешанства// Мережковский Д.С. В тихом омуте. С.76, 77; Мережковский Д.С. Грядущий Хам. С. 16, 19, 42-43, 45.

4. Гиппиус З.Н. Где революция? (Записки поэта)// Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар (1920-1925). СПб, 2002. С. 250-251, 253-254; Мережковский Д.С. Еще о «Великой России». С. 64-65.

5. Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб, 2001; Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар (1920-1925). СПб, 2002.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА НА СТРАНИЦАХ АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИХ ЛИСТОВОК (ПО МАТЕРИАЛАМ САМАРСКОЙ И КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Стёпочкина Е.В.

Самарский государственный экономический университет

Среди источников по истории русско-японской войны отдельной группой выделяются агитационно-пропагандистские листовки политических партий. Они позволяют выявить точку зрения политических партий на русско-японскую войну.

Листовки стали появляться в первые же дни русско-японской войны. Тематикой первых листовок является объяснение причин русско-японской войны и обращение к студенчеству.

В начале войны в русском провинциальном обществе наблюдается патриотический подъем. Всюду почувствовали: на Россию напали. В первый период войны это настроение преобладало: на Россию напали и надо дать отпор врагу. Все общественные силы отправили в столицу верноподданнические адреса и крупные суммы денег на нужды войны, уверяя в

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

своей готовности бороться с врагом и защищать Отечество до последней капли крови и негодую на дерзкого и коварного врага.

Политические партии были крайне недовольны таким поворотом дела. Так, 30 января 1904 г. появились листовки, обращенные к студенчеству, выразившие недовольство партий политической несознательностью студентов, например: «К Казанским студентам», «Студентам Санкт-Петербургского университета».

В листовках подобного типа содержались призывы к студентам «не увлекаться блеском военной амуниции и грохотом пушек...», не поддаваться «одурманиванию наравне с уличной толпой». Также характерно подчеркивание легковерия «официальной лжи об истинных причинах войны». Рефреном выделяется обвинение студентов в потворничестве царскому правительству: «вы в один миг забыли и простили все человеческие насилия и кровавые казни над вашими же товарищами»¹, «Говоря о казанском студенчестве, мы не подчеркиваем уже того, что всякому политически сознательному человеку было бы позорным выражать верноподданнические чувства затеявшему войну правительству»².

Для листовок, разъясняющих причины войны характерен прием «вопрос-ответ». На прямой вопрос, задаваемый партиями: «Из-за чего мы воюем с Японией?» – характерен ответ: «можно заранее сказать, что до правды не доберешься». В листовках этого типа встречаются длинные объяснения о том, как Россия обещала Японии «не лезть» в Корею и не сдержала слова или обворовала Китай, забрав у него Манчжурию.

В течение всей русско-японской войны выходило множество различных листовок. В листовках, посвященных ходу военных действий, как правило, рассказывается о поражениях русской армии и флота. Однако, в листовках партий РСДРП и эсеров просто детально описываются очередные поражения: сдача Порт-Артура, Мукден, Цусима, то в листовках земцев-либералов, они к тому же анализируются. «Своими и не выловленными японскими минами русские взорвали и потопили свои три судна и повредили одно. Несмотря на всеобщее ожидание войны и на то, что Порт-Артур несомненно должен был послужить первым местом нападения японцев, последние застали нас врасплох и в то время, как высшее начальство веселилось на балу у начальника флота, 3 судна были повреждены и из них Ретвизан до потери боевой готовности. Точно так же несмотря на ожидание японского нападения наши Тихоокеанские суда были разбросаны по разным портам и три из них тем самым были переданы в жертву японцам»³.

Выходил большой цикл листовок, адресованных отдельным слоям населения: крестьянам, рабочим, солдатам и т.п. Их тематика сильно различается.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В листовках, обращенных к крестьянам особенно силен мотив незаконности притязаний России на Манчжурию, завоевания земли в личную собственность правящей верхушки. Характерно проведение аналогий с крестьянской жизнью, например: сравнение Японии с крестьянином, у которого рядом с домом купец (Россия) строит дом, перегораживая все входы и выходы, крестьянин (Япония) терпел-терпел да и «съездил купца по морде».

Для крестьян с их исконно патриархальными устоями в листовках делали акцент на разврат среди офицеров и генералов и медсестер «Красного Креста»: «А теперь в Красном Кресте только долговые расписки, сестры же милосердия, вместо милосердия к раненым солдатам устраивают кутежи с офицерами и генералами», что подрывало доверие крестьян. При этом в листовках к крестьянам царь, всегда – батюшка, и лишь в листовках с начала 1905 г. подробно объясняется, что царь не может считаться христианским царем. «В воскресенье 9-го января сего 1905 года шел русский народ к царю. Он шел к нему с надеждой и преданностью, как дитя к своему отцу. Шли сотни тысяч рабочих, а с ними жены их и дети. Впереди шел священник с крестом. Народ хотел поведать царю свое горе. Он нес к царю также свое горе, солдат! Горе всех трудящихся и обездоленных людей. А в ответ на это, по повелению царя, в беззащитную толпу грянули пушечные залпы... Вот как «православный» царь говорит с народом. Вот он, победоносный русский царь – он победы одерживает над женщинами и детьми. Вот он, царь-народолюбец – он залил кровью своего народа улицы своей столицы и наполнил рабочие квартиры вдовами и сиротами»⁴.

В листовках к рабочим больше используют мотив купцов-миллионщиков, которым некому продавать товар в России, т.к. у рабочих нет денег; интересов правительственной верхушки в Манчжурии, растрат собранных денег на нужды войны. Особенно часто рабочих призывают на борьбу с царским правительством, иногда – путем вооруженного восстания⁵.

Обращаясь к солдатам, обычно рисуется ужасающая картина солдатской жизни и быта. «В Манчжурию приезжают чуть живые, оправиться не успеешь, иди в страшный зной, иди под проливными дождями, навьючено на тебя 1,5 пуда, а ты и так еле ноги волочешь. От жары и усталости многие с ума сходят, целыми вагонами везут сумасшедших на поля битвы»⁶.

При этом, для листовок к солдатам также характерны мотивы обращений как к крестьянам, так и к рабочим. Так, обычно разъясняется, что царь не «батюшка», а «разбойник»; бездарных командующих, терпящих поражение за поражением отделяют от солдат, часто используют мотив двух армий, двух государств и т.п. «Солдаты! Посмотрите вокруг себя и вы увидите, что у нас не одно отечество, что в нашем отечестве два отечества, два народа, две армии. Во главе одной стоит царь и чиновники; это та армия, которая ничего не делает, но живет лучше всех; эта та армия, которая

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

сама не воюет, а посылает воевать других, в случае же победы она одна воспользуется всеми выгодами ее, в случае же поражения она не теряет; это та часть армии, которая заставляет одну часть народа расстреливать другую. Во главе другой армии стоит рабочий класс. Это та армия, которая борется за замену самодержавия народным представительством, которая требует созыва Всенародного учредительного собрания, т.е. такого собрания, где был бы представлен богатый и бедный, рабочий и крестьянин, солдат и офицер, где каждый мог бы говорить и защищать свои нужды»⁷. Но в то же время рассказывается о выкачивании денег у народа на ведение войны. В листовках к солдатам также появляются призывы не идти на войну: или отказываться воевать, или поднимать вооруженные восстания: «Солдаты, наберитесь мужества! Не дайте себе туманить головы. Отказывайтесь стрелять в народ. Если офицеры будут стрелять в народ, стреляйте в офицеров. Переходите на сторону народа, становитесь в его ряды и с ним заодно идите к другим полкам звать их на общее дело с народом»⁸. Характерной особенностью является мотивировка восстания. В отличие от рабочих, мотивируется это тем, что все равно умирать, так лучше умереть в борьбе за светлое будущее.

В листовках, обращенных к разным слоям населения изменяется даже лексика. В листовках, обращенных к студентам используются следующие слова: «придворная камарилья», «мошенническая бюрократия», «блеск военной амуниции», к интеллигенции: «смутное время», «ропот», «налоги», используется обращение «господа». В листовках для крестьян используется: «подати», «спонадобилась», «прохвосты», «тунеядцы и паразиты», «съездил купца по морде», рабочим: «чиновничья шайка», «капиталисты», «фабриканты». Также в листовках к крестьянам соблюдается правило написания имен собственных с большой буквы, а в листовках к рабочим имена Марии Федоровны, Безобразова иногда пишутся с маленькой буквы, одновременно с написанием географических названий – с большой, Учредительное собрание всегда с большой буквы, а царь – с маленькой.

Общим для всех листовок является призыв бороться за созыв Учредительного собрания. Однако, если социал-демократы и эсеры имеют в виду уничтожение царской власти: «Война с Японией еще раз доказывает, что русское правительство со своим царем – есть шайка разбойников, которые расхищают народное богатство и льют невинную кровь. Только тогда прекратится разбой нашего правительства, когда будет уничтожена власть царя и вместо нее будет власть народа, когда государством будет управлять «Народное Собрание»⁹, то земцы планируют оставить царскую власть, лишь ликвидировав влияние приближенных дворян на царя: «выход только один, да и тот не обойдется без борьбы... Это вырвать царя из рук окривевших его дворян, богатой аристократии и капиталистов, вырвать и

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

приблизить к народу, который мог бы сказать ему в лицо в чем нуждается он и что ему надо»¹⁰.

Таким образом, все листовки формировали негативное отношение к русско-японской войне. Все считали войну не справедливой, захватнической, в интересах правящей верхушки. Все считали необходимым созыв Учредительного собрания. При этом листовки партии РСДРП были самыми жесткими, непримиримыми, как правило написаны в стиле лозунга, листовки эсеров обычно разъяснительного характера, листовки земцев-либералов можно назвать аналитическими.

1. Национальный архив республики Татарстан (НА РТ). Ф.199. Оп.2. Д.219. Л.21.
2. Там же. Л.11.
3. НА РТ. Ф.51. Оп.8. Д.406. Л.1.
4. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Фонд «Листовок». Инв. № 170.
5. ГАСО. Ф.472. Оп.1. Д.238. Л.12
6. НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.301. Л.108.
7. ГАСО. Фонд «Листовок». Инв. № 156.
8. Там же. Инв. № 170.
9. ГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.383. Л.31.
10. НА РТ. Ф.51. Оп.8. Д.405. Л.1.

М.Т. ЕЛИЗАРОВ КАК ОДИН ИЗ ОРГАНИЗАТОРОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАЧКИ В ОКТЯБРЕ 1905 ГОДА

Трифонова В.В.

Самарский государственный университет

М.Т. Елизаров как один из организаторов Всероссийской железнодорожной стачки в октябре 1905 года.

Массовое революционное движение захватило железнодорожников уже в январе 1905 г, и в правительственных кругах было решено покончить с забастовками на железной дороге: 13 февраля был издан указ о введении на всех дорогах военного положения, за нарушение которого полагалось тюремное заключение до 8 месяцев.

Этим актом железнодорожным забастовкам был придан новый характер – эта борьба стала рассматриваться как государственное преступление.

Большая роль в этих событиях М.Т. Елизарова до сих пор не нашла достаточного отражения в исследовательской литературе.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Между тем, в статье Н. Ростова «Железнодорожники в первой революции», изданной еще в 1930 году, содержится богатый материал о деятельности М.Т. Елизарова в первой русской революции¹. Статья имеет обширную источниковую базу. Кроме этого, можно отметить сборник, изданный в 1926 году², в котором подчеркивается активная роль М.Т. Елизарова в профсоюзе железнодорожников.

Январские стачки на железной дороге показали острую необходимость создания всероссийского профсоюза для координации действий рабочих. При участии М.Т. Елизарова служащими Николаевской железной дороге в Петербурге была создана инициативная группа, разработавшая проект созыва первого учредительного съезда железнодорожников. В апреле 1905 года в Москве состоялся первый, а в июне – второй Всероссийский съезды железнодорожников, делегатом на которые были избран М.Т. Елизаров. На этих съездах оформился Всероссийский железнодорожный союз и его руководящий орган – Центральное Бюро (ЦБ), состоящий в основном из эсеров и представлявший железнодорожных служащих³. Союз ставил своей целью защиту интересов железнодорожников исключительно мирным путем. М.Т. Елизаров был инициатором нового проекта пенсионного устава железнодорожников, так как пенсионные кассы играли большую роль в их экономическом положении. Стремясь умиротворить активных железнодорожников, правительство пошло на уступки, и 24 мая 1905 г. министр путей сообщения Хилков оповестил дороги о созыве Совещания по пересмотру пенсионных касс. ЦБ Всероссийского железнодорожного Союза объявило бойкот Совещанию. Однако, большинство железнодорожников не поддержали бойкота и приняли участие в выборах делегатов на Совещание. Из списка, опубликованного газетой «Железнодорожник» № 121 от 27 сентября 1905 г. узнаем, что от Николаевской железной дороги делегатом на съезд избран бухгалтер-счетовод М.Т. Елизаров. Только он и Г.И. Попов были единственными представителями на съезде от партии большевиков⁴.

20 сентября в Петербурге открылось совещание, председателем которого был назначен А.А. Покотиллов – зав. Управляющего делами железнодорожного пенсионного комитета управления железных дорог.

Позиция М.Т. Елизарова заключалась в том, чтобы направить экономические требования в русло политической борьбы. В сентябре 1905 года начался мощный подъем революции. Толчком для него явилась забастовка железнодорожников Московского узла, начавшаяся 7 октября по решению МК РСДРП. В движение были вовлечены 750 тысяч железнодорожников, что составило более 1/3 участников стачки⁵. Однако, съезд железнодорожников не выступил за вооруженное восстание, а предпочел мирный путь: в премьер-министру С.Ю. Витте была направлена делегация, в состав которой вошел и М.Т. Елизаров, с программой политических и экономических

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

требований⁶. М.Т. Елизаров вел большую агитационную работу, часто выступал на митингах и собраниях, организованных центральным стачкомом и Советом рабочих депутатов. Оргбюро делегатского съезда, возглавляемое Елизаровым, устраивало совместные собрания рабочих различных дорог Петербургского узла⁷. Стаечный комитет Петербургского узла был фактически руководителем железнодорожной стачки. В Государственном архиве Самарской области в фондах Самарского жандармского управления железных дорог есть копии телеграмм председателя стачкома Самаро-Златоустовской железной дороги А.Д. Осеева о ходе забастовки, адресованные в Петербург, М.Т. Елизарову⁸. Манифест 17 октября не остановил борьбу железнодорожников: экстренное собрание стачкома Николаевской железной дороги, связывавшей Петербург с Москвой, приняло резолюцию о присоединении к стачке, назначенной на 8 декабря. Но полиция приняла меры и арестовала стачком, в числе арестованных находился и Елизаров⁹. Просидев два месяца в тюрьме, 15 февраля 1906 года М.Т. Елизаров обращается к премьер-министру С.Ю. Витте с прошением об освобождении. На запрос Витте директор департамента полиции сообщает, что «Елизаров, очевидно, принадлежит к числу крупных и влиятельных в своей среде деятелей, стремящихся противопоставить государственной власти сильную организацию железнодорожных служащих»¹⁰. На это Сергей Юльевич ответил: «Совершенно разделяю Ваше мнение и считаю Елизарова одним из главных возмутителей железнодорожных служащих»¹¹. Кроме того, Департамент также отмечал, что «вся деятельность Елизарова в первом делегатском съезде железнодорожников известна как по бюллетеням, так и по многочисленным газетным заявлениям и телеграммам забастовочного характера, посылаемым за его подписью. Поэтому, по агентурным сведениям, Елизаров представляет собой серьезного противоправительственного деятеля»¹².

Постановлением Особого совещания, утвержденным 22 февраля 1906 года, М.Т. Елизаров был подчинен гласному надзору полиции на три года. С запрещением работать на железных дорогах¹³. Местом ссылки стала Сызрань. Но вскоре Марк Тимофеевич переехал в Самару. Здесь он вошел в состав местного комитета РСДРП.

1. Ростов Н. Железнодорожники в первой революции//Пролетариат в революции 1905-1907 гг. М., 1930. С. 135-220.

2. 1905. Профессиональное движение. М., 1926.

3. См.: Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.: Сб. документов. Ч.1. Под ред. Иванова Л.М. М. Наука. 1955. С. 665.

4. «Железнодорожник», 1905. 27 сентября. № 121. С. 5-6.

5. Спиридонов И.В. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. М., 1955. - С.96.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

6. «Бюллетень № 10» («Железнодорожник», №127). С. 15
7. Пушкарева И.М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975. С.157.
8. Революция в Самаре и Самарской губернии / Сб. документов. Куйбышев, 1955. С.182-183.
9. Бондаревская Т.П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905-1907 гг. Л., 1975. С. 145.
10. Цит. по: Елизаров П.П. Марк Елизаров и семья Ульяновых. М., 1967. С.79.
11. Там же.
12. Елизаров П.П. Указ. соч. С.79.
13. Полякова Р.С. Ульяновы в Саратове. Саратов, 1967. С.84.

ФОРМИРОВАНИЕ САМАРСКОГО ГУБЕРНСКОГО АРХИВНОГО ФОНДА В 1918-1922 ГГ.

Черкасова М.В.

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

1 июня 1918 г. был издан декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Этим декретом ликвидировались ведомственные архивы при учреждениях, а вся архивная документация признавалась составляющей государственного архивного фонда. Основопологающей идеей задуманной реорганизация была централизация архивного материала в единой сети государственных архивов. В столичных архивах процесс концентрации документов шел более успешно и быстро, чем в провинции. Продвигаясь от центра вглубь регионов, реализация ленинского декрета приобретала свои особенности. Условия, в которых работали первые государственные губернские архивные учреждения, наложили неисправимый отпечаток на состав хранения документов. Поэтому особенный интерес представляет процесс формирования губернского архивного фонда в Самарской губернии.

В первые годы существования деятельность государственных архивных учреждений была направлена на разрешение многих острых проблем, стоявших на пути к складыванию губернского архивного фонда.

Первой проблемой, с которой пришлось столкнуться местной архивной коллегии, была организационная. Во-первых, созданная Коллегия нуждалась в отдельном помещении для ведения работ по разборке архивных дел и для хранения поступивших фондов. На первом заседании Коллегии архивного фонда 4 декабря 1918 г. было постановлено «просить Губерн-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ский отдел народного образования о...подыскании соответственного удобного помещения для занятий по разборке архивов»¹. Члены Коллегии архивного фонда производили обследования освобождавшихся в городе помещений с целью устроить там хранилище, но чаще всего помещения не были приспособлены к размещению в них архивов и требовали значительного ремонта. Следует учитывать и специфику архивных учреждений, которая заключается в осуществлении постоянного поступления, приема и хранения архивных материалов. Поэтому проблема новых помещений для архива не переставала быть актуальной. Особенно остро нехватка зданий для размещения архивов ощущалась в 1918-1919 гг., когда упраздненные архивы дореволюционной администрации и учреждений должны были поступить в распоряжения Коллегии архивного фонда. В таких условиях создание единого архивохранилища представлялось невыполнимой задачей. Отсутствие необходимых помещений тесно было связано со вторым аспектом организационной проблемы – не достаточным финансированием. Губернские архивы испытывали большой недостаток финансовых средств и штатных единиц. На третьем заседании Коллегии 18 декабря 1918 г. была «рассмотрена смета расходов Самарской Коллегии Архивного Фонда за время с 1-го Декабря 1918 г. по 1-ое июня 1919 г. При обсуждении сметных расходов все члены Коллегии высказались за то, что смета значительно сократилась бы, если бы идея централизации Самарского Архивного Дела осуществилась, но так как это невозможно в данный момент за отсутствием помещения могущего вместить архивы всех учреждений, то постановили принять смету в рассмотренном виде»². Недостаточность в средствах и работниках проявлялась задержками приема на хранение архивных фондов и введения их в научный и практический оборот, так как необходимо было найти помещение, произвести в нем необходимые работы для устройства в нем архивохранилища, перевезти материалы сдающих и ликвидированных учреждений и разобрать их. Помимо этого архивы должны были выполнять и практические функции: выполнять справки, вести популяризаторскую работу. Задержка поступления ведомственных архивов сданных учреждениями в ведение губархива не редко приводила к гибели документов. Особенно плохо обстояло дело в уездах губернии. На заседании 13 января 1919 г. «По вопросу об увеличении штата служащих в связи с расширением сметы Коллегия заслушав доклад Председателя Е.И. Тарасова о расширении деятельности Архивного Фонда далеко за пределы г. Самары, о необходимости штата инспекторов в уездах, чтобы быть осведомленным относительно состояния архивов по губернии для своевременного принятия мер охраны, если архивам угрожает опасность, о достаточности штата служащих канцелярии, которая в виду приемки архивов, выдачи различных справок разным учреждениям, перегружена работой. Постановили: просить Отдел Народного образования ускорить рас-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

смотрением и утверждением сметы Архивного Фонда, чтобы дать возможность президиуму пригласить штатных служащих необходимых для нормальной постановки архивного дела в губернии»³. Отдел народного образования не мог выделять необходимые архивам средства. Так, 12 августа 1919 г. на заседании коллегии архивного фонда С.А. Хованский докладывал о том «что вместо просимого аванса на расходы 30 000 рублей, с большим трудом ему удалось получить от Отдела Народного образования только 5 000 рублей»⁴. Для спасения уездных архивов командировались члены коллегии и привлекалась общественная инициатива на добровольных началах. «Председатель Профес. Е.И. Тарасов участвуя в собрании учителей 9 января 1919 г., ...познакомил собрание с задачами Архивного Фонда, просил сообщить о состоянии Архивов и библиотек не только учреждений, но и частных лиц в уездах, а также об архивах, старинной утвари сельских церквей. Просил принять на себя заботу по охране культурно-бытовых, исторических и археологических ценностей. Предложение Е.И. Тарасова вызвало большой интерес среди учителей и обещание оказывать содействие в деле спасения архивов и собирания исторических материалов...»⁵. В том же году удалось наладить организационную связь с Бугурусланским и Бузулукским, Николаевским уездами, куда были направлены представители Коллегии архивного фонда.

Второй проблемой, которая оказала значительное влияние на комплектование губернского архивного фонда, была проблема хищения архивного материала или его целенаправленного уничтожения. После революции повсеместно прежние учреждения были ликвидированы либо бездействовали, архивные документы вывозились из занимаемых помещений и в лучшем случае сваливались в приспособленных подвалах, зачастую наполовину залитых водой, или деревянных сараях без окон и крыши. В худшем – использовались на «подтопку печей», как оберточный материал, просто расхищались или сжигались, централизованно утилизировались. В Самаре, например, по свидетельству члена Коллегии П.Н. Ефимова документы архива Государственных имуществ распродавались на рынке. Документы Крестьянского банка, размещенные в одном доме с Губпрокомом, были без ведома Губархива перенесены в 2 комнаты, вместо занимаемых 4-х, при этом все дела были скомканы и свалены грудой на пол. «Когда архив был уже принят Губархивом, Губпродком путем подбора ключа отпер одну комнату архивного помещения и устроил в ней продовольственную лавочку, в которой постоянно толпился народ, брал в руки дела и этим нарушал порядок их. Шкафы с делами...неизвестными злоумышленниками оказались разбитыми...богатейшая библиотечка, размещенная в...помещении Губпродкома оказалась расхищенной служащими этого учреждения...»⁶. Очень ценный в научном отношении архив Самарского губернского правления, первый раз пострадал в 1917 г. при взрыве Белого дома.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

После передачи указанного архива в ведение Коллегии архивного фонда документы бывшего губернского правления, в следствие недостаточности помещений, были разделены на две части и хранились в разных местах. Но обе части архива постигла одна судьба – несмотря на усилия архивистов, документы подверглись расхищению. В заявлении сделанном уполномоченным главархива С.А. Хованским в Главархив, сообщалось, что в одном архивном помещении, где хранился архив губернского правления, губисполкомом была устроена столовая, «...другая часть этого архива находилась на площади Революции и была...разгромлена ...отрядом особого назначения т. Гофмана...»⁷. Уничтожение архивного материала воинскими частями было осознано архивистами как особая проблема ещё в 1919 г., когда Коллегия Главархива, получив тревожные известия с мест (в том числе из Самары, Казани и др. городов): «...вынуждена была констатировать, что главнейшей причиной уничтожения тех или других, весьма часто ценных архивных материалов является расквартирование либо в самих архивных помещениях, либо по соседству с ними воинских частей»⁸. Главархивом было постановлено: «воинские части не расквартировывать в непосредственном соседстве с архивами...»⁹. Но военное руководство не представляло себе возможным вникать в проблемы мирной гражданской жизни и, как правило, наказаний за разграбление архивов виновные военные избегали. Таких примеров можно привести много. А после того как в 1922 г. губисполкомом было издано обязательное постановление о передаче всякого ненужного бумажного хлама в том числе и ненужных архивов Губсоюзу для обмена бумаги на хлеб, многие архивы без ведения губархива централизованно сдавались Губсоюзу. Свою роль в потерях губернского архивного фонда сыграло обязательное постановление губисполкома изданное еще в 1919 г. об утилизации архматериалов: «Все учреждения, в распоряжении коих имеются архивы старых дел, обязаны сообщить о них Бумотделу Губпродукта...на предмет утилизации их»¹⁰. Самоуправство некоторых учреждений по отношению к располагавшимся в их здании архивам составляет третью проблему, с которой столкнулось Коллегия губернского архивного фонда.

Ведомственные тенденции отражались в стремлении фондообразователей, или их правопреемников самим хранить или уничтожать, находящиеся у них документы. Имели место претензии действовавших учреждений на изъятие некоторых материалов из архивов ликвидированных учреждений. Так, в Самаре: «По заслушанному заявлению П.Н. Фридолина о том, что Межевое Управление потребовало от Управления по ликвидации быв. Крестьянского Банка извлечь все межевые планы из дел Архива Банка и передать на хранение Межевому Управлению постановили: Довести до сведения Межевого Управления и Управления по ликвидации быв. Крестьянского Банка, что в виду издания декрета от 1-го июня с. г. о реоргани-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

зации и централизации Архивного Дела в России дела архивов всех учреждений в том числе и межевые планы передаются в распоряжение и хранение Самарской Коллегии Архивного Фонда»¹¹. К проявлениям ведомственности можно отнести и средоточие некоторых архматериалов в научных и краеведческих организациях. Так, в здании университета к 1919 г. хранились документы бывшей архивной комиссии, также Собрание Самарского университета составляли 142 рукописи и 204 книги церковной славянской печати. Самарский городской музей в том же году располагал коллекцией из 78 рукописей и 202 разных документов и 126 старопечатными книгами¹².

Таким образом, большое количество документов в годы революции и гражданской войны осталось бесхозными – их требовалось собрать и переправить в хранилища, спасая от гибели. Это и явилось главной задачей и содержанием комплектования в 20-е гг. Трудная и самоотверженная работа по выявлению и собиранию материалов, которые часто находились в непригодных помещениях усугублялась недостаточным финансированием, отсутствием необходимого количества кадров и непониманием важности сохранения документов со стороны новой власти и представляющих ее должностных лиц. Но уже в начале 1919 г. председатель коллегии архивного фонда докладывал о том, что «архивное дело в Самаре налаживается, многие архивы уже приняты, даются учреждениям справки...»¹³. Огромными усилиями архивистов удалось спасти от гибели и сохранить тысячи документов дореволюционного происхождения, со временем на хранение все больше принималось фондов и советского периода.

1. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф.Р-780. Оп.2. Д.2. Л.2.
2. Там же. Л. 4.
3. Там же. Л. 8.
4. ГАСО. Ф.Р-780. Оп. 2. Д. 4. Л. 36.
5. Там же. Л. 24.
6. ГАСО. Ф.Р-780. Оп. 2. Д. 4. Л. 67.
7. ГАСО.Ф.Р-780. Оп. 2. Д. 10. Л. 36.
8. ГАСО.Ф.Р-780. Оп. 2. Д. 1. Л. 16.
9. Там же.
10. ГАСО.Ф.Р-780. Оп. 2. Д. 8. Л. 6.
11. ГАСО.Ф.Р-780. Оп. 2. Д. 2. Л. 4.
12. Известия Самарского Государственного Университета. 1922. Вып. 3. С. 129.
13. ГАСО.Ф.Р-780. Оп. 2. Д. 2. Л. 9.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
**КРИЗИС РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДПОЛЬЯ В УФЕ В 1907 Г. И
ПЕРЕХОД ОТ МАССОВЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ
К ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Валеев М.А.

**Институт истории языка и литературы Уфимский научный центр
Российской академии наук**

В 1907 году волна революционных забастовок в целом по России постепенно шла на спад. Однако в Уфе происходит ряд крупных митингов посвященных второй годовщине «Кровавого воскресенья», а также первомайские митинги и бойкоты рекрутчины¹. По традиции бастовали и депо уфимских железнодорожных мастерских – главный центр забастовочного движения в городе (август 1907 года).

В конце 1906 г. Уфимский губернатор А. Ключарёв ходатайствовал в Санкт-Петербург о недопущении в будущем высылки политически неблагонадежных лиц в пределы Уфимской губернии. «Принимая во внимание, что Уфимская губерния находится в положении усиленной охраны, имеет много заводов и что прибытие новых неблагонадежных в политическом отношении лиц усилит и так уже довольно многочисленный в губернии беспокойный противоправительственный элемент и вызовет нежелательную, в смысле общественного порядка и спокойствия, тревогу и брожение в населении. Поэтому прошу Департамент полиции не отказать в распоряжении о недопущении на будущее время высылки политически неблагонадежных лиц в пределы Уфимской губернии»².

Усиливался административный режим и в 1907 г. происходит ряд арестов членов революционных организаций. Активные действия и успех губернской администрации в борьбе с различными революционными организациями приводит к тому, что последние прекращают или реорганизуют свою деятельность. Несмотря на летнее время, когда обычно в окрестностях Уфы проводилось множество массовок и митингов различных направлений, в 1907 г. активными действиями полиции удалось разогнать множество «сборищ» и арестовать несколько десятков их участников. Обычно налёты на такие собрания оканчивались стрельбой³.

Эффективные действия жандармерии привели к тому, что уфимские организации социал-революционеров и социал-демократов, во избежание провала, заморозили свои типографии. Поэтому пропагандистская работа уходит на второй план, а начало 1907 года открывает череду громких экспроприаций. Удачные боевые вылазки и обилие добытых денежных средств, приводят к тому, что боевые подразделения разлагаются и постепенно трансформируются в уголовные банды.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Один из участников боевой организации РСДРП Терентьев В.Л. вспоминал, что первый же удачный «экс» – нападение на поезд близ разъезда «Дёма», внес в ряды боевой дружины самое настоящее расслоение. Было захвачено денежных средств на сумму более 150 тысяч⁴. Дружинники стали смотреть на Комитет и его работу свысока, как недостойную их. «В самой организации появилось воровство. Деньги тратились на кутежи, на проституток, на покупку домов, и различные поездки, а дружинники, ранее сводившие концы с концами, стали обращать на себя внимание своей одеждой, гульбой в ресторанах и катанием на рысаках»⁵. Все это привело к конфликту внутри организации и она распадается на ряд самостоятельных и никому неподвластных отрядов, которые ведут самостоятельную работу. К осени 1907 года из огромных сумм добытых денег практически ничего не остается, а центр боевой работы перемещается на уральские заводы.

Полиция столкнулась с новыми трудностями, поскольку мелкие разрозненные группы боевиков было гораздо труднее взять под контроль, чем жесткую организованную партийную структуру. В это время многочисленные боевые дружины, группы, отряды обрушились на представителей власти, преимущественно среднего и низшего звена. Угроза политического террора теперь висела не только над представителями высшей администрации. Некоторая доля независимости от комитетов организаций привлекала в боевые организации множество молодежи, которой хотелось попробовать настоящей революционной работы, не вдаваясь во все тонкости партийной политики. Этот факт заставил правительство признать боевые организации наиболее опасным противником.

Широкий размах получили теперь экспроприации не только казенных, но и частных средств. Никогда ранее не применявшиеся в таком масштабе. Население Уфы в это время сталкивается с всплеском преступлений. Пойманные же преступники обычно заявляли, что совершили грабеж или убийство во имя революции, и являются революционерами. Жители Уфы, как и многих других городов, получали письма с угрозами и требованием пожертвовать на нужды революционных организаций некоторые денежные суммы. Например, 22 ноября 1907 года уфимским купцом Платокиным было получено по почте письмо от группы «анархистов-коммунистов и террористов» с требованием 700 рублей⁶. У неплательщика могли поджечь дом или просто пристрелить его на улице.

Несмотря на ограничения по торговле оружием на улицах днем и ночью была слышна оживленная стрельба. Боевики могли ликвидировать неугодных лиц прямо на улице. Грабили дома, пассажиров в поездах, жителей на улицах, типографии, магазины и лавки. После налета на какую-нибудь контору обычно разливали керосин и поджигали его.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Не могли себя чувствовать в безопасности даже самые уважаемые и богатые жители Уфы. Например, 24 апреля 1907 г. в квартиру личного почетного гражданина И. Бухаловского в три часа дня ворвались несколько вооруженных людей и, связав прислугу, похитили 22 рубля и некоторое имущество. А 18 ноября 1907 года в квартиру владельца завода Гутмана явился казачий офицер, сторонник Союза Русского народа, с двадцатью казаками и объяснил, что прибыл для производства обыска. «Затем этот офицер приступил к обыску квартиры и завода, и приказал сопровождавшим его офицерам бить Гутмана плетьюми, а сам стал угрожать револьвером и произвел один выстрел. После обыска офицер потребовал себе пива, которое распил с казаками, и потребовал от Гутмана, чтобы последний отпустил с ним свою дочь в отдельную комнату»⁷. Все эти истории наглядно демонстрируют жизнь обычных граждан города.

Неудивительно, что в эти годы наблюдалась нехватка полицейских кадров, особенно городских. В них стреляли днем и ночью без всякой причины. В июле 1907 года на своем посту был убит городской В. Гурьянов. Его убийство вызвало возмущение среди граждан Уфы и ему были устроены самые торжественные похороны, на которых присутствовали представители губернской администрации, с губернатором во главе, пешая и конная полиция, масса публики и почти весь местный отдел Союза Русского народа со своим знаменем⁸.

Уфимская общественность была потрясена жестокими убийствами в центре города семьи из семи человек проживавших в непосредственной близости от квартиры вице-губернатора, а также тюремного надзирателя Кольбе, членов союза русского народа, надзирателя уфимской тюрьмы, заведующего психиатрической больницей, попыткой убийства начальника уфимского депо и многих других. Пресса того времени сообщала: «Убийства, покушения на таковые, самые дерзкие отчаянные грабежи то и дело мелькают в нашей повседневной хронике. Аресты и конфискации не прекратили деятельность бомбистов. Грабежи у нас сделались почти обычным явлением; не проходит и дня без смелого грабежа в центре, а на глухих улицах прохожих, грозя смертью, раздевают до нага»⁹.

Власти опасались также развязывания террора в межпартийной борьбе и возможных последующих массовых выступлений междоусобного характера, которые могли бы привести к неуправляемой ситуации. Речь идет об участившихся случаях террористических посягательств на членов легализированных политических сообществ (черносотенные организации).

Помимо всего прочего, весной 1907 г. администрация всерьез рассматривала возможность покушения на губернатора. Департамент полиции распространил циркуляр, где на основании агентурных сведений сообщалось о предстоящем покушении¹⁰.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Однако в своих докладах в центр губернатор сообщал о довольно спокойном настроении среди населения города и всего лишь некотором озлоблении к крайним революционным организациям.

Таким образом, видно, что в последний год революции удачные действия полиции приводят к тому, что революционные партии не видят возможности вести пропагандистскую работу и концентрируют своё внимание на боевой работе. В свою очередь, многие боевые организации по тем или иным причинам распадаются на мелкие уголовные банды, над которыми нет никакого партийного контроля.

Лидеры партий убедились на собственном опыте, что даже всеобщая политическая стачка в масштабах страны не в состоянии привести к свержению царского режима и необходимо искать новые методы борьбы с ним. С другой стороны, все эти события выявили также необходимость реконструкции системы политического сыска, применявшегося до этого времени в Российской империи.

1. Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 470.
2. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 141. Д. 267. Ч. 19. Л. 1.
3. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 81. Ч. 3. ЛЛ. 12-14.
4. История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1981. С. 161.
5. ЦГАОО РБ. Ф. 10233. Оп. 1. Д. 18. ЛЛ. 1-18.
6. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 81. Ч. 6. Л. 97.
7. Там же. Ф. 102. Оп. 116. Д. 81. Ч. 10. Л. 76.
8. Там же. Ф. 102. Оп. 116. Д. 81. Ч. 7. Л. 46.
9. Санкт-Петербургские ведомости. 10/VIII 1907 г.
10. ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 113. Л. 572.

ВОЗЗРЕНИЯ А. ТОЙНБИ И П.А. СОРОКИНА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Федякина Е.В.

Самарский государственный университет

В истории проблема периодизации или деления исторического процесса на определенные стадии, ступени, формации всегда занимала важное место. И это вполне естественно, так как раскрытие имманентной логики исторического процесса, направленности его развития предполагает разбить всю историю на те или иные фрагменты, качественно отличающиеся друг от друга.

На современном этапе развития исторической науки практически утрачена ее прежняя общая теоретическая база – марксизм. В поисках выхо-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

да из кризиса историки пытаются заменить методологические постулаты марксизма иными теоретическими конструкциями: к примеру, концепцией локальных цивилизаций или попытками сочетания ортодоксально-марксистского подхода с ныне популярным «цивилизационным» и т.п. В связи с этим изучение историко-культурной концепции П. Сорокина вызывает немалый интерес не только в целях воссоздания некоего целостного полотна развития исторической теории и ее методологических оснований, но и в плане поиска преодоления современных теоретических трудностей.

Основоположниками цивилизационного подхода объяснения истории принято считать Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и П.А. Сорокина. Изучение исторических и методологических воззрений этих ученых было и остается одной из самых востребованных проблем в историографии. При изучении данного вопроса особенно интересна переписка П.А. Сорокина и А. Тойнби, в которой философы рассматривают спорные вопросы философии истории, выясняют неизученные моменты.

Сам Сорокин считал свою концепцию теорией «волнообразного движения культур». По его мнению, история не повторяется, а «повторяются лишь центральные темы культур, которые осуществляются в весьма разнообразных культурах в зависимости от различных состояний таких ее элементов, как психика или религия»¹. Поэтому исторический процесс – это постоянное движение трех типов культур. Нужно отметить, что П.А. Сорокин не был первооткрывателем теории флуктуации: «Эти идентичные взгляды на флуктуации человеческих дел, конечно, вырабатывались самостоятельно Эмпедоклом в XV веке до нашей эры на Сицилии, Ибн Хальдуном – в Алжире XIV в. и китайцами – на другом конце Старого Света. Я считаю сорокинскую презентацию их в Северной Америке XX в., – писал А. Тойнби, – четвертым случаем открытия этой идентичной идеи»².

Нужно отметить, что как бы мы ни относились к тем или иным положениям цивилизационной теории А. Тойнби, нельзя не признать два обстоятельства, характеризующих этого ученого. Первое – он, как никто другой, не только прекрасно понимал, что исследовательская база мировой исторической науки остается крайне узкой и недостаточной для выдвижения и всестороннего обоснования новых фундаментальных исторических идей и концепций, но и многое сделал для расширения этой базы и совершенствования исследовательских методов. Второе – после А. Тойнби на протяжении второй половины XX столетия не появилось ни одной сколько-нибудь значимой научной концепции, которая позволила бы существенно продвинуть наши представления о прошлом человечества и значительно обновить историческое мышление и сознание, которые соответствовали бы изменениям, происходящим в современном мире³.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Несмотря на то, что многие исследователи ставят А. Тойнби и П.А. Сорокина в один ряд историков циклической парадигмы, их позиции не совпадали в следующих моментах. Во-первых, в личной переписке А. Тойнби обратил внимание П.А. Сорокина, что последний представляет взаимодействие общества и людей, чьи взаимоотношения это общество составляют, как одностороннее фактически влияние. По его мнению, ошибочно полагать, что только культурные ценности влияют на поведение людей и связь эта односторонняя, так как «цивилизации и культуры не могут делать выбор. В отличие от мужчин и женщин, институты – не лица»⁴. Отвечая на это замечание, П.А. Сорокин констатировал: «В моем базовом определении класса социокультурных феноменов осмысленно взаимодействующие люди – один их трех компонентов этих феноменов (наряду с компонентами смысла и средств). Из этого определения следует взаимное влияние индивидов на социальную и культурную систему, созданную, движимую и контролируемую ими, и влияние системы на ее членов-людей»⁵. В этом вопросе Сорокин подчеркнул, что его позиция схожа с позицией А. Тойнби, просто акцент в своих исследованиях он ставил именно на влияние внутреннего смысла культуры на общество.

Он отрицает, что цельная культура исторического общества значима в своей цельности. В частности, он отрицает, что культура имеет доминирующую склонность, характерную для нее во всей зоне ее географического распространения от начала и до конца ее истории. Он отвергает шпенглеровскую характеристику индивидуальности каждой отдельной культуры, упрекая в этом и А. Тойнби. «Сорокин, если я правильно понял, – пишет А. Тойнби, – считает греческие произведения, созданные в идеациональной фазе греческой истории, менее схожими с греческими произведениями, отразившими чувственную фазу, чем с западными, китайскими, индийскими или исламскими произведениями, созданными в идеациональные фазы этих разных культур. Если Сорокин действительно так считает, это кажется парадоксом»⁶. В ответ на что, Сорокин возразил: «Я не утверждаю, что эти сходства изящных искусств разных культур в одинаковой фазе их развития обязательно заметнее сходств изящных искусств той же культуры на разных фазах ее развития. Но я утверждаю, что сущностное сходство изящных искусств разных культур, находящихся в одинаковой преимущественно идеациональной, чувственной или идеалистичной фазе, неоспоримо, и такое утверждение не «парадоксально»»⁷.

Ни один из выше указанных типов культур, подчеркивал П. Сорокин, не является абсолютно верным. Устаревает, меняется система ценностей; на смену ей приходит другая, меняется и тип культуры, весь социум, меняется в целом цивилизация. В смене цивилизаций он и видел исторический прогресс⁸. Прогресс, с точки зрения Сорокина, это, прежде всего, усложнение и расширение системы социальных взаимодействий. Второй

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

фактор прогресса, логически продолжающий первый – закрепление социально-полезных форм поведения. По мнению ученого, фактически единственным проявленным критерием прогресса в любом обществе является показатель количества караемых и награждаемых лиц и интенсивность кар и наград. Он подробно анализировал эволюционные изменения кар и наград и выявил главную тенденцию: с ходом истории снижается интенсивность и количество караемых и награждаемых лиц. И, наконец, третьим и основным фактором прогресса является облагораживание человеческого поведения и самой природы человека, альтруизация жизни. П.А. Сорокин не отрицал того, что в истории бывают регрессивные повороты, но это не мешает ему видеть основную восходящую линию прогресса и великолепную цель всей общественной эволюций – альтруистическую личность. Здесь он солидарен с А. Тойнби, считавшим критерием прогресса общества – процесс самоопределения человека.

Одной из ошибок А. Тойнби П.А. Сорокин называл утверждение о том, что все цивилизации в своем развитии проходят один и тот же одновариантный органический цикл, состоящий из фаз зарождения, роста, разложения и гибели. Например, замечает Сорокин, «мы не имеем точного ответа на вопрос о том, когда зародилась западная цивилизация – с появлением государства Меровингов или империи Каролингов, или с момента возникновения Священной Римской Империи германской нации. Мы можем лишь точно сказать, когда появилась та или иная организованная социальная группа или культурная система»⁹. Ошибка концепций локальных культур, по Сорокину, состоит в том, что локальные культуры оказались конгломератом целого ряда самостоятельных культур. Как конгломераты такие культуры не имеют своей самостоятельной жизни. Поэтому Сорокин считал абсурдной саму попытку установить фазы развития локальных культур.

Расходились воззрения философов и по вопросу о гибели культуры. Если А. Тойнби, считал, что с упадком и гибелью создателя погибает культурная система, то Сорокин полагал, что этого не происходит, «большие системы видоизменяются и продолжают существовать во многих культурах различных социальных групп»¹⁰.

П.А. Сорокин, будучи сторонником циклического развития общества, принял идею отрицания единства мировой истории, поступательности исторического процесса. П.А. Сорокин солидарен с А. Тойнби, отвергая разделение всемирной истории на древнюю, средневековую и новую. По мнению П.А. Сорокина, история не повторяется, а «повторяются лишь центральные темы культур, которые осуществляются в весьма разнообразных культурах в зависимости от различных состояний таких ее элементов, как психика или религия»¹¹.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Опираясь на подобное видение исторического процесса, П. Сорокин обосновал «основной закон истории», согласно которому происходит перманентная флуктуация как социокультурных суперсистем, так и флуктуация обществ в целом и конкретных сфер: типы политики, экономики, идеологии не являются постоянными и не развиваются по восходящей линии. В этой связи значительный интерес представляет его «Обзор циклических концепций социально-исторического прогресса»¹².

1. Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Он же. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 463.
2. Диалог из 1960-х: А. Тойнби и П. А. Сорокин // Социологические исследования. 2004. №10. С.19.
3. Искандеров А.А. Два взгляда на историю // Вопросы истории. 2005. №4. С.17.
4. Диалог из 1960-х. С.21.
5. Там же. С.26.
6. Диалог из 1960-х. С.17.
7. Там же. С.25.
8. Сорокин П.А. Социологический прогресс и принципы счастья // Социологические исследования. 1988. №4. С.103-105.
9. Сорокин П.А. Социологические теории современности. М., 1992. С. 94.
10. Там же. С. 105.
11. Сорокин П.А. Кризис нашего времени. С. 463.
12. Сорокин П.А. Обзор циклических концепций социально-исторического прогресса // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 3–14.

ИДЕЯ ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ ПЕДАГОГОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Соловьева Ю.В.

**Татарский государственный гуманитарно-педагогический
университет**

Современная модернизация российского государства, становление гражданского общества требуют, чтобы система образования содействовала формированию сознательного гражданина, эффективно участвующего в демократическом процессе.

На протяжении последних десятилетий теория и практика гражданского воспитания созданная в советский период подвергалась ревизии, а

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

серьезной попытки создать новую систему гражданского образования на государственном уровне практически не было.

История отечественной школы и педагогики советского периода оказалась крайне драматичной и противоречивой. Движение образования по восходящей линии, приращение педагогического знания происходили в социальных условиях, которые затрудняли свободную идейную полемику, в обстановке репрессий, диктатуры и цензуры официальных властей.

Анализируя процесс трансформации идей гражданского образования, на протяжении существования СССР и после его распада можно выделить следующую периодизацию: 1920-е – середина 1950-х; с середины 1950-х до начала 1990-х годов; и с начала 1990-х годов до 2004 года включительно. Главным критерием такого разделения стал уровень сформированности понятия гражданственности. Если первый этап – это период становления понятия, то второй этап – время расцвета, повсеместного применения накопленного опыта. Третий из выделенных периодов – это этап отрицания старого и становление новой сущности и содержания идей гражданского образования.

Развитие педагогической и общественной мысли определило различные подходы в понимании целей гражданского образования. Одни видели в нем – идеал гражданина, свободной личности, которая предана общественному долгу, национальным традициям. Среди других – «гражданское воспитание» понималось как послушание, повинование личности правительственной власти. Для революционеров-демократов второй половины XIX века настоящий гражданин должен быть готов к насильственным действиям ради улучшения жизни во имя всеобщего социального равенства,

В первые годы советской власти проблемы воспитания и образования подрастающих поколений стали предметом ожесточенной идейной борьбы, особенно усилившейся в начале 20-х годов. Эта борьба проходила вокруг основных педагогических вопросов: о сущности процесса воспитания, его основной направленности; о целях и задачах советской школы, о содержании обучения и его методах.

Из марксистско-ленинского понимания сущности воспитания вытекала новая педагогическая концепция, состоящая в том, что гражданское воспитание есть организация жизни детей, их разносторонней деятельности, активное включение подрастающему поколению в систему общественных отношений» в повседневное участие в социалистическом строительстве.

В школьниках, в первую очередь, стремились воспитать чувство патриотизма, а значит, готовности защищать сойотское государство. Человек нового, социалистического общества воспитывался в духе коллективизма, трудолюбия, физической и умственной культуры. Именно в эти годы оформилось понятие коммунистического воспитания, практика реализации которого, нашла широкое применение в советской школе.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В основе проблем, связанных с воспитанием советского гражданина и патриота в 50-е – 80-е годы большое значение придавалось - воспитанию строителя коммунизма. В этот период появляется правовое воспитание, которое соответствовало международным обязательствам советского государства.

В 90-е годы появилось много новых идей гражданственности и понятий, близких к гражданскому и патриотическому воспитанию. Соответственно начинает оформляться новый содержательный компонент гражданского воспитания. Главными сквозными идейными линиями стали такие понятия как государство, общество, власть, демократия, избирательное право, права человека, примеры высокой гражданственности в деятельности выдающихся исторических личностей.

Рассматривая гражданственность, можно выделить в этом понятии три основных признака: нравственный, правовой и социально-политический, К первому относятся; гражданское самосознание, гражданский долг, гражданская ответственность. Ко второму – правовая культура, соблюдение законов государства, личная свобода, К третьему – гражданское достоинство, гражданская активность, политическая культура, патриотизм и интернационализм.

Таким образом, гражданское образование, сохраняя свои основные компоненты – нравственность, патриотизм, толерантность, правовую культуру и интернационализм, присутствовало на всех этапах развития советской и российской системы образования, проявляя с наибольшей силой, в зависимости от внешних и внутренних факторов один или другой компонент; хотя гражданское воспитание как целостное педагогическое понятие было известно еще с времен Древней Греции, в советском государстве оно олицетворялось с пережитками буржуазной идеологии.

1. Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения в 2-х томах. М.: Педагогика, 1979. С. 304.

2. Луначарский А.В. О воспитании и образовании. М.: Педагогика, 1976. С. 460.

3. Макаренко А.С. Воспитание гражданина / Сост. Р.М. Бескина. М.: Просвещение, 1988. С. 304.

4. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения. В 3-х т. М.: Педагогика, 1979.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
**ПРОБЛЕМА БЕЗВОЗВРАТНЫХ ПОТЕРЬ РОССИИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Бушуева О.Ю.

Самарский государственный педагогический университет

Изучение безвозвратных потерь в 1941-1945 гг. имеет методологическое, конкретно-историческое, источниковедческое и морально-этическое значение. Данная проблема всегда сопряжена с целым комплексом вопросов политического идеологического, демографического и нравственного характера. Противоречивые данные как в советской, современной российской и зарубежной историографии вызывают широкий интерес не только научной интеллигенции, но и самых широких слоев населения. К настоящему времени не завершен процесс подсчета потерь, в том числе и безвозвратных. Он ведется в региональном и общероссийском масштабах.

На протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. полемика о количестве общих и безвозвратных потерь не прекращалась. Официальные данные, которые публиковались на страницах печати, а также содержались в выступлениях государственных деятелей, далеко не всегда удовлетворяли исследователей. Поэтому появились работы, содержащие другие статистические сведения, порой - самые фантастические (Б.В.Соколов). В то же время началась подготовка «Всероссийской Книги Памяти» к 50-тилетнему юбилею Победы. В 1995 г. в регионах Российской Федерации было опубликовано свыше 750, к 2002 г. – около 900 томов «Книги Памяти». Самарское издание является одним из самых больших и насчитывает 32 тома. Составители книг проделали колоссальную поисковую работу в архивах федерального и местного уровня, сгруппировали сведения об уроженцах того или иного края, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

В процессе работы в республиках, краях и областях России над созданием «Книг Памяти» было впервые дано определение этого уникального массового исторического источника, созданы банки и базы данных, введены в научный оборот громадные комплексы документальных материалов. Одна из наиболее репрезентативных баз данных о безвозвратных потерях военнослужащих создана в Республике Татарстан общественным объединением «Отечество». По последним данным она насчитывает сведения об 1 млн. 26 тыс. 699 погибших, пропавших без вести и т.д. База непрерывно пополняется.

Во многих российских регионах существуют государственные и общественные поисковые группы, которые также обладают картотеками, банками данных по изучаемой проблеме. Например, общественно-моло-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

дежные организации «Поиск» в Самарской области (г. Кинель), «Объединение Отечества» (Казань), поисковые организации в г. Архангельске, Вологде и др.

Параллельно с созданием Книг Памяти началась систематическая публикация статей на страницах, главным образом, местных изданий о безвозвратных демографических потерях уроженцев того или иного района, города, области и т.д. Были защищены первые диссертации об изучении различных аспектов проблемы безвозвратных потерь. Первой докторской диссертацией по теме стала работа Анатолия Александровича Иванова на материалах Республики Татарстан (2001 год). И это не случайно, так как именно здесь благодаря самоотверженной поисковой работе автора труда и небольшого поначалу коллектива единомышленников, материальной и моральной поддержке республиканского руководства удалось создать единую информационную технологию поиска сведений, обработки накопленной базы данных и издания на ее основе поименных списков «Книги Памяти». В республике впервые удалось определить безвозвратные потери в годы Великой Отечественной войны по каждому району и по Татарстану в целом. Впервые установлены имена, фамилии, причины гибели и место захоронения большинства из 350 тысяч погибших – уроженцев Татарской АССР в 1941-1945 гг.

Работы А.А. Иванова, а также Л.Г. Скворцовой, С.И. Садовникова и других историков показали реальную возможность создания аналогичных исследований на материалах всех российских регионах, например, отдельных областей.

Существует специальная Российско-германская комиссия по изучению спорных вопросов истории XX века. Наша страна оказывает помощь германским коллегам в составлении картотеки (на основе которой они у себя создают банк данных) о погибших, военнопленных немцах на территории СССР в годы войны. Германская сторона оказывает содействие в создании в России соответствующей базы данных о наших соотечественниках, погибших в фашистском плену. Результатом этого сотрудничества стала публикация документальных сборников в России и Германии по теме.

Что касается основных направлений в изучении проблемы потерь, то в отечественной историографии можно выделить следующие: 1) боевые потери СССР (М.А. Гареев, В.М. Сафир, М.В. Филимошин, С.Н. Михалев, В.Т. Елисеев, В.В. Гуркин, С.В. Богатырев, Р.И. Ларинцев и др.); 2) влияние безвозвратных потерь на демографическую ситуацию в стране в целом и в отдельных регионах (Н.А. Араловец, Л.Л. Рыбаковский, Л.Г. Скворцова, В.П. Лузгин, В.А. Исупов, В.Г. Первышин); 3) потери населения советского тыла от голода, болезней, лишений и пр. (В.Ф. Зима, В.А. Исупов); 4) разработка методик, позволяющих проанализировать известные, а также недавно рассекреченные архивные источники с целью получения более дос-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

товерной информации по организации поиска, изучения проверки боевых потерь, населения, места гибели тех, кто считался пропавшими без вести, подсчитать попавших в плен и т.д. (А.А. Иванов, С.И. Садовников и др.).

В целом изучение проблемы безвозвратных потерь является одной из наиболее сложных и актуальных задач современной российской историографии. Несмотря на существование дискуссионных вопросов, различных интерпретаций, большинство исследователей пришли к выводу, что только кропотливая работа во всех регионах России по выявлению погибших на фронте, в плену, умерших от ран и т.д. поможет когда-нибудь создать более или менее объективную картину военных событий, составить адекватное представление о героическом и жертвенном подвиге нашего народа.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА РУССКИХ
САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА СТРАНЫ.
КОНЕЦ XIX ВЕКА – НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ**

Дробова И.В.

**Московский государственный университет сервиса
(Самарский филиал)**

Что же представляет собой обряд? Обычно это некоторый стандартизированный набор действий символического содержания, совершаемый в ситуации, предписываемой традицией. Слова и действия, составляющие ритуал, определены очень точно и практически никогда не меняются. Обряды служат усилению трудового единства, в период кризисов снимают состояние тревоги и неблагополучия¹.

Русский свадебный обряд в целом многовариантен. Порой свадьбы отмечались по-разному, что свидетельствует о различных традициях, принесенных в Самарский край переселенцами. Основными этапами свадьбы были сватовство, сговор (рукобитье), девичник, пир в доме жениха в день венчания, брачная ночь, посещение молодыми родителей невесты. Все эти ритуалы отражали переход молодых из одного социального статуса в другой, куплю-продажу рабочих рук невесты, сближение двух родов².

Начинался свадебный обряд выбором невесты и её сватовством. Свааты со стороны жениха (его родственники и специально приглашенная для этой роли женщина-сваха) начинали переговоры о предстоящей свадьбе. После сватовства родители организовывали смотрины дворов и сговор (запой или пропой невесты), во время которых они знакомились, вели переговоры о сроке проведения свадьбы, предстоящих расходах, количестве подарков, приданом со стороны невесты и о кладке со стороны жениха - калыме. В селе Задельном Борского района под приданым понимали дары от гостей: от родных - постель, от гостей - мелкие подарки (чулки, мыло, тарелки и т.п.)³.

К середине 19 века в ритуалах горожан общие и специфические черты, отличающие их от крестьянской традиции (ослабление магических элементов, усиление роли профессиональных свех, большее распространение брачных контрактов, изменения в ритуальной пище и порядке застолий, замена плясок танцами, а фольклорного репертуара городскими песнями, и т. д.), что позволяет говорить об уже сложившихся формах свадебной обрядности⁴.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Примерно с 80-х годов 19 века под воздействием нарастающей демократизации общественной и культурной жизни Самарской области произошли заметные изменения в социальных и бытовых отношениях, что также сказалось и на свадебном обряде.

Новым рубежом в бытовании традиционного свадебного обряда стал Октябрьский переворот 1917 г. и последующие за ним коренные изменения в бытовой и культурной жизни страны. Широко развернувшаяся борьба с прежними дореволюционными нормами и идеологией глубоко затронула духовную сторону жизни. Для идеологов традиционная обрядность прочно ассоциировалась с церковью. Поэтому, объявив войну религии, начали наступление и на традиционную народную культуру (и в частности на обряды), которая подвергалась нападкам, осмеянию и запретам. Вместо старых традиций с первых дней революции пытались создать новую обрядность, соответствующую государственной идеологии⁵.

Большую роль в разрушении традиционного свадебного обряда сыграла и популярная в советском обществе идея о необходимости ликвидации различий между городом и деревней.

В первые годы советской власти свадьбу почти повсеместно справляли со всеми старыми обычаями, исключение, как правило, члены партии, комсомольцы, передовая рабочая молодёжь.

К 30-м годам церковные браки стали редким явлением, большое распространение получили гражданские, оформляемые в загсе и сопровождавшиеся новыми обрядами, а чаще простой вечеринкой. В 50-е годы, когда страна стала оправляться от военных невзгод и потерь, начался период официального возрождения народной культуры (но без её «пережитков»)⁶.

К 70-80-м годам усилилась тенденция к проведению официальных, более торжественных и парадных свадеб. Их праздновали в домах и дворцах культуры.

В 80-90-е годы была попытка шире распространить и внедрить в жизнь новый обряд, созданный и сформированный на основе сценариев и рекомендаций, составленных профессиональными работниками культуры. Интересно отметить, что почти все распространяемые в те годы формы свадеб, как правило, основывались на старом традиционном народном обряде.

Оценивая современную свадьбу в целом, можно сказать, что произошло упрощение обряда и его отдельных эпизодов. Лучше других сохранились эстетическая, игровая и развлекательная функции свадебного обряда. В конце 80-х и начале 90-х годов отмечался повышенный интерес к национальным корням, к истории и культуре страны, к традиционным народным обрядам. Проведение свадьбы по традиционному обряду стали считать престижным и даже обязательным для утверждения социальной полноценности новой молодой семьи, хотя большинство участников не

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

могли вести себя как положено в той или иной ситуации. За долгие годы забвения и небрежения к народной культуре была нарушена естественная передача народных знаний. Была утрачена сама обрядовая культура.

Историческая ситуация конца 20 века характеризуется сложной этнокультурной обстановкой. Фундаментальной проблемой современной эпохи все более становится противостояние традиционной и модернизированной культур. Именно это противостояние оказывает возрастающее влияние на ход культурно-исторического процесса. В итоге переход от традиционного общества к современному (а он считался обязательным для всех культур и народов) возможен только через модернизацию. Этот термин сегодня употребляется в нескольких смыслах, поэтому его следует уточнить.⁷

Во-первых, под модернизацией подразумевается весь комплекс прогрессивных изменений в обществе, это синоним понятия современность – комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций.

Во-вторых, модернизация – это процесс превращения традиционного, дотехнологического общества в общество с машинной технологией.

В-третьих, под модернизацией понимаются усилия отсталых или слаборазвитых стран, предпринимаемые ими, чтобы догнать развитые страны.⁸

1. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2003. С. 250.
2. Костомаров Н.И.. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 201.
3. Этнология. Самарская область. 2005. С. 8-9.
4. Александров В.А., Власова И.В. Русские. Москва, 1999. С. 494.
5. Александров В.А., Власова И.В. Русские. М., 1999. С. 495.
6. Зорин Н.В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1989. С. 45-52.
7. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2003. С. 254.
8. Этнология. Самарская область. 2005. С. 26.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ САМАРСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Рогач Ю.А.

Самарский государственный университет

Семья является одной из важнейших и неотъемлемых составляющих жизни человека и общества. К числу ее функций относятся: воспроизводство населения, воспитание подрастающего поколения, сохранение и пере-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

дача национальных традиций и прочие. Различным аспектам истории городской семьи конца XIX- начала XX века посвящены работы Л.А. Анохиной, М.Н. Шмелевой, О.Р. Будиной, Г.В. Жирновой, Б.Н. Миронова; коллективный труд «Очерки городского быта дореволюционного Поволжья» и другие¹.

В конце XIX - начале XX века в России малая семья, то есть состоявшая из одного – двух поколений, становится наиболее распространенной в городе. В Средне-Волжском районе по данным на 1897 г. малые и расширенные семьи составляли 67,9% всех семей и включали 56,9% населения. Составные семьи соответственно составляли 22,9% и 39,2%². В целом в европейской части России наблюдалась та же тенденция³. Официально признанной обществом и государством семья считалась с момента заключения двумя людьми брака. Венчание происходило в церкви. Вообще религия, определявшая принципы взаимоотношений домочадцев, играла большую роль в семейной жизни, и одной из семейных традиций было совместное посещение церкви. Закон определял брачный возраст для девушек с 16 лет, для юношей с 18. При выборе партнера для брака учитывались его сословная принадлежность, социальный статус и материальное положение. В порядке вещей считалось, что мужчина, прежде чем создать семью, стремился завести собственное дело, создать материальную базу. У мещан было принято жениться в возрасте 21 – 25 лет, у дворян в 26 – 30 лет, у купечества в 26 – 35 лет. Для девушки из любого сословия считалось желательным выйти замуж до 25 лет⁴. В то же время тенденцией стало стремление девушек реализоваться не только в семье, но и в профессии, общественной жизни. Все же большинство взрослого населения стремилось создать собственную семью. Так, в 1897 г. горожане Самарской губернии в возрасте от 20 лет составляли 63% городского населения⁵. В браке состояло 41,6% населения. Заметный процент среди не состоявших в браке, составляли вдовы горожане, то есть также сторонники семейной жизни⁶. Подобную же тенденцию отражало распределение по семейному состоянию населения городов Саратовской губернии. Веками складывавшиеся представления о семейных добродетелях и нормах поведения оставались актуальными и в конце XIX века. К ним относились: главенствующая роль мужчины и авторитет главы семьи, уважение со стороны детей по отношению к родителям, воспитание детей в строгости, распределение обязанностей на мужские и женские и другие. В то же время во внутрисемейных отношениях происходил медленный отход от наиболее крайних проявлений авторитарных традиций.

Существование любой семьи предполагало трудовую занятость ее членов, решение проблем, связанных с хозяйственной деятельностью семьи, воспитанием и образованием детей, совместное проведение досуга. Трудовая и хозяйственная деятельность отнимали значительную часть

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

времени человека. Традиционно считалось, что мужчина должен обеспечивать семью, а женщина заниматься ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей. Однако даже в богатых и зажиточных семьях данная традиция не всегда соблюдалась. По 27% от городского населения Самарской и Саратовской губерний, имевшего самостоятельные занятия, составляли женщины. Среди женщин были распространены такие виды деятельности как учебная, врачебная и санитарная; работа на частной службе и в услужении; изготовление одежды; земледелие и торговля⁷. В бедных семьях в пополнении семейного бюджета участвовали и дети. Помимо трудовой деятельности источниками существования семьи могли быть доходы от сдаваемого в наем имущества, проценты с ценных бумаг, наследство. Дополнительными источниками дохода и поступления продуктов в семью были огородничество, бахчеводство, земледелие, пчеловодство, которые широко практиковались в уездных городах Самарской и Саратовской губерний⁸.

Уклад и условия жизни семьи зависели во многом от ее положения в обществе и материального благосостояния. Удовлетворение запросов, связанных с жильем и питанием, качественно различалось в зависимости от материальных возможностей семьи. Как отмечал Р.Кабо, объем потребляемых продуктов с увеличением доходов горожан изменялся незначительно. Зато изменение соотношения растительной и животной пищи в рационе бедных, зажиточных и богатых категорий населения оказывалось гораздо более заметным. Так, богатые и зажиточные семьи потребляли меньше хлеба, крупы, картофеля и овощей, чем несостоятельные. Зато потребление сахара и продуктов животного происхождения в первой категории семей значительно превышало показатели по бедным семьям (мясо, рыба, молоко – более чем на 50%)⁹.

Особое место в семейной жизни отводилась досугу. Одним из вариантов проведения свободного времени для семейных людей были вечера в кругу семьи, встречи с родственниками. Они содействовали укреплению внутрисемейных связей, формированию представления у молодого поколения о принадлежности к определенной фамилии, роду, о семейных традициях и ценностях. Например, традиционный вечер в провинциальной мещанской семье включал чаепитие с беседами у самовара. В летнее время семейство могло отправиться на прогулку в ближайший сад, сквер или на набережную Волги. К числу семейных форм проведения досуга можно отнести семейные вечера, домашние гостиные, совместное посещение театров, выставок, музеев, балов, прогулки, выезды на природу и так далее. Понятно, что представители далеко не всех сословий могли принять участие в большинстве вышеперечисленных мероприятий в силу материального благосостояния и уклада жизни. Однако существовали варианты и для неимущих слоев населения. Для них организовывались народные дома,

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

библиотеки, народные чтения, театральные представления по пониженным ценам и бесплатные дни для посещения музеев. Для всех категорий населения были доступны народные гуляния, проводившиеся по праздникам и во время ярмарок.

В конце XIX – начале XX века семья являлась основной формой организации личной жизни человека. Принципы создания семьи и семейные отношения закреплялись в общественном сознании с помощью закона и традиции. Религиозное учение также поддерживало идею прочной и стабильной семьи. Не смотря на то, что значительную часть времени взрослых членов семьи занимала трудовая деятельность, другие виды занятости, домочадцы с большим или меньшим успехом стремились организовать свой досуг. Многие традиции внутрисемейных отношений, складывавшиеся на протяжении длительного времени, продолжали сохранять свое значение и на рубеже XIX – XX веков. В то же время несомненно, что процессы демократизации, протекавшие в общественной жизни во второй половине XIX века, оказали определенное влияние на такой общественный институт как семья.

1. Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Задачи и методы этнографического изучения культуры и быта русского городского населения (Опыт изучения городов средней полосы РСФСР) // Советская этнография. 1966. № 6. С. 57–67; Они же. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977; Будина О. Р., Шмелева М. Н. Традиция в культурно-бытовом развитии современного русского города // Советская этнография. 1982. № 6. С. 27 – 39; Они же. Город и народные традиции русских. М., 1989; Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем (по материалам городов средней полосы РСФСР). М., 1980; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). В 2-х т. Т. 1. СПб., 1999; Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.

2. Миронов Б.Н. Указ соч. С. 235.

3. Там же.

4. Жирнова Г.В. Указ соч. С. 24 – 25.

5. Подсчитано по данным: Первая всеобщая перепись населения российской империи, 1897 г. СПб., 1904. Т. XXXVI. Самарская губерния. С. 6–7, 20.

6. Там же. С. 20.

7. Первая всеобщая перепись... Т. XXXVI. С. 118 – 121. Т. XXXVIII. С. 148 – 153.

8. Там же.

9. Кабо Р. Потребление городского населения России (по данным бюджетных и выборочных исследований) / Под ред. Г. Шуба. М., 1918. С. 26.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
**АНТИКВАРНАЯ ТОРГОВЛЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ**

Горшкова Н.А.

Московский педагогический государственный университет

Русский Императорский двор был одним из самых блестящих в Европе. Его главной функцией являлось поддержание внешнего престижа монарха. Придворная жизнь, ее порядок были строго регламентированы, что обеспечивалось Министерством императорского двора. Учрежденное 22 августа 1826 г. под названием «Министерство императорского двора и уделов», оно объединило все структуры придворного управления. Министр двора был влиятельной фигурой, подчинялся непосредственно государю и исключительно ему был обязан отчетностью.

Министерство императорского двора имело разветвленную структуру, в которую входили: экспедиция церемониальных дел, придворная певческая капелла, придворный музыкантский хор, дирекция императорских театров (петербургских и московских), дворы их императорских высочеств великих князей и великих княгинь и др. В ведении дирекции императорских театров и был императорский балет, являвшийся частью придворного ритуала. Директор Императорских театров обязательно сопровождал Императорскую семью, всегда присутствовал во время спектакля.

В Петербурге и Москве балет был популярен в среде монарха, придворной знати, дворян и мещан. Культура была просто «проникнута» духом театра, костюмированного представления. Придворный быт, с присущей ему торжественностью, пышностью, ритуальностью, сам как бы напоминал яркое театрализованное представление.

Балет – «привилегированный» жанр по сравнению с другими театральными жанрами (драмой, оперой). Балету уделялось особое внимание властей, именно балетные спектакли обеспечивались самыми крупными государственными субсидиями. Для участия в постановках выписывали знаменитых иностранных танцовщиков. Дирекция императорских театров, а также режиссеры и постановщики располагали обширным штатом музыкантов, живописцев-декораторов и костюмеров. Петербургский балетный театр обладал профессиональной труппой русских и иностранных танцовщиков.

На рубеже XIX – XX вв. «генералиссимусом русского балета» в Петербурге была Матильда Феликсовна Кшесинская. Имела своего кумира и Москва (Екатерина Васильевна Гельцер). Профессиональный уровень мастерства московских балерин в 1890-е гг. был намного ниже профессионального уровня их петербургских коллег. Поэтому дирекция император-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ских театров охотно отпускала молодых московских артисток для стажировки в Мариинском театре Петербурга.

К концу XIX в. процесс демократизации затронул и состав зрителей традиционно аристократического вида искусства, императорского балета. Оперы и балеты П.И. Чайковского («Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Щелкунчик»), Пуни («Дочь фараона»), Минкуса («Дон Кихот», «Баядерка», «Камарго») влекли к себе студентов и интеллигенцию. Таким образом, социальный состав театральной публики заметно обновлялся. Это было характерно для театра вообще и балета, в частности.

Заслуженно восхищаясь дарованием, мастерством и энергией Кшесинской-танцовщицы¹, периодическая печать все же предпочитала сюжеты личной жизни балерины. На выступления Матильды Феликсовны Кшесинской сходилась весь Петербург. Репортер «Петербургской газеты» красочно описывал зал Мариинского театра, когда на сцене танцевала Матильда Кшесинская: «Бесчисленные бальные туалеты всевозможных цветов и нюансов, сверкающие бриллиантами плечи, бесконечные фраки и смокинги, обрывки английских и французских фраз, одуряющий аромат модных духов, словом, - знакомая картина светского раута»². М.Ф. Кшесинская, фаворитка Николая II, стала символом и эталоном успеха, которого может добиться артистка, великосветская дама. Пресса с восторгом описывала наряды Кшесинской, украшавшие ее бриллиантовые ожерелья и жемчужные колечки, роскошные банкеты в дорогих ресторанах в ее честь и ее столичный особняк (на Кронверкском проспекте в Петербурге) в стиле «модерн».

Екатерина Васильевна Гельцер закончила Московское театральное училище. Она была зачислена в Большой театр в 1894 г. В 1896 г. танцовщица была переведена в Петербург, совершенствуя свое мастерство у балетмейстера Мариуса Петипа и преподавателя классического танца Христиана Иогансона. Вскоре после возвращения в Москву Екатерина Гельцер заняла ведущее место в балетной труппе. В совершенстве владея техникой классического танца, Е.В. Гельцер поражала современников особой элегантностью исполнения виртуозных партий – Авроры в «Спящей Красавице», Китри в «Дон Кихоте» и др.

Таким образом, императорский балет на рубеже XIX – XX вв. был в большой моде. Он привлекал самую разнообразную публику. В основном, это была элита общества. Чем можно было объяснить этот наплыв публики? Одни, посещая театр, выражали искреннюю любовь к хореографическому искусству. Другие просто желали блеснуть на «базаре житейской суеты»³. Факт налицо: балет получил в Петербурге и Москве очень прочное право гражданства.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1. Артист. 1892. № 25. Декабрь. С. 227; Светлов В. Балет // Петербургская газета. 1908. № 48. 18 февраля. С. 5.
2. Цит. по Волков С. История культуры Санкт-Петербурга. М., 2003. С. 247.
3. Петербургская газета. 1899. № 314. 15 ноября; Петров О.А. Русская балетная критика второй половины XIX века. Петербург. - Екатеринбург, 1995. С. 351.

БЫТ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА САМАРСКИХ НЕМЦЕВ

Шаманская И.М.

Московский государственный университет сервиса (Самарский филиал)

Самарский край один из первых, где появился очаг культуры другой страны, великого немецкого народа.

В Самарском крае немцы поселились в конце XVIII в. в основном на землях нынешнего Кошкинского района. На 30 тысячах десятин пустующих земель разместилось 10 немецких колоний, объединенных в Александртальскую волость. Сегодня Александрталь – село Надеждино Кошкинского района. Селения вокруг тоже носили немецкие имена: Гротсфельд, Мариенталь, Нейхофнунг, Линденау, Шенау и т.п. До наших дней сохранилось название Либенталь. К концу XIX века Самарская губерния уже знала фамилии самых успешных земледельцев-меннонитов: Дик, Гардер, Вибе, Реймер и др.

Всего в Самарской губернии сосредоточилась 131 немецкая колония, из них в 26 проживали меннониты, в 105 лютеране.

Всем колонистам Самарской губернии принадлежало почти 657 десятин земли, что составляло 4,5% всего пространства губернии. Обитатели Самарских колоний (в отличие, например, от колонистов Саратовской губернии) занимались исключительно сельским хозяйством.

В тех колониях, население которых пришло из одной какой-либо местности Германии, сохранились устои, обычаи свойственные нации.

Так, устройство поселений значительно напоминало Германию: дома располагались четкими, правильными рядами, улицы были широкими, в центре селения непременно площадь, перед каждым домом разбит палисадник, имелся хорошо ухоженный огород¹. Первоначально постройки в немецких колониях были деревянные, крытые тесом. Позднее, с развитием кирпичных заводов, дома стали строить из красного кирпича, крыши покрывать черепицей либо железом.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Все имущество, домашняя и кухонная утварь, одежда носили национальный колорит. Так, у мужчин непременно белые рубашки, черный галстук, коротенький жилет с металлическими пуговицами, брюки заправлялись в высокие сапоги; синий, домашнего сукно кафтан, на голове шляпа.

У женщин – короткая синяя юбка и короткий синий с блестящими пуговицами и красными разводами «спенсер» (короткий жакетик «фигаро») голова непокрыта, только во время полевых работ одевали, подвязывая у подбородка соломенные шляпки домашнего производства. В одежде колонистов преобладал синий цвет... А кухня... Кухня была истинно немецкой. По утрам пили кофе, большей частью пшеничный или ячменный, ели мучной или картофельный супы, овощи. А что касается мяса, то его потребляли лишь по воскресеньям, да и то больше свиное, а свиней держал почти каждый домохозяин. Традиционно по-немецки строились у колонистов и семейные отношения. Так, отец назначал своим преемником кого-либо из своих сыновей, а если их не было, то одну из дочерей. В приволжских колониях совсем не признавали права и преимущества старшего или младшего члена семьи (кроме меннонитов). Отец – глава семьи, сам определял часть наследства, приданное каждому из детей.

По немецкому образцу во главе общинного управления колонией, стоял староста, который с двумя выборными старейшинами, двумя заседателями и писарем, составляли общественный суд. Каждые четыре – шесть колоний образовывали округ под управлением окружного начальника и двух окружных заседателей, избираемых на три года. Самое серьезное внимание уделялось строительству мельниц².

Колонисты занимались в основном производством зерна, хотя значительное место отводилось и животноводству. В хозяйстве применялись современные орудия труда. Практически во всех колониях занимались ремесленничеством. Женщины пряли, вязали шерстяные вещи, вышивали, плели из соломки. В последующем ремесленничество стало развиваться как самостоятельная отрасль. К 60-м годам XIX века в два раза увеличилось число небольших производств.

Господствующим языком у колонистов был немецкий, но уже с середины XIX века все они говорили по-русски, так как в школах, созданных за счет колонистской общественности, изучали два языка одновременно.

Основу немецкой колонии составляли религиозная и светская общины. Немаловажную консолидирующую роль играли родственные отношения.

Самарские немцы трепетно сохраняли традиции своей прародины, но вместе с тем привнесли в них и обычаи новой родины – России. Долгое время колонисты, живя обособленно, сохраняли свои обычаи и язык, а центром общинной жизни была церковь.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1. Савченко И.А., Дубинин С.И. Российские немцы в Самарской крае. Историко-краеведческие очерки. Самара, 1994.
2. Савченко И.А., Дубинин С.И. Российские немцы в Самарской крае. Историко-краеведческие очерки. Самара, 1994.

ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕПАРХИАЛЬНЫХ АРХИЕРЕЕВ В РАЗВИТИИ ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Кутлакова М.В.

Тольяттинский государственный университет

Гуманизация современной общественной жизни России требует осмысления средств и методов данного процесса. Неоценимую помощь может оказать изучение опыта Русской православной церкви в области просвещения. Начальная церковная школа ещё в начале XIX в. была включена в систему образования, но вопросы финансирования частично были решены только в 90-х гг., получив импульс развитию начальных школ духовного ведомства, которые впоследствии стали значительной частью системы народного образования империи¹. Важный вклад в количественное и качественное развитие церковных школ внесло чуткое отношение к вопросам просвещения народа епархиальных архиереев.

Самарской губернии в конце XIX-начале XX в. принадлежало одно из первых мест среди губерний Российской империи по количеству церковных школ. Это был период наивысшего развития церковно-школьного просвещения в епархии². Во время обнародования «Правил о церковно-приходских школах», утвержденных императором 13 июня 1884 года, Самарскую и Ставропольскую кафедру занимал епископ Серафим (Протопопов)³. Согласно указу, первоначально владыкой был организован Епархиальный Училищный Совет для руководства церковными школами⁴. Затем по распоряжению архиерея была выработана особая программа, в соответствии с требованиями которой можно было открыть церковно-приходскую школу в епархии. Осторожность владыки была весьма целесообразна, так как в первое время школы открывались только на местные средства духовенства. Тем не менее, при владыке Серафиме, было открыто значительное количество школ⁵.

Преемником преосвященного Серафима был назначен епископ Владимир (Богоявленский), занимая кафедру всего с начала 1891 по осень 1892 гг., он оставил заметный вклад в развитии образования: число школ продолжало расти, особенно школы грамоты, количество которых увеличилось в 3 раза⁶. Владыка Владимир придерживался взглядов предшест-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

венника, причем условия для открытия церковно-приходских школ были пересмотрены, став более определенными. При Высокопреосвященном Владимире отчеты о состоянии церковных школ впервые стали печататься в Самарских епархиальных ведомостях, тем самым, утвердилось значение народных школ в жизни духовенства епархии.

При вступлении в 1892 г. на Самарскую кафедру епископа Гурия (Буртасовского) все отрасли церковного управления, особенно церковно-школьная деятельность, приняли интенсивный характер. К концу периода его архипасторства в 1904 приходится пик развития церковных школ (1903 г.). Преосвященный употреблял все меры к изысканию средств на организацию и содержание школ: отчислялся 10% сбор с церкви епархии, обращалось внимание на кружечный и кошелевый сборы, пожертвования с венчания на школу, проповеди, что привело к росту количества школ и улучшению положения педагогического состава⁷.

Получение с 1894 года крупных ассигнований из казны на церковные школы позволило организовать управление на новом уровне. В 1896 году утверждается положение об управлении и структуре церковных школ. Для обеспечения школ грамоты учителями был создан тип второклассных школ. При непосредственном участии владыки в губернии с 1896-1901 гг. было организовано по две второклассные школы на каждый уезд⁸. С получением материальной помощи от государства, хорошо обустроенные школы грамоты, по требованию архиерея, преобразовывались в церковно-приходские. Так на 1899-1900 уч. г. церковно-приходские по отношению к школам грамоты составили уже 57%.

Получая казенную субсидию, владыка Гурий обращал внимание и на другие стороны народного просвещения. Десяти процентный сбор с церквей, ранее назначенный на все школы епархии, архипастырь направлял на инородческое образование. Результатом этих мероприятий стал численный рост и качественное улучшение инородческих школ (мордовских, чувашских и др.). Затем преосвященный обратился к развитию женского образования. Учащихся девочек в церковных школах увеличилось на 77%. Активное участие принимал епископ Гурий в открытии Самарской церковно-учительской школы, необходимой в связи с большим количеством церковных школ и острой нехваткой учителей. За время пребывания на Самарской кафедре с 1892 – 1904 гг. владыкой Гурием было открыто более 700 церковных школ.

Таким образом, во всех направлениях церковно-школьного просвещения народа архиереи Самарской епархии принимали непосредственное активное участие. Своим примером и силой, инициаторской и организаторской способностями содействовали росту и успеху церковной школы. Общая их численность к 1 января 1901 г. возросла до 1217, что составило около 3% от общего количества церковных школ империи⁹. Конечно, такое

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

количество не могло удовлетворить потребности населения в образовательных учреждениях, тем не менее, способствовало развитию грамотности среди низших слоев населения Самарской губернии, значительная часть которого не имела никакого образования.

1. Житенев Т.Е. Церковно-приходские школы в России. 1884–1918 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2004. С. 15.

2. Архангельский Н. Извлечение из статистики церковно-приходских школ 1903 - 1907 // Самарские епархиальные ведомости 1908. № 13, часть неофиц. С. 530.

3. 1877–1891 гг. (Якунин В. История Самарской епархии в портретах ее архиереев. – Тольятти, 1999. С. 28).

4. Церковно-школьное просвещение осуществлялось главным образом двумя типами церковных школ: школ грамоты и одноклассных церковно-приходских школ. Первые открывались в тех местах, где общества не в состоянии устроить школу с благоустроенным помещением и определенным содержанием, преподавали в них, те кто получил образование во второклассных церковно-приходских школах – тип двухклассной школы с особым третьим учительским классом и общежитием. Одноклассные школы для своего открытия требовали определенных условий и подготовленных учителей в церковно-учительской школе, в которые могли поступать лучшие из выпускников второклассных школ (Матюшенский А. Церковно-приходские школы Самарской епархии за 50-т лет ее существования (1851 - 1901). - Самара, 1901. С. 15 - 17).

5. 239 школ (Матюшенский А. Ук. соч. С. 28 - 29).

6. Из истории Самарской епархии // www.orthodoxy.ru

7. Пелевина О.М. Образовательный уровень и социальное положение учителя народной школы в Самарской губернии // Платоновские чтения: Сборник научных трудов. Вып. IV. Самара, 2004. С. 160.

8. Филипов С.А. Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской православной церкви в кон. XIX - нач. XX. (по материалам Самарской епархии). Автореф. дисс... канд. ист. наук.- Самара., 2002 г. С. 16.

9. Церковные школы Самарской епархии за время 1892 - 93 // Самарские епархиальные ведомости 1902. № 23, ч. неоф. С. 1107.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ РОССИИ 1920-Х ГГ. (ПО АРХИВНЫМ
МАТЕРИАЛАМ ВОСТОЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА)

ТИМОФЕЕВ Е.А., ХАЙРУЛЛИНА А.И.

**Татарский государственный гуманитарно-педагогический
университет**

Реформирование системы высшего образования в Советской России затронуло все компоненты, входящие в такие понятия как «содержание образования», «формы и методы обучения», «социальный состав студенческого и профессорско-преподавательского состава». Нововведения коснулись всех без исключения университетов и институтов страны. Наиболее кардинальным изменениям была подвергнута система исторического образования. Исторические факультеты были ликвидированы и на их базе созданы факультеты общественных наук, где исторические дисциплины должны были занимать подчиненное положение по отношению к дисциплинам общественно-экономического цикла¹.

В Казанском государственном университете, старейшем в истории России (он был образован в 1804 г.) историко-филологический факультет прекратил свое существование в 1921г. Преемственность в изучении и преподавании исторических дисциплин была прервана вплоть до 1939 г., когда исторический факультет был вновь восстановлен. В этих условиях единственной возможностью получить высшее историческое образование могло стать поступление на словесно-историческое, а затем общественно-экономическое отделение Восточно-педагогического института (с 1934 г. – Казанский пединститут).

Изучение архивных материалов КГПУ, НА РТ, комплекса личных дел, а также опубликованных воспоминаний, позволяет уточнить и выявить основные тенденции трансформации исторического образования в системе педагогических вузов в 1920-е гг.

Профессорско-преподавательский состав. Первая связана с сохранением преемственности в преподавании исторических дисциплин и приглашением для чтения курсов профессоров и преподавателей Казанского университета. Из 8 преподавателей пятеро перешли на работу в педагогический вуз². Оказались востребованными профессор Н.Н. Фирсов, занимавшийся проблематикой социально-экономической истории России 16-19 вв., и проблемами исторических биографий императоров России и предводителей крестьянских движений. В 1920-е г. он одним из первых казанских историков начал заниматься проблемами современной истории. М.К. Корбут, автор двухтомной истории Казанского университета (1934 г.), изучал

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

проблемы революционного движения в России. Е.И. Чернышев – автор ряда работ по истории крестьянского движения. Приглашением ведущих преподавателей с университетским образованием позволило сохранить в определенной степени научный и педагогический потенциал исторической науки города в стенах педагогического института.

После преобразования словесно-исторического отделения в общественно-экономическое основные предметные блоки остаются неизменными: блок исторических дисциплин, обществоведческих и педагогических. По нашим подсчетам общий список преподававшихся исторических дисциплин составил 21 против 5 обществоведческих. Он включал курсы по истории России, всеобщей истории и истории Татарской автономной республики³. Тот или иной предмет мог преподаваться один год, а на следующий его могли исключить из списка зачетов. Причиной было то, что, во-первых, до 1927г. в педвузах не было единого учебного плана. ВПИ сам составлял свой учебный план, который в индивидуальном порядке утверждался ГУСом⁴. Во-вторых, помимо лекций, проводились семинарские занятия, на которые проводилась запись студентов. Дисциплина, которая не набирала нужного количества студентов, могла исключаться из учебного плана, а студенты автоматически переводились в группу, где существовал недобор.

Вместе с тем, целеполагающая установка на подготовку учителей обществоведения, а не учителей истории привела к тому, что центр тяжести в преподавании переносился на изучение современности и ближайших к нему эпох, как минимум до 18 в.

Кроме того перед историками ставилась задача вести курсы под углом марксистского понимания общественных явлений. Однако, как вспоминал В.И. Адо, бывший студент общественно-экономического отделения ВПИ, а затем преподаватель кафедры всеобщей истории Казанского университета, марксизм в двадцатые годы еще не очень глубоко внедрялся во все отрасли знания. У историков шла полемика по вопросам крестьянской реформы в России, по проблемам Великой Французской революции и особенно по якобинской диктатуре. Причем они далеко не всегда обращались к ленинскому наследию⁵.

Интересным источником для выявления перечня тем докладов и научных работ того периода являются зачетные книжки и карточки. Учитывая, что данная группа источников не является предметом длительного хранения, их сохранность к настоящему времени носит ограниченный характер. Нам удалось выявить около 60% зачетных книжек студентов, обучавшихся на общественно-экономическом отделении в 1920-е гг. Это помогло восстановить тематику практических работ. Их анализ свидетельствует о том, что исторические исследования в русле преподавания курсов истории занимали ведущее место в учебном процессе. Вместе с тем выяв-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ляется новая тенденция этого периода – «революционизирование» истории, когда больший удельный вес занимали темы по истории классово-борьбы или история революций. Среди преподавателей развернулась бурная дискуссия о значении исторической науки и ее месте в школьном и вузовском образовании. Диапазон точек зрения колебался от полного отрицания истории как науки и изгнания ее из университетского курса до «мужественного в тех условиях» отстаивания права истории на существование. Казанская школа методистов-обществоведов, представленная в основном преподавателями педвуза, высказывалась за фрагментарное включение исторического материала в курс обществоведения.

Абитуриенты, подававшие заявления с просьбой о приеме в институт, не догадывались о том, в какой переломный этап для судьбы исторической науки они поступают. В этой связи значимой, на наш взгляд, становится исследование проблемы мотивации выбора абитуриентами общественно-экономического отделения. Вопрос до настоящего времени не получил комплексного освещения в исторической литературе⁶, восполнить этот пробел помогают документы, отложившиеся в личных делах студентов двадцатых годов (более 400 дел). Обращаясь к содержательной стороне выбора отделения, мы выявили следующие показатели. К моменту изменения профиля отделения в 1924 г. желание получить новую специальность учителя обществоведения не являлось ведущим побуждающим мотивом. Среди абитуриентов на тот момент главным было стремление получить высшее педагогическое образование. Большинство, не имело представления о специализации обучения. К моменту образования общественно-экономического отделения лишь в 25% заявлений выявлено желание получить обществоведческую специализацию. В 1929 г. их количество увеличивается до 54,4%. Еще одна особенность. В начале двадцатых годов многие студенты связывали свое будущее обучение с желанием изучать исторические науки. Во второй половине двадцатых годов таких формулировок не встречается. Таким образом, усилия государства по подготовке проводников своей политики приносили плоды. Рабоче-крестьянский состав студенчества в известной степени был готов к восприятию новой системы ценностей в образовательной сфере.

Содержательная сторона образования свидетельствовала о том, что несмотря на статус отделения, а именно подготовка учителей обществоведения, главное внимание уделяется преподаванию исторических дисциплин, и, соответственно, отделение первоначально готовило не столько учителей-обществоведов, сколько учителей истории с обществоведческим уклоном. В тоже время читаемый курс исторических дисциплин, пока существовала старая плеяда университетских преподавателей, позволял получать студентам систематические знания по курсу истории. При всех издержках исторического образования педагогический институт оставался

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

единственной возможностью для сохранения истории как предмета и учебной дисциплины.

1. Очерки истории исторической науки в СССР. Т.1У. – М., 1966. – С.237-244.

2. Астафьев В.В., Галиуллина Д.М., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете. – Казань, 2005. – С.84.

3. НА РТ. – Ф. Р-1487. - Оп. 1 - Д.39 - Л. 151 об., 152 и др.

4. Казанский государственный педагогический институт // Ученые Записки КГПИ. Казань, 1974 .

5. Адо В.И. Вспоминая о прошлом. Записки русского интеллигента XX века. //Казань, 2000. - № 9. – С. 45.

6. См.: Васильев К.И. Очерки по истории высшего педагогического образования в РСФСР(1918-1932) – Воронеж, 1966 г., Хрусталева В.А. К истории высшего педагогического образования в РСФСР – М., 1963.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ Г. САМАРЫ В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

Штанько Ж.А.

Самарский государственный университет

В конце 20-х – начале 30-х годов в Среднем Поволжье, как и по всей стране, существовало большое количество различных литературных объединений. В Самаре основными литературными группами были: ЛОКАФ, СамАПП и ОПКП.

ЛОКАФ – литературное объединение Красной Армии и флота (филиал всесоюзного ЛОКАФа) было организовано в Самаре в 1928 году. Членами этого литературного общества были военные (красноармейцы и командиры частей Красной Армии): Ю. Кокорев, Н. Брычев, В. Дериглазов и другие. Руководителем ЛОКАФа был писатель-прозаик И.Горюнов.

Основными темами произведений литераторов ЛОКАФа были: повседневная красноармейская служба, организация быта, боевой и политической учебы, воспоминания о боевых днях гражданской войны¹.

СамАПП – Самарская ассоциация пролетарских писателей была организована в 1927 году на базе литературной организации «Слово». За основу своей работы СамАПП взяла творческую платформу РАПП.

В 1928 году ассоциация насчитывала 32 человека, в ней было создано два кружка – стихотворения и прозы. Каждый месяц проводились литера-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

турные вечера, на которых литераторы читали свои произведения, выступали с критикой и докладами.

В 1929 году в составе СамАПП было 27 литераторов (из них: 7 поэтов, 16 прозаиков, 1 драматург, 3 критика). По роду занятий этот состав разбивался так: работающих на производстве – 4, просвещенцев – 4, учащихся – 2, партийных работников – 1, комсомольских работников – 2, редакционных работников – 6, красноармейцев – 1, служащих – 6, домохозяек – 1. Женщин в ассоциации – 2. Литераторов до 23 лет – 11 человек. В правлении ассоциации было 5 членов (из них: 3 партийных, 1 комсомолец, 1 работник с производства) и 2 кандидата².

Ассоциация целиком состояла из начинающих поэтов и писателей. Из 27 литераторов в центральной прессе печаталось 7 человек, а в областной печати – 21. Председателем правления СамАПП был С. Колесниченко.

Основными темами поэтов и прозаиков были: гражданская война, строительство, учеба. Творчество прозаиков в основном состояло из небольших рассказов, очерков, фельетонов. Лишь пять литераторов работало над большими повестями. Главным сюжетом многих прозаиков была деревня. Работы самарских литераторов печатались в основном на страницах областных газет – «Средневолжский комсомолец» и «Средневолжская коммуна».

С 1929 года литераторы СамАПП принимали активное участие в создании областной ассоциации пролетарских писателей. С 16 по 18 марта 1929 года в крае проходил Первый областной съезд пролетарских писателей. На съезде была основана единая краевая ассоциация, включавшая Самару, Пензу, Ульяновск; кроме того, в нее вошли чувашская и татарская секции.

ОПКП – Общество пролетарско-колхозных писателей – получило свое название в 1930 году. Фактически оно существовало еще в 1920–е годы и называлось Обществом крестьянских писателей (ОКП). В работе ОПКП активное участие принимали Н. Морозов, В. Алферов, В. Кузьмин и др. Главными темами литераторов ОПКП были: деревня, новый быт, борьба с пережитками прошлого, а с 1930 года – коллективизация.

Самарское ОПКП подчинялось общесоюзному Обществу пролетарско-колхозных писателей³. В июне 1929 года прошел I Всероссийский съезд крестьянских писателей, на котором от имени волжан выступил А. Каспий. Председателем Всероссийского общества крестьянских писателей был избран А. Дорогойченко. 15 марта 1930 года в Самаре состоялся Съезд крестьянских писателей. В его работе приняло участие более 100 литераторов⁴. На съезде было избрано правление средневолжского отделения крестьянских писателей, а также были четко определены функции писателя. Во-первых, «писатель должен смотреть на свою работу, как на общественно-политическую деятельность, как на один из видов классовой

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

борьбы в интересах социалистического строительства»⁵; во-вторых, «участие писательских масс должно помочь краю в осуществлении задач культурной революции»⁶.

С 1930 года начал выходить журнал «Волжская новь», издававшийся до 1936 года. Оргкомитет журнала состоял из литераторов СамАПП и ОПКП. Задачей журнала было освещение вопросов культурного строительства и организация массового литературного движения в крае. Литературная программа журнала не была сформулирована. Это было главным недостатком. В числе руководителей журнала в начале 1930- годов были И.А. Вайнер и И.И. Куликов. Наиболее интересным и разнообразным по тематике и жанрам был поэтический отдел. Свои стихи и поэмы в журнале печатали М. Алтайский, А. Алдан, В. Багров, И. Булкин, Ю. Благов, М. Бритов, А. Возняк, М. Дорошин, Н. Жоголев, С. Шавлы и др.

В октябре 1931 года на страницах центральных газет «Правды» и «Комсомольской правды» были опубликованы критические статьи, посвященные деятельности РАПП⁷. РАПП критиковали за отсутствие пролетарской литературы, самокритики, а также указывалось на то, что РАПП не успевают за партийными указаниями.

8 марта 1932 года Постановлением политбюро ЦК ВКП(б) была организована комиссия (в составе Сталина, Молотова, Кагановича, Постышева, Стецкого) по рассмотрению вопросов деятельности РАПП⁸. А через полтора месяца РАПП, ВОАПП и другие литературно-художественные объединения были ликвидированы.

23 апреля 1932 года ЦК ВКП (б) принял Постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». Постановление указало на большой количественный и качественный рост литературы и искусства и отметило, что в новых условиях рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций становятся узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества⁹. В связи с этим ЦК ВКП (б) постановил: ликвидировать ассоциации пролетарских писателей (ВОАПП, РАПП); объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социальном строительстве, в единый союз советских писателей¹⁰.

20 мая 1932 года согласно Постановлению Крайкома ВКП (б) Средне-волжская ассоциация пролетарских писателей и другие литературные объединения были ликвидированы¹¹.

1. ГАСО. Ф.4263. Оп. 1. Д.1. Л.7.
2. СОГАСПИ. Ф.655. Оп.4. Д.2.Л.22-25.
3. ГАСО. Ф.4263. Оп. 1. Д.1. Л. 9.
4. Волжская коммуна. 1965. 21 февраля.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

5. Цит.: по Колесниченко С. Видеть дальше всех дорог.// Коммунист. 1929, № 6.

6. Цит. по: Соловьева Л.А. Литературное краеведение. (Материалы по истории культуры Самары XIX – XX.). Самара. 1994. С.109.

7. «Комсомольская правда». 16 октября 1931.; Там же. 24 октября. 1931.; «Правда». 19 октября. 1931.

8. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.875. Л.11.

9. «Правда». 24 апреля. 1932. С.1.

10.РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.881. Л.6.

11.ГАСО. Ф. 4263. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ САРАТОВСКИМ УНИВЕРСИТЕТОМ КРИЗИСА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (1932-1934 ГГ.)

Федотова А.Н.

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

Граница 1920 – 30-х годов XX века у исследователей, занимающихся вопросами педагогики и историей отечественной высшей школы, как правило, ассоциируется с периодом реформ, приведших к радикальным преобразованиям в образовательной системе СССР. Череда непродуманных, по большей части, экспериментов, ломка веками отлаженной схемы функционирования и традиций российских университетов привели в итоге к опасным результатам, когда само существование университета как высшего учебного заведения оказалось под вопросом.

Задача настоящей статьи – показать на примере Саратовского университета, являвшегося составной частью советской университетской системы, какие меры были предприняты для преодоления тяжелых для образования и науки последствий, насколько эффективными они были и к чему в итоге привели, основываясь преимущественно на материалах местных и центральных архивов.

К концу 1920-х годов Саратовский университет достиг значительных успехов, отстояв позиции крупнейшего высшего учебного заведения всего Нижневолжского региона. Университет включал пять факультетов, а именно: медицинский, химический, педагогический, экономический, советского строительства и права, на которых обучалось около 3,5 тысяч студентов. Коллектив научных работников насчитывал примерно 300 человек¹. Осуществлялись первые шаги по организации плановой подготовки новых научно-педагогических кадров через аспирантуру при кафедрах.

Громкий судебный процесс над представителями технической интеллигенции, так называемое «шахтинское дело», развернувшаяся вслед за

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ним кампания по искоренению из рядов сотрудников высших учебных заведений «чуждых элементов», повлекли за собой появление целого ряда постановлений руководства страны, в которых давались конкретные указания о путях и методах практического решения задач в области подготовки специалистов в условиях развернутого социалистического строительства: 11 сентября 1929 г. «Об установлении единой системы индустриально-технического образования»², 13 января 1930 г. «О подготовке технических кадров для народного хозяйства Союза ССР»³, 23 июля 1930 г. «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов»⁴.

Как следовало из доклада И.В. Сталина на собрании актива ленинградской парторганизации, «урок, вытекавший из «шахтинского дела», состоит в том, чтоб ускорить темп создания новой технической интеллигенции из представителей рабочего класса, преданных делу социализма»⁵.

Решениями пленумов ЦК ВКП(б) было намечено расширение сети узко специализированных вузов, сокращение сроков и совершенствование методов обучения в них. Массовая кампания по созданию на базе университетов новых вузов и втузов сопровождалась резким сокращением числа факультетов, передачей университетских корпусов вновь создававшимся институтам, перетасовкой профессорско-преподавательского состава и студенчества, дележом библиотечных фондов, оборудования и т.д.

Начало процессу дробления Саратовского университета положил в конце 1930 г. его старейший факультет – медицинский. 18 декабря 1930 года постановлением Президиума Нижневолжского крайисполкома медицинский факультет был выделен в самостоятельный институт⁶. Следующим стал факультет советского строительства и права, реорганизованный в самостоятельный институт постановлением от 16 апреля 1931 года⁷. Новый институт стал функционировать в составе двух факультетов – судебного и советского строительства⁸. В ноябре 1931 года вышел приказ Народного комиссариата просвещения РСФСР о реорганизации экономического и педагогического факультетов университета в самостоятельные финансово-экономический и педагогический институты⁹.

Таким образом, всего на базе выделенных из университета четырех факультетов были созданы восемь самостоятельных институтов: медицинский, педагогический, советского права, советского строительства, финансово-экономический, планово-экономический, технологический, кооперативный и научно-исследовательский Институт краеведения¹⁰.

Осуществление ряда досрочных выпусков в соответствии с директивными указаниями в известной мере удовлетворило острую нужду Нижневолжского края во врачах, педагогах, экономистах и юристах, но необходимо затронуть и обратную сторону процесса, трудности, с которыми столкнулся Саратовский университет и отпочковавшиеся от него вузы.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Наиболее остро ощущался кризис с профессорско-преподавательскими кадрами. По словам директора СГУ профессора С.З. Каценбогена, к преподаванию было привлечено «все мало-мальски пригодное»¹¹, а уровень профессиональной научной квалификации зачастую не соответствовал требованиям, предъявляемым к сотрудникам высшей школы. Такая «скудость штатов»¹² при открытии ряда новых вузов породила массовое совместительство. Затруднения возникли также с организацией учебного процесса и поиском рациональных форм обучения.

Неблагополучное положение университетов сразу же отразилось на всей системе высшего образования, на развитии отечественной науки. Это вскоре начали осознавать в руководстве страны и партии. Наибольшее значение для выхода науки из кризиса сыграло постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 года «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах»¹³, в котором указывалось, что внедрение новой техники в советскую промышленность, транспорт, сельское хозяйство и рост народнохозяйственных задач предъявляют повышенные требования к теоретическому уровню советских специалистов. Исходя из этого, был утвержден комплекс мероприятий, касавшихся учебных планов и программ, организации непрерывной производственной практики, методов преподавания, комплектования учебных заведений, подготовки научных кадров, режима учебной работы и руководства высшим образованием в СССР.

Вместе с тем, ЦИК СССР подтвердил существенную роль университетов в системе высшей школы и потребовал «укрепить существующие университеты, как учебные заведения, готовящие высококвалифицированных специалистов по общенаучным дисциплинам, а также педагогов...»¹⁴.

Принятие второго пятилетнего плана экономического и социального развития СССР совпало с началом нового этапа в развитии Саратовского университета, связанного с осуществлением на практике постановления «Об учебных программах...».

Комплектование первого курса университета, осуществлявшееся в соответствии с новыми требованиями, проводилось без испытаний, на основе просмотра документов и отбора приемной комиссией. Всем принятым был назначен месячный испытательный стаж, а после трех месяцев пребывания в стенах университета они были зачислены студентами. Около 80% кандидатов, пополнивших число студентов вуза, имело законченное среднее образование, но в целом прием 1932 года обнаружил свою неспособность к прослушиванию университетского курса, ибо фактическая подготовка в особенности по русскому языку, математике и физике была недостаточна¹⁵.

В период испытательного стажа и в последующие месяцы произошел значительный отсев студентов, переход их во втузы. За 1932/33 учебный год количество студентов сократилось на 179 человек¹⁶. Основной причи-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ной, помимо слабой подготовки, явилась и недостаточная материальная обеспеченность студентов. Дирекция Саратовского университета и общественные организации предприняли ряд мер, призванных сократить количество неуспевающих. Остро нуждавшимся и наиболее социально ценным студентам оказывалась материальная поддержка из кассы взаимопомощи. Слабо подготовленным в порядке общественной работы организовывалось содействие в виде дополнительных занятий силами лучших студентов, аспирантов и научных работников. Проводились факультетские и курсовые разъяснительные собрания. Одной из разновидностей материальной помощи студентам стал отпуск бесплатных обедов из столовой СГУ. По сравнению с получаемой стипендией (в 1932/33 учебном году размеры стипендий колебались, в зависимости от успеваемости, от 55 до 190 рублей в месяц¹⁷), стоимость обеда из двух блюд – 95 копеек¹⁸ – была высока, а их качество оставляло желать лучшего. Дороговизна объяснялась тем, что продуктов, получавшихся столовой в плановом порядке, хронически не хватало, в связи с чем и приходилось восполнять недостаток продуктами с рынка. В 1932/33 учебном году студенческий рацион в среднем состоял из: хлеба – 500 г.; сахара – 400 г.; рыбы – 400 г.; пшеница – 500 г.¹⁹

Таким образом, помощь неуспевающим студентам оказывалась не только по линии учебы, но и через социально-бытовой сектор.

1. См.: Архив СГУ. Д. 20. Л. 5; Саратовский университет. 1909 – 1959. Саратов, 1959. С. 38.

2. См.: Высшая школа СССР за 50 лет. (1917 – 1967) / Под ред. проф. В.П. Елютина. М., 1967. С. 32.

3. См.: Собрание Законов Союза ССР (далее – СЗ). 1930. № 6. Ст. 65.

4. См.: СЗ. 1930. № 38. Ст. 411.

5. См.: Сталин И.В. Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 215.

6. См.: Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 303а. Л. 1; Культурное строительство в Саратовском Поволжье: Документы и материалы. Саратов, 1988. Ч. II: 1928 – 1945 гг. С. 145 – 146.

7. См.: ГАСО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 221. Л. 229об.; Культурное строительство... Ч. II. С. 146.

8. Институт советского строительства был ликвидирован в мае 1937 года, студентов перевели в Московский институт советского строительства. Институт советского права в конце 1936 года стал называться юридическим институтом.

9. См.: Культурное строительство... Ч. II. С. 147.

10. См.: Саратовский университет. 1909 – 1959... С. 38.

11. См.: Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 15. Д. 109. Л. 1.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

12.См.: Там же.

13.См.: СЗ. 1932. № 68. Ст. 408; Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917 – 1947 гг. М., 1947. Вып. II. С. 77 – 86.

14.См.: СЗ. 1932. № 68. Ст. 408; Директивы ВКП(б) и постановления... Вып. II. С. 77 – 86.

15.См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 3503. Л. 56.

16.См.: ГАСО. Ф. 461. Оп. 2. Д. 333. Л. 1; Культурное строительство... Ч. II. С. 159.

17.См.: Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее ЦДНИСО). Ф. 35. Оп. 1. Д. 119. Л. 56.

18.См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 3503. Л. 58.

19.См.: Там же. Л. 56, 57.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНТА 20-Х ГОДОВ (НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Гайнутдинова Л., Шамгунова А.

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

Восточно-педагогический институт начал функционировать с осени 1922 года. В его составе было четыре отделения: словесно-историческое, физико-математическое, биолого-географическое и восточное. В 1924-1925 учебном году в связи с изменением профиля отделений их становится пять¹. Основное изменение касалось структуры исторического образования. После закрытия исторических факультетов открываются общественно-экономические факультеты или отделения, перед которыми ставилась задача «подготовка политически грамотных, владеющих марксистско-ленинской методологией специалистов»². В соответствии с этим усиливается внимание к отбору поступающих лиц на общественно-экономическое отделение.

Сведения о количественном и качественном составе студентов общественно-экономического отделения, как правило, приводятся в обобщающих статистических данных по всему университету. Однако более полная информация содержится в личных делах студентов за 1922-32 гг. Она позволяет выявить первоначальные данные и систематизировать их по следующим параметрам: демографические показатели (год и место рождения, пол, национальность, возраст, семейное положение), социально-политический блок (социальное происхождение, партийность, общественная ра-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

бота, членство в профсоюзе). Особый интерес может представлять наличие данных о довузовском образовании, об отношении к воинской службе, материальное положение и т.д. При анализе личных дел необходимо учитывать, что не все дела имеют полный набор документов, так как часть студентов, будучи зачисленными, не приступили к занятиям или были отчислены после одного или нескольких лет обучения. Исходя из этого, целесообразно рассматривать все дела на момент поступления.

На общественно-экономическое отделение приходилось наибольшее количество учащихся ВПИ³. По сохранившейся описи за 1922-32 гг. представлено 459 личных дел. Фактически изучено и обработке поддается 440.

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. На общественно-экономическом отделении мужчины составляли в среднем 60% из общего количества учащихся. Соответственно на долю женщин приходилось 40% учащихся. Из выявленных данных видно, что преобладание количества женщин на общественно-экономическом отделении приходится на 1926 год и составляет 35 человек, из 63 вновь зачисленных (55,5%). Но постепенно количество женщин сокращалось, и в 1929 году их численность составила 14 человек. Как видно из личных дел студенток их количество сокращалось по нескольким причинам: различные болезни, беременность, исключение за неуспеваемость, из-за социального происхождения.

Просматривая дела студентов 20-х годов, мы заметили явное их возрастное отличие от студентов нынешнего времени. Пользуясь графой «год рождения» из анкеты или опросных листов, заполняемых студентами при поступлении и датой их поступления в ВПИ, мы выявили средний возраст студента-первокурсника 20-х годов. Средний возраста студента был от 22 до 23 лет. Имели место случаи, когда возраст студента превышал 30 летнюю отметку. Это было характерно как для мужчин, так и для женщин. Мужчины чаще всего поступали после службы в рядах Красной Армии (13%). Среди них преподаватель 6-й объединенной школы им.Татцика Скворцов Александр Андреевич (дело №356), Смоллов Сергей Николаевич (дело №358), член ВКП(б) Бакулов А.И. (дело №41), Макаренко С.И. (дело №246). У женщин это можно объяснить, тем фактором, что в послереволюционные годы быстро меняется социальный статус женщины и отношение к ней. Советская власть решала задачу раскрепощения женщин, привлечения их к строительству нового общества.

Большинство студентов поступало в институт, имея за плечами стаж практической работы и будучи командированными из этих организаций. 33% студентов состояли в комсомоле, 20% в профсоюзе. Примерами могут служить: дело № 42 Баландиной Елизаветы Михайловны, которая до поступления в вуз работала в органах школьного самоуправления, являлась завполитпросветом в совхозе и была командирована Аттестационной комис-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

сией при Наркомпросе ТАССР. Дело № 52 Бересниковой Алевтины Прокопьевны, работавшей секретарем ячейки ВЛКСМ, а также председателем школьной комиссии и членом учкома. Не менее интересным является и дело № 200 Козыревой Надежды Евгеньевны, которая являлась председателем Ученического Совета показательной школы при ВПИ и командированной Татглавпрофобром и дело №207 Косточка Яна Григорьевича, который был работником органов ОГПУ и командированный Главпрофобром ТАССР.

Около 7% студентов занимались партийной работой. Среди них: член ВКП(б) Торгаев К.И. – дело №384, Калинин Александр Васильевич (дело №175) – член РКП(б).

Желание получить образование, стать специалистом и быть полезным своей Родине была так огромна, что людей не пугало даже расстояние, и они уезжали за много километров от дома. В 20-30-е годы ВПИ обслуживал Татарскую, Башкирскую, Казахскую, Чувашскую автономные области⁴. Он был институтом, который готовил педагогические кадры для регионов Поволжья. 55% поступивших в ВПИ на общественно-экономическое отделение были из Казани или Казанской губернии. Количество приезжих студентов достигало 45%. На г.Казань приходится 33%, а на районы и другие города республики 22%. Лидерами соседних регионов являлись ЧАССР (29,6%), Ульяновская (14,8%), Пензенская (6%), Вятская (6%) губернии, АБССР (8,1%). На Самарскую губернию приходилось 3,3% поступающих⁵.

В связи с тем, что в вузе обучались студенты из разных областей и были представители разных национальностей, то можно сказать, что национальный состав общественно-экономического отделения был достаточно пестрым. По личным делам мы выяснили, что на протяжении всех лет большинство составляли русские -54%. Их было в 3 раза больше среди поступивших. Татары составляли – 18%, чуваша – 8%, мари – 2%, мордва – 2%, евреи – 7,5%. Малочисленность представителей татарской национальности на данном отделении объясняется слабым владением русским языком и возникающими в связи с этим трудностями обучения. Политика «коренизации кадров» привела к увеличению их численности. Максимальное количество татар приходится на 1929 год-29%, а в 1922 их было всего 10%. Встречаются дела, где в графе «национальность» студенты написали «татарин-тептерьяк» – 1 человек, «караимка» – 1, «кряшены» – 5. Упоминание этих национальностей относится и к переписи 1926г. Больше никогда и нигде они не упоминались. В связи с образованием в 20-х годах автономных республик и областей народов Поволжья резко возросла потребность в учительских кадрах для обучения детей в национальных школах. Особенно это было ощутимо в школах ведущих обучение на татарском, чувашском, марийском и удмуртском языках. Постепенно увеличивалось

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

количество студентов и этих национальностей: максимальное количество татар приходится на 1929 год - 29%, а в 1922 было 10%; чуваша минимальное количество в 1923 – 7%, а максимальное в 1926 году – 22%.

В соответствии с проводимой властями политикой пролетаризации и ликвидации безграмотности, прием в вуз носил ярко выраженный классовый характер. По социальному происхождению в период с 1922 по 1930 год выходцы из крестьян – 63%, рабочих – 13%, служащих – 14% и др. Можно проследить динамику поступления детей рабочих за все годы (1922-1930): в 1922 – 5,5%, в 1924 – 50%; крестьян – в 1922 наименьшее за все годы – 3%, а в 1924 наибольшее – 34%; служащие – в 1922 минимальное количество поступивших – 3%, на 1926 приходится пик – 41%. На отделении обучались выходцы из мещан (примером может служить дело №227 Левина Рувима Абрамовича), сын статского советника – Адо Василий Иванович, который не только доучился, но и стал ведущим преподавателем Казанского Государственного Университета, бывший белый офицер (дело №210) – Краснов Петр Ильич (дело № 210), который был отчислен из института в результате «чистки». Поэтому можно сделать вывод, что жизнь вносила свои коррективы и классовый принцип не всегда выдерживался.

Помимо документов формулярного типа в большинстве личных дел содержатся заявления, справки, удостоверения, которые позволяют нам составить общую картину жизни студентов 1922- 1932 гг., в каких нелегких бытовых условиях они жили, работали и учились.

На пути своего профессионального становления студентам приходилось нелегко. Материальное положение студентов тех лет было бедственным, в некоторых случаях даже «кричащим» как это описывает один из студентов Аристов Григорий Андрианович (дело №26). Он пишет, что «приходят даже мысли о самоубийстве» так как стипендии он не получает, голодает, помощи от кого-либо не получает. Некоторые студенты, для того чтобы прожить устраивались на работу или подавали заявления в стипендиальную комиссию с просьбой предоставить им стипендию, ссылаясь на бедственное материальное положение, «отсутствия средств существования извне». Этот документ можно сравнить лишь с нынешним заявлением студента на оказание материальной помощи.

Студентов, подававших заявление на стипендию можно разделить на группы:

1) это те, у кого находятся на иждивении родственники и имеющих средства не хватает на их содержание (самая малочисленная группа);

2) те, которые работали до поступления в ВУЗ, а с началом учебы были вынуждены бросить работу из-за нехватки времени

3) те, которые учились до поступления в ВУЗ, никогда не жили самостоятельно и находятся на иждивении у родственников (самая многочисленная группа).

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Для того, чтобы добиться стипендии студенты собирали справки, удостоверяющие их имущественное и социальное положения, заполняли анкеты т.к. назначение стипендии осуществлялось строго по классовому принципу. Примером может служить удостоверение, данное гражданину деревни Карк –Сирмы Красно-Четаевского района Ямскову Р.П., что он по имущественному положению принадлежит к семье бедняков и имеет следующее имущество: дом, сарай, лачуга, конюшня, амбар, лошадь 2-х летняя, 3 овцы. Хозяйство от сельскохозяйственного налога освобождено (дело №457).

Имеются справки о том, что у студентов общественно-экономического отделения ВПИ находятся на иждивении родственники или что они состоят на учете безработных. Среди них школьный работник Аргандейкин Спиридон Егорович, который предоставил справку подтверждающую, что у него на иждивении находится 2 человека семьи: жена и ребенок (дело №25). Адамушко Иван Дорофеевич предоставил справку в стипендиальную комиссию ВПИ, что он находится на учете безработных членом Союза работников (дело №8).

На основе постановления СНК РСФСР «О государственных и частных стипендиях для студентов» от 26 мая 1922 года Стипендиальная комиссия утверждала поданные заявления. В первую очередь стипендию получали перешедшие в вуз с рабфака, командированные партийными и профсоюзными организациями, преимущественно представители рабочих и трудовых крестьян. За ними шли материально нуждающиеся. Претендент на стипендию должен был заполнить особую анкету, выясняющую его социальное происхождение и положение, отношение к Советской власти. Таким образом, стипендиальное обеспечение студентов служило важным орудием классовой политики Советской власти и призвано было способствовать ее пролетаризации⁶.

Студенты, которые прибыли из других регионов страны, во многих случаях из-за тяжелого материального положения не имели денег для обратного проезда. Они писали заявления в правление ВПИ с просьбой о предоставлении отпуска с льготным или бесплатным проездом. Такого рода заявлений наибольшее количество. Примером может послужить заявление студентки Шейниной Фаины Львовны, в котором она просит дать отпуск с правом бесплатного проезда до г. Смоленска в виду того, что она стипендии не получает, а другой возможности уехать не имеет (дело №443).

Такого вида документы мы уже не можем встретить сейчас, в этом их уникальность.

Помимо заявлений на отпуск с литером присутствуют в делах заявления с просьбой предоставить отпуск по болезни (меньше всего в делах) и отпуск в каникулярное время.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Отложившиеся в личных делах документы позволяют выявить уровень довузовской подготовки студентов. Большинство студентов поступало, закончив школы II ступени – 43,1%, но максимальное количество поступивших из школ такого типа приходилось на 1927 год – 54% от всех поступивших в этом году. Доля студентов, поступивших окончив рабфак⁷ составила – 5,7%, за период 1922-1932. Преобладание рабфакцев приходится на 1925 год – 23%, такой процент выпускников рабфака может быть объяснен тем обстоятельством, что его окончание давало право на поступление в ВУЗ без предварительного конкурса (постановление СНК от 19.02.1924). Также мы выяснили, что количество поступивших окончившие средне специальные образовательные учреждения (педтехникумы) составляет – 18,8% (наибольшее количество поступающих приходится на 1926 год – 25% от всего числа), гимназии – 9,7% (максимальное количество в 1927год – 15,3% от всего числа), учительские семинарии – 3,6%, реальные училища 1%, с самообразованием – 1%, нет такого рода данных у 11,2% студентов.

Таким образом, состав студентов общественно-экономического отделения ВПИ в целом отражал социальную структуру советского общества. Это были преимущественно выходцы из крестьянской среды, мужчины, 22-23 лет, отслужившие в армии или имеющие стаж педагогической работы. Партийная прослойка среди студентов была незначительной, всего 7%, в то же время комсомольцем был каждый третий студент, членом профсоюза - каждый пятый. Для этого отделения был характерен высокий процент занимающихся общественной работой до поступления в институт и наличие рекомендаций от соответствующей организации. Только каждый третий студент был из г. Казани. При этом один из пяти имел среднее специальное педагогическое образование. Материальное положение студенчества было крайне тяжелым. Однако власть предполагала оказание им соответствующей материальной поддержки в виде стипендий, льготных поездок и вне очередных отпусков. Однако помощь оказывалась по классовому принципу и иногда даже не могла охватить в полной мере даже пролетарскую массу студенчества.

1. Ученые записки КГПИ. - Казань, 1974. С. 60
2. Там же. С.65
3. Культурная революция в Татарии. – Казань, 1976. С. 273.
4. См.: Мустафин М.Р., Хузеев Р.Г. Все о Татарстане (экономико-географический справочник). – Казань, 1994. С.164.
5. В 1926 г. на отделение поступила Маркова Елизавета Федоровна, 1904 г.р. окончившая в 1924 г. промышленно-экономический техникум в Самаре; в 1926 г. на отделении обучалась Степанова Павла Сергеевна, 1903 г.р., несколько лет учительствовала в школе II ступени Бузулукского

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

уезда. В 1928 г. в число студентов был зачислен Трифонов Кирилл Иванович, 1901 г.р. ,обучался в школе взрослых II ступени г. Самары.

6. Чанбасиров Ш.Х. Формирование советской университетской системы (1917-1938). – Уфа,1973. С.223.

7. Постановлением Наркомпроса от 11 сентября 1919 года «Об организации рабочих факультетов при университетах» в целях предоставления рабочим и крестьянам возможности поступления в вузы открывались рабфаки. Этим постановлением Советское правительство решало две задачи: первое- подготовка пролетарских масс к занятиям в стенах высшей школе, и второе - пролетаризация студенческих масс.

ВНЕВУЗОВСКАЯ РАБОТА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА САМАРСКИХ СТУДЕНТОВ В 1920-Е ГГ.

Аполосова Н.Ю.

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

20-е годы XX века – это важный период в истории самарского студенчества. В это время происходит становление самарских вузов, учебного процесса, внутреннего распорядка их работы, а также организационное оформление студенчества в профсекции. Особая страница в изучении этого вопроса принадлежит новым формам быта и досуга, отвечающим неповторимому социально-психологическому стилю жизни двадцатых годов.

10 августа 1918 года Комитет членов Всероссийского учредительного собрания издает приказ № 216 о преобразовании Педагогического института «в Самарский университет, со всеми правами и преимуществами, Российским университетам присвоенными...и с предоставлением новому университету права открывать, по мере возможности, такие факультеты и отделения, какие будут вызываться необходимостями местной жизни [1].

Сразу же после открытия в университете развернулась большая научно-исследовательская работа студентов и преподавателей, возникли общества истории, литературы, этнологии, геологии и т.п. Инициаторами общества археологии, истории и этнографии были такие крупные ученые, как профессор В.В. Гольметен, профессор П.А. Преображенский. Это общество главное внимание уделяло краеведческой работе [13].

Пребывание в рамках учебного заведения является для студента особой формой повседневности, которая не исчерпывается только получением образования.

Разумеется, что жизнь самарского студенчества 20-х годов XX века не ограничивалась только лекциями и научной работой. Руководство вуза,

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

студенческие профсоюзные организации строго следили за вневузовской работой и организацией досуга учащихся, стараясь как можно больше их разнообразить.

Создаются Политпросвет и Культотдел, которые отвечали за организацию досуга студенчества. Работали драматический, хоровой, спортивные кружки. В 1919 году был открыт курс по истории европейской музыки. После занятий, зачастую голодные, спешили в кружки, ставили спектакли. «Приходилось работать при фунте хлеба с водой и вдобавок в холодном и дымном помещении. Паровое отопление было попорчено, и здание отапливалось железными печами, но и при таких условиях клубная работа велась» - писала газета «Коммуна» 17 января 1923 года.

Проводилась организация общественно-полезной работы в техникумах и вузах. Студенты педтехникумов использовались в клубной работе для организации докладов, бесед, руководства кружками, библиотеками, редколлегиями; учащиеся сельскохозяйственного вуза и техникума участвовали в работе по агропропаганде в домах крестьянина. Было необходимым использование студенчества музыкальных курсов в качестве руководителей кружков: хоровых, драматических, музыкальных. Одним из видов общественной работы следует считать организацию для рабочих концертов и спектаклей. Кроме того, независимо от учебного заведения, студенчество могло быть использовано на обследовательской работе, проводимой профорганизациями по соответствующей специальности [8]. Прикрепление студентов проводилось исключительно на добровольных началах.

Еще в 1919 году при Самарском университете был оборудован студенческий клуб-читальня [7], работали «Красные уголки», где помещались читальни, велись занятия профкружков, заседания Политпросвета, спевки хорового и драматических кружков. Выписывались такие периодические издания, как «Правда», «Известия», «Коммуна», «Прожектор», «Красная молодежь» [4]. Однако здесь возникали некоторые трудности: читальня Красного уголка посещалась студентами крайне слабо, развить работу Красного уголка было трудно за отсутствием культфонда, что тормозило регулярную покупку книг и периодических изданий [6]. Работы учащихся (картограммы, плакаты, рабочие чертежи, рисунки) принимали участие в выставках Отдела Народного Образования [2].

Были у студентов проблемы и другого характера, которые накладывали свой отпечаток на проведение их досуга. Связано это было с теми условиями, в которых жили сами студенты. «Средне-волжская Коммуна» от 11 октября 1928 года писала: «...Ребята живут в невыносимых условиях... Среди ребят появились признаки развращенности. К общественной работе ребята относятся пассивно. Досуг они свой проводят так: у кого есть обувь – бродят по улицам, другие постоянно сидят дома. Изредка, проголодав день-другой, скопят денег и сходят в кино».

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Но, тем не менее, студенты принимали активное участие в ликвидации неграмотности, проводя различные семинары и лекции среди населения. Указывалось на то, что «конкретными показателями результатов общественно-политической работы с обучающимися являются их активность в общественно-политической работе, а также содержание и характер вопросов, задаваемых в процессе собрания, беседы, выступлений в прениях и в частной беседе. Каждое занятие должно быть насквозь пропитано политической работой с неграмотными и малограмотными, в целях поднятия уровня знаний таковых и их воспитания в коммунистическом духе»[12].

Большая помощь оказывалась детям-беспризорникам. Принято шефство над детприемником. Оно выразилось в работе с девочками рукоделием, также проводилась ликвидация неграмотности, активное участие студенты принимали в сборе вещей и продуктов в неделю беспризорного ребенка [3]. Кроме того, студенты проводили кружечные и газетные сборы в помощь голодающим [9]. Имели место работы с подшефными волостями: студенты выезжали в населенные пункты Самарской губернии с лекциями и докладами – читались лекции для допризывников (гигиена личная, казарменная, знакомство с бактериями), доклады общей направленности («Работница и крестьянка», «Знахарство и медицина», «Женские болезни» и пр.) [5].

Важное место занимала кафедра по изучению ленинизма. На общих собраниях студентов затрагивались такие вопросы, как значение 8 марта, международное положение СССР и пр.

Студенческая жизнь 20-х годов XX века проходила в трудных условиях гражданской войны. Сотни студентов-медиков университета были мобилизованы на фронт, оставшиеся в Самаре вели борьбу с эпидемиями в составе образованной в ноябре 1919 года при университете Чрезвычайной санитарной комиссии [14].

Вневузовская работа и досуг самарских студентов в 20-е годы XX века отличались крайне тяжелыми жизненными условиями, связанными с гражданской войной и голодом 1921 – 1922 гг., что, несомненно, наложило свой отпечаток на всю их повседневную жизнь.

1. Государственный архив Самарской области (далее - ГАСО). Ф. 28. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

2. ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 160. Л. 30.

3. ГАСО. Ф. 28. Оп. 4. Д. 18. Л. 6.

4. ГАСО. Ф. 28. Оп. 4. Д. 18. Л. 6 – 7.

5. ГАСО. Ф. 28. Оп. 4. Д. 18. Л. 8.

6. ГАСО. Ф. 28. Оп. 4. Д. 18. Л. 19.

7. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 148. Л. 19.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

8. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2035. Л. 144об – 145.
9. Коммуна. 25 декабря 1921 г.
10. Коммуна. 17 января 1932 г.
11. Средне-Волжская Коммуна. 11 октября 1928 г.
12. Орлов Ф.Г. Политическая работа среди взрослых учащихся неграмотных и малограмотных // Просвещение Среднего Поволжья. 1929 г. № 1. С. 19.
13. История Куйбышевской области (1917 – 1980). Под ред. проф. В.В. Рябова, Л.В. Храмкова. Изд-во Саратовского университета. 1981. С. 48.
14. Самарский государственный университет. 25 лет возрождения. Самара: «Самарский университет», 1994. С. 11.

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1920-Х ГОДОВ

Изюмова Ю.А.

Самарский государственный университет

Отечественная историография проблем науки и интеллигенции в первые годы советской власти достаточно обширна¹. Тем не менее, изучение общественной мысли научной интеллигенции в этот период сводится к политическим аспектам: принятию-непринятию советской власти, сменам ховству и проч. С 1990-х годов стали появляться содержательные монографии по оппозиционным движениям, сектантству, религиозным кружкам, отдельным оригинальным фигурам в общественной мысли. Однако и традиционная тема «участия интеллигенции в социалистическом строительстве» должна быть пересмотрена с современных методологических позиций. В рамках культурологической концепции футурологические представления в СССР проанализированы в некоторых работах зарубежных историков². Нам представляется важным исследовать роль научной интеллигенции в формировании официальной идеологии и мифологии советского государства.

Научная интеллигенция в 1920-е годы была неоднородна как по социальному составу, так и по политическим взглядам. В социальном отношении основу научной интеллигенции составляли кадры научных работников, чья научная карьера и мировоззрение сложились до революции. Другая часть научной интеллигенции состояла из представителей большевистской интеллигенции, которые стали претендовать на научность своих взглядов после только после революции. Насильственное включение представителей этой группы в интеллектуальную элиту страны отчетливо видно на примере расширенных выборов в АН СССР в 1928 и последующих

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

годах, когда членами Академии стали А. Деборин, Н. Бухарин, А. Луначарский и другие. Также как часть научной интеллигенции следует рассматривать студенчество, в социальном отношении содержащее большой процент рабочих и крестьян и начавшее пополнять ряды научных работников уже с конца 1920-х годов.

Экономическое и социальное положение научной интеллигенции в советском обществе стабилизировалось в годы нэпа, когда она была призвана участвовать в социалистическом строительстве. Однако ее возможности высказывать свои общественные взгляды были скованы советской цензурой. Репрессии против альтернативных политических и общественных движений, высылка их идеологов, а также ученых, принципиально не приемлющих советский режим, лишили страну наиболее заметной части интеллектуальной элиты. Возможности для обсуждения в печати своих общественных взглядов получили те представители научной интеллигенции, позиция которых не противоречила официальной советской идеологии.

Часть научной интеллигенции сочувственно приняла советскую власть и увидела в ней возможность для реализации собственных масштабных научных проектов. Именно в этой среде в 1920-е годы возник целый комплекс футурологических идей об идеальном обществе постреволюционной России. Это были, во-первых, проекты создания «нового человека», в которых абсолютное значение придается методам внешнего воздействия на поведение и внутренний мир личности. Во-вторых, существовали идеи изменения биологической природы человека, созданные в рамках евгеники, теорий бессмертия и учения о физическом воскрешении умерших.

Научной основой для проектов регулирования поведения человека путем внешних воздействий стали открытия И. Павлова, исследования В. Бехтерева, А. Ухтомского и других отечественных физиологов, а также данные рефлексологической психологии начала XX века, сформулировавшей тезис об определяющем влиянии на человека заданных стимулов или влияния среды.

Создание «нового человека» декларировалось властью как одна из задач социалистического строительства³. Для формирования коммунистических «условных рефлексов» были необходимы новые поведенческие стереотипы, доминанты (А. Ухтомский) или «установки» (А. Гастев). Разработчиком целого кодекса норм коммунистической морали стал педолог, психолог А.Б. Залкинд⁴. Его «заповеди» принципиально противоречили новозаветным, были основаны на отрицании абсолютной нравственности, полном подчинении частного интереса коллективному началу, и были призваны регулировать все стороны общественной и личной жизни человека.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Взгляды Залкинда разделяли Ем. Ярославский, Е. Преображенский и другие партийные лидеры.

На базе новой для 1920-х годов дисциплины «научной организации труда» были созданы футурологические проекты А. Гастева и П. Керженцева⁵. Кроме НОТ, их связывало революционное прошлое в рядах РКП(б) и пролеткультовское движение. Идеальное общество они представляли себе как фабрику, с четкой организацией всех процессов жизнедеятельности и ритмичными, экономными движениями всех трудящихся. Абсолютная ценность организации, идеал «часов», механизма, нерушимого порядка, были для них своеобразной защитой против хаоса войн, революционных потрясений и голода, который России пришлось пережить.

В отличие от профессиональных революционеров Гастева и Керженцева, подлинными учеными с дореволюционной научной репутацией иначе представляли себе идеальное общество будущего. Биологам, генетикам Н.К. Кольцову и Ю.А. Филипченко оно виделось состоящим из интеллектуалов, из людей, способных к постоянному умственному развитию⁶. В качестве метода создания такого общества они предлагали государству проводить евгеническую политику, регулирующую браки и деторождение. Евгенические исследования проводились членами Русского евгенического общества, пользовавшегося поддержкой наркома здравоохранения Н.А. Семашко.

Неотъемлемой частью футурологических представлений научной интеллигенции 1920-х годов была мечта о покорении природы, в частности, биологической природы человека. Некоторые биологи (А.И. Опарин, Б.М. Завадовский) постулировали принципиальное единство живой и неживой природы. Это означало, что живое от мертвого отличает лишь специфическая комбинация одних и тех же элементов⁷. Данный тезис стал основой для широко популярных в 1920-е годы идей омоложения, бессмертия и воскрешения из мертвых. Успехи медицины в области продления жизни изолированных тканей (Н. Кравков), переливания крови (А. Богданов) и так далее породили в обывательском сознании миф о возможности физического бессмертия. Возвращение молодости, бессмертие и, возможно, даже рождение в лабораторных условиях – эти темы активно обсуждались на страницах печати 1920-х годов и являлись элементами представлений об идеальном человеке⁸.

Победа над смертью и физическое воскрешение умерших были ядром философии Н. Федорова, которая в 1920-е годы имела своих последователей, в том числе среди высших партийных и государственных чинов. Так, некоторые исследователи считают мумификацию тела Ленина попыткой сохранить его до тех пор, когда наука сможет проводить «воскрешения»⁹.

В социальных проектах изобретателя К.Э. Циолковского¹⁰ отразились многие футурологические идеи научной интеллигенции 1920-х годов. В

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

частности, в них нашли отражение представление о человеке как о «живом механизме», основанная на атомистическом представлении о человеке вера в его бессмертие, евгенические предложения по улучшению человеческого рода, а также требование регуляции и контроля всех сфер жизни человека. Как создатели педологических утопий о «новом человеке», Циолковский считал главным принципом, регулирующим отношения в обществе, целесообразность и полезность, отдавая приоритет коллективному началу.

Идея межпланетных путешествий занимала вспомогательное место в философии Циолковского и первоначально имела оттенок технократической религиозности: человек, осваивая небо, доказывал безграничность своих возможностей в постижении мира и не нуждался в Боге. Идея межпланетных сообщений получила отдельную жизнь и, уже без религиозного компонента, была востребована в ракетостроении 1920-30-х годов, а также в теоретической советской космонавтике.

Проекты идеального общества, созданные в среде научной интеллигенции, опирались, с одной стороны, на современные достижения физиологии, психологии, генетики. Данные этих дисциплин активно входили в научный оборот и за рубежом, о чем свидетельствует развитие бихевиоризма в американской психологии, распространение тейлоризма, мировое евгеническое движение, активные работы по ракетостроению в Германии и так далее. С другой стороны, распространяя выводы естественных наук на человека и социальный организм, в методологическом отношении авторы футурологических проектов следовали устаревшей позитивистской парадигме науки XIX века. Кроме того, все рассмотренные нами футурологические проекты претендовали на религиозное значение и представляли собой квазирелигиозные учения. Тем самым их авторы противоречили самому духу науки, к которой апеллировали.

Анализ футурологических проектов 1920-х годов показал непротиворечивость социальных идеалов упомянутых представителей научной интеллигенции и правящей партии. Взгляды социалистов и авторов футурологических проектов имеют общие истоки в сциентизме и позитивизме, которые нашли свое отражение как в сочинениях XVIII и XIX веков (Ш. Фурье, Ж. Ламетри, «Диалектике природы» Ф. Энгельса), так и в футурологических проектах 1920-х годов. Отметим, что общественные взгляды большинства авторов (Н. Кольцова, Ю. Филипченко, А. Залкинда, К.Э. Циолковского и других) сформировались до 1917 года и представляли собой часть радикальной мысли конца XIX – начала XX века.

Футурологические проекты научной интеллигенции в 1920-е годы пользовались государственной поддержкой и пониманием со стороны партийной элиты. Некоторые институты и научные общества находились в организационной связи с государственными структурами, как, например, учреждения НОТ и наркомат РКИ¹¹, Русское евгеническое общество и нар-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

комат здравоохранения¹². Чиновники самых высоких рангов (наркомы РКИ В. Куйбышев, здравоохранения Н. Семашко, просвещения А. Луначарский) участвовали в их деятельности, являясь членами президиумов или просто почетными членами обществ. Политическая лояльность со стороны научной интеллигенции обеспечивала ей финансирование и возможность заниматься как научными исследованиями, так и общественной деятельностью.

В 1920-е годы также имело место идейное взаимопонимание многих представителей партийной элиты и научной интеллигенции. Личное знакомство и общие футурологические представления связывали, например, Н. Семашко и Н. Кольцова, руководителя Института переливания крови А. Богданова и А. Залкинда, руководителя Центрального института труда А. Гастева и его сотрудников – последователей философии Н. Федорова – Н. Сетницкого, В. Муравьева. Свой вклад в педологическую концепцию «нового человека» внесли А. Луначарский, Н. Крупская, Н. Бухарин. На едином идейном поле научной организации труда сформировались взгляды А. Гастева и руководителя Всеобуча Н. Подвойского, развивалась деятельность В. Мейерхольда в Тефизкульте¹³.

Изучение печатных и архивных источников позволило установить случаи восторженного отношения к футурологическим проектам научной интеллигенции, главным образом в среде учащейся молодежи. Смесь наукообразия и религиозного компонента делали их притягательными в условиях крушения традиционного жизненного уклада, веры и системы ценностей. В 1920-е годы существовали адепты каждой утопии, как объединенные в общества, так и одиночки. Наибольшие возможности для исследования проблем восприятия социальных идеалов просоветской научной интеллигенции предоставляет переписка К.Э. Циолковского с его учениками и последователями.

Закрытие на рубеже 1930-х годов педологии, НОТ и евгеники не означает отказа государства от основных футурологических идей, разработанных представителями этих направлений. Некоторые положения футурологических проектов 1920-х годов, без упоминания их авторов, остались в арсенале советской идеологии до конца существования СССР, а именно: воспитание «нового человека» на принципах коммунистической морали, тезис о воспитании и перевоспитании трудом, идея о переделке природы и так далее.

Тем не менее, нет сведений об успешном воплощении в жизнь хотя бы одного из утопических проектов 1920-х годов. Описанные социальные идеалы разделяло далеко не всё научное сообщество Советской России. Так, скептически относились к ним лауреат Нобелевской премии И. Павлов, академик В. Вернадский, физиолог А. Ухтомский, биолог Н. Тимофеев-Ресовский и другие. Свидетельства иронического отношения интел-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

лигенции к футурологическим идеям научного преобразования общества сохранились и в художественной литературе этого времени: романе Е. Замятина «Мы», произведениях М. Булгакова и А. Платонова, рассказах М. Зощенко. Публикации ранее недоступных источников и современные исторические исследования также показывают, что, несмотря на обилие футурологических идей научной интеллигенции в печати того времени, они представляют собой официальную, а, следовательно, ограниченную часть как научного, так и общественного дискурса 1920-х годов.

1. Федюкин С.А. Великая Октябрьская революция и интеллигенция: из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972; Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917-1927гг.) М., 1980; Главацкий М.Е. Историография формирования советской интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987; Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999.

2. Плаггенборг Шт. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. Пер. с нем. СПб., 2000; Stites R. Revolutionary Dreams. 1989.

3. Из речей Н.К. Крупской, Н.И. Бухарина, А.В. Луначарского и Н.А. Семашко по основным вопросам педологии // На путях к новой школе. 1928. №1. С. 9.

4. Залкинд А.Б. Революция и молодежь. М., 1925.

5. Гастев А. Новая культурная установка. М., 1924; Керженцев П.М. К новой культуре. Пб., 1921.

6. Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы // Русский евгенический журнал. Т.1. Вып. 1. М., 1922. С. 29.

7. Опарин А. Происхождение жизни. М., 1924. С. 36.

8. Завадовский Б. Проблема старости и омоложения в свете новейших работ Штейнаха, Воронова и др. авторов // Красная новь 1929. №3 С. 146-176.

9. О'Коннор Т.Э. Инженер революции: Л.Б.Красин и большевики. М., 1993. С. 253.

10. Циолковский К.Э. Любовь к самому себе или истинное себялюбие. Калуга, 1928.

11. РЦХДНИ ф.17. оп. 68. д. 397. Л. 53-60.

12. Бунак В. О деятельности Русского евгенического общества за 1921 год // Русский евгенический журнал. Т.1. Вып.1. 1922. С.99.

13. РГАЛИ ф. 998. Оп. 1. Д. 2921. Л.15.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ВЗГЛЯДЫ ДВОРЯНСТВА НА РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И
ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ (1940-1850-Е ГГ.)

Чеканова Э.В.

Самарский государственный университет

Последние годы правления Николая I представляли собой время, когда главной целью стало сохранение незыблемости существующего порядка. Мероприятия этих лет живо напомнили современникам рубеж 1810-1820-х гг., когда делом народного просвещения руководили Голицын, Магницкий и Рунич. Как и тридцать лет назад, образованное общество не осталось безучастно к усилению цензурного гнета, к реакционным мероприятиям по отношению к высшим учебным заведениям страны. Эти проблемы обсуждалось в гостиных, о них говорили со знакомыми, изредка данные вопросы затрагивался в частных письмах. Однако редко мнение по поводу состояния российского просвещения высказывалось открыто, поскольку выражение критического отношения к государственным учреждениям и правительственной политике даже по конкретному вопросу воспитания и образования стало делом небезопасным.

Материалы делопроизводства позволяют увидеть, что власть незамедлительно принимала меры в случае открытых высказываний подданных о существующей системе образования. Например, летом 1848 г. в Министерстве народного просвещения рассматривалось дело, по поводу произнесения в Чернигове в июне на торжественном собрании губернской гимназии учителем Русецким речи о современном воспитании. В ней были найдены многие «неприличные места». Автор обвинялся в распространение мыслей о воспитании юношества, «не согласных с видами правительства», ему было сделано строгое внушение¹. Даже если присылались безымянные доносы в канцелярию министерства народного просвещения, дела тщательно рассматривались и принимались меры. Например, верноподданнический донос из Одессы «О воспитании польского юношества» 1849 г. Донос заинтересовал министра народного просвещения С.С. Уварова, было проведено расследование². С этих пор стало обращать особенное внимание на частные учебные заведения города Одессы. В декабре 1852 г. в Одессе было закрыто четыре частных женских пансиона. В частности, пансион г-жи Вальяно был закрыт, поскольку товарищ министра народного просвещения А.С. Норов посчитал обнаруженные знания по Закону божьему и по русской истории у воспитанниц пансиона неудовлетворительными³.

В 1850 г. действительный статский советник А. Каменский поднес императору Николаю I записку «О направлении народного просвещения и

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

о главных сословиях в России», которая была милостиво принята⁴. Каменский считал, что все увеличивающееся число образованных людей уже стало сложно обеспечить служебными местами, поэтому необходимо принять меры по его ограничению. Видимо, автор не предполагал дальнейшего развития экономики и социальных институтов России. Он находил, что воспитание, несообразное с социальным статусом человека, не может принести ему пользы. Данную записку Каменского можно рассматривать как яркий манифест в пользу усиления принципа сословности в воспитании и образовании. Однако цель ставилась благородная – «утверждение истинно нравственного воспитания», для этого и следовало ограничить распространение «в России европейского общенародного просвещения», дать образованию направление «специальное и практическое, не допускать совместного обучения детей из разных сословий и улучшить положение крепостных «без нарушения нынешних соотношений владельцев и крестьян»⁵. Как можем убедиться, предлагаемые меры были даже более консервативными чем те, которые проводило и намечало правительство.

Идея русской самобытности к этому времени укрепляется настолько, что оказалась способной сформировать национальную социально-философскую школу «славянофильства», которая в свою очередь пытается выступить с собственной просветительской программой. Интерес в этом плане представляют многочисленные публицистические работы и образовательные проекты разной степени завершенности, составленные на протяжении конца 30-х - 50-е гг. XIX в. И.В. Киреевским, К.С. Аксаковым, А.С. Хомяковым, а также отдельные статьи А.И. Кошелева, И.С. Аксакова⁶.

Становление и оформление славянофильской идеологии не в последнюю очередь было вызвано общим распространением образования в России. В то время в обществе усиливается недовольство как формами официальной школы, так и ее культурным содержанием. Часть русского дворянского общества решается впервые открыто поднять вопрос уже не только о включении в образование отдельных национальных мотивов, но и о создании целостной национально-культурной системы просвещения. Славянофилы, в основном рассматриваемые как часть либерального движения, берутся подготовить идеологическую базу для подобной системы, сближаясь именно в этом вопросе с охранительным направлением против западноевропейского влияния. Именно в этом отношении к славянофильским примыкали взгляды, высказываемые С.П. Шевыревым⁷ и другими представителями «теории официальной народности», включая высокопоставленных чиновников от просвещения.

Славянофилы предложили свою национальную систему воспитания. Проблема семьи была одной из главных в философии и во всем творчестве славянофилов. Как семью они понимали народ, через семью они строили систему воспитания личности. Через свои мысли, рассуждения, записки

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

они пытались выразить свою систему взглядов на воспитание, на связь государственного и семейного образования.

Некоторые из идей общих для «теории официальной народности» и славянофилов, а значит для весьма значительной части дворянского общества, нашли отражение в популярной педагогической литературе того времени. В 1846 г. вышла книга А.Ф. Афтонасьева «Мысли о воспитании», адресованная родителям и воспитателям⁸. Книга была написана в общедоступной форме, в ней излагались важные вопросы воспитания для практического использования. Русская писательница и педагог XIX в. Н.А. Дестунис сетовала на то, что русское дворянство зачастую понимает воспитание детей превратно: «У нас под именем воспитания разумеют обыкновенно что-то поверхностное, что не касается основных стихий души человека; у нас думают, что воспитание это передача знаний, это наружная полировка»⁹. С этими словами вполне согласна современная исследовательница О.С. Муравьева, которая пишет: «К дворянским детям применялось так называемое «нормативное воспитание», т.е. воспитание, направленное не столько на то, чтобы раскрыть индивидуальность ребенка, сколько на то, чтобы отшлифовать его личность соответственно определенному образцу»¹⁰.

Проекты по реорганизации народного просвещения, выдвинутые представителями дворянского общества в последние годы царствования Николая I, не имели успеха у правительства. Общественная реакция также была сдержанной, отчасти в силу малой известности проектов, опубликованных уже после смерти авторов (Киреевского, Хомякова), отчасти из-за предубеждения части образованного общества к идеям славянофилов и к «теории официальной народности». Не молчали и более последовательные сторонники охранительных теорий, недовольные устранением их с авансцены общественной и государственной жизни еще в начале второй четверти XIX века. Д.П. Рунич в сентябре 1854 г. написал записку озаглавленную «Что такое народное просвещение в христианском государстве»¹¹. Она оказалась еще менее известна и востребована, чем статьи Хомякова или Киреевского.

Вопросы об основах системы общего образования, преимуществах гуманитарного или реального образования не могли не волновать дворянскую научную интеллигенцию того времени. В спорах по этим вопросам приняли участие такие корифеи русской науки, как Т.Н. Грановский, Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский¹².

Все рассмотренные источники имеют, может быть, неявную, но довольно четкую внутреннюю связь. Эти документы были созданы в конце 40-х – середине 50-х гг. XIX в., в непростое для России время, время открытой реакции последних лет царствования Николая I. Авторы записок очень отличались по своим идеологическим убеждениям, в которых проявлялись и славянофильские взгляды, и откровенное охранительство, и во-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

инствующий мистицизм, и либеральные идеи, и воззрения лучших профессионалов-педагогов высшей и средней школы того времени. Однако все сходилось в одном. Обеспокоенные судьбами России, они хотели видеть ее цветущей, просвещенной, образованной страной и не могли смириться с настоящим положением дел, со сложившейся в николаевское время системой образования и воспитания. Другое дело, что каждый автор понимал по-разному, в силу своих политических взглядов и нравственных убеждений, что есть благо для России. Кто-то считал, что необходимо дальнейшее «закручивание гаек», нагнетание атмосферы подозрительности и страха, а кто-то пытался сказать, что русское общество уже не может больше жить в таком неестественном состоянии, что необходимы реформы или, хотя бы, некоторые для него послабления. К сожалению, власти в Петербурге если и прислушивались, то только к мнению первых. Реформаторов пока предпочитали или не замечать, или принимали меры, чтобы их не было слышно вовсе.

1. РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 213. Л. 1-24.
2. РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 227. Л. 1-11.
3. ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 5-11.
4. Каменский А. О народном просвещении и о главных сословиях в России // Русская старина. 1903. Т. 115.
5. Там же. С. 188.
6. Киреевский И.В. Записка о направлениях и методах первоначального образования народа в России // Киреевский И.В. Эстетика и критика. М., 1979; Хомяков А.С. Об общественном воспитании в России // Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988; Аксаков И.С. Об основах и типе народной школы // Аксаков И.С. Сочинения. Т. 4. СПб., 1903.
7. Шевырев С.П. Об отношении семейного воспитания к государственному // Антология педагогической мысли 1 пол. XIX в. М., 1987; Шевырев С.П. Вступление в педагогию. СПб., 1852.
8. Афтонасьев А.Ф. Мысли о воспитании. СПб., 1846.
9. ОР РНБ. Ф. 250. Ед. хр. 299. Л. 5.
10. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. СПб., 2001. С. 8.
11. ИРЛИ. Ф. 263. Оп. 1. Ед. хр. 120.
12. Грановский Т.Н. Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., 1987; Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Избранные педагогические сочинения. М., 1985; Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. М., 1953. Т. 1.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЫКАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СРЕДНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Пономарёва Е.Ю.

**Самарский государственный колледж сервисных технологий и
дизайна**

В 1990 – е годы повышается интерес ученых к вопросам истории музыкального образования в России (О.А. Апраксина, С.Е. Беляев, О.В. Гусева, Л.А. Степанова, Ю.Ю. Цыкина и др.¹). Эти исследователи изучают и анализируют не только жанровое и тематическое разнообразие, но и финансово-хозяйственное обеспечение музыкальной отрасли, кадровый потенциал, взаимосвязь характера развития музыкального искусства и идеологические установки власти.

На развитие профессионального потенциала оказывали влияние такие факторы, как, идеология властных структур, развитие массового хорового пения и художественной самодеятельности, наличие исполнительских коллективов и ярких творческих личностей, способных вывести музыкальное искусство на новые творческие рубежи, и, конечно же, переход страны к мирному строительству. Все это являлось основанием для создания кадрового потенциала в музыкальной сфере.

Качественный скачок в сфере музыкального искусства был подготовлен культурными событиями предшествующего времени.

Музыкальные училища региона были «кузницей» музыкальных кадров, ежегодно выпускающих квалифицированных специалистов, которых распределяли в систему народного образования, руководителями клубной самодеятельности, в музыкальные школы, в филармонию и театры.

С каждым годом увеличивалось количество участников художественной самодеятельности. Культурно-просветительские отделы края организовывали консультации, выезжали на места к руководителям творческих коллективов, так как часто бывало, что руководители не имели специального образования².

Музыкальные учреждения Среднего Поволжья не только выполняли свои непосредственные функции по музыкальному образованию, но и проводили большую культурно-просветительскую работу среди населения. В г. Куйбышеве к 1953 году работало четыре детских музыкальных школы, на базе Куйбышевской Филармонии был создан «Музыкальный университет», Куйбышевский театр оперы и балета традиционно проводил конференции со зрителями, в клубе им. Революции 1905 г. работало большое количество кружков, которые активно принимали участие в художественной самодеятельности. В г. Ульяновске, в Областной Филармонии, к 1948 г.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

работали – хор русской песни под управлением заслуженного деятеля Искусств УАССР А.В. Каторгина, музыкально-литературный лекторий, эстрадный и гастрольный сектора³, в 1956 г. в городе было три детских музыкальных школы и их филиал (на В. Часовне, в Засвияжье и клубе имени Чкалова)⁴. Особую роль в музыкальном просвещении г. Пензы играла творческая интеллигенция: Ф.П. Вазерский – директор и преподаватель Пензенского музыкального училища организовывал симфонические концерты и «Музыкальный университет» силами учащихся и преподавателей училища⁵. Яркой страницей истории Поволжья 50-х является создание на Волге Волжского народного хора под руководством П.М. Милославова.

В 1955 г. в музыкальных училищах и школах были открыты вечерние курсы общего музыкального образования для взрослых без отрыва от производства⁶.

Участие музыкальных учебных заведений в культурной жизни края состояло и в концертной деятельности, и в шефской помощи сельским районам и в частях Советской армии, участии в избирательных компаниях, оказании помощи самодеятельным коллективам.

К середине пятидесятых годов трансформируется характер профессиональной концертно-гастрольной практики. В культурно-просветительской деятельности Среднего Поволжья участвовали не только местные музыканты: в г. Куйбышеве – А.В. Фере, В.С. Невский, М.В. Блюмин, М.Д. Чумаков, Г.С. Пономаренко, Ю.В. Олесов, А.Г. Юсфин⁷; в г. Ульяновске – Н.В. Игошин, П.П. Сахарцев, П.П. Моисейкин, М.Н. Мороковин, Ф.А. Дементьев⁸; в г. Пензе – Б.Н. Голубев, О.В. Гришин, Р.Е. Цимбринг, А.А. Штейнвиль, Д.М. Абутков, Е.К. Медянцева⁹, но и регулярно приезжали различные коллективы и исполнители: Государственный русский народный оркестр имени Н.Осипова под руководством заслуженного артиста Д. Осипова, артисты МХАТа СССР, джаз – оркестр под управлением Д. Покрасса, ансамбль песни и пляски ПРИВО¹⁰, Государственный ансамбль народного танца под руководством И. Моисеева, Государственный эстрадный оркестр РСФСР под управлением заслуженного деятеля искусств Л. Утёсова, Г.Р. Гинзбург, Е.Г. Гилельс., Л.Б. Коган., М. Ростропович¹¹ и другие.

Послевоенное десятилетие – яркий пример культурной эволюции. Деятельность музыкальных учреждений приобретала ярко выраженный характер, к 1956 г. в Среднем Поволжье складывалась система музыкального образования, которая характеризовалась наличием локальных традиций и творческим потенциалом, что позволяло ей реализовывать творческие инициативы, развивать и создавать образцы её новых форм.

Проблема состояния профессионального музыкального образования в послевоенный период в условиях региона остается одним из малоизученных пластов духовной культуры российского общества.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1. Из истории музыкального воспитания: Хрестоматия / Сост. О.А. Апраксина, М.: Просвещение, 1990; Беляев С.Е. Музыкальное образование на Урале: Истоки, традиции. Екатеринбург, 1995; Гусева О.В. Культуротворческий потенциал музыкального образования в условиях индустриального региона. Кемерово, 2003; Степанова Л.А. Особенности музыкального воспитания учащихся общеобразовательных школ после Великой Отечественной войны до начала 1970 –х гг. М. 1998; Цыкина Ю.Ю. Власть и Марийское музыкальное искусство 1946-1985 гг.: исторический опыт. Чебоксары, 2004.

2. ГАРФ. Ф.А. – 534. Оп.1. Д.456. Л.44,53.

3. ГАУО. Ф. Р. – 3133. Оп. 1. Д. 30. Л.3.

4. Там же. Ф.Р.- 2976. Оп.1. Д.19. Л.53.

5. Савин О. Пенза музыкальная. Пенза, 1994. С.1994.; Александров Б. Жизнь в искусстве// Сталинское знамя. 1950. 25 ноября.

6. ГАСО. Ф. Р.- 4330 Оп.1. Д.91. Л. 2.

7. ГАСО. Ф.Р. - 5015. Оп.1. Д.90. Л.8.

8. Творчество самодеятельных композиторов. Ульяновск, 1957. С.55.

9. Крейер Н.Н. Композиторы Пензы. Пенза: Кн. изд-во, 1959.

10. ГАУО. Ф.Р.-3133. Оп.1. Д.22. Л.5.

11. ЦДНИ УО. Ф.Р. – 8. Оп.9. Д.364. Л.50; ГАСО. Ф.Р. -2425. Оп 2. Д.79. Л.1-3.; Там же. Д.116. Л.11.

НЕСКОЛЬКО СТАРНИЦ ИЗ ИСТОРИИ ВТОРОГО РОЖДЕНИЯ КУЙБЫШЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Федорова Г.Н.

Самарский государственный университет

Вопрос о возрождении в Самаре университета встал остро в середине 60-х годов. Было принято Постановление Совета министров от 14.12.1966 г. «Об организации Куйбышевского государственного университета»¹, а 30.06.1968 года Куйбышевский областной Совет депутатов трудящихся принял решение «О создании минимальных условий для открытия КГУ».

Для строительства здания, где временно будет размещаться университет Министерство высшего и среднего² профессионального образования выделило 500 тыс. рублей.

Постановлением Правительства об организации университета было предусмотрено в 1966-1969 гг. строительство учебно-лабораторного корпуса, общежития для студентов и жилого дома для профессорско-преподавательского состава.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

По решению Куйбышевского горисполкома №245 от 11.05.1967 под строительство комплекса университета был закреплен участок по ул.Ново-Садовой и Потапова. Были в кратчайшие сроки построены корпуса физического, механико-математического, химического и биологического факультетов, здание гуманитарных факультетов, столовая, два общежития для студентов, производственные мастерские, склады, гаражи, учебно-аудиторный корпус, спортивно-оздоровительный корпус, спортивная площадка, жилой 48-квартирный дом для преподавателей.

В конце 1968 года республиканское и союзное министерство высшего и среднего профессионального образования утвердили перечень специальностей и структуру университета³.

Позднее, в 1975 г., университету был передан Ботанический сад.

Открытие университета состоялось 1 сентября 1969 года. Первый звонок, первые лекции, первые конспекты ...

Первым ректором университета стал историк Алексей Иванович Медведев.

В первые годы остро стоял вопрос формирования преподавательских кадров⁴. Приглашались специалисты из всех городов Союза.

Первые кафедры университета возглавили профессора:

А.Д. Ершов – физика

В.А. Бочкарев – литература

Д.И. Алексеев –русский язык

Е.И. Медведев – история

С.П. Пулькин – математика

На Ученом Совете была разработана и утверждена структура университета, определены направления его деятельности⁵.

В эти года университет делает первые, но «гигантские», шаги по развитию учебного процесса, увеличению профессорско-преподавательского состава, активно проводятся «открытые» лекции, лабораторные работы. Проводится конкурс студенческих работ по проблемам общественных наук, посвященных 100-летию со Дня Рождения В.И. Ленина⁶ и подводятся его итоги⁷, проводится студенческая научно-теоретическая конференция⁸.

Университет тесно контактирует со средней школой. Работают школы «юных» историков, математиков и др.

Первые выпускники аспирантуры остаются работать в стенах родного университета⁹ на долгие годы, не покидая свою Alma mater и многие из них всю свою жизнь отдадут служению науке.

1. ГАСО, Ф.Р1255, О.1, Д.9, Л.1

2. Там же

3. ГАСО, Ф.Р1255, О.1, Д.9А

4. ГАСО, Ф.Р1255, О.1, Д.51

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

5. ГАСО, Ф.Р1255, О.1, Д.105
6. ГАСО, Ф.Р1255, О.1, Д.86
7. ГАСО, Ф.Р1255, О.1, Д.87
8. ГАСО, Ф.Р1255, О.1, Д.115
9. ГАСО, Ф.Р1255, О.1, Д.14

КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАЗДНИКА У БОЛЬШЕВИКОВ

Деканова М.К.

Самарский государственный университет

Масштабные революционные изменения, происходившие в России с 1917 года, связанные с сотворением большевиками нового социалистического мира, требовали метафорического оформления, укоренения их в общественном сознании. И лучший способ осуществить это было создание новой праздничной культуры. Не случайно, с первых же лет своего существования советская власть стремилась построить свою собственную систему праздников, отличных от всего созданного в предыдущую эпоху, сформировав праздники социалистические по духу и содержанию. Предметом исследования данной работы стал феномен революционного праздника. Это особый элемент советской культуры, родившийся и получивший свое оформление в первое послереволюционное десятилетие. Главное внимание в работе было сосредоточено не на внешнем или внутреннем оформлении праздника, а на его принципах, концептуально сформулированных в трудах большевистских идеологов.

Характер революционного праздника органично связан прежде всего с характером революции. Социалистическая революция, обладая особыми признаками и своеобразным духом, перенесла эти черты на созданные ею же торжества.

Отношение лидеров Советской России к праздникам можно увидеть в том факте, что все они принимали постоянное и активное участие в организации и проведении революционных празднеств, они встречали парады, выступали на демонстрациях и манифестациях, открывали памятники и памятные стелы.

Главными отличительными чертами социалистической революции ее идеологи называли масштабность и массовость, особое экзальтированное настроение, всеохватывающий героический дух, широкая активность масс, противостоящая апатичности и лени, сложное сочетание трагического и комического, грусти и смеха, ориентация исключительно на будущее.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Все эти черты в той или иной степени были воплощены в революционном празднике. По своему содержанию, структуре и смыслу он должен был принципиально отличаться от всех старых праздников и торжеств, проходивших когда-либо и в России и зарубежом.

Основной отличительной чертой советского революционного праздника была его массовость. Причем революционный праздник подразумевал не просто механическое присутствие большого количества людей, а их самостоятельное и живое участие. В. Керженцев писал: «Празднество остается мертвым и холодным, если сама толпа не явится активным действующим лицом его, а будет лишь спокойным театральным зрителем... Празднество не будет празднеством, если толпа своим творческим участием не превратит его в таковое. Без активности масс – нет и празднества, нет и радости»¹. В многочисленных шествиях и демонстрациях, постановках и открытых спектаклях участвовали тысячи и даже десятки тысяч людей.

Организатором революционного праздника всегда выступает государство, и это еще одна его отличительная черта. А.В. Луначарский отмечал: «Многим кажется, что коллективное творчество понимает некоторое спонтанное, самостоятельное выявление воли масс. Но впредь, до тех пор, когда социальная жизнь не приучит массы к какому-то своеобразному инстинктивному соблюдению высшего порядка и ритма, - никак нельзя ждать, чтобы толпа сама по себе могла создать, что-нибудь, кроме веселого шума и пестрого колебания празднично разодетых людей. Настоящий праздник должен быть организован, как все на свете, что имеет тенденцию произвести высоко эстетическое впечатление»².

По своей идее революционный праздник всегда должен быть связан с каким-то чрезвычайно важным, узловым для государства и общества, героическим моментом, сакрализация которого и служит источником его возникновения. Не случайно в основу первого «Красного календаря», утвержденного в 1918 году, легли памятные даты, являющиеся героическим ядром идеологии большевиков: Кровавое воскресенье (22 января), День падения самодержавия (12 марта), День Парижской коммуны (18 марта), годовщина Ленского расстрела рабочих (17 апреля), День Интернационала (1 мая), годовщина Октябрьской революции (7 ноября), День памяти московского вооруженного восстания (22 декабря)³.

Героическая основа придает празднику особую структуру и неповторимый дух: считалось, что на революционном празднике «всегда будет печаль не веселья, а известной глубокой торжественности»⁴. Но торжественная, немного печальная героика праздника не подразумевает отказ от веселья и смеха («великий санитар», как его называл Луначарский). В революционном празднике комическим выступает все то, что безвозвратно уходит в прошлое и решительно не соответствует новым, создаваемым революцией нормам жизненного существования. Одними из их постоянных персона-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

жей были цари и правители других, как правило «враждебных» стран, капиталисты и помещики, офицерство и чиновничество, взяточники и казнокрады, пьяницы и тунеядцы и многие другие.

Посредством смеха через праздники в общество внедрялись новые ценности и идеалы. В идеологии большевиков праздники использовались как одна из самых простых и доступных форм активной пропаганды и массовой агитации. Праздники должны воспитывать, а государство должно приложить все усилия, чтобы это воспитание проходило в нужном для него русле. Государство направляет восприятие массы посредством лозунгов, живых газет, открытых спектаклей и других праздничных форм. О значении этого вида пропаганды и агитации отмечал В.И. Ленин: «руководители революционных партий должны шире и смелее ставить свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самостоятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и всей его прелести наш демократический и социалистический идеал...»⁵.

Для достижения поставленной цели – привлечение широкой массы людей, их агитации и пропаганды новых социалистических норм и правил, организаторы революционных праздников стремились использовать весь арсенал имеющихся у них средств. Действительно, раннему революционному празднику было свойственно оригинальное сочетание множества художественных элементов (массовой манифестации, театрализованных представлений, военных парадов, музыки, хореографии и даже фейерверка и артиллерийского салюта). Подобный синтез на первый взгляд совершенно неоднородных зрелищных компонентов – было подлинным детищем еще только зарождающегося советского искусства, его активным и пожалуй самым смелым проявлением.

В завершении, хотелось бы еще раз выделить те принципы, которые были разработаны идеологами советского искусства относительно такой особой формы массовых мероприятий, как революционный праздник. Революционный праздник – это прямое порождение революции и также как и революция, он обладает следующими чертами: массовость, масштабность, синтетичность форм, воспитательное значение, организованный характер.

1. Керженцев В. Творческий театр. Пути социалистического театра. С. 64.
2. Луначарский А. О народных празднествах. С.4.
3. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 404 – 405.
4. Керженцев В. Творческий театр. Пути социалистического театра. С. 69.
5. Ленин В.И. ПСС. Т. 11. С. 103.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
МУЗЫКАЛЬНО-ПЕСЕННАЯ ТРАДИЦИЯ В ДРАМАТУРГИИ
СВАДЕБНОГО ОБРЯДА САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Бикметова Н.В.

Самарская государственная академия культуры и искусств

Свадебная песенная культура русских Самарского Заволжья вплоть до сегодняшнего времени остаётся практически не освоенной наукой. Нет монографических работ по данной проблематике, недостаточно статей и других публикаций. Между тем фольклор данного региона представляет собой интереснейший пласт русской переселенческой культуры, сохранившийся в условиях полиэтничной среды и выработавший со временем свою стилевую самобытность.

Среди других фольклорных жанров песенная традиция русской крестьянской свадьбы в Самарском Заволжье остаётся одной из наиболее устойчивых. По сей день в экспедиционной практике фиксируется множество вариантов обрядового цикла, характеризующихся культурными традициями разных этнографических групп потомков русских переселенцев.

Принимая во внимание многообразие различных вариантов свадебного ритуала, бытующих в Самарском Заволжье, можно всё же говорить о единстве обрядовой драматургии. Учитывая обязательную приуроченность основной части свадебных песен к конкретным моментам ритуала, выявляется понятие музыкальной драматургии обряда.

Свадебные песни имеют свои внутрижанровые разновидности. Одним из устойчивых жанров свадебной традиции Заволжья являются *лирические* песни. Они сопровождают все этапы обряда, начиная со сватовства и заканчивая застольем второго дня. Прекрасно сохранились до наших дней песни, исполняемые на сговоре, запое, девичниках, утром венчального дня (во время сборов невесты к венцу, ожидания свадебного поезда), на свадебном пиру (например, в момент одаривания молодой родственников жениха). Лирические свадебные песни, как правило, принадлежат к женской исполнительской традиции, имеют многоголосную природу исполнения, отличаются богатством средств музыкальной выразительности. Поэтическое содержание насыщено лирико-эпическими образами, гиперболами, символическими сравнениями. Общей эмоциональной канвой является выражение жалости к невесте.

Большинство местных свадебных сюжетов лирических песен в основном являются типичными для среднерусской традиции. Наиболее распространённые из них: *как по мосту, по мосточку; расшаталаст в саду грушица, белорыбица не мечится, вьюн над водой увивается и др.*, однако, с течением времени в самарском (и средневожском в целом) регионе возник-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ли и развились свои сюжеты, которые обозначают принадлежность исключительно к местной свадебной стилистике. В частности - появившийся в песнях образ р. Волги. Большинство песен с волжской символикой имеют приуроченность к первой половине свадебного обряда - довенчальной. Они исполняются подругами невесты в период девичников, либо в день свадьбы во время ожидания приезда жениха. Символический образ Волги чаще всего выступает как олицетворение вольной девичьей жизни в родном доме, с которой невеста прощается навсегда:

Отлила Волга крутые берега, да
Отжила наша Авдотьюшка-душа, да
У кормилица у батюшки, да
У сударыни у матушки¹.

В традиционную свадебную обрядность особый эмоционально-насыщенный колорит привносит *причетная* традиция. По версии Б. Ефименковой² плач ассоциативно сближает свадьбу с похоронным ритуалом. Эта тенденция толерантности двух семейно-обрядовых циклов более ощутима в заволжских вариантах, близких к драматургии севернорусского свадебного обряда и менее заметна в обрядах южнорусских переселенцев.

В драматургическом контексте свадебная причетная традиция представлена довольно широко. Первая - наиболее развёрнутая часть ритуала (до венца) по существу являлась оплакиванием невестой и её подругами девичества, родного дома, семьи. Причитания сквозной жанровой канвой пронизывали все этапы подготовки к замужеству. Невеста причитала на сговоре, девичниках, до и после ритуального посещения бани, во время расчёсывания косы, утром свадебного дня и во время ожидания поезжан, перед благословлением родителей и пр. После венчания причитания не исполнялись.

Причитания – преимущественно сольный жанр, но в некоторых сёлах Кинельского, Богатовского, Борского районов встречаются причитания, звучащие одновременно с лирическими песнями (принцип алеаторики). Такое жанровое проявление объясняется, вероятно, тем, что записаны они от потомков выходцев из губерний Верхнего Поволжья (Нижегородской, Костромской, Ярославской), в чьем фольклоре сильно влияние севернорусской свадебной традиции.

Среди песен свадебного цикла большое распространение имели *величальные* песни. Они исполнялись на протяжении всего обряда и адресовались поочередно всем главным действующим лицам обряда - жениху и невесте, родителям, крёстным, свахам, дружке и пр. Особенно много величальных можно было слышать на запое, вечёрках во время прибытия свадебного поезда в дом невесты, во время выхода молодых из церкви и на свадебных застольях.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Величальные песни чаще всего исполняются многоголосно. Напевы их, как правило, построены на определённой мелодической формуле и не имеют развитой системы распевов и сложной структуры формообразования. Это, прежде всего, продиктовано спецификой жанра. Первичным в величальных песнях выступает сам поэтический текст, смысловое значение которого, состоящее в чествовании, возвышении личности, должно быть донесено ясно и определённо.

В поэтическом наполнении величальных песен очень важна роль эпитета: «кудри русые», «белы руки», «ясны очи», «нарядилась нарядна во французски рукава», «кольца золотые», «друженька богатенькай, здороватенькай». Благодаря обилию эпитетов перед глазами слушателей возникает яркое описание действующих лиц, их внешности. Кроме того, в текстах величальных встречается большое количество сравнений-символов:

Завивались две веточки во двор,
Закатилися два яблочка на стол.
Ой, ли ой, люли, люли,
Закатилися два яблочка на стол.

Как одно-то сладко яблочко-
Николай-то свет Иванович.
Ой, ли ой, люли, люли,
Николай-то свет Иванович.

Два садовых, два медовых,
Два наливчатых, рассыпчатых.
Ой, ли ой, люли, люли,
Два наливчатых, рассыпчатых.

А другое сладко яблочко -
То Мария свет Ивановна.
Ой, ли ой, люли, люли,
То Мария свет Ивановна.

За время свадебного периода звучало множество *игровых* и *плясовых* песен. В контексте свадебной обрядности, выявляется их определённая жанровая многофункциональность. С одной стороны игровые и плясовые песни не являются собственно обрядовыми жанрами, с другой – во время исполнения в свадебный период песни приобретают приуроченность к свадьбе:

Брошу ли я цепочку,
Брошу ли я златую
Во быструю речку,
Во быструю речку.

Не плывёт, не тонет,
Не плывёт, не тонет -
К бережку прибывает,
К бережку прибывает.

Пусть моя цепочка,
Пусть моя цепочка
Не плывёт, не тонет,
Не плывёт, не тонет.

Ещё кто у нас холост,
Ещё кто не женатый,
Сам бел, кудреватый,
Сам бел, кудреватый.

Иван(ы) не женатый,
Иванович неженатый,
Сам бел, кудреватый,

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сам бел, кудреватый.

Рассматривая текст песни можно проследить своеобразную интеграцию игрового и величального жанров. Начальные строфы указывают на принадлежность песни к числу игровых, окончание делает возможным определить жанр песни как свадебная игровая.

Нельзя не учитывать и топонимику бытования песни. Она звучала в среде молодёжи на вечерках, устраиваемых в доме невесты в предсвадебную неделю. Естественным было «обыгрывание» жениха и невесты, которых обязательно выделяли из общего числа парней и девушек.

Из числа свадебных плясовых песен также можно выявить две основные группы этого жанра: песни довенечного цикла и первого дня свадьбы; песни, исполняемые во второй и последующие дни. К первой принадлежат песни прямой свадебной приуроченности, которые, в свою очередь, также подразделяются на жанры, соответствующие той или иной обрядовой ситуации. Это песни, исполняемые на сговоре, запое, вечерках, во время встречи молодых из церкви, песни застолья первого дня.

Содержание свадебных плясовых песен часто перекликается с содержанием величальных. В поэтических текстах нередко упоминаются имена жениха и невесты, свадебная символика, сравнения:

У ворот сосна зеленая<...>

У Ивана жена молодая<...>

Как вишенка налитая<...>

Как куколка увитая<...>.

Ко второй группе относятся песни семейно-бытовой тематики, примыкающие к жанру шуточных песен. В содержании, как правило, в юмористической форме описываются семейные отношения между тещей и зятем, мужем и женой. Таковы, к примеру, песни «Поехал зять к теще», «Задумал Терёшенька жениться», «Как чужие жёнушки – белые лебёдушки» и др.³

Неотъемлемым атрибутом свадебной игры являлось исполнение корильных песен. Они исполнялись девушками в первый день свадьбы в момент выкупа невесты, в случае, если цена оказывалась не достаточной. Озорное содержание песен было направлено в сторону поезжан - родственников жениха, большая их часть обращена к дружке, свахе.

С течением времени процесс эволюции свадебного ритуала привёл к появлению среди традиционного свадебного репертуара новых фольклорных тенденций, что свидетельствует об упрощении или урбанизации древних жанровых форм. В частности здесь идёт речь о широком бытовании частушечного фольклора. Традиционным стало исполнение частушек на запое, вечерках, втором дне свадьбы. Как правило, содержание частушек приурочено к тому или иному этапу обряда. Часто мелодической основой

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

напева становятся типовые мотивы популярных гармошечных наигрышей: «Семёновна», «Подгорна», «Цыганочка», «Акулинка».

Кроме общераспространённых частушечных напевов в регионе бытуют и оригинальные местные припевки, отличающиеся самобытностью музыкальной и поэтической формы, например, «Угаровские переборы», о своеобразии которых писала Н. Колпакова⁴. В свадебном преломлении обычные бытовые припевки, исполняющиеся на вечёрках, заменяются приуроченными к обряду.

Ещё одна традиция, относящаяся к явлениям позднего пласта свадебного фольклора – исполнение величальных и корильных песен на мотивы популярных плясовых песен. Вероятно, эти мелодии проникли в свадебный обряд из вечерочного фольклора, где многие поцелуйные-игровые, кадильные песни, гармошечные наигрыши исполнялись на подобные мотивы. К примеру, величальная дружке, записанная в с. Воскресенка Волжского района, поётся на мелодию плясовой «Ах, вы, сени мои, сени».

Можно с уверенностью говорить о достаточно высокой сохранности свадебного фольклора в регионе. Наряду с традиционными песенными жанрами в настоящее время широко бытуют и неофольклорные проявления, которые также нельзя оставлять без исследовательского внимания. Широкое распространение свадебных песен, их популярность и сохранность в памяти народа объясняются не только их эстетической ценностью, но и прочно укоренившимися в быту традициями, отражающими важнейшее событие в жизни человека.

1. Бикметова Н.В. Русский песенный фольклор Самарской области. – Ч. 1. – Самара, 2005. – С. 130.

2. См.: Ефименкова Б.Б. Севернорусская причеть. – М., 1980.

3. Бикметова Н.В. Русское народное песенное творчество Самарской области. Антология. – Вып. I. – Самара, 2001. – С. 165, 172, 178.

4. Русские народные песни Поволжья. – Вып. 1. Песни, записанные в Куйбышевской области. – М.-Л., 1959. – С. 169.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ТРАДИЦИИ ПРАЗДНИКА ИКОНЫ КАЗАНСКОЙ БОГОМАТЕРИ

Сорокин А.В.

Самарская государственная академия культуры и искусств

В этом году в России в качестве государственного праздника впервые отмечали День народного единства. В данной статье сделана попытка изучить предысторию этого праздника, который, несмотря на, казалось бы,

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

недавнее появление в официальном календаре, имеет свои глубокие корни и традиции.

День 4 ноября (22 октября по старому стилю) был выбран совсем не случайно. В этот день в 1612 г. народное ополчение, состоявшее не только из русских людей, но из представителей многих народов, населяющих Россию, с боем овладело укреплениями Китай-города в Москве, что предопределило скорую (26 октября) капитуляцию засевших в Кремле интервентов. Освобождение столицы положило начало полному изгнанию из России иноземных захватчиков и восстановлению государственной независимости и целостности страны¹.

Далеко не последнюю роль в тех событиях сыграло появление в ополчении чудотворной Казанской иконы Богородицы, ставшей одним из главных символов освободительной борьбы. В связи с этим уместно рассмотреть историю самой иконы. Явлена она была в скором времени после покорения Казани Иоанном Грозным. В конце июня 1579 года в городе случился большой пожар. Огонь истребил большую часть зданий. Через некоторое время на одном из пепелищ на месте дома стрельца Даниила Онучина, была чудесным образом явлена икона Божией Матери, получившая в последствии название Казанская.

Кто был прежним владельцем иконы, до сих пор не установлено. Полагают, что в город она попала еще до взятия Казани. Есть версии, что икона эта принадлежала либо пленному русскому, либо крещеному татарину. В любом случае им приходилось скрывать свою веру. очевидцы того времени также утверждают, что она являлась списком с чудотворной иконы, написанной по преданию апостолом и евангелистом Лукой. Оригинал иконы хранился сначала в Иерусалиме, позднее был вывезен императрицей Евдокией (женой императора Феофила) в Константинополь и хранился во Влахернском храме.

Слух о чудесном событии дошел до царя Иоанна Васильевича, и тот приказал изготовить ему список (копию) с иконы. В память о чуде в православном церковном календаре было установлено празднование обретения иконы, которое приходится на 8 июля по старому стилю.

Следующее появление иконы на исторической сцене связано с периодом Смутного времени. Тогда жители Казани отправили ее список в стан народного ополчения во главе с князем Дмитрием Пожарским и нижегородцем Козьмой Мининым, шедшего на освобождение Москвы.

Именно с заступничеством иконы Казанской Богоматери решающий успех ополченцев в боях за Москву. После молебна перед иконой 22 октября 1612 г. начался штурм Китай-города. В тот же день оборона врага была сломлена.

С того времени было установлено «творить ежегодно ... торжественное воспоминание о спасении от врагов Москвы заступлением Божией Ма-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

тери», как говорилось, «ради Казанской иконы Ея»². Вначале празднование распространялось только на Москву, но в 1649 г. царь Алексей Михайлович своим указом утвердил праздник иконы по всей Руси. Император Павел I подтвердил включение 22 октября в число «годовых табельных дней»³.

Икона, бывшая при войске освободителей, была поставлена в московской церкви Введения Богородицы на Сретенке. Позднее ее перенесли в построенный на средства князя Дмитрия Пожарского Казанский собор у Воскресенских ворот на Красной площади. Собор был сооружен рядом с башней Китай-города, которая первой была взята народным ополчением 22 октября 1612 г. Он был освящен в 1636 г. и разрушен в 1936 г. Благодаря тому, что архитектор П.Д.Барановский сделал все обмеры храма при его реставрации в 1925-1930 гг., собор теперь вновь возведен в первоначальном виде на прежнем месте⁴.

На этом история иконы как заступницы Российского государства не заканчивается. Так перед списком Казанской иконы, находившейся в Казанском соборе Санкт-Петербурга, молился Михаил Илларионович Кутузов перед назначением своим на должность командующего русской армией. В этом же соборе было захоронено тело великого полководца. По некоторым свидетельствам чудесным содействием Казанской был спасен и блокадный Ленинград.

В истории этой иконы есть тайна. В 1904 г. монастырь в Казани, в котором находился образ, был ограблен. Самой главной потерей была чудотворная икона, имевшая весьма дорогой оклад из серебра и драгоценных камней. Несмотря на то, что похитителя (им был вор-рецидивист Семен Чайкин) удалось схватить, тот так ничего и не сказал о дальнейшей судьбе иконы. На суде вор придерживался версии, будто бы икона была им сожжена. Г.Г. Тельберг, адвокат Чайкина, наоборот считал, что подсудимый имел сообщника, которому и передал икону. Вору и святотатцу дали 11 лет каторги. Спустя некоторое время тот бежал и унес тайну исчезновения иконы в могилу, погибнув в перестрелке⁵.

Существует множество предположений о местонахождении святого образа, исчезнувшего из казанского монастыря, однако икона до сих пор не найдена. Кроме того, уже не первое поколение как светских, так и церковных историков спорит о том, какая икона была похищена, та ли самая, явленная в 1579 г., или же ее список.

Масла в огонь споров подлил ныне покойный римский понтифик Иоанн-Павел II, который, спекулируя на религиозных чувствах православных, предложил передать РПЦ имеющуюся у него, якобы, подлинную Казанскую икону при условии, если ему разрешат посетить Россию. На самом деле оказалось, что в Ватикане находился лишь список, датируемый первой половиной XVIII в. По некоторым данным, он принадлежал ма-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

тушке Александре (Мельгуновой) - первоначальнице Дивеевской обители⁶. Представители католической церкви, в конце концов, без всяких условий вернули этот образ православным Казани.

Есть и такое мнение, что оригинал иконы еще при Иоанне Грозном вывезен в Москву, т.к. русские цари славились своим стяжательством святынь, а в Казани был оставлен лишь ее список. Возможно также, что икону вывез патриарх Гермоген, бывший митрополит Казанский, очевидец и участник обретения св. иконы, впоследствии мученически погибший в плену у интервентов⁷.

Данная икона передавалась правителями России из поколения в поколение и при основании Петром I новой столицы в Санкт-Петербурге была туда же перенесена. Сначала она хранилась в Казанской часовне, потом в церкви Рождества Богородицы и, наконец, в Казанском соборе на Невском проспекте. Сейчас она пребывает в Князь-Владимирском соборе того же города⁸.

Еще по одной версии в войска Минина и Пожарского был отправлен не список, а подлинник иконы. Он и остался в Москве.

Так или иначе, но чудеса происходили от каждой из трех икон, находившихся в Казани, Санкт-Петербурге и Москве, но это только наиболее известные образы. Помимо них существует 23 широко известных и около 50 менее известных местночтимых чудотворных Казанских икон Богородицы⁹.

Праздники Казанской иконы стали всенародно любимыми. Об этом свидетельствует ряд поговорок, среди которых: «На Казанскую один день престол справляли, на другой спохмел держали, на третий - снова здорово». Особенно отмечалась осенняя Казанская 22 октября. В это время кончались все строительные работы. Ушедшие на заработки возвращались домой с расчетом: «И рад бы хозяин попридержать батрака, да нельзя: Казанская на дворе» или «На Казанскую у хозяев и пузатая мощна хуеет, а у бедных и тощая толстеет»¹⁰.

Осенняя Казанская была и традиционным временем ярмарок. К ней же приурочивались свадьбы. Их поощряла пословица: «Кто на Казанской женится – счастлив будет, не раскается»¹¹.

Народная мудрость связывала с Казанской поворот от осени к зиме: «До Казанской не зима, с Казанской не осень». После праздника ожидали усиления морозов: «Матушка Казанская необлыжную зиму ведет, морозцам дорожку кажет!», «Бывает, что на Казанскую с утра дождь дождит, а к вечеру сугробами снег лежит», «Выезжаешь о Казанской на колесах, а полосья в телегу клади», «С Казанской у нас - тепло морозу не указ»¹².

Объявление 4 ноября (22 октября по старому стилю) государственным праздником, на наш взгляд, отражает историческую память народа. Старый праздник в качестве Дня народного единства перестает быть сугубо право-

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

славным, ведь в 1612 г. наши предки, не взирая на национальность и веру, плечом к плечу отстаивали право своего государства на самостоятельное существование. Наша страна получила праздник – символ возрождения России, единения нации в борьбе за общие цели, надежды на помощь свыше.

1. Смирнов Ю.Н. Урок гражданственности и патриотизма//Волжская коммуна. – 2005. – 3 ноября. – С. 8-9.

2. Булгаков С.В. Настольная книга для церковно-священнослужителей: сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. – М., 1993. – С. 421., «Пречистому образу Твоему поклоняемся...»: образ Богородицы в произведениях искусства из собрания Русского музея. – СПб., 1995. – С. 231-233.

3. Юдин В. Дни величальные: страницы народного христианского календаря. – Саратов, 1992. – С. 271.

4. Еремина Т.С. Предания о русских иконах. – М., 1994. – С. 110-116.

5. Тельберг Г.Г. Похищение Чудотворной // Родина. -1999. – № 4. – С. 58-62.

6. Чугреева Н.Н. Какая Казанская икона Богородицы в Ватикане? // Русский дом. – 2001.- №4. – С. 38-39.

7. Сказание о чудотворных иконах Богородицы и о Ея милостях роду человеческому. Кн. 2. С.429-432. Чудотворные иконы Богородицы. – М., 1993. – С. 110-113.

8. Орехов Д. Святые иконы России. – СПб., 1999. – С. 35.; Булгаков С.В. Указ. соч. – С. 421.

9. Сказание о чудотворных иконах. – С. 675 – 678.

10. Энциклопедия российских праздников. – СПб., 1997. – С. 378.

11. Юдин В. Указ. соч. – С. 271.

12. Коринфский А.А. Народная Русь. – Самара, 1995. – С. 346-347.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ САМАРСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ ИМ. М.ГОРЬКОГО НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

Анциборова Л.С.

Самарский государственный экономический университет

Каждый творческий коллектив обладает возможностями для роста и развития, для реализации замыслов, удовлетворения потребностей и запросов тех, для кого и ради кого существует. В театре такими возможностями в первую очередь являются актерские и режиссерские достижения, которые способны как и повысить статус коллектива, так и дискредитиро-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

вать его. Таким образом, под «творческим потенциалом» театра подразумеваются его творческие возможности.

Самара издавна была театральным городом. Сюда постоянно заглядывали профессиональные актеры, а нередко даже звезды первой величины. Известно, что в 1861 году в Самаре гастролировала знаменитая итальянская Ла Скала, показавшая «Сомнамбулу» В.Беллини и «Травиату» Дж.Верди¹.

С 1851 года в Самаре функционирует свой профессиональный театр², постепенно складывается труппа, разрабатывается репертуар³.

В годы ВОВ идет плодотворная работа Куйбышевского драмтеатра, который за это время поставил 39 спектаклей. Успешно были воплощены на сцене пьесы А. Корнейчука «Фронт», «Нашествие», Л. Леонова, «Русские люди» и «Парень из нашего города» К. Симонова, «Офицер флота» А. Крона⁴.

Академический театр драмы имени А.М. Горького Самары (Куйбышева) считался и входил в число лучших коллективов страны. Самарская сцена помнит многих величайших актеров России. На нашей сцене родился трагический талант П.А. Стрепетовой. Несколько лет в театре работал А.П. Ленский. На гастролях в Самаре бывала В.Ф.Комиссаржевская, Ф.И. Шаляпин. Многие годы украшением труппы театра были Г.А. Шебурев, З.К. Чекмасова, Н.А. Михеев, С.И. Пономарев, М.Г. Лазарев, Н.Н. Кузьмин и другие⁵. Сегодняшний зритель является свидетелем незаурядного явления в русском искусстве – творчества Веры Александровны Ершовой. Самарский драматический театр издавна славился своей труппой, богатой яркими художественными дарованиями. Здесь сформировался коллектив, который в течение десятилетий бережно хранил традиции театра реалистического, большой психологической правды, актуальной проблематики и яркой театральной формы⁶.

Театр – это многоцветная палитра артистов разной степени одаренности, разных по возрасту, по амплуа. Формирование труппы чрезвычайно сложная и задача, требующая не только тонкого психологического подхода со стороны организатора, но и хлопотного, бережного отношения. Самарский (Куйбышевский) театр, его артисты всегда пользовались уважением и любовью зрителя. Вся история театра подтверждает, что в нем горели яркие «звезды», творили неповторимые личности, выдающиеся художники.

П.Л. Монастырский – режиссер, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, РСФСР, им. А.Попова. С 1955 года – режиссер, с 1959 – главный режиссер, а с 1988-1995 – художественный руководитель Самарского театра драмы⁷. Долгое время, возглавляя театр, Петр Львович ставит более 100 спектаклей среди которых «Ричард III» и «Гамлет» В. Шекспира, «Материнское поле» Ч. Айтманова, «Золотая карета» Л. Леонова, «Ревизор» Н. Гоголя, «Чайка» А. Чехова и другие. При его ру-

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ководстве самарская драма достигла колоссальных успехов: в 1975 году за большие заслуги в развитии театрального искусства театру было присвоено звание «академический»⁸, в этот период коллектив много гастролировал. В 1983 году Куйбышевский драматический театр поставил первый спектакль на малой сцене, по произведению американского драматурга Д.Я. Кобурна «Игра в жизнь»⁹. Постановка рассчитана на двух актеров. В театре его исполняли два актерских дуэта. Вера Александровна Ершова – народная артистка СССР, лауреат Государственной премии РСФСР играла в паре с народным артистом РСФСР, лауреатом Государственной премии РСФСР Н.А. Михеевым. Надо отметить, что в малом зале складывается особенная атмосфера. Непосредственная близость зрителя и актеров создает иные условия игры.

Положение меняется на протяжении лет. Многие исследователи культурного развития Самары, люди, имеющие непосредственное отношение к театральному искусству отмечают, что сегодняшняя драма утратила качества ведущего театра города, на ее сцене мало действительно достойных режиссерских и актерских работ, отвечающих требованиям, предъявляемым к театру, который носит высокое звание «академический». Наряду с объективными причинами ведущими к деградации коллектива, среди которых отсутствие должного финансирования постановок, гастролей, развития театра, приоритет других специальностей и уменьшение популярности профессии драматического актера, непонятна политика нового руководства театра, которое по каким то внутренним причинам не стремится задействовать лучшие силы коллектива (В.А. Ершова), ослабляя тем самым репертуар театра.

Почему, долгое время авторитетный театр, признанный и отмеченный высокими наградами, считавшийся одним из лучших в России, теряет (или же уже потерял) статус «великого» и почему развитие идет по нисходящей? Может быть это закономерное явление, закономерный процесс. Современное положение театра – это результат развития общества. Меняются духовные, культурные, эстетические потребности людей. Театр переживает стадию перерождения из «традиционного» в «современный» с другими запросами и идеалами, происходит становление нового театра. Шоу приобретает большую популярность в обществе, чем подлинное театральное искусство.

1. Волжская коммуна. 1981. 29 января.
2. Мельникова Н.В. Биография зданий. Драмтеатр // Самарский краевед. Куйбышев, 1990. С. 302.
3. Храмков Л.В. Введение в Самарское краеведение. Самара, 2003. С. 247.
4. Там же.

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

5. Драматический имени Горького. Куйбышев, 1976. С. 57.
6. Финк Л. В гриме и без грима. Куйбышев, 1965.
7. Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Самара, 1995. С. 92.
8. Монастырский П.Л. Жил был театр. Самара, 1999. С. 178.
9. Когда зритель так близко // Волжская заря. 1983. 5 марта.

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Гизатулин Ш.Т.

Самарский государственный педагогический университет

Тема азартных игр, переживаний игрока, изменчивости фортуны очень часто становились предметом пристального внимания многих писателей. В памяти сразу всплывают «Пиковая дама» Пушкина, «Игрок» Достоевского и другие. Для игры не существует преград. У людей находящихся в неволе сложились своеобразные представления об азартных играх. Что бы ясно представить, что значила игра для арестантов, обратимся к книге Свирского. «Играми же, в тесном смысле слова, считаются у арестантов те их выдумки, которые, так или иначе, приносят материальную пользу или вред. Поэтому в тюрьме не говорят играть на деньги, а играть на интерес, так как подстилка, хлеб и кусочек мяса являются в тюремной жизни интересом немаловажным»¹.

Данная проблема нечасто являлась предметом глубокого исследования специалистов. Отдельные аспекты затрагивались в работах, касающихся преступности и тюремоведения. В своей работе, опираясь на доступные для исследователя произведения, мы постарались рассмотреть эту проблему более подробно.

Все азартные игры в местах заключения шли в части барака, камеры, которая называется майдан. «Это, в тесном смысле, подостланная на нарах тряпка, полушубок или просто очищенное от этой ветоши место на нарах, на котором производится игра в карты, кости, в юлку и около которой группируются все игроки из арестантов. По тюремной примете-пословице: на всякого майданщика по семи олухов»². На мой взгляд, точное и яркое определение для сущности майдана нашел Чехов. «Майдан – это игорный дом, маленькое Монте-Карло, развивающее в арестанте заразительную страсть к штосу и другим азартным играм»³.

Право на содержание майдана покупалось с торгов, организуемых заключенными в начале каждого месяца. Стоимость откупов могла достигать до несколько десятков рублей.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Содержатель майдана получал немалые выгоды, но главную прибыль приносили карты. Так, например, Достоевский в «Записках из Мертвого Дома» приводит расценки майдана: «Содержатель получал плату с играющих, копеек пятнадцать за ночь; тем и промышлял»⁴. Дорошевич упоминает о получении майданщиком 15% со ставок на игру (10% с банкмета и 5% с понтера). При майдане существовали прислужники, следящие за безопасностью игроков, потому что все азартные игры, в особенности карты, были строго запрещены. «Майданщик же должен держать стремщика, который за 15 копеек в день стоит у дверей и должен предупреждать: «Дух! – если идет надзиратель. Шесть! – если идет начальство. Вода! – если грозит вообще какая-нибудь опасность»⁵.

Достоевский, описывает процесс игры следующим образом. «Каждый играющий высыпал перед собою кучу медных денег – все, что у него было в кармане, и вставал с корточек, только проигравшись в пух или обыграв товарищей. Игра кончалась поздно ночью, а иногда длилась до рассвета, до самой той минуты, как отворялась казарма»⁶.

Карточная игра – основа азартных игр в тюрьме, но, зная ее пагубность для арестантов, администрация предпринимала всевозможные меры для предотвращения игры между арестантами: карты отбирались, игроки наказывались и т.д. Но все меры были напрасными, потому что изобретательность осужденных не знала границ: отнимут карты – карты купят через охрану, а если нет, то сделают сами. Очень часто при изготовлении самодельных карт для обозначения мастей за неимением красок арестанты использовали кровь.

На все случаи жизни у лиц, находящихся в местах лишения свободы существовали жаргонные выражения. В силу запрета на игры в тюрьмах арестанты обозначали все, что связано с игрой множеством понятных только им слов. Приведем наиболее распространенные. «Карты известны в тюремном мире под двумя названиями: на севере России называют их «святцами», на юге – «стерками»»⁷. Название той или иной карты звучало следующим образом: «Бардадым (король)! Шеперка (шестерка)! Солдат (валет)! Старик Блинов (туз)! Заморская фигура (двойка)! Братское окошко (четверка)! Мамка! Барыня! Шелихвостка (дама)!»⁸.

Карточных игр существует великое множество, но среди арестантов играли не во все. «Из игр карточных самая употребительная в России подкаретная или в три листика с фальками и бардадымами, но самая любимая – едно... Существует еще игра юрдовка, иначе зернь, основанная на игре в оставшиеся от выброски карты: тройки, четверки и пятерки»⁹. Чехов и Дорошевич, описывающие сахалинскую каторгу, самой популярной игрой называют штос.

«Тюремная игра непременно и обязательно шулерническая. «Игрок» и «шулер» – понятия равнозначные. Тюрьма и не понимает игры иначе как

ХІ ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«с авантажем». Игра – это состязание двух шулеров: банкомет старается передернуть, понтер – смошенничать и подменить карту. Оба друг за другом в оба»¹⁰.

Фантазия арестантов для разнообразия своего досуга не знала пределов. Кроме карт заключенными придумывалось огромное количество разнообразных игр. «Самые распространенные игры ... изобретенные арестантами, это игра в «тараканы», в «свет и тьму», в «нитку» и в «кирпичинку»»¹¹.

«...в особенности подручна игра в так называемые бегунцы – игра известная во всей России. Бегунцы роятся в волосах, выпускаются на стекло, смазанное салом, в круг или на бумагу с двумя концентрическими кругами. Разом всех бегунцов выпускают в меньший круг. Чья осилит круг прежде другой, тот и выигрывает. Побежденную казнят тут же на месте преступления, победительницу сажают опять в старое убежище, в перышко. Две переползут в одно время – кон или ставка пополам. Игроки нарочно составляют такие зверинцы, тщательно сберегают и держат при себе всегда на голове. Также всегда наготове и во всякое время к услугам простейший способ игры в петлю: заложивший банк берет в руки веревку или нитку и делает из них несколько петель. Желая сорвать ставку стараются попасть в петли пальцем так, чтобы одна из них защемила палец (или палочку) и сделался узел. Но и здесь бывает подтасовка: в ловких руках фокусника все петли срываются и никогда узла не схлестывают»¹².

Подводя небольшой итог развития азартных игр в местах лишения свободы во второй половине XIX начале XX века, следует сказать, что за эти годы мало изменились правила игр, сущность майдана. Зато незначительные изменения, произошедшие в этой сфере, носили негативный характер: роль майданщиков на внутреннюю жизнь арестантов значительно повысилась, все чаще хозяевами майдана становились рецидивисты, которые устанавливали свои порядки и правила жизни. Таким образом, тюрьмы стали настоящими университетами преступности. Невнимание властей к жизни арестантов привело страну к безудержному росту преступлений, а это впоследствии дестабилизировало внутреннюю ситуацию.

1. Свирский А.И. Казенный дом. – М.: Изд-во ЭКСМО – Пресс, 2002. С. 114.

2. Максимов С.В. Каторга империи. - М.: Изд-во ЭКСМО – Пресс, 2002. С. 110.

3. Чехов А.П. Остров Сахалин. – М.: Изд-во Кукушка, 2004. С. 100.

4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15-ти томах. М.: Наука, 1988. Т.3. С. 257.

5. Дорошевич В. Каторга. В 3-х. т. М.: Захаров, 2001. Т.2. С. 58.

6. Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 257.

XI ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

7. Свирский А.И. Указ. соч. С. 122.
8. Дорошевич В. Указ. соч. Т.2. С. 98.
9. Максимов С.В. Указ. соч. С. 117.
10. Дорошевич В. Указ. соч. Т.3. С. 192.
11. Свирский А.И. Указ. соч. С.115.
12. Максимов С.В. Указ. соч. С. 116-117.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕЗИСОВ

Текст тезисов печатается на стандартной бумаге формата А 4, размером 210×297 мм, шрифт 14, размер абзацного отступа 5 знаков интервал одинарный. Страницы должны иметь поля: левое – 25 мм, правое – 25 мм, верхнее – 25 мм, нижнее – 25 мм. Сноски печатаются в конце документа. Объем тезисов не более 2-3 страниц (4000 знаков).

**ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОГО
ДВОРЯНСТВА С КОНЦА XVIII ВЕКА ДО ЭПОХИ
ВЕЛИКИХ РЕФОРМ**

Клашкин В.А.

Самарский государственный университет

Период конца XVII – середины XIX века – базовый в истории русского дворянства и двора. Дворовые люди – крепостные крестьяне, живущие в доме хозяина, обслуживающие все его бытовые потребности и надобности, уже не имели отношения к крестьянским полевым работам. Они практически постоянно были рядом со своим господином, зачастую с самого его рождения.

По христианским обычаям того, что все люди братья, господ и слуг сближала обрядовость православного года и религиозная символика. Особое положение в обосновании этого тезиса отводилось иконам, их понимания и восприятия дворянами этих святынь, которое во многом было сходно с крестьянским. Они были неотъемлемым атрибутом внутренних покоев хозяев¹. «Иконы в помещичьих усадебных домах были настолько привычны, что отсутствие их принималось как отступление от нормы»². Уходя из родительского дома в семью мужа, как и обычная крестьянка, русская дворянка брала с собой семейные святыни, которые олицетворяли собой и традиции и духовное родство первенствующего сословия со своим народом.

1. Музей-заповедник «Тарханы». Саратов, 1990. С. 35; Пузин Н.П. Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Тула, 1998. С.69; Толстая С.А. Архив музея-усадьбы «Ясная Поляна». Оп. 1918 г., л. 9, зап. 8. / Цит. по Пузин Н.П. Дом-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. С. 69.

2. Столярова Е.Н. Киоты в дворянском и крестьянском интерьерах первой половины XIX века // Тарханский вестник. № 13. Пенза, 2001. С. 89.